

II

Второй сборник,
подготовленный
Военно-патриотическим
литературным объединением
«ОТЕЧЕСТВО»

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

ББК 84Р7

В63

В63 **Военные приключения: Второй сборник, подготов-**
ленный Военно-патриотическим литературным объеди-
нением «Отечество». М.: Воениздат, 1990 г. — 384 стр.

ISBN 5—203—01026—9

Второй сборник остросюжетных, приключенческих произ-
ведений, принадлежащих перу молодых писателей — членов
Военно-патриотического литературного объединения «Отече-
ство».

Книга для занимательного и увлекательного чтения, рас-
считанная на широкую аудиторию любого возраста.

В **4702010201—061** без объявл.
068(02)—90

ББК 84Р7

ISBN 5—203—01026—9

© Коллектив авторов

27 лет следственной работы в системе МВД СССР дали Григорию Кошечкину обильный материал для литературного труда. Главным его делом было расследование дорожно-транспортных происшествий. Одно из них легло в основу повести «Ночное происшествие». Г. Кошечкин — автор повестей «Бриллиант раджи», «Медали на муаровых лентах», многих рассказов.

Григорий КОШЕЧКИН

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Повесть

Занимался рассвет. Сквозь листву деревьев, окружавших здание управления внутренних дел, кое-где начинали проглядывать пятна сереющего неба. Неожиданно на подоконнике за шторой включился динамик:

— Следователь Максимов, инспектор уголовного розыска Сошников, эксперт-криминалист Платов, проводник служебной собаки Губин, срочно на выезд.

Следователь резко поднялся, глянул на часы — четыре сорок шесть, подхватил следственный портфель и, надев фуражку, заспешил в зал ответственного дежурного. В коридоре его догнал Володя Сошников. Дальше они вместе почти бежали. Вслед за ними в оперативном зале появился с увесистым служебным чемоданом Платов. Майор Воронов на секунду оторвался от микрофона селектора, жестом показал в сторону стульев и опять продолжал передачу.

«...Сегодня, двадцать четвертого августа тысяча девятьсот восемьдесят второго года, в четыре часа сорок минут трое неизвестных преступников совершили разбойное нападение на кассу монтажного управления № 6 треста Облстроймеханизация, расположенную в доме шестьдесят семь по улице Заозерной, территория второго отделения милиции. Сторож ранен.

Один из нападавших: мужчина среднего роста, плотного телосложения, одет в кожаную куртку.

Прошу принять меры к розыску и задержанию преступников. При задержании соблюдать осторожность, нападавшие имеют огнестрельное оружие».

Закончив передачу, ответственный дежурный поставил микрофон на пульт. Его рука быстро забежала по блокноту.

— Владимир Сергеевич, от кого поступило первое сообщение? — поинтересовался Максимов.

— От сторожа с соседнего склада. Он, видимо, единственный свидетель. Там зона отдыха и в лесу остатки деревни, домов шесть. Ждут сноса...

— М-мда, не густо, — отозвался Сошников.

Воронов не оставил его реплику без внимания. Вырвав листок из блокнота, он протянул его оперативнику.

— Держи, тезка, адрес этой конторы. Хотя разбейся, а дай что-нибудь погуще. Начальник уголовного розыска района уже на месте. Ждет вас... Михаил Иванович, — Воронов взялся за радиотрубку заверещающей «пальмы», — прошу быть на связи. Мой позывной «Сосна».

Дробно громыкнули дверцы. Неуклюжий «уазик» выехал со двора управления и, набирая скорость, помчался по улицам замершего в предрассветной дымке города. Началась городская окраина. Автомобиль выехал к дамбе. Хорошая дорога сменилась разбитым асфальтом. Вскоре в серой пелене возникли деревянные покосившиеся домишки. Поворачивая прожектор-искатель, Сошников осветил табличку на углу ближайшего дома. «Ул. Заозерная». Где-то здесь. Внезапно впереди показались люди. Они размахивали руками, показывая в сторону трехэтажного корпуса. Дом 67. Водитель затормозил возле подъезда. Среди встречавших Максимов узнал капитана Сазонова, начальника отдела районного уголовного розыска.

— Здравствуйте, Михаил Иванович, — капитан невесело улыбнулся, — давненько такого не было. — Следя хмурым взглядом за выпрыгивающими из машины Сошниковым и Платовым, он продолжил: — Вкратце что произошло... Зарплату всегда привозили в трест. А тут из-за ремонта решили выдать на местах. Деньги получили все рабочие, кроме одной механизированной колонны, оставшейся для выполнения срочных работ на комбинате. Это человек около двухсот. Завтра у них, вернее уже сегодня, пуск первой очереди. Видят, рабочих нет — решили выдать утром после ночной смены. Я вызвал кассиршу, спросил, почему остатки денег не отвезли в центральную кассу? Ведь у нее помещение да-

же не оборудовано охранной сигнализацией. Думала, говорит, один раз не страшно. Понадеялась на Тихова, сторожа. А старик, видно, сидел-сидел да и пошел к соседу, караулит тарный склад за забором...

— Когда они заметили преступников? — перебил Сазонова Сошников.

Капитан насутился.

— Пойдем у него спросим.

В дежурке, кроме кассирши, находился высокий старик в новой телогрейке и яловых сапогах.

— Платон Фомич, расскажи, — у Сазонова аж глаза сузились от подступившей злости, — ...как с Тиховым проворонили...

— Дмитрий Сергеевич, кабы все знато, а то ведь...

— «Знато, знато»! — сорвался Сазонов. — Вы для того и поставлены... добро охранять, а его нелегкая к тебе пошла.

— Да мы всего минут пять поговорили да в обрат к нему подались... Еще к дежурке не подошли, вдруг будто звякнуло. Ионыч прислушался, а потом подхватился и к тракторам. Вижу, от дома тень мелькнула к дыре в заборе, а за ней парень бежит с чемоданом, в кожаной куртке, здоровый... с них ростом. — Фомич ткнул пальцем в сторону Сошникова. — Ионыч кричать, а из-за угла как жажнут, он и ковырнулся. Я тоже упал. Лежу рядом, кличу его. Слышу, хрипит он. Ну, думаю, дело неладно. Вскочил и к себе побег, скорей звонить, к телефону.

— Платон Фомич правильно говорит, — сумрачно подержал Сазонов старика. — В траве гильза лежит, судя по размеру, от пистолета Макарова.

— Какая сумма находилась в кассе? — поинтересовался Максимов у кассирши.

Женщина вздрогнула.

— Подумать страшно, — всхлинула она, — сорок восемь тысяч триста рублей. Ой! Что же теперь будет? — Из ее груди вырвался жалобный стон. — А может, они не взяли денег? — умоляюще обратилась она к Максиму, угадав в нем старшего среди других сотрудников.

— Ведь два года назад забрался один... тоже за деньгами, да только дверь у сейфа ободрал.

Сазонов поморщился.

— Деньги следовало сдать в трест, тогда бы и гадать не пришлось, ковырнули сейф или нет.

— Товарищ капитан, — обратился к Сазонову Сошников, — в комнате кассира вы были?

— Нет. Дошел до дверей, вижу, сейф взломан. Решил вас ждать.

В разговор вмешался Тарас Макарович Платов:

— Место проникновения преступников в здание установлено?

— Да. Влезли через окно раздевалки на первом этаже.

— Ну что ж, начнем осмотр? — Максимов приготовил планшет. — Ты, Володя, постарайся найти свидетелей да попробуй установить номера похищенных денежных купюр.

Сазонов оказался прав. С торца здания, обращенного к лесу, чернело пустотой выбитое окно. Зажав в кулаке собранный кольцами поводок, Федя подвел Расулу к разбитому окну.

— След, след! — тихо произнес он.

Овчарка стала обнюхивать лежавшие на земле осколки. Внезапно собака оцетижилась и рванулась вдоль стены. Натянувшийся повод увлек Губина за собой. Следом бросились еще двое сотрудников. Расула плавными прыжками пересекла двор и выскочила в дыру в заборе. Осмотр начали от окна в раздевалке. Платов дотошно, с лупой в руках, обследовал каждый осколок. Наконец эксперт поднялся с корточек.

— На осколках ни одного папиллярного узора.

На втором этаже сразу бросилась в глаза приоткрытая дверь кассы. Из расщепленной дверной обвязки торчали два врезных замка с покоруженными массивными ригелями. Максимов осторожно мыском ботинка толкнул дверь.

Повсюду валялись обгоревшие кассовые книги, бланки и ордера строгой отчетности, а двойная дверь сейфа зияла отверстием.

Максимов узнал стальной уникам. Давно ему не приходилось встречаться с подобными шедеврами. Перед ним был сейф, изготовленный еще в конце прошлого века, со сложным скрытым замком с секретом. Таких сейфов сейчас остались единицы. Литой ажурный рисунок стальной двери содержал сотни переплетающихся элементов в виде замысловатых цветков, один из которых служил кнопкой контрольного замка. Не нажав ее, невозможно узнать, где находится замочная скважина. Не утруждая себя поисками, преступники прожгли переднюю стенку двери, а внутреннюю стенку вырезали автогеном, а частью высверлили, припорошив все вокруг глинистым заполнителем полых назух.

Обследовав стенки сейфа, Тарас Макарович обратился к кассирше:

— Будьте добры, покажите ваши ладошки.

Взяв сначала одну руку, потом другую, эксперт, как хи-романт, внимательно разглядывал ладони, тер подушечки пальцев.

— Михаил Иванович, пальцевых следов посторонних я не нашел, — произнес Тарас Макарович, отпуская руки кас-сирши.

Натренированным взглядом Максимов изучал разрез на двери сейфа и вскоре обнаружил торчавший из металла предмет. Орудия пассатижами, Платов извлек из отверстия маленький обломок сверла.

Сотрудники вышли во двор.

— Товарищ майор! — услышал следователь. К нему подбежал Губин. — Расула проработала след до кустов у дороги и дальше не повела.

— Ты не обратил внимания на кусты?

— Довольно густые, и в них неширокий проход. Помя-ты здорово.

— Надо взглянуть, проводи нас.

Разойдясь по сторонам от тропы, все пошли, обшаривая жухлую траву. Паренек, понятой, заметив что-то, наклони-лся и протянул следователю маленький бумажный комок. Это оказался смятый листок перекидного календаря за 26 декабря 1982 года, перепачканный в солидоле.

— Похоже, в нем были завернуты сверла, — произнес эксперт, разглядывая масляные пометки с налипшими серы-ми частичками металлической пыли.

Место, куда привела Расула, использовалось для стоян-ки автомобиля. На земле слабо просматривалась колея, а около нее, на березовом пне, красноватая притертость. Судя по всему, шофер в темноте наскочил на незамеченный пек-нек.

Через полчаса появился Володя Сошников.

— В доме шестьдесят три познакомился с Сальковым. В четвертом часу, проходя мимо ворот, он видел типа в бе-лой водолазке и серой кепке и попросил у него прикурить. Тот протянул сигарету, и Сальков заметил на тыльной сто-роне ладони наколку — эдакая бабочка, а между большим и указательным пальцами имя «Таня» или «Саня». Парень все время стрелял глазами во двор, где ремонтировали буль-дозер... Потолковал с рабочими. Некоторые видели, но за своего не признали.

— Автомобили возле управления не появлялись?

— Сальков на машины внимания не обратил, а вот Кондратов, слесарь из мастерской, сам меня разыскал, бо-

жится, что в шестнадцать часов за воротами стоял четверста двенадцатый «Москвич» синего цвета.

— Кто на нем приезжал?

— Не узнал. Про «Москвича» вообще один Кондратов говорит.

— Ну что ж, — Максимов нахмурился, — будем искать «Москвич», а заодно и автомобиль красного цвета.

Володя протянул следователю записку с фамилиями и адресами свидетелей.

— Вы двигайте. Я еще побуду, надо кое с кем поговорить. — Максимов поднял трубку рации. Следственно-оперативная группа еще не вернулась с выезда, а в отделениях милиции уже приняли информацию «Сосны».

«Телетайпограмма № 31/5

В дополнение к нашему НР-31/4 от 24 августа 1982 года сообщая. Преступники, совершившие разбойное нападение на кассу монтажного управления, могут иметь автомобиль «Москвич-412» синего цвета либо легковой автомобиль неустановленной марки красного цвета с горизонтальным повреждением окраски на боковой части кузова. В совершении нападения подозревается мужчина 25—30 лет, рост 180 сантиметров, одет в белую водолазку и серую кепку.

Особые приметы: имеет татуировки — между большим и указательным пальцами слово «Таня» или «Саня», на тыльной стороне ладони «бабочка». Примите к розыску и задержанию преступников».

Сошников направился в кабинет к управляющему. Тот сидел за столом, нервно крутя в руках карандаш. Инспектор уголовного розыска представился.

— Колокольцев Игорь Петрович, — ответил управляющий и предложил сесть.

Говорили около двух часов. В конце беседы Сошников спросил:

— Кто, по вашему мнению, мог совершить нападение на кассу? Кого вы подозреваете?

— Никого. Большинство — это рабочие, которых я знаю не один год. Есть же и такие, как говорится, у нас без году неделя. Их я знаю недостаточно. Но предположить, что кто-то из них так дерзко украл деньги? — Колокольцев покачал головой. — Не допускаю и мысли, не имею права. Кстати, мне сказали, что в управлении болтался какой-то чужак, мой секретарь его видела.

Колокольцев нажал кнопку. В кабинет вошла женщина с лицом, усыпанным веснушками.

— Екатерина Матвеевна, товарищ интересуется тем знакомцем.

— Игорь Петрович, — торопливо выпалила секретарь, — я, как узнала о краже, сразу вспомнила: видела одну темную личность!.. В четвертом часу, деньги еще не выдавали. Иду за водой, цветы полить. Смотрю, у кассы стоит мужчина и озирается. Думаю: «Не к нам ли субподрядчик какой?» Вижу, заметил меня и отвернулся. «Вы по какому поводу?» — спрашиваю. Отвечает: «К вам с Южного Урала в командировку приехал». — «Заходите ко мне», — приглашаю его. Иду обратно, а его уж и след простыл. Я к окну, глядь, а он на улице возле ворот топчется...

— Вы не вспомните, во что командированный был одет? — заинтересовался Сошников у Екатерины Матвеевны.

— В коричневом костюме и голубой рубашке с ришелье. В руках портфель. На вид ему лет сорок пять.

Так в поле зрения милиции попал еще один подозреваемый.

На следующие сутки в три часа дня пошла ориентировка, в которой сообщались номера некоторых купюр, похищенных при разбойном нападении. Управление уголовного розыска требовало установить контроль за поступлением денег от населения во все торговые точки обслуживаемых территорий и проведения инструктажа кассиров и других лиц, занимающихся приемом и инкассацией денежных сумм.

Сразу по возвращении Платов унес вещественные доказательства к себе в экспертно-криминалистический отдел, а Максимов поднялся в дежурную часть управления к Воронову. Увидев следователя, Владимир Сергеевич поспешно воскликнул:

— Михаил Иванович, тебе пакет из больницы! Хирург пулю прислал. Сторож помещен в реанимацию.

Воронов протянул запечатанный конверт Максиму.

— И еще... — Ответственный дежурный приблизился к пульту, порывлся в ворохе документов и выдернул длинный лист. — Есть подозрение в использовании преступниками машины, угнанной от завода стеклопакетов... Вот она, — нашел он нужную строку. — «Жигули-2101», красного цвета, номер 68—69 РУЭ.

Платов снял очки, помассировал переносицу и, опять поместив их на прежнее место, загадочно посмотрел на следователя.

— Ты знаешь, что обнаружено в масляных пятнах на календарном листке?

— И не догадываюсь, — оторвался от бумаг Максимов.
— Микрочастицы карбида вольфрама не совсем обычной марки: ТЗС. Незаменимая вещь в литейном производстве.

— Гм, преступники имеют отношение к металлургам?

— Не исключаю. У пекарей карбида вольфрама нет.

— А красная притертость на пне?

— Химики исследования уже заканчивают. — Тарас Макарович похлопал следователя по плечу, — тебе все немедленно подавай.

— Что в этом особенного? — полушуткой ответил Максимов. — Чем быстрее, тем лучше. Что древние римляне рекли по этому поводу? Дающий быстро — дает вдвое. Кстати, Сазонов сейф привез?

— Приволок. Ну и машина, я тебе скажу! — Эксперт восторженно зацокал языком. — Мы еще не нашли кнопку секретного замка.

Платов вышел из кабинета. Михаил Иванович задумчиво отложил авторучку в сторону. «Где преступники могли подцепить карбид вольфрама? В первую очередь это, конечно, металлургический завод, затем комбинат по изготовлению металлокерамики. На каждом из них многотысячные коллективы. И где-то, в одном из сотен кабинетов, лежал на столе календарь без листка за 26 декабря».

На следующий день, придя в управление, Михаил Иванович встретился с Сошниковым.

— Что показывают свидетели с Заозерной? — спросил следователь оперативника.

— К сожалению, ни Колокольников, ни его секретарь, да и остальные толком ничего не знают. Но я попробовал полученные от них обрывки информации домыслить, соединить фрагменты, кажущиеся случайными, воедино...

— И что получил?

— Вполне осязаемую картину причастности к преступлению кого-то из своих, монтажников.

— Но это всего лишь твое предположение...

— Оно достаточно веское. Посуди сам, — Сошников пытливо взглянул в лицо следователю. — Распоряжение о выдаче зарплаты по организациям поступило из треста неожиданно для всех в четырнадцать тридцать, через полчаса объявили об этом рабочим. А спустя сорок минут возле монтажного управления и около кассы заметили неизвестных...

— Маленький интервал во времени между принятием решения об изменении места выдачи денег и появлением посторонних, по-твоему, и является признаком причастности кого-то из своих?

— Верно. — Сошников согласно тряхнул чубом и тут же спросил: — Что дала поездка на металлургический завод?

— Главный инженер сообщил, что найденный нами карбид вольфрама есть только на заводе и применяется при отливке заготовок для буров нефтяников.

Сошников поинтересовался:

— Кто к нему имеет доступ?

— Вся литейка, но вход туда по пропускам.

— Сколько работающих в цехе?

— Около восьмисот.

Инспектор от удивления присвистнул.

— Найти одного-двух из такого количества?

— Сложно, но другого выхода нет.

Не теряя времени, майор выехал к монтажникам, где Сазонов разыскивал электродрель и обломок сверла, Владимир же направился на металлургический завод.

Начальник цеха его ждал.

— Чем могу служить? — спросил он.

— Видите ли, мы изъяли вольфрам марки ТЗС.

— Неужели украли? Вот не думал! — изумился он.

— Вы можете проследить цепочку движения вольфрама к печам?

— Конечно, от самого склада.

— Кроме того, я хотел бы осмотреть все настольные календари.

Брови начальника цеха удивленно полезли вверх.

— Если нужно, начните с моего.

Календарь оказался гознаковский, с розовой сеткой. Инспектора такие не интересовали. Сошников опустил его на стол.

Начальник цеха снял с вешалки халат.

— Давайте сначала заглянем в отделы, а затем в конторки мастеров.

Они обходили помещения одно за другим: планово-диспетчерское и технологическое бюро, кабинеты механика и энергетика цеха, бюро подготовки, зашли в отдел кадров и в бухгалтерию. Вот и в цехе осмотрены почти все календари у мастеров смен. И чем меньше оставалось календарей, тем тщательнее офицер милиции перелистывал каждый новый. Наконец последний в литейном отделении. Не показывая своего разочарования, Сошников вернул его владельцу. Все семьдесят восемь календарей имели листок за 26 декабря.

— Много ли еще календарей на заводе?

Начальник цеха воззрился на Сошникова, посчитав его за шутника.

— Не меньше четырех тысяч наверняка. В одном заводууправлении сотни, не считая десятков цехов.

Перспектива проверки этой бумажной махины обескураживала. Успокаивая себя, инспектор решил руководствоваться простейшей логической конструкцией: «Раз имеется листок за 26 декабря 1982 года, значит, должен быть и календарь, в котором он отсутствует». Расставшись с начальником цеха, спешившим на совещание, Сошников в сопровождении мастера литейного отделения побывал у индукционных печей. Затем тот показал шихтовое отделение и в углу шесть металлических бочек с карбидом вольфрама.

— Как они сюда доставляются?

— Железнодорожными платформами со склада.

И Сошников вместе с мастером пошел на склад. В нем оказалось несколько штабелей бочек с уже знакомой маркировкой.

«А не мог ли преступник, имея доступ в шихтовое отделение, воспользоваться складским календарем?» — подумал инспектор и, не откладывая, проверил догадку. Но и здесь его ждала неудача.

На обратном пути в цех Сошников заметил в стороне кирпичный домик.

— Что в нем? — спросил он у мастера.

— Бригада стропальщиков, обслуживают литейку.

Пропустив тепловоз, они направились к ним. Бригадир сидел за столом, разложив перед собой простыни нарядов.

— Здравствуй, Микалута, принимай гостей, — произнес литейщик.

— Сидайте, — бригадир не торопясь начал сворачивать разложенные пустографки. Под ними Сошников увидел еще один календарь.

— Разрешите? — попросил он Микалуту.

— Пожалуйста, — непонимающе ответил бригадир.

Перелистав его, Владимир быстро отыскал листок за 25 декабря. За ним следовало двадцать седьмое число. Листа за 26 декабря не было. Куда исчез недостающий листок, бригадир не знал.

В отделе кадров транспортного цеха инспектор ознакомился с трудовыми книжками и личными карточками с фотографиями грузчиков бригады Микалуты.

В комнате, предоставленной администрацией Максимову, появился капитан Сазонов.

— Пока ничего хорошего, — произнес он, подсаживаясь напротив. — Электродрели в комплекте, а сверл — море.

— Считаешь поиски пустой затеей?

Сазонов помолчал, полез в карман за сигаретами. И решил:

— Поишим еще. Может, найдем.

Максимов дождался, когда Екатерина Матвеевна принесет штатное расписание, и приступил к допросам. Свидетели, сменяя друг друга, чередой проходили перед Михаилом Ивановичем, как могли старались помочь следователю, высказывали догадки. Под вечер к Максиму опять зашел Сазонов.

— Не обнаружили, — хмуро выдавил начальник уголовного розыска.

Внезапно дверь с грохотом распахнулась, в комнату ворвался запыхавшийся сержант, шофер дежурной части УВД.

— Товарищ майор, я за вами! — закричал он возбужденно. — В продовольственном магазине у автовокзала задержали парня, сбывавшего краденые деньги. Опергруппа на месте.

Сердце Максимова радостно екнуло, он торопливо сложил в портфель документы. Неужели взяли? Не верилось, что преступник, на розыск которого затрачено столько сил, попался так обыденно и просто. Не стовариваясь, они с Сазоновым выбежали из кабинета и, прыгая через ступени, ринулись вниз к автомобилю.

Нужный сотрудникам магазин обращал на себя внимание неоновою рекламой, неумоимо бежавшей в вечерней вышине вдоль всего карниза дома. Винный отдел уже закрыли, и Максимов через стекла витрин разглядел несколько человек в милицейской форме и среди них эксперта Платова и незнакомого младшего лейтенанта. Женщина в белом халате открыла дверь.

— Где задержанный? — отрывисто бросил следователь младшему лейтенанту.

— Участковый инспектор Холмов, — офицер приложил руку к козырьку. — Осечка вышла. Сбежал.

— От вас? — Неожиданность ответа бросила Максимова в жар.

— Нет, — огорченно сказал младший лейтенант. — У нас бы не вывернулся. Я подлетел с нарядом через три минуты после звонка, а его и след простыл. Звoryкина! — крикнул он невзрачной полной женщине, стоявшей у кассы. Расскажите, как все случилось.

Кассирша приблизилась к следователю. Дрожащими ру-

ками она теребила марлю, то и дело прикладывая ее к глазам. Женщина все еще не могла прийти в себя от первого потрясения.

— Успокойтесь, ничего страшного не произошло.

— Да, не произошло... У меня до сих пор поджилки трясутся.

— Когда появился этот человек?

— Перед закрытием. Один протягивает деньги, слышу: «Пять бутылочек «Экстры». Пробила чеки, и словно кто подтолкнул меня. Вспомнила про записку с номерами. Наш участковый еще перед открытием магазина принес и говорит: «Елизавета Ивановна, эти деньги жулик сбывает. Заметишь — дай знать». Смотрю, а номер пятерки у меня в списке. Я и обомлела. В себя-то пришла, вижу, парень уходит. По чекам узнала, у него их целая лента... Кабину захлопнула, бегу к заведующей. Она на меня машет, отстань. Деньги в мешок складывает, к инкассации готовится. Я ей кричу: «Вор объявился!»

— Не так ты сказала, — перебила ее заведующая. — Прибежала как сумасшедшая и орешь: «Звони в милицию, я бандита поймала, водку покупает на краденые деньги». И бежать обратно. Я, товарищ следователь, звоню в наше отделение, приезжайте... поймали. А она, оказывается, только еще собирается его ловить...

— Вот, вот, правильно, — согласно закивала Елизавета Ивановна. — Бегу обратно, а он уж в вещмешок бутылки прячет. «Эх, — думаю, — была не была!» Подбежала сзади и в последнюю бутылку вцепилась из всех сил. Наступаю на него: «Отдай сдачу!» А сама от страха трясусь. Он бутылку вырвать старается и со зверскими глазами шипит: «Сдачу тебе?» И лезет в карман. Я глаза закрыла — будь что будет. Чувствую, двинул меня. Лечу вместе с бутылкой, хрясть ее об стену. Только брызги полетели...

В разговор вступила молоденькая продавщица:

— Я все видела. Никто тебя, Елизавета Ивановна, не толкал. Парень отпустил бутылку, ты и полетела об стенку, я думала, ты ее прошибешь. А он рюкзак схватил — и в дверь. Мы выбежали, а его нет. Правда ведь? — Она закрыла головой, ища поддержки у подруг.

— Вспомните, как он выглядел, — попросил Максимов Зворыкину.

— Я его нахальные глаза вовек не забуду. Сразу видно, бандюга. А тоже мне, одет прилично, и не подумаешь, в кожаной куртке.

Сазонов с Максимовым переглянулись. Опять кожаная куртка. Преступник никуда не уехал, бродит по городу.

— На осколках бутылки я обнаружил три следа пальцев, — Платов поднял вверх и показал Михаилу Ивановичу на просвет два осколка. — Следы оставлены не Звoryкиной.

— Деньги у вас? — Максимов повернулся к примолкшей было кассирше.

Елизавета Ивановна заспешила в свою кабину и выдвинула ящик кассового аппарата. Вооружившись пинцетом, Платов осторожно извлек из ячейки шесть пятерок и разложил на листе оберточной бумаги, взятой с прилавка. Внимательные глаза эксперта на четырех из них отметили необычное потемнение, пятая с угла чуть заметно обгорела. Номер ее значился в списке разыскиваемых денег.

На следующее утро Михаил Иванович снова приехал в монтажное управление. В вестибюле висел некролог с крупной фотографией улыбающегося старика. Тихов умер. С тягостным чувством за эту нелепую смерть Максимов поднялся на этаж в отведенный кабинет.

В дверь робко постучали, и в кабинет вошел здоровенный парень. Следователь узнал слесаря мастерской Кондратова.

— Я не все вам сказал вчера, — вдруг выпалил он с порога.

— Хотите дополнить? — Максимов кивнул на стул.

— Догадку имею, товарищ следователь. А там уж сами смотрите. Окажется виноватый — так ему и надо. — Кондратов сел и перешел на шепот: — Хочу поделиться насчет Якова Захарова, есть у нас такой любитель выпить. В день получки, двадцать третьего, Яшка долго торчал у конторы, все бульдозер ремонтировал. Мы по заявкам работаем. Техника отказала — вечером черкни в журнал у диспетчера — утром тебе чин чинарем в лучшем виде исправят. А он прибегает после обеда часа в два или три без заявки — пускач барахлит. Я не посчитался, конечно, заменил ему. Смотрю, принял работу и ходит покуривает, не торопится. Слышу, начальник колонны на него орет, когда, мол, прохлаждаться кончишь? Бульдозер нужен, на объекте люди стоят!

— Не понимаю, Кондратов, какое отношение имеет ремонт бульдозера Захарова к нападению на кассу?

— Самое прямое. Я недосказал. К вечеру сидим на лавочке, курим. Вижу, к нему мужик подходит, но не дошел, а так с бочка на него посмотрел и перемигнулся. Яшка головой повертел и глазами показывает в сторону входа. Тот

■ ответ кивнул и напрямиком в контору на второй этаж, где касса.

— Как выглядел мужчина? Узнаете при встрече?

Кондратов горестно вздохнул.

— Не разглядел. Помню, что при портфеле.

— Захаров когда ушел с работы?

Слесарь задумался.

— Поздно. Солнце садилось, а он все возле бульдозера крутился. Тогда мне и невдомек. На следующий день, уже после кражи, Яшка от работы опять отлынил и по двору шастал. Все спрашивал: нашла милиция или нет?

— Не припомните, во что одевается Захаров?

— Что у него, ханыги, может быть. Один костюм серый затрепанный. Ну, правда, не так давно куртку кожаную купил.

— Шарф зеленый у него есть?

— Не знаю. Он вроде бы их презирает. А вот рубашка зеленая имеется.

Когда Кондратов ушел, Максимов возбужденно прошелся по кабинету. «Неужели удалось выйти на одного из преступников? — Раскрыв папку, следователь извлек из нее протокол допроса. — Так... «Захаров Яков Сергеевич... русский... не судим»... Двадцать третьего ремонтировался... бабахли пусковое устройство... ушел в половине шестого...» Кондратов назвал другое время. Кто же из них врет? «Посторонних никого не видел...» Опять расхождение. Где же был после работы? Проверить можно? «...Поехал на пляж купаться...» Видимо один? Так и есть. Все продумал. «...почевал в общежитии...».

Максимов тут же связался с управлением внутренних дел. Узнав его, Сошников обрадовался:

— Заканчиваю проверку грузчиков.

— Володя, у меня к тебе просьба. Запиши данные: Захаров Яков Сергеевич... Проверь его по дактилоскопическим данным и пригласи ко мне Зворыкину, кассира из магазина. Кстати, позвони Сазонову в райотдел и попроси его установить, где находились Захаров и Кондратов в ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое августа.

Максимов вызвал начальника третьей колонны Бызина, в которой Захаров работал бульдозеристом.

Бызин Андрей Григорьевич оказался кряжистым не улыбочивым человеком со следами давнего порохового ожога на подбородке.

— Что вы можете сказать о Захарове? — спросил его Михаил Иванович.

— Парень старательный, у нас работает три года. После школы рабочей молодежи поступил в вечерний техникум.

— Вспомните, чем он занимался днем двадцать третьего?

— На ремонте стоял. Сначала пусковой движок менял, потом уплотнительные манжеты.

— Андрей Григорьевич, он не мог вас обмануть? Может, решил на объект не ездить и любыми путями остаться будто для ремонта?

— Нет, товарищ майор. — Бызин усмехнулся. — Меня не проведешь. Я хоть и накричал на него, что долго на ремонте болтается, а потом пожалел. Не прав-то я был. Месяц назад не дал ему встать на плановое техническое обслуживание. В день зарплаты Захаров ушел домой как обычно. А вот на следующий, двадцать четвертого, часов до семи работал. Но это уж я его заставил. Сказал, пока он вам показаний не даст и бульдозер не отремонтирует, в отпуск не отпускаю.

— В какой отпуск? — насторожился Максимов.

— За счет отгулов на пять суток. Яков мне сказал, что у вас был, а насчет бульдозера слово сдержал.

— Для чего ему отпуск, вы не спрашивали?

— Как же, в заявлении написал, хочет съездить к матери перед занятиями.

— Хорошо. Где Захаров мог находиться в ту ночь? Не знаете?

— Затрудняюсь ответить. Прописан-то он в общежитии. Может, был у своей девчонки? Знаю, года два встречаются. Андрей Григорьевич невольно нахмурился.

— Я не без понятия. Чую, куда вы клоните. Но я уверен, не сделает этого Яшка.

С фотографией Захарова, взятой в отделе кадров, Максимов вернулся к себе. Зворыкина уже ждала.

Максимов хотел провести опознание Захарова и выяснить, не является ли бульдозерист и лицо, сбывшее деньги в магазине, одним и тем же человеком. Наклеив в протокол снимки, на одном из которых был изображен бульдозерист, он вызвал Елизавету Ивановну. Кассирше оказалось достаточно мимолетного взгляда.

— Вот он! Мерзавец! — Зворыкина с силой ткнула пальцем в фотографию Захарова...

Совиников выполнил поручение следователя. Скинув куртку, он восхищенно посмотрел на Михаила Ивановича.

— Как ты вышел на Захарова?

— Методом личного сыска, — пошутил Максимов. — Он несколько лет назад был осужден Старицким районным на-

родным судом за грабеж. И пальчики на осколках бутылки оказались его.

Новостью была прежняя судимость. На допросе Захаров сказал, что к уголовной ответственности не привлекался.

«И какой интерес ее скрывать? Все равно шла в мешке не утаишь. — Максимов размышлял, оглаживая кончиками пальцев уголки рта. — Сбыт Захаровым похищенных денег свидетельствует против него. Нападение на кассу не обошлось без человека, знающего о переносе места выдачи денег. И все же... Почему начальник колонны, да и другие считают его честным парнем?»

Размышления следователя прервал телефонный звонок.

— Михаил Иванович, — узнал он Платова. — Локальные потемнения на сбытых Захаровым купюрах образовались от внедрения в бумагу частиц обгоревшей краски с дверцы сейфа. Заключение можешь забрать.

Положив трубку, следователь обратился к Сошникову:

— Ты установил связи Захарова?

— Разумеется. В Старицком районе, в деревне Вязичи, живет мать. Приятелей Захаров не имеет. Дружит с девчонкой. О ней пока ничего не известно.

— Что дала отработка версии по календарному листку?

— Заочно познакомился со всеми грузчиками бригады Микалуты.

— Предложения будут?

— Завтра во второй половине.

— Стало быть, в четырнадцать я к твоим услугам.

Расставшись, они не предполагали, что встреча, назначенная на 14 часов следующего дня, произойдет значительно раньше.

Поздно вечером, когда Владимир, зевая, терпеливо высматривал перед телевизором, ожидая спортивные новости, раздалась мелодичная музыка дверного звонка. А через несколько минут он уже мчался на противоположный конец города в заводскую гостиницу, где был обнаружен неизвестный с Южного Урала. Он предъявил Сошникову свои документы. Задержанный оказался снабженцем одного из предприятий из-под Челябинска.

— Вы приезжали двадцать третьего августа в монтажное управление?

— Был. Мне сказали, что оборудование, которое я ищу, находится на их складе, но не застал управляющего.

Алиби было очевидным.

Ночь. Капитан Мажурин еще раз пробежал внесенную запись и отодвинул от себя книгу регистрации происшествий. Внезапно слух Мажурина уловил щелчок включившегося селектора. Капитан насторожился, потянулся за карандашом, глаза привычно зафиксировали время — 1 час 26 минут.

— Товарищи дежурные! — Капитан узнал голос ответственного дежурного областного управления внутренних дел Воронова. — Примите телефонограмму. — Воронов сделал паузу. — ...Проню принять меры к розыску и задержанию опасного преступника. Сегодня, двадцать седьмого августа, в час пятнадцать минут в Старицком районе совершено разбойное нападение на кассу колхоза «Пролетарский луч». Женщина-сторож тяжело ранена. Преступник скрылся на автомобиле «Жигули» красного цвета, номер неизвестен. Может появиться на территории Збутовского, Перовского, Щербинского, Дальнелесского и других районов, а также на дорогах, обслуживаемых первым дивизионом дорожного надзора. Необходимо пресечь попытки выезда преступника в сопредельные области. В положительном случае сообщите мне.

Мажурин поднял микрофон радиостанции, перекинул тумблер на «передачу».

— Товарищи, внимание! Всем, всем, всем, работающим с «Кленом»!

Повторяя свой позывной, он мысленно представил, как напряженно слушают подчиненные ему передвижные и стационарные посты дивизиона. Мажурин повторил телефонограмму, переданную «Сосной», а затем добавил:

— Пятому, шестому и седьмому пикетам немедленно перекрыть трассы грузовыми автомобилями, приняв меры к обеспечению безопасности граждан. Прекратить всякое движение, отводя прибывающий транспорт за пределы дороги. Передвижным постам усилить наблюдение, быть готовыми к преследованию. О принятии сообщения доложите в порядке очередности.

Старшину Виктора Завражного и сержанта Юрия Якова, управляющего патрульной «Волгой», информация «Клена» застала в селе Покровском. Ребята переглянулись.

— Юра, жми к шоссе.

— Думаешь, опередим?

— Надо успеть, — проговорил Завражнов. — Мы можем отсечь его от шестого пикета, в крайности сядем к нему на «хвост».

«Волга» полетела к шоссе. Трасса вынырнула из-за поворота внезапно. Припадая на переднее колесо, «Волга» остановилась, и инспектора ГАИ вышли, оглядываясь по сторонам.

— Интересно, где он сейчас? Проскочил или нет?

Над холмом, за который пряталась дорога, сначала появилось неяркое зарево, а затем показался мчащийся автомобиль. Встав на разделительной линии, Завражнов поднял отблескивающий красными катафотами жезл. Но водитель, выключив свет, направил машину на инспектора. Старшина резко отпрыгнул в сторону.

В свете фар «Волги» на бешеной скорости промчались красные «Жигули». Не сговариваясь, оба бросились в машину. Взревел мотор. «Волга», отставшая метров на четыреста, сократила расстояние.

Юрий держался левее, опасаясь внезапного торможения, выбирая момент для обгона. Завражнов сорвал с зажимов трубку рации.

— «Клен», «Клен», я восьмой. Нахожусь на шестнадцатом километре Збутовского шоссе, преследую объявленный в розыск автомобиль. Ориентировочные данные: красные «Жигули», две первые цифры номера — шестьдесят восемь. Остальное залеплено грязью. На заднем сиденье двое: один в темной одежде, другой в кожаной куртке или пальто...

Наконец сержант, улучив момент, устремился на обгон. Преступники заметили маневр, и «Жигули» сместились на обочину, подставляя бок под удар.

Патрульный ГАЗ-24 завиял, «Жигули» вновь вырвались вперед. Позади одно село, другое. Якимов снова сделал подряд три попытки обойти «Жигули». Но безуспешно. Будто связанные воедино невидимым тросом, автомобили ворвались в Корсаково. Дальше в низине шестой пикет.

— Вита, берегись! — вдруг дико заорал Якимов. Пригнувшись к рулю, он включил прожектор и, насколько хватало рук, крутанул баранку в сторону зыбко белевшей осевой линии. Облитый светом, парень в кожаной куртке выхватил навскидку пистолет. В переднем стекле «Волги» заискрились три пробоины.

— Что ты смотришь, стреляй! — Якимов опять вильнул в сторону, выводя автомобиль из-под огня.

Завражнов рванул из кобуры пистолет, но выстрелить не успел. В тот же миг обдало жаром правое плечо. Ткань кителя быстро набухала кровью.

Вдали показался застекленный куб пикета. Неожиданно

двигатель «Волги» чихнул. Тщетно Якимов нажимал акселератор. Заглохнув, «Волга» постепенно снижала скорость.

Шестой пикет успел перехватить только трактор с прицепом. Поставленный поперек, он своей длиной закрыл обочину и шесть метров проезжей части из восьми. Преступники прорвались в оставшуюся брешь и скрылись в темноте.

Якимов с Завражновым, бросив поврежденную «Волгу», побежали к инспектору Дерюгину, стоявшему на корточках, где только что проехал автомобиль.

— Неужели ушли?

— Далеко не уйдут! Три прокола в шинах они верняком схватили, не меньше.

Под люминесцентным фонарем поперек дороги холодно отсвечивали ряды стальных шипов.

Рана у Завражного оказалась неопасной. Пуля, пробив предплечье, не задела кость. Пока перевязывали, со стороны седьмого пикета подскочил одиннадцатый передвижной пост. Высунувшийся из УАЗа лейтенант закричал:

— Дерюгин, где «Жигули»? Завражнов передал, что они катят к тебе.

— А ты их не встретил?

— Нет.

— Тогда проверь кюветы, больше им негде быть, — убежденно ответил инспектор.

Звонок разбудил в час пятьдесят. Максимов машинально сдернул трубку с телефонного аппарата и несколько секунд лежал без движения, размышляя, кому бы он мог понадобиться в столь неудобное время.

— Доброй ночи, — донесся басок Воронова. — Я тебя не побеспокоил?

— О чем ты говоришь! Какое беспокойство в два часа ночи! — едко прошипел Максимов. — Что случилось?

— Совершенно разбойное нападение на кассу колхоза «Пролетарский луч». Преступники взломали дверь в комнате кассира. Деньги взять не успели, их спугнули. Тебя не интересует этот разбой? Нападавших сейчас предстоит задерживать. На Збутовском шоссе засекли их... красные «Жигули».

— «Жигули»? — Сон у Максимова сняло как рукой. — Чего же ты сразу не сказал. Это же они! Давай машину.

— Я направил оперативную группу. Они за тобой заедут. Обрати внимание, центральная усадьба колхоза находится в трех километрах от деревни Вязичи. В ней живет мать Захарова.

«Опять Захаров! Неужели его работа?»

УАЗ появился неожиданно, вынырнув из темноты переулка. По голосам, доносившимся из салона, следователь понял: едут те же, что и прошлый раз. Максимов втиснулся на сиденье.

Центр города остался позади.

Издали в эфире послышался позывной передвижного поста.

— «Клен», «Клен», — я — одиннадцатый. «Жигули» обнаружены в овраге на пятьдесят третьем километре шоссе. В машине никого нет.

УАЗ рванулся на пятьдесят третий километр.

«Жигули» пропахали спущенными колесами глубокую колею и засели в грунте. Это был автомобиль, стоявший ночью 24 августа в кустах на Заозерной. На правом крыле темнела длинная вдавленная черта. На переднем сиденье лежала забытая серая кепка, на заднем — небольшой чемодан. И всюду стреляные гильзы. Всех интересовало: куда скрылись преступники.

Максимов повел головой, отыскивая кинолога. Федя Губин, с трудом удерживая овчарку, приблизился к распахнутой дверце. Собака, поддев острыми клыками кепку, фыркнула. Затем мягко прыгнула на траву и метнулась к кособору. Губин, Сошников и местный райотделец бросились за ней.

Следователь и эксперт сантиметр за сантиметром осматривали автомобиль. Тарас Макарович, поднеся себе фонариком, заметил на зеркале заднего вида слабые папиллярные узоры. Открутив винты, он опустил зеркало в отдельную коробку. Открыв чемодан, эксперт не смог сдержать радостного возгласа. В нем оказался портативный сварочный аппарат. Уже заканчивая осмотр, в щели между задним сиденьем и его спинкой обнаружили смятый клочок бумаги, оказавшийся счетом на 185 рублей, выписанным на бланке ресторана «Витязь» официанткой Локшиной 25 августа. Максимов с волнением рассматривал небольшую квитанцию. Она являла собой настоящий клад, ибо выводила на человека, видевшего преступников всех вместе. Судя по количеству блюд, гурманов было трое.

Михаил Иванович неторопливо прошелся вокруг разбитого автомобиля. «Где Сошников? Чем закончился ночной поиск?» Неожиданно донесся возглас шофера:

— Товарищ майор, Сошников на связи, «Сосну» вызывает.

Расула неумоимо продиралась сквозь кусты. То ослабляя, то натягивая повод. Федя помогал ей не сбиваться с взятого темпа. Сошников бежал следом. Губин слышал его усталое дыхание. Третий сотрудник вывихнул ногу и отстал. Невидимые ветки больно хлестали по лицу. Неожиданно лес поредел и кончился. За опушкой в низине оказался неглубокий ручей, шелестевший в топких берегах. Расула заметалась.

— Володя, посвети, след где-то рядом.

Лучики карманных фонарей впились в цепочку глубоких следов с острыми неразмывтыми краями. Ручей пересек один человек, бежавший, не разбирая дороги, напролом. Перемахнули на ту сторону. Губин дал понюхать Расуле предусмотрительно прихваченную с собой серую кепку. Собака снова взяла след и устремилась в реденький осинник в сторону от заболоченной топи. Затем ходко пошли поперек поля по жнивью. Когда миновали огромную скирду соломы, увидели впереди человека, устало поднимавшегося по склону холма.

— Стой, стрелять буду! — крикнул Сошников. — Стой!

Преступник уходил. Его худощавая фигура последний раз мелькнула на взлобье и исчезла в кустах.

— Расула, выручай! Фас! — Федя спустил собаку с поводка.

Овчарка в несколько прыжков достигла проплешины на холме и скрылась за гребнем. Послышался сдавленный крик.

Когда сотрудники, тяжело дыша от последнего броска, поднялись на кручу, они увидели, что неизвестный, раскинув руки, лежит на спине, а над ним скалится овчарка. Рядом на земле валялся финский нож.

Задержанный оказался Александром Григорьевичем Буровым, шофером одной из автобаз. Огнестрельного оружия при нем не было. Кроме паспорта, в кармане лежали тысяча восемьсот рублей. Защелкивая наручники на его запястья, Сошников увидел на тыльной стороне правой ладони наколку в виде бабочки, а между большим и указательным пальцами слово «Саня».

Когда за ушедшим конвоиром глухо притворилась обитая дерматином дверь, Михаил Иванович взглядом показал Бурову на стул, прикрепленный к стене толстыми железными петлями.

— Будем знакомиться... Максимов. Я расследую уголовное дело о разбойных нападениях на кассы монтажного уп-

равления и колхоза «Пролетарский луч», в совершении которых вы подозреваете.

— Зазря человека обижаете. Ни о каких кассах ничего не знаю.

— Где работали последнее время?

— Нигде. После освобождения устроиться не успел.

— Ладно. Объясните, как оказались в лесу?

— К другу на электричке ехал, да проспал по пьянке. Сошел на следующей остановке и напрямик через лес...

— Вы назовете адрес вашего друга? — спросил Михаил Иванович.

— Нет, не скажу. Вы же затаскаете по милициям.

— Нож, найденный на месте задержания, принадлежит вам?

Буров повернулся к Максиму.

— Я, гражданин начальник, прошу ножишек мне не приписывать. Может, его грибник посеял?

— Откуда у вас тысяча восемьсот рублей?

— Нашел.

— С кем были двадцать третьего августа между пятнадцатью и шестнадцатью часами на Заозерной улице? У ворот не ваш автомобиль стоял?

— Ошибка, гражданин начальник. Не знаю, где она даже находится, эта Заозерная. А что насчет машины, извините, езжу на трамвае.

— Предположим. Тогда объясните...

— ...как появились следы ваших пальцев на зеркале заднего вида в автомобиле, обнаруженном этой ночью на пятьдесят третьем километре Збутовского шоссе?

Буров напялил на лицо снисходительную улыбку.

— Бывало, я домой добирался на попутных машинах. Помню, один из них попросил меня зеркало поправить. Может, он и был?

— А как вы объясните появление крови на вашем пиджаке?

— Через лес продирался в темноте, оцарапался.

— Ложь, Буров. У вас кровь третьей группы. Исследования же показали, что подтеки на лапкане образованы кровью первой группы и оставлены они сторожем колхоза, женщиной. Вы ударили ее по голове и затащили в правление.

Буров растерянно раскрыл рот.

— Я до нее не д-догравивался.

— Неправда. На вашей водолазке и на пиджаке обнару-

жены волокна с шерстяного платка этой женщины и ее волосы.

Буров молчал, на лбу проступили бисеринки пота.

— По колхозной кассе достаточно? А теперь почему вы скромничаете и ничего не говорите об участии в нападении на кассу монтажников?

— Я?! — Буров вскочил и ошарашенно уставился в лицо майора. — Ты мне, начальник, хомут не вешай!

— Успокойтесь, Буров, и не закатывайте истерику. Вам все же придется кое-что рассказать. Под вашими ногтями нашли микроскопические частицы заполнителя полых напуд из вскрытого сейфа. То же самое найдено и в щелях рукоятки финского ножа.

— Гражданин следователь. Я прошу... — Буров сник.

— Назовите соучастников. Где остальные деньги? — резко оборвал Максимов преступника.

— Они остались у... Захарова. Он уговорил... — Припертый доказательствами, Буров начал лихорадочно выкладывать обстоятельства нападений. — Я с ним в пивном баре познакомился. Яшка, как узнал, что я тянул срок за разбой, предложил брать вместе с ним сберегательные кассы. Я хоть и пьян был, а сообразил, что к чему, и отказался. На том и разошлись в тот вечер... Сам не пойму, как он меня умаслил. Яшка на кассу давно точил зубы. У себя на работе все подходы к ней изучил. Сказал — совсем безопасно. Машину Захаров пригнал. А за рулем мне пришлось. По дороге за его другом заскочили. До конторы доехали, «Жигули» в кусты. Сейф они вдвоем потрошили... а в сторожей Яшка стрелял. Первый раз с рук сошло — Яшка колхоз присмотрел. По темноте двинули. Тот же приятель с чемоданчиком ждал на бульваре... Там Яшка передал деньги, что у меня нашли. «Это тебе за работу аванец», — говорит. К часу ночи подкатили к правлению и прямою к крыльцу. Пробой выдернули, они внутрь пошли, я ж в сенцах остался. После переполоха, когда за нами милицейская «Волга» увязалась, Захаров по ней пальбу открыл.

— Кто этот третий, друг Захарова?

— Не знаю. Я с ним оба раза по темноте встречался.

Михаил Иванович понял, что Буров пытается отделаться полуправдой. Участие Захарова косвенно подтверждалось другими доказательствами. Сазонов установил, что он в ночь с 23 на 24 августа дома не ночевал. Его товарищи из общежития рассказали, как он упрашивал их никому об этом не говорить.

Отправив преступника в камеру, Максимов задумался:

почему Буров с головой выдает Захарова, судя по всему, закоперщика, и словно воды в рот набирает, как только речь заходит о третьем соучастнике?

Ресторан «Витязь» утопал в зелени в самом центре городского парка. Сошников нашел администратора, средних лет женщину со строгим миловидным лицом. Она оторвалась от подсчетов. Сошников представился и коротко объяснил причину своего прихода. Склонив красивую голову, женщина некоторое время разглядывала взятый у инспектора счет, а затем крикнула:

— Зина! Локшина!

Из подсобного помещения выбежала щупленькая девушка.

— Вы меня звали, Маргарита Федоровна?

— Да, Зина. Товарищ интересуется, помнишь ли ты гостей, которых обслуживала по этому счету?

— Я ошиблась в сумме? — Зина изменилась в лице.

Володя склонился к растерявшейся официантке.

— Я не сомневаюсь в правильном расчете. Меня интересуется, кто эти люди, получившие счет?

— Понятия не имею.

— На улице встретили б — смогли узнать?

— Одного запомнила хорошо: в кожаной куртке. Здоровый такой, неповоротливый, и лицо злое. Он со мной расплачивался.

— А приятелей?

Зина подернула худеньким плечиком.

— Они пришли вечером, в зале лампы притушены. Кажется, на щеке у худого, сидевшего ближе к окну, был длинный косой шрам.

— Они не называли себя по именам?

— Неповоротливого они почему-то величали Бульдогом. Потом присмотрелась, он и впрямь похож на бульку. — Курносый, щеки висят.

— Спасибо тебе, Зиночка, — обрадовался инспектор неожиданной удаче. — Мы с тобой еще встретимся.

Ввиду особой срочности заключение баллистической экспертизы нарочный принял на аэродроме у трапа только что приземлившегося самолета и передал следователю из рук в руки. Максимов немедленно принялся за ее изучение, а закончив, вызвал к себе Сошникова. Володя немедленно разложил перед ним учетные карты стропальщиков, графики их работы.

— Как я понял, классический метод личного сыска на этот раз себя оправдал, — пошутил Михаил Иванович.

— Кое-что откопал. Вот смотри. Стыковка табельных данных позволила сузить круг лиц, проверяемых на причастность к нападениям. Я установил, что с двадцать третьего на двадцать четвертое августа не работали восемь человек. Когда же был налет на кассу колхоза, отдыхали семеро. Предполагая, что преступник должен быть свободным в обе ночи, я выкинул из списков тех, кто работал хотя бы в одну из интересующих нас ночей.

— Кто же у тебя остался?

— Всего четверо: Дюжев, Микалута, Елагин и Панов.

— Панов?! — быстро переспросил следователь. Он раскрыл заключение.

— Твоего Панова зовут не Петром Сергеевичем?

— Верно, Петр Сергеевич.

— Так он же убит. Слушай, что пишут эксперты: «По имеющимся данным, Панов Петр Сергеевич, мастер Холодаевского леспромхоза убит восемнадцатого февраля тысяча девятьсот семьдесят шестого года при разбойном нападении в Глуховском районе Амурской области, когда он вез в Госбанк тринадцать тысяч рублей. Преступник забрал его паспорт и военный билет. Эксперты пришли к выводу, что пули, изъятые из трупа Панова и из раны Тихова, выстрелены из одного и того же пистолета системы Макарова.

— Убийство Панова раскрыто?

— Нет. В совершении его подозревается некий Лагутин.

— Картотека фотографии выслала? — спросил оперативник.

— На, посмотри.

Взяв ее, Сошников сравнил с фотографией на карточке из отдела кадров и невольно вздрогнул. С учетного листка на имя Панова с ухмылкой смотрел Вениамин Лагутин. На правой щеке от виска к подбородку змеился длинный косой шрам. Володя вдруг неуверенно произнес:

— Ну, хорошо, допустим, Лагутин убил Панова. Но за годы, прошедшие после убийства, пистолет мог сменить не одного хозяина. Как мы привяжем Лагутина к нападениям на кассы?

— Это доказано. Лагутин, которого тщательно скрывает Буров, оставил след мизинца на ручке в «Жигулях». Хуже другое. По полученным данным, Завражнов ранен из оружия другого калибра. Выходит, у Захарова другой пистолет?

Наступила вынужденная пауза. Наконец Максимов махнул рукой.

— Ладно, займемся тем, что есть. Давай обсудим, как взять Лагутина.

На работе Лагутина не застали. Обыск в квартире ничего не дал. Рассчитывать на появление Лагутина дома не имело смысла. Его жена Антонина Панова заявила, что не знает, где находится муж.

И все же преступника засекли на железнодорожном вокзале, когда он, взяв билет, отходил от касс, держа руки в карманах плаща. Поезд южного направления отправлялся вечером в девятнадцать десять, через шесть часов.

Вот уже четыре часа Лагутин слонялся по пыльному городу. Модный югославский плащ до боли оттянул онемевшие плечи. И не снимешь. В правом кармане побелевшая от напряжения ладонь намертво вцепилась в рукоятку казавшегося пудовым пистолета. Лагутин подозрительно косился на каждого встречного. Впереди показался сквер. Лагутин опустился на дальнюю лавочку передохнуть. Закурил. А память арканом потянула в прошлое. Вспомнилось, как они с Бульдогом подкараулили Панова. Бульдог тоже хорош! Из кругленькой суммы дал всего три куска. Как он мог поверить Бульдогу? Бульдог обманул при дележе денег, взятых у Панова, обманет и сейчас...

Почувствовав желание выпить, Лагутин нащупал в кармане несколько купюр. Он поднялся и побрел к выходу из сквера. Магазин оказался через дом. Возле кассы протянул свободной рукой деньги. Потом протиснулся к прилавку. Женщина-продавец взяла чек, протянула бутылку водки. Не дотягиваясь до нее в толпе левой рукой, преступник вытащил правую и в ту же секунду ощутил резкую, разламывающую суставы боль. Лагутин что есть силы напряжинулся. Правое плечо хрустнуло, на мгновение померкло сознание.

— Лагутин, не дури, — услышал он над ухом голос Сошникова.

Инспектор уголовного розыска Соловьев, напарник Сошникова по группе захвата, извлек из кармана плаща пистолет.

Допросу не видно конца. Лагутин цинично ухмыляется в лицо следователю.

— Кассу обчистил! Я, гражданин начальник, не дурак. Кассу так кассу, ты мне доказательства на бочку. Иначе разговора не будет.

— Где вы взяли оружие и документы на имя Панова?

— Купил. У пьяницы за две сотни. Всю дорогу без пас-

порта не с руки. И вообще, хранение и ношение оружия признаю. А вот стрелять... не приходилось.

— Я вижу, вы не расположены говорить правду. Что ж, другие участники нападения внесут ясность. К тому же пистолет, из которого смертельно ранен сторож, изъят у вас, а не у них.

Лагутин стиснул зубы.

— Паровозом делаешь, начальник? Я не стрелял...

— Кто же тогда стрелял?

Лагутин с усилием проглотил подступивший к горлу комок.

— Пиши, начальник... поддался на уговоры Яшки Захарова.

И он стал рассказывать о знакомстве с ним в бильярдной городского стадиона. О том, как Яшка, зная об оружии, попросил у него пистолет.

Кассу на Заозерной валамывал Захаров. Сам же Лагутин в это время стоял в кустах у окна раздевалки на стреме. Все деньги Яшка взял себе и обещал потом поделить.

Лагутин перевел дыхание.

— Я раскусил этого козла, почему он мне в машине на обратном пути пистолет силком в руки сунул. Да и стрелять ни к чему было. От сторожей мы и так бы убежали.

Следователь встал, неторопливо промерил шагами кабинет.

— Лжете вы, Лагутин.

— Не вру! — вдруг тонко завопил Лагутин.

— Лжете. На стекле ваших часов обнаружены царапины, оставленные краями разреза в сейфе. Я предлагаю рассказать, как вы лично и вытаскивали из него деньги.

Захарова задержали на рассвете у дома матери. Тот успел отпрыгнуть к плетню, но, подчиняясь окрику, медленно поднял руки вверх. Захаров дал себя обыскать. При нем оказались паспорт, авторучка, немного денег, в рюкзаке — рыболовное снаряжение. Пистолета не было. В доме матери его тоже не нашли, так же как и денег. К концу обыска приехал Сошников. Захаров сидел насупленный в переднем углу избы. Его мать стояла у печки и беззвучно плакала. Сошников подсел к Захарову.

— Ты не выдашь добровольно оружие и деньги?

— У меня нет ни того, ни другого.

— Ну что ж, твое дело. Собирайся, поедем.

Захаров встал и понуро направился к выходу. Возле матери он остановился. Она тоскливо глянула в лицо сыну.

— Яшенька, не может быть, что б ты опять... ты же обещал...

— Успокойся, мама. Я ни в чем не виноват перед тобой...

Захарова доставили к Максиму утром. Потупившись, он опустился на стоявший у стены табурет. Отвечал чуть слышно, то и дело замолкая.

— К уголовной ответственности привлекались?

— Было...

— Почему не сказали правды на первом допросе?

— Боялся. Думал, если скажу, тут же арестуют. Но кассу и Ионича не я.

— Бурова и Панова знаете?

— Нет.

— Может, известен Лагутин?

Захаров отрицательно покачал головой.

— Вы покупали водку в гастрономе возле автовокзала три дня назад?

— Да, покупал.

— Где взяли деньги, которыми расплачивались?

— Нашел, — еле выдавил Яшка.

— Нашел? — усмехнулся следователь. — Допустим. А где тогда провели ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое августа? Объясните, с какой целью уговаривали товарищей сказать нам, что ночевали дома?

— В тот день я вернулся поздно, лег в темноте, не зажигая света. А утром встал, когда они еще спали. Потому меня и не видели. Да и не уговаривал я никого. — Захаров понял: следователь ему не верит.

Видя, что Захаров не намерен признаваться, следователь решил провести очную ставку. В кабинет привели Лагутина. Увидев Захарова, Лагутин осклабился.

— Здорово, Яшка!

Стиснув зубы, Захаров слушал рассказ о нападении, совершенном им вместе с Лагутиным и еще одним типом, Яшкиным другом.

— ...Стоим вокруг сейфа. Чемоданчик на пол бросили. Захаров резакон дверцу прожигает. Я баллоны поддерживаю, на пол не положишь, шланги коротки. Когда газ кончился, Яшка заругался: «Давай дрель». Дырок двадцать просадил, сверло сломал. Ты что, склеротик, — обличая, он повернулся к Захарову, — вспомни, как обломок в карман положил. Забыл? И не помнишь, как пистолет мне отдавал? — Лагутин торжествующе поглядел на Максимова. Когда же преступник стал убеждать Захарова выдать следствию деньги, тот сжал кулаки и бросился на Лагутина.

Михаил Иванович успел перехватить занесенный кулак. Немного погодя дрожащей рукой Захаров подписал протокол.

К вечеру позвонил Платов.

— Михаил Иванович, на минутку не заскочишь?

Лавируя среди оборудования, стоявшего в небольшом помещении, занимаемом экспертами-криминалистами, Платов подвел следователя к манекену, на который была накинута кожаная куртка Захарова.

— Как ни странно, но на ней никаких следов, свидетельствующих об участии Захарова в нападении, нет.

— Со слов Бурова и Лагутина, автогеном орудовал Захаров. По-твоему выходит, на него ни одной искры не упало?

— Не знаю, что тебе сказали эти проходимцы, на поверхности кожи ни одного повреждения. Зато... за подкладкой я обнаружил хвостовую часть сверла, ту самую, которую мы ищем.

Следователь удивленно усмехнулся.

— Странно. Все вроде бы за то, что Захаров убийца строга.

В ответ Платов пожал плечами.

— Хорошо, — сказал Михаил Иванович, — попробую провести опознание.

Пока Максимов подбирал «фон» — так называют посторонних людей, среди которых свидетелям предъявляют человека, подозреваемого в совершении преступления, — из головы не выходила мысль: неужели не он? Что, если Буров и Лагутин оговаривают бульдозериста?

Наконец к проведению опознания все было готово. Конвойные привели Захарова. Следователь предложил ему выбрать место среди других приглашенных для опознания. Безразлично махнув рукой, Захаров сел крайним, ближе к двери. Первым вызвали Якимова, водителя восьмого передвижного поста.

— Вы хорошо видели людей, сидевших на заднем сиденье «Жигулей»?

— Да, товарищ майор.

— В таком случае посмотрите, нет ли среди этих людей одного из пассажиров «Жигулей»?

Захаров отвел взгляд и затаился.

Инспектор оглядел сидевших перед ним граждан и сказал:

— Среди них нет преступника, стрелявшего по нашей машине.

У Захарова вырвался вздох облегчения. Услышав ответ, Сошников недоверчиво усмехнулся. Не опознали Захарова ни инспектор Завражнов, ни Локшина.

Версия об участии Захарова в нападениях ощутимо рушилась.

Пока Максимов подписывал пропуска свидетелям, пришел дежурный по следственному изолятору.

— Михаил Иванович, вас срочно вызывают в отдел. Пришли два каких-то парня и девушка.

Максимов оставил Захарова с Сошниковым и направился к себе.

Ребят он узнал: товарищи Захарова, живут в одной комнате в общежитии. Девушка была незнакома, она плакала.

— Чем могу быть полезен?

Ребята смущенно переглянулись. Наконец парень в очках нерешительно подтолкнул всхлипывавшую девушку.

— Лида хотела с вами переговорить, а мы так с ней.

— Я... — Девушка подняла опухшие от слез глаза на Михаила Ивановича. — Я принесла ребятам учебники, а они мне сказали... в общем, у них обокрали кассу, и милиция приезжала к ним в общежитие за Яшей... Спрашивали, где ночевал, хотели его забрать.

— О каком Яше вы говорите?

— О каком же еще? Захарове. Он мой жених. Нам третьего сентября идти расписываться. — Девушка заплакала, громко шмыгая носом и всхлипывая.

Максимов налил воды и подал ей стакан.

— Спасибо, — прошептала Лида. — Мой Яша не грабитель... Мы ездили к моему папе просить, чтобы он отпустил меня замуж. Они с папой выжили, и я его уложила спать. Не идти же ему ночью в общежитие. Да и что он, бездомный какой? На следующий день Яша уехал на работу, а вечером к своей маме, звать на свадьбу. Специально водки для друзей собирался купить... Если вы его ищите, то он в деревне у мамы. Вы мне не верите? — в отчаянии бросила она Максимову, заметив, что тот улыбнулся. — Тогда спросите у папы.

Она выбежала в коридор и показала в его конец. Там возле окна мужчина в очках читал газету.

Это было алиби. Кто же тогда третий?

От Максимова не скрылась перемена, происшедшая с Захаровым. Уверенные показания свидетелей, не опознавших в нем человека, платившего деньги в ресторане и стрелявшего из «Жигулей» по милицмейскому автомобилю, его заметно заботрили. Поэтому вопрос следователя его ошарашил.

— К-какое еще сверло? — заикаясь, переспросил он. — Я инструмент в карманах не таскаю.

— Э-э, Яков Сергеевич, — протянул Сошников, — и ты продолжаешь утверждать, что нашел деньги?

Михаил Иванович невольно поморщился.

— Во сколько вы обнаружили деньги?

— В половине седьмого. Первая мысль была — успею в магазин или нет. Потому и на часы посмотрел.

— Яков Сергеевич, — Максимов недовольно посмотрел на Захарова. — Почему вас не насторожило, что деньги были обгоревшими?

Захаров виновато потупился: — Не скумекал.

— Вы хоть заметили людей, подходивших к бульдозеру? — укоризненно спросил Михаил Иванович.

— По двору вроде бы слесарь из мастерской болтался, крутился вокруг моего бульдозера. Ну, мордастый такой.

Все вставало на свои места. Сразу после допроса Захарова освободили из-под стражи.

Несмотря на довольно позднее время, споры о том, как взять третьего преступника, не прекращались.

— Кончайте ломать голову, — попытался закончить споры Иван Бойков. — Он сматывается, возьмем между домом и вокзалом, на худой конец в поезде.

В разговор запальчиво вмешался Соловьев:

— В поезде отпадает, чем твое купе лучше квартиры? Не все ли равно? Билет взят под занавес, в вагон продано шесть одних детских мест, да и народу там тьма.

— Что ты предлагаешь?

— Схватить во дворе, когда он пойдет на улицу по узкому проходу между домами.

— Сергей дело говорит, — поддержал Соловьева Бахарев, — ему придется идти мимо засады в одном метре.

— Остановимся на этом, — согласился Сошников, — мы с тобой, Бахарев, встретим его первыми. Соловьев продвигается к остановкам, а Иван подстрахует нас сзади. Он же и сигнал подаст при выходе его из подъезда.

На месте были в шесть. По одному стали занимать расписанные места. Первым ушел Сергей Соловьев. Вслед за ним Сошников, потом Бахарев. «Волга» с Бойковым за рулем въехала во двор и замерла недалеко от подъезда. Потянулись томительные минуты ожидания. Напряжение возрастало. Семь. Не вышел он и через пять, и через десять минут. В проходе начали появляться люди, направлявшиеся к остановкам. Положение все больше осложнялось. Вдруг в динамике послышался голос Бойкова.

— Внимание, вышел!.. Одет в кожанку, правую руку держит в кармане, в левой чемодан средних размеров.

— Приготовиться! — скомандовал Сошников. Сам он встал в удобную для рывка позу. Шаги преступника все ближе. Неожиданно в динамике растерянный голос Бойкова:

— Вокруг него дети!

Стараясь остаться незамеченным, Бахарев со всей силой прижался к стене. «Что Сошников?» Тот склонил голову к крохотному микрофону, лежавшему в кармане.

— Отставить, Иван, выезжай к остановкам.

Момент был упущен. Дитина в кожанке нырнул в такси. Пока «Волга» огибала квартал, такси скрылось.

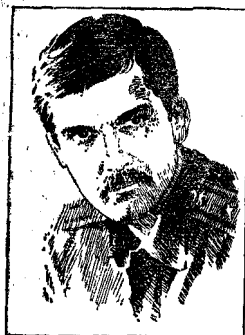
В машину садились на ходу. Осевшая «Волга» вклинилась в автомобильный поток.

— Прошу придержать автотранспорт, идущий по улице Гастелло со стороны площади Коммунаров, — обратился он к своим коллегам, провожая взглядом стремительно удаляющийся автомобиль.

Возле швейной фабрики, в лавине машин, остановленной инспектором дорожного надзора, Бойков заметил знакомый номер. Пассажир такси нервничал, беспокойно оглядывался назад. До вокзала всего три квартала. Еще один перекресток, дальше корпуса городской больницы и поворот к стоянке у камер хранения. Увидев в такси включившуюся мигалку, Бойков немедленно вклинился в ряд поворачивающих автомобилей. К всеобщей досаде, между сотрудниками милиции и такси оказался оранжевый «Москвич». Через стекла было видно, что преступник на ходу расплывается с таксистом. До отхода поезда семь минут. Времени оставалось в обрез, «Москвич» жмет к тротуару, до такси каких-то десять метров. «Волга» затормозила вприпрыжку к заднему бамперу. Поздно! Сотрудники увидели теряющуюся в толпе кожаную куртку. Соловьев выскочил с небольшим саквояжем и побежал по ступеням к распахнутым дверям вокзала. Искать преступника среди снующих людей не имеет смысла. Миновав зал ожидания, инспектор выбежал на перрон. Быстрее к четвертому вагону, во что бы то ни стало успеть раньше! Возле тамбура никого нет, провожающие стояли у окон. Заметив подбегавшего Соловьева, недовольно спускается с подножки проводница.

— Быстрее, молодой человек, отправление через минуту.

Соловьев остановился и, делая вид, будто ищет что-то в карманах, стараясь не спешить, медленно обернулся. Перед ним лицом к лицу стоял Кондратов.

Военный журналист, неоднократно бывал в Афганистане. Автор приключенческой повести, опубликованной в журнале «Юность». Работает в «Красной звезде».

Сергей ДЫШЕВ

А СЫНОВЬЯ УХОДЯТ В БОЙ

Афганские приключения

I

— Душманы! — раздался чей-то истошный крик.

По двери ударили, она жалобно скрипнула. В салон ворвался чернобородый человек с автоматом. Сапрыкин вскочил навстречу, но тут же повалился, получив прикладом по голове. Тихов судорожно дергал свой автомат, застрявший под сиденьем. Но было поздно. Сверкнула пламенем очередь. Бородатый ринулся в проход, вырвал у помертвевшего Тихова автомат. А двое других уже вытаскивали безжизненное тело водителя из-за руля, потом тяжело бросили его на бездыханного Сапрыкина. Бандит в пиджаке ловко прыгнул на место водителя. В автобус заскочил еще один бандит, махнул рукой. Автобус рывком тронулся, быстро набрал скорость.

Все молчали, будто одновременно поперхнулись. Старались не смотреть на душманские автоматы. На полу сотрясалось, словно еще продолжало жить, тело водителя, вишневыми пятнами зияли раны: в переносице и плече.

Шмелев с трудом отвел взгляд от мертвого тела. За окном мелькали глинобитные прямоугольники мазанок, пыльные кусты. Старцы, почтённо пожимающие друг другу руки... «Мы в плену. Душманы... Куда нас везут? Убьют... убьют...»

Сзади стонал Тихов.

Автобус мчался по каким-то грязным переулкам, глухим улочкам, скрипел тормозами на поворотах, пока наконец не заехал во двор. Группу вытолкали, быстро обыскали, забрав все, что было в карманах. Потом по темной лестнице заставили спуститься в подвал дома. Дверь захлопнулась, и они остались в полной темноте.

— Виктор, ты ранен? — это Сапрыкин. Он уже пришел в себя.

— Да-а, в плечо, — со стоном протянул Тихов. — Надо чем-то перевязать.

— Сейчас, — отозвался Наби. Затрепала рвущаяся материя.

Никто больше не произнес ни слова. Было слышно, как тяжело дышал Тихов.

— Потерпи еще чуток...

— Чего они от нас хотят? — Сапрыкин услышал торопливый голос Тарусова, инженера из Кишинева, и тут же представил его лицо, обиженно надутые губы.

— Главное — не паниковать. Ясно? Если сразу не убили, значит, строят какие-то планы, — как можно тверже ответил Сапрыкин и добавил: — Думаю, нас уже ищут.

— Черт з-нает что... Мы с-строим, помогаем, а они... Ты п-почему не стрелял, Тихов? — продолжал Тарусов, от волнения заикаясь. — Почему не стрелял, у т-тебя же автомат был?

— Автомат лежал под сиденьем, — после паузы слабо отозвался Тихов. — Пока вытаскивал, видишь, получил...

— Да не помог бы автомат, — перебил Сапрыкин. — Начали бы пальбу, так они всех нас как... — запнулся он, подбирая подходящее сравнение, — как куропаток перебили бы в этом автобусе.

— Ч-черт, черт побери... П-подохнуть в этой яме, — снова застонал Тарусов.

Кто-то вздохнул и выругался.

— Хватит, Тарусов. Не ной, хотя бы из уважения к раненому, — вдруг с несвойственной ему жесткостью оборвал Сапрыкин.

Некоторое время царил повальная тишина.

— Бедняга Абдулка, — тихо произнес Шмелев, лишь бы не цепенеть в отчаянии.

Никто не успел ответить. Открылась дверь, в проеме появилась тень. Бандит махнул рукой: «Выходи!» На улице стемнело, наверное, было около шести вечера. «А выехали

мы в три», — вспомнил Сапрыкин. Часов ни у кого не осталось — отобрали.

Пинками их положили на землю. Она уже холодила. Начали вязать руки — сначала за спиной, а потом попарно локтями друг к другу. Сапрыкин оказался в паре со Шмелевым. Наби Сафаров — с Тиховым. Пиная и подталкивая стволами автоматов, их поднимали, построили в колонну. Спотыкаясь, пленники побрели по темным безлюдным улицам. Только один раз на пути группы появилась и тут же исчезла тень женщины в парандже.

Бандиты первничали, беспрестанно подгоняли пленных прикладами, плетками. Капроновые веревки, которыми связали руки, больно врезались в кожу.

Тихов все время падал. Наби как мог удерживал его, но потом сам стал падать вместе с ним в дорожную пыль.

— Ну, потерпи, потерпи еще! — умолял он.

— Все... Не могу... — еле слышно хрипел Тихов.

Чернобородый бандит, лицом похожий на Иисуса, достал нож и разрезал веревку, связывавшую им локти. Сафаров выпрямился облегченно, но тут его толкнули обратно в строй, а Тихова повели в сторону от дороги. Колонну погнали дальше. Раздался негромкий крик.

— Сволочи! — дернулся Сафаров. — Убийцы!

Тут же он получил удар прикладом. «Иисус» прикрикнул, и душманы с остервенением принялись подгонять пленников.

А где-то далеко, почти на горизонте, вспыхнуло пятнышко: прожектор советского батальона. Светлая дорожка неторопливо и размеренно перекатывалась по пустынной равнине. Сначала вправо, потом влево...

II

Джафар уже несколько раз бросал взгляд на часы. Русские отличались точностью и аккуратностью. Эта черта нравилась ему. Деловой человек должен быть пунктуальным и точным. И он часто подчеркивал это на совещаниях. «Куда же они пропали?» — подумал директор. В половине пятого он наконец решил позвонить охраннику. Тот бодро доложил, что машина уже выехала, назад не возвращалась. Джафар положил трубку. «Надо было спросить, когда выехали», — запоздало подумал он и почувствовал, как вспотела у него спина.

Директор поерзал в кресле, расстегнул воротник. В соседней комнате ждал накрытый стол. «Выслать машину на встречу? Нет, лучше позвоню, спрошу, когда выехали».

— В три часа, — ответил охранник.

— В три?! Что же ты сразу не сказал? — не дожидаясь ответа, Джафар бросил трубку.

Он потер виски. Что-то случилось. Надо звонить в ХАД*. Директор уже протянул руку к телефонной трубке, но встречный звонок опередил его.

— Салам алейкум, слушаю...

— На автобус с советскими специалистами совершенно нападение, — донесся возбужденный голос. Говорил помощник начальника ХАД провинции. — Где они сейчас — пока не знаем, — и он принялся разъяснять детали.

— Воронцову позвонили?

— Надо сообщить немедленно, — посоветовал Джафар.

— Разберемся...

III

Иван Васильевич Сапрыкин надел свежую рубашку и спустился во дворик, чтобы не спеша выкурить сигарету перед отъездом. Позавчера они сдали цех, и по этому случаю директор строящегося комбината Алимухамед Джафар пригласил всех советских специалистов на обед. Автобус уже стоял возле их двухэтажного особняка. Дом казался игрушечным по сравнению с толстой глинобитной стеной, которая его окружала. Особняк построили значительно позже, чем старый, местами уже начинающий разрушаться дувал. Абдулхаким, старичок-водитель, дремал на сиденье.

Сапрыкин уже более года служил в Афганистане. Так и говорил о своей работе: «служба», «послужу еще». И никто не оспаривал его слова. Даже наши военные, которые стояли неподалеку, в нескольких километрах.

Во двор спустился Игорь Шмелев, расчесываясь на ходу. Появился переводчик Наби Сафаров, таджик по национальности, выпускник ташкентского «инъязы».

— Скоро остальные? — спросил Игорь.

— Спускаются.

Наконец вышли последние. Сапрыкин быстро пересчитал всех, чтобы убедиться, что никого не забыли. Все. С ним — пятнадцать.

— Ну что, вперед, — сказал он негромко и первым направился к автобусу.

* ХАД — органы госбезопасности в Афганистане.

— Тихов, автомат взял? — спросил Сафаров.

— Взял, взял, — ответил Тихов, полнеющий блондин в подвернутых джинсах.

Автобус закружил по узким улочкам города. Кто-то закурил, открыли окна, чтобы выветривался дым. Погода стояла совсем не январская — плюс десять. Как в конце марта где-нибудь в средней полосе. Сапрыкин вспомнил свой Брянск, откуда он неожиданно для себя вдруг решил уехать, бросить все и отправиться куда-то к черту на кулички, за тысячи километров, в страну, про которую последнее время говорили столько противоречивого, восторженного, пугающего, туманного.

Иван Васильевич уже перешагнул тридцатипятилетний рубеж, но в принципе мало в чем изменился после тридцати. Может, чуть погрузнел, да и лоб все больше «наступал на темечко», как он сам выражался. Моложе и стройней его делали джинсы с напленкой «левис». Штаны как штаны, когда намокнут — пачкают ляжки и колени в синий цвет. А вот наденешь их — вроде как помолодел.

Самым молодым был Игорь Шмелев. Сейчас он высунулся в окно, остальные дремали. Водитель Абдулхаким, или как его попросту звали, Абдулка, отчаянно сигналил и с рискованной виртуозностью петлял между «тойотами», «рено», автобусами, увешанными, словно цыганки, цветными побрякушками. Они миновали узкие улочки, тянущиеся между рыжих дувалов, и выехали на шумную торговую улицу с дуканами по обе стороны. Затем автобус повернул у старой мечети на магистраль, которая вела к центру города. Они миновали пост царандоя* с регулировщиком в непривычно яркой, будто карнавальная, форме.

По бетонке автобус пошел веселей. В салон ворвался встречный ветер. Сапрыкин привстал, чтобы закрыть окно. Впереди он увидел грузовик, который развернули поперек дороги. Абдулка стал тормозить. «Нашел, где застрять», — с недовольством подумал Сапрыкин. Вдруг из-за грузовика выскочил высокий человек. Он резко выбросил вперед руку, оказалось, в ней зажат пистолет. Выстрелы хлопнули, как ненастоящие. В первое мгновение Сапрыкин подумал, что это какая-то нелепая ошибка или шутка, но тут же его обожгла догадка. Что-то загремело. Абдулка подскочил и рухнул на рулевое колесо. Надрывно и протяжно загудел сигнал.

— Душманы! — раздался чей-то истошный крик.

* Царандой — афганская милиция.

Сегодня с утра у командира мотострелкового батальона Воронцова было приподнятое настроение: позвонил командир полка Тубол и приказал через два дня оформляться в отпуск. Домой! С самого утра Воронцов уже предвкушал, как обнимет в аэропорту дочку — студентку-второкурсницу, жену Ираиду Рузиевну, которая с каждым разом пишет ему все более любвеобильные письма, словно вернулась чувствами в пору своей юности.

Ведь что самое трудное в службе в Афганистане? Да — жара, пыльные бури, угрюмая тишина гор за палаточным окном. Будни нелегкой походной жизни, когда о самых привычных ранее вещах вдруг затоскуешь остро и безнадежно. Конечно, душманские засады, которые подстерегают в самых неожиданных местах. Но самое трудное все же — ждать. Ждать желанной, но такой несбыточно-далекой встречи с родными и близкими, ждать, когда истекут томительные, однообразные, похожие друг на друга, дни и месяцы. Ждать возвращения на Родину, которое воспринимаешь как самую главную и дорогую награду.

Так думал сейчас Воронцов, и был по-своему прав. А без четверти пять он принял по телефону сбивчивый доклад переводчика из ХАДа и в первую минуту растерялся, не зная, что предпринять в этой ситуации. «Объявить тревогу? А что дальше?» Воронцов постарался сосредоточиться, пересиливая желание тут же поднять батальон на ноги, звонить «наверх». Такая у него сложилась привычка за время службы: когда сваливалось на голову неожиданное известие или того хуже, ЧП, не предпринимать ничего в первые три-четыре минуты. Может быть, и не лучшая привычка, но она спасала его от поспешных решений. «Отпуск откладывается на неопределенное время, — с тоской подумал он и тут же упрекнул себя в эгоистичности. Воронцов вспомнил о земляке Сапрыкине, о ребятах-спецах, и смешанное чувство жалости, злости и досады охватило его. «Надо перекрыть дороги, организовать поиск! По горячим следам можно еще успеть». Он позвонил в ХАД и спросил, перекрыты ли дороги и пути из города. Переводчик ответил утвердительно.

— Какая нужна помощь?

Переводчик ответил не сразу.

— Нужны подразделения для поиска, — наконец ответил он.

И Воронцов понял, что в ХАДе еще тоже не знают, с чего начинать. «Все на нас надеются... А кто же, черт побери, будет искать, как не мы...» Потом он попросил соединить его с Туболом, соображая, что докладывать по существу дела.

Подполковник Тубол выслушал доклад молча, не перебивая и не уточняя. Только в конце, когда Воронцов замолчал, ожидая ответа, довольно отчетливо выругался. Прозвучало это тихо и оттого еще более неприятно.

— Вот что, — сказал Тубол, — снаряжай две поисковые группы. Вышлешь их в район...

Он сделал паузу, и Воронцов понял, что Тубол смотрит на карту, и тоже повернулся к карте, висевшей на стене.

— В районы...

Населенные пункты находились много восточнее города. «Отсекает от пакистанской границы», — понял Воронцов.

— Пока все. Остальное берем на себя, — Тубол помолчал и потом, не сдержавшись, выплеснул раздражение: — Как же они у вас из-под носа наших людей увели? Рохли...

Воронцов промолчал. Тубол дал еще несколько указаний по организации засад и положил трубку, не попрощавшись. Воронцов крикнул от досады, ответно хлопнул трубкой.

— При чем тут мы? — раздраженно спросил он, потом выскочил в коридор.

— Дежурный!.. Дежурный, твою мать, где ты?.. Третью роту — по тревоге! Командира — ко мне.

Воронцов снова плюхнулся на стул, подперев рукой большую, с глубокими залысинами голову. Он подумал о Сапрыкине, о том, что совершенно не представляет, как быть в такой ситуации, но тут раздался стук в дверь. «Гогитшвили», — подумал Воронцов. Вошел высокий рыжий старший лейтенант, следом за ним — начальник штаба Рощин.

— Гогитшвили, вам приходилось когда-нибудь охотиться? — спросил Воронцов, стараясь не суетиться.

— Нет, — коротко ответил Гогитшвили и подумал, что командир скажет сейчас: «А я-то думал, все грузины — охотники». Или что-то в этом роде.

Но командир сказал:

— Тогда слушайте внимательно. Душманы захватили и утнали в неизвестном направлении пятнадцать советских специалистов с комбината... Да, тех самых. Нам поставлена задача организовать поиск. Возьмете два взвода. Сами будете при одном из них. Выезд через двадцать минут.

Воронцов уточнил порядок поддержания радиосвязи,

маршрут выдвижения. Пасек приказал взять из расчета на пять дней.

— Все, не теряйте времени!

V

Читаев, с треском отворив дверь, вошел в комнату. Дверь все время застревала в проеме.

— Третьей роте тревогу объявили, — сообщил он громко и с размаху сел на кровать. Она жалобно взвизгнула под ним.

— А что случилось?

Лейтенант, сидевший за столом, отложил в сторону недописанное письмо. Читаев, не глядя, потянулся рукой к магнитофону — убавить звук.

— Душманы выкрали наших спецов. Угнали вместе с автобусом. Вот такие дела, Володя.

— Это с мукомольного? — тихо воскликнул Владимир.

— Оттуда... Роту Гогшвили отправляют на поиски.

— Далеко?

Читаев пожал плечами.

— А они что, без оружия были? — снова спросил Владимир.

— А кто сейчас разберет...

В коридоре модуля * загрохотало: кто-то в темноте зацепился за бачок для питья, стоявший у входа. Раздавались тяжелые шаги.

— Идет Алеша, гремя победитовыми подковами, — прокомментировал Читаев.

В следующую секунду дверь растворилась с еще большим треском, в комнату ворвался широкоплечий старший лейтенант с гусарскими усами. Это и был командир первого взвода Алексей Водовозов.

— Слышали? — прямо с порога гаркнул он.

— Слышали, — хором ответили Читаев и Хижняк.

— Вот подлецы-то, а? Вот подлецы? — продолжал греметь Водовозов. Тихе он говорить не умел — на определенной, по мере уменьшения, мощности звука голос его срывался, переходил в трагический свистящий шепот.

«Сейчас начнет ходить взад-вперед по комнате, расталкивая стулья», — подумал Читаев и не ошибся.

— Вот что хотят, то и делают, — продолжал Водовозов, меряя своими шагами крохотную комнатку и каждый

* Модуль — здесь сборно-щитовой одноэтажный дом.

раз резко отодвигая стул, стоящий посредине. Казалось, что именно этот стул, беспрестанно попадающийся ему на пути, был виновником всех бед и напастей.

— Найдут или нет? — вслух подумал Водовозов и сам себе бодро ответил: — Должны найти. Если не перерезали. Ты как думаешь, Читаев?

Сергей не ответил, потер ладонью светло-пепельный ежик волос.

Алексей, не дождавшись ответа, встал, по привычке мельком глянул в зеркало, поправил смоляной чуб над облупившимся носом.

— Схожу в роту, проверю, как там дела, — сказал он, надевая фуражку. — Чтобы все было чин-чинарем.

— Думаю, скоро и мы подключимся к поискам, — повернулся Читаев к замполиту, когда Алексей ушел. — И вообще, это, кажется, серьезно и надолго.

— Может быть, — отозвался Владимир. — Ты у нас теперь за командира, тебе и перспективу определять.

Сергей исполнял обязанности командира третьей роты. Капитану Сахно, которого он замещал, перед самым отпуском крупно не повезло. Отправился он на бронетранспортере, уже с отпускным чемоданом, на аэродром. И надо же было такому случиться, что везучий и всегда удачливый Сахно, который ни разу не подрывался, не попадал под сильный обстрел и вообще жил без бед и невзгод, наскочил в этот раз на мину. БТР так тряхнуло, что оторвались два колеса. Пострадал же один Сахно: упал с брони — и неудачно, поломал руку. Пришлось вместо отпуска ехать в госпиталь. Читаева назначили как более опытного, он уже год отслужил в Афганистане.

VI

Воронцов то и дело вставал из-за стола, закуривал очередную сигарету, бросая хмурые взгляды в окно. На улице темно. Частые порывы ветра подымали пыль над дорогой, временами они затихали и, как бы подкрадывались, вдруг раскручивали пыль в маленькие шелестящие смерчи. На зубах хрустел песок.

Два взвода Гогошвили в установленное время выходили на связь. Доклады поступали неутешительные. Душманы и их заложники как в воду канули.

— Угораздило же их выехать без охраны, — сокрушительно вздыхал командир взвода связи лейтенант Птицын, который сидел сейчас за большим столом в кабинете Во-

ронцова и вычерчивал график в журнале поступающих сообщений.

В углу ударили большие часы: «Дин-донн!» — пять. Эмалированный круг с римскими цифрами, под ними — медленно отсвечивающий маятник за стеклянной дверцей. Подарок первого секретаря городского комитета НДПА. Два флажка — советский и трехцветный афганский — на специальной подставке для часов. Ухоженный кабинет был гордостью комбата.

— Иди узнай, Птицын, — сказал Воронцов, оторвавшись от своих мыслей, — может, какое сообщение есть.

Минут через пять Птицын вернулся.

— Все по-старому, — доложил он.

— Третий день — и все впустую, — в сердцах бросил Воронцов. Несколько раз он испытывал желание хлопнуть дверью кабинета и лично ринуться на поиски. Во главе роты.

Тубол требовал активности. После его звонков Воронцова всегда одолевали тоскливые мысли. Его обижало, что Тубол, требуя от него решительных действий, неизменно подчеркивал: специалистов надо найти во что бы то ни стало. Складывалось впечатление, будто он, Воронцов, этого не понимал. И, во-вторых, не нравились Воронцову постоянные намеки: «Стараться можно по-разному...» Выходит, он не старательный офицер, все, что ни делает, — так, только для виду, а он, Тубол, это прекрасно видит и понимает. «Эх, не дадут дослужить спокойно», — думал Воронцов, доставал грязный платок, сморкался афганской пылью и не вспоминал об отпуске.

«Дин-донн!» — поплыл мягкий тягучий звук. Полшестого.

— Эти часы с ума могут свести, — буркнул Воронцов, не заметив двусмысленности фразы.

Он встал, подошел к окну. Над брезентовым рядом палаток вспыхнули фонари на столбах. Худосочные деревца, посаженные на одном из субботников, гуляли на ветру, как тростники. Хотя в кабинете было тепло, Воронцов физически ощущал, как сейчас холодно на этом пронзительном ветру, и зябко поежился, подумав о роте Гогишвили, которая сейчас далеко, среди гор. На чужой земле. Как они там? Он приказал взводам объединиться и действовать вместе. Только будет ли от этого толк?

Воронцов смотрел на палатки, на людей, которые снова вали взад-вперед. «А вдруг Гогишвили уже их проворонил? Эх, надо было отправить Читаева».

Воронцов хорошо помнил, как прибыл в батальон Читаев — буквально через день после его приезда в ДРА. «Ну что, будем вместе служить?» — спросил он его на беседе. Читаев не ответил на риторический вопрос, и Воронцов понял, что подумал лейтенант: «Придется, раз ты комбат, а я назначен к тебе взводным». «С характером лейтенант», — сразу определил Воронцов, и это ему понравилось. Через несколько дней Читаев попал в душманскую засаду. В гиблой ситуации голову он не потерял, когда чуть стемнело, вывел людей под прикрытием дымов. Потом он докладывал, а Воронцов смотрел в чистые лейтенантские глаза и пытался найти в их глубине остатки страха. Но видел лишь, как мерцали холодные искорки спокойствия. И лишь что-то в голосе, наверное, излишнее старание говорить ровно и бесстрастно, выдавало пережитое напряжение. «Ведь как держится!» — думал Воронцов, глядя в невозмутимые глаза, и где-то в душе засомневался, сумеет ли сам быть таким же хладнокровным...

Время вновь напомнило о себе приглушенным баритоном часов.

— Птицын, — встрепнулся Василий Семенович, — начальника штаба ко мне.

— Петр Андреевич, что вы думаете о действиях роты Гогипшвили? — спросил он, когда пачштаба вошел.

— Я думаю, что на своем участке Гогипшвили душманов не пропустит, — тут же ответил капитан Роцин, сразу поняв, что имел в виду комбат. — Иное дело, — продолжал он, — что шансы на успех у нас, да и у всех участвующих в операции малы.

Роцин кивнул на карту.

— Мы ведем поиск вслепую, нужны агентурные данные о местонахождении заложников.

— Я того же мнения, — признался Воронцов. — Поиск затянулся... А что делать? Ждать?

— Угораздило же их выехать без охраны! — снова сокрушенно вздохнул Птицын. — А теперь приходится ва-зиться.

Комбат удивленно посмотрел на лейтенанта, выдержал паузу и медленно произнес:

— Птицын, в городе всегда ездили без охраны. Это первых. И второе. Идите-ка побыстрее к подчиненным, во взвод.

Лейтенант ошалело вскочил, одернул китель и выбежал за дверь. Начштаба слегка улыбнулся. Воронцов же хмуро сдвинул брови.

— Вот гусь... В общем, надо людей возвращать обратно. Такое будет решение.

VII

Солнце провалилось за горы, стало темно и смутно. Но моджахеды, казалось, нюхом определяли путь; дорога хрустела гравием. Где-то далеко позади по равнине перекашивался пустой луч прожектора. Душманы по-прежнему торопились, подгоняли пленников прикладами и плетками. Шли по ровной местности, потом начали спускаться. На дне оврага группы остановили. Пахло глиной и остывшими камнями. Темным пятном угадывался грузовик. Пленникам приказали забраться в кузов. Потом полезли бандиты. Они крихтели, переругивались вполголоса, лезли по головам, как огромные пауки, наконец уселись кто на ком, грузовик тут же тронулся.

Здоровенный детина взгромоздился прямо на Шмелева и Сапрыкина и на каждом ухабе ворочался, выбирая положение поудобней, словно и не сидел на людях. От него исходил крутой запах невыделанной овчины.

Всю дорогу Шмелева точила мысль о побеге. Он пытался дать хоть какой-то знак Ивану Васильевичу, с которым его связали. Когда машину в очередной раз тряхнуло, Сапрыкин, улучив момент, хрипло шепнул:

— Ты не торопись, сейчас не время...

Шмелев заерзал и ничего не ответил.

Ехали долго. Казалось, вот-вот грузовик развалится на части и все рухнет куда-то между отлетевших колес. Но машина, как ни странно, с ревом ползла дальше.

Сафаров ругался площадной бранью. Бандит отчаянно бил его каблуком, но Сафаров продолжал поносить его руганью на русском и таджикском одновременно.

— Побереги силы, Сафаров, — подал голос Сапрыкин и тут же получил удар ногой.

Сафаров же, казалось, никого не слышал.

Наконец грузовик остановился. Это было глухое горное ущелье. В темноте угадывалась каменистая дорога. Впереди ярко светилась пещера — в ней метался огонек. Туда и двинулись. В неверном свете костра темные угрюмые стены пещеры и такие же непроницаемые лица душманов казались зловещими. Пленников заставили лечь на землю. Из черноты входа, словно призраки, появлялись заросшие бородатые люди. Они подходили к связанным и обессиленным людям, с любопытством разглядывали их, некото-

рые пинали ногами, тыкали стволами автоматов. Седобородый старик, узкоглазый и сухой, вдруг вырвал из ножен кинжал и резко занес его над Тарусовым. Тот отшатнулся и вскрикнул. Но старик лишь слегка кольнул Тарусова в грудь. Душманы весело засмеялись. Делали они все без особой злости, но с той долей обязательности, которая всегда есть в поведении победителя по отношению к побежденному.

Появился «Иисус», что-то сказал, и через несколько минут пленникам принесли ведро воды. Руки у всех были по-прежнему связаны за спиной, поэтому, чтобы напиться, приходилось вставать на колени и удерживать равновесие.

Пленников на время оставили в покое. Двое с автоматами остались у входа. Только теперь узники почувствовали, как измотались и устали. Из глубины пещеры тянуло могильным холодом, мерзлый камень, казалось, вытягивал последнее тепло. Многие впали в полузабытье. Не смыкал глаз лишь Тарусов: его била сильная дрожь.

— Что же с нами будет теперь, Иван Васильевич? — шепотом спросил он, повернув голову к Сапрыкину.

Сапрыкин разлепил глаза, глянул на Тарусова.

— Будем ждать, пока не освободят. Если сможем — бежим.

— Уйти хотя бы одному, чтобы привести наших, — горячо и напористо зашептал Шмелев.

— Уходить надо всем. Захватить у душманов оружие. Одному плохо — поймают. Да и дожидаться тебя с подмогой не станут. Уведут остальных в другое место. А не успеют, сам знаешь, не пожалеют... Бежать надо всем вместе.

Сапрыкин замолчал и закрыл глаза. Попытался заснуть, но прошедшие события вертелись в голове, не давали покоя. Смерть Тихова... Отчетливо и ясно, словно на контрастном снимке, вспомнил, как вскочил навстречу бандиту, а потом — удар... «Останется шрам, — вяло подумал он, — конечно, если буду жив».

И снова с острой болью он подумал о Тихове. Когда его убили, он почувствовал только ужас, все смешалось... Сам напросился, чтобы ему доверили автомат, бравировал... Веселый, простодушный Тихов. В Пензе — жена, ждет с двумя детьми. Теперь вдова.

В чем же была их ошибка? Сапрыкин попытался сосредоточиться. Мешала головная боль. Как еще череп не проломили... Кто же виноват, что они попали в лапы душманов? Они всегда ездили без охраны. Оружие брали так, для порядка. Винить погибшего?

Голова раскалывалась. У Сапрыкина было такое чувство, будто ему в черепную коробку запахали горячий кирпич, и от этого глаза вот-вот должны вылезти из орбит. Сапрыкин прикрыл веки, чтобы не видеть ни тлеющего костра, ни блестящих глаз душманов-охранников. «Себя винить надо, — подумал он с горечью. — Я — старший, значит, с меня и спрос».

Лишь перед рассветом забылся Сапрыкин в настороженном сне. Как только начало светать, охранники подняли всех, вывели из пещеры и построили. «Иисус» уже ждал их; стоял, широко расставив ноги, прищуренные глаза смеялись. Вместо чалмы и традиционной афганской одежды на нем были каракулевая шапка и шаровары, заправленные в ботинки с высокой шнуровкой, костюм дополнял грязный серый свитер, надетый под кожаную меховую безрукавку. Время от времени к нему подходили сообщники, он давал им краткие указания. Одеты были по-разному, хуже его, за исключением одинаковых у всех ботинок. У каждого за спиной торчал «бур» или автомат.

Вокруг громоздились скалы, уходящие высоко вверх, изборозжденные трещинами, обветренные. Словно морщины на лице гигантского каменного края. Солнце всходило, растапливало клочки тумана, и воздух почти на глазах светлел, становился прозрачным. Голубые тени на островках снега постепенно исчезали, снег белел на глазах; вступал в силу извечный в горах закон контраста.

Чернобородый что-то сказал, кивнув в сторону пленных, и двое подручных принялись развязывать веревки. Видно посчитал, что пленным теперь не убежать. «Свою силу знают», — подумал Сапрыкин.

Все молчали, даже Сафаров, он опустил голову и сосредоточенно выковыривал носком ботинка камешки на дороге. Верилось и не верилось, что это он стоял сейчас с вывернутыми назад руками в черт знает где затерянном ущелье. Казалось, что никогда не покидал он пределов Родины и не было в помине кошмарной ночи, не было расстрелянного Абдулки и зарезанного Тихова.

Нет ничего тягостней и страшней, чем первое утро в неволе, когда надежда на спасение становится маленькой и ничтожной, как последняя спичка в зимней тайге. Родина, могучая, огромная, сильная, где ты? Кажется, прямо за проклятым хребтом, только перешагни его, — и она раскинется во всей своей силе и величии.

Приди, Родина!

Читаев появился в модуле поздно вечером. Хижняк и Водовозов уже сидели в комнате и пили чай. Он назывался изысканно: «седой граф».

— Что задержался? — спросил Хижняк.

— Старшине указания давал, — хмуро ответил Читаев. — Комбат сказал быть готовыми в любую минуту на выезд. Поедем, наверное, на смену Гогипшили. Они завтра возвращаются.

Он сел за стол, приподнял чайник, проверяя на вес его содержимое, плеснул себе в стакан, сыпанул чая. Сделал глоток, обжегся. «Сегодня не успели, — подумал он, глядя, как медленно распускаются чайники, — а завтра, если не будет вводных, надо будет еще раз почистить оружие...»

С самого утра рота занималась по расписанию — отрабатывали действия в наступлении в горной местности. А после обеда разгружали два тяжелых Ми-6. Вымотались изрядно.

— Завтра людей на чистку оружия.

— Сколько же его чистить? — отозвался Хижняк и зевнул.

— Не помешает, — отозвался Читаев довольно резко.

Последние дни он ходил раздраженным и взвинченным. Сегодня ни с того ни с сего резко отчитал рядового Щеккина — добродушного увальня с веснушчатыми веками. Хотя и повода не было: приказал ему принести журнал боевой подготовки, а тот, перепутав, принес журнал для политзанятий. Потом, после обеда, случился конфликт с начальником штаба Роциным. Пытался доказать ему, что рота слишком часто привлекается на подсобные работы. «Я вам приказываю», — вспомнил он ледяной тон Роцина и мысленно послал его ко всем чертям.

— Интересно, в какой район нас направят? — вслух подумал Водовозов, подошел к карте Афганистана, приколотой кнопками к стене.

— А тебе не все равно? — буркнул Читаев. — Куда прикажут, туда и пойдешь. Твое дело маленькое.

Водовозов хмыкнул неопределенно. Он понял выпад Читаева по-своему. Читаев теперь, мол, за командира роты, а им, значит, и соваться нечего.

— Зря ты так, — сказал Водовозов. — Ну и что из того, что мы меньше тебя здесь служим. Я вот, к примеру, в армии побольше тебя...

— Ладно, отстань.

Читаев отодвинул стакан, взял сигареты и вышел из комнаты.

«Пройдусь», — решил он.

Палаточный городок уже затих. Было темно, тускло мигали фонари на столбах, покачиваясь под порывами холодного ветра, да теплым желтым светом горели окна офицерского модуля. Дорожка, посыпанная гравием, вела мимо столовой, прямоугольных рядов палаток, а в конце умиралась в небольшой домик — медпункт. «Остался еще год», — думал Сергей. Он не представлял себе дальнейшую службу в Союзе — настолько свыкся с тревожным бытом афганских будней. Не представлял, как можно будет после работы спешить домой, жить какой-то другой, семейной жизнью. Он не мог представить всего этого, потому что практически не знал, не видел другой жизни, не видел ничего, кроме своего взвода, кроме своих друзей, одетых в такую же форму, как он. Право, в чем-то другом он и не нуждается.

— Что, не спится, товарищ лейтенант?

Читаев вздрогнул от неожиданности и, повернувшись, увидел фигурку в тени крыльца медпункта.

— Лена?

Он подошел ближе. Да, это была Лена, невысокая светловолосая девушка, которая недели три назад зашивала ему ссадину на голове.

— Вот, вышел воздухом подышать.

— Как ваш... — она хотела спросить «лоб», но передумала и сказала: — Ваша рана?

— Какая рана... Царапина, пустяки. Вы тогда ее хорошо заштопали, — Читаев потрогал шрам пальцами. — Теперь буду внимательней.

Он ехал на бронетранспортере, зазевался, когда проезжали под деревом, и зацепился за ветку. «Могло бы вообще башку оторвать», — заметил тогда командир роты Сахно. Сергею же было не до шуток. Кровь заливала глаза, голова трещала. Его наскоро перевязали и отвезли в медпункт. Там он и попал в руки белокурой медсестры. Она вытерла ему кровь с лица, осторожно обработала рану. Боль была дергающая, тянущая, но Сергей пытался острить: «Ты, сестричка, поплотней зашивай, а то последние мозги вытекут». Маленькие ручки пахли медицинским и еще чем-то легким и ароматным. «Наверное, цветочное мыло, в военторге покупала», — подумал Читаев. Ручки зашивали ловко и быстро. Из-под белой шапочки выбилась светлая прядь, похрустывал накрахмаленный халатик, который едва доходил

до колен. Медсестра старалась быть подчеркнута строгой. Сергей поддразнивал:

— А где тебя учили шить, красавица, на курсах кройки и шитья?

— Я закончила медучилище.

— А звать как тебя, красавица? — спросил он, хотя прекрасно знал ее имя.

— Лена. Лежите спокойно.

— Платят, наверное, по выработке — за количество швов? — не унимался он.

Она закусилла пухлую губку и больше не отвечала.

Сейчас Сергей вспомнил это, и стало стыдно за свою пошлую развязность. «Корчил из себя провинциального героя»...

— А что же вы не спите? Время позднее.

— Тоже вот вышла подышать воздухом, — она улыбнулась в темноте, Сергей почувствовал это по голосу. — Девчонки накурили.

Сергей щелчком отшвырнул сигарету.

— Да ничего, ничего, вы курили бы. Это я так сказала...

— По дому скучаете? — спросил Сергей.

— Скучаю, — вздохнула она

— А зачем же сюда поехали? — Сергей запоздало понял, что вопрос прозвучал навязчиво. — У нас, военных, особо не спрашивают желания, прикажут — едем, — добавил он.

— С мужем развелась, — просто ответила Лена. — Скажать, почему?

— Да нет, что вы! Лезу тут с вопросами. Простите, ради бога.

Они замолчали. В разрывах туч мерцала луна. Облака бесшумно и мрачно неслись, подобно дымному ветру. Едва слышно авучал магнитофон в модуле: «Ну что сказать, ну что сказать, устроены так люди...»

— Как сейчас тихо и спокойно. Даже и не верится, что где-то бои. Вам не кажется странным, что вы сейчас здесь, вдали от всего привычного, от родителей, друзей, родного двора?.. Странно и страшно. Знаете, когда ехала сюда, думала, что будет свист пуль, взрывы, атаки душманов, ну, как в кино. А здесь, в общем-то, спокойно.

Она засмеялась.

— Смешная я, наверное? Вам не скучно?

— Нет-нет, что вы, — поспешно ответил Сергей.

— Когда прилетела сюда, сначала все время по сторо-

нам оглядывалась, думала, вот-вот откуда-нибудь из кустов стрелять начнут. Потом прошло. Оказывается, ничего страшного нет... Сначала было тоскливо. Даже ночью пару раз всплакнула. Все чужое, незнакомое, никуда не выйдешь. Вокруг одни мужчины. А тут еще ваш командир роты, Сахно, кажется? Смотрит, будто раздевает глазами. «Приглашаю вас, мадемуазель Элен, на автомобильную прогулку в город», — передразнила она.

— Вообще-то он неплохой... мужик, — попытался заступиться Сергей. — Просто...

— Не знаю. Да и вы тоже: «Красавица, красавица». Знаете, к кому так обращаются? К той, определенной категории женщин.

Сергей смущенно хмыкнул.

— Я вообще-то из лучших побуждений, вы не думайте.

Лена зябко поежилась. Было холодно. Она по-прежнему сидела на крыльце, а лейтенант стоял, катая носком сапога камешек. Безмолвными тенями прошла караульная смена.

— Вы не замерзли?

— Нет, я закаленный, — ответил он бодро, хотя действительно продрог.

— А вот и замерзли, — почему-то обрадовалась она. — Знаете что, давайте-ка спать.

В короткое мгновение у Сергея мелькнула мысль, что Лена зовет к себе, но она протянула ладошку, и он, чуть замешкавшись, пожал ее. Рука была совсем холодная.

— Спокойной ночи, — и ушла, не оглянувшись.

Когда Сергей вернулся в комнату, все уже спали. Он тихо разделся и лег на кровать. Спать совершенно не хотелось. «Хорошо», — подумал он, и через несколько минут уже спал.

IX

Шли четвертые сутки поисков. Рота Гогишвили возвратилась, так ничего и не обнаружив.

В полдень Воронцов выехал к начальнику ХАД полковнику Азизу. Он миновал охрану: двое молодых людей с автоматами узнали и приветствовали его. Воронцов быстро поднялся по каменной лестнице на второй этаж. А наверху уже встречали Азиз и его переводчик Карим. Поздоровались по-европейски — коротким рукопожатием, без традиционного касания щеками.

— Не уберегли, рафик Воронцов, не уберегли... — Азиз вздохнул и развел руками, мол, что уж тут оправдываться.

— Найдено тело одного из специалистов, Тихова, — мрачно перебил Воронцов.

— Где? — Азиз вскинул брови.

— В трех километрах от города... Саперы обнаружили в кустах. Убит ножом.

Азиз покачал головой, прошелся по кабинету.

— Предположительно мы установили, что акцию осуществляли люди из банды Джелайни.

— Джелайни? — переспросил Воронцов. — Не слышал о таком. Что за человек?

Вслушав переводчика, Азиз как-то странно посмотрел на Воронцова.

— Человек с сильной волей, жестокий, коварный, умный, — неторопливо начал рассказывать он. — Его люди уважают его и боятся. В банде пятьдесят-шестьдесят человек — активные штыки. Это — ядро. Кроме того, человек сто — сто пятьдесят из кишлаков в районе Мармуля и Чаркента — резервный слой. Имеют оружие, но участвуют в боевых действиях больше по принуждению, — в случае когда банде не хватает своих сил... Пленники, скорее всего, увезены в горы.

Азиз подошел к карте и показал смуглой рукой три точки.

— Вот, предположительно здесь. Горы высокие, много пещер. В ущелье Мармуль создан укрепленный район. Вы это знаете, да? Здесь — опорные пункты, наблюдательные посты, есть даже система оповещения. Перед входом в ущелье — контрольно-пропускной пункт. На право передвижения по району выдают пропуска. Как у вас в части. Штаб, служебные помещения, казармы, склады размещены в пещерах. Есть тюрьма, типография. Печатают антиправительственные и антисоветские листовки. Опорные пункты оборудованы позициями автоматчиков, пулеметчиков, минометчиков. Оборона — многоярусная. Из допросов пленных известно, — продолжал переводить Карим, — что в бандах есть американские и пакистанские офицеры-инструкторы. Живут и питаются они отдельно. Для них оборудованы комфортабельные подземные укрытия. И еще одно. В Мармуле появился европеец. Говорят, русский. Но не из Советского Союза. Кто он и чем занимается, пока не выяснили.

Воронцов внимательно слушал переводчика, следил за выражением черных бесстрастных глаз Азиза. Говорил он глухим, монотонным голосом. Как и большинство афганцев, Азиз был худощав, смугл, носил усы. Ему было тридцать пять — тридцать семь лет. Еще Воронцов знал, что брат

Азиза возглавляет какую-то крупную банду. Братья разошлись по идейным соображениям еще да саурской революции, а сразу после нее стали ярыми врагами. Чем эта вражда закончится, никто не знал, но было известно, что каждый поклялся пощады друг другу не давать.

— В Мармуле есть наш человек, — продолжал Азиз. — Только трудно поддерживать с ним связь. Будем ждать информации от него.

Раздался телефонный звонок. Азиз снял трубку.

— Алейкум ас салам, рафик Саид Гулям Хейдар, — ответил он.

Воронцов понял, что Азиз говорит с первым секретарем провинциального комитета НДПА. Речь шла о специалистах. Воронцов услышал имя Джелайни. И еще одно слово понял он: «барадар» — «брат».

— Первый секретарь интересуется, как идут поиски специалистов, — сказал Азиз, закончив разговор. — А я пока ничего определенного сказать не могу.

Он невесело улыбнулся, пожалуй, впервые за время разговора.

— Как вы думаете, что с ними будет? — спросил Воронцов.

Азиз выслушал перевод, ответил не сразу.

— Не знаю... Ясно, что убивать их пока не будут. Могли это сделать и сразу.

«Станут ли они переправлять их в Пакистан?» — подумал Воронцов, глянул на карту и мысленно отмерил расстояние до границы.

— Путь не близкий. Надо идти через Гиндукуш, — угадав мысли Воронцова, заметил Азиз. — Поэтому я думаю, что пока они будут прятать пленников в ущелье. Душманы считают, что там их не найдут. А потом попытаются переправить специалистов в Пакистан. Но ждать нам нельзя.

— Надо еще иметь в виду, что в случае опасности душманы постараются уничтожить их, — заметил Воронцов.

— Да, операцию мы должны провести быстро и неожиданно... Во всех уездах у нас нелегально работают люди. Кроме того, растет круг сочувствующих народной власти.

Воронцов глянул на часы и встал, чтобы попрощаться.

— Может быть, чаю? — вежливо предложил Азиз.

— Нет, спасибо, пора.

Воронцов направился к выходу, но тут открылась дверь, на пороге появился директор комбината Джафар. Лицо его досланилось от пота.

— Вот и Василий Семенович здесь, — по-русски сказал он и тепло обнял сначала Воронцова, потом Азиза.

От Воронцова не укрылось, что Джафар заметно осунулся за последние дни. Глаза его, обычно подвижные, были усталыми, кожа лица приобрела сероватый, нездоровый оттенок. «Переживает», — подумал Воронцов. Джафар почему-то напоминал ему продавцов плова, которых он видел в Ташкенте, — грузных, неторопливых, радушных. Они с профессиональным изяществом насыпали в касу горку янтарных зерен, непременно подбрасывая их на лопатке, чтобы убедить покупателя, что плов рассычат, рисинка к рисинке не пристаёт. А сверху — сочное дымящееся мясо... Джафар такой же общительный, смешно коверкает русские слова. Тучность его фигуры скрадывалась за быстрой жестикуляцией, без которой он не мог обойтись, объясняя даже самые простые вещи.

Согласно афганскому этикету Джафар при встрече обязательно подолгу расспрашивал о делах, здоровье, семье, причем получалось это совершенно ненавязчиво и естественно. Но сейчас он изменил своему правилу.

— Плохо, командир, — стал жаловаться он. — Совсем не знаю, что делать. Без советских товарищей работа не идет. Ой, да какая работа — работа подождет, — всплеснул он руками. — На таких хороших людей руку подняли, бандиты, шакалы подлые. Тихова убили, дома семья ждет...

«Откуда он знает? — удивился Воронцов. — Ведь труп обнаружили наши...» Но спрашивать не стал.

— Ничего нового? — задал наконец Джафар вопрос, который его больше всего волновал.

— Пока нет, — коротко ответил Азиз и, подумав, добавил: — Предполагаем, что это дело рук Джелайни.

— А-а, — протянул Джафар то ли сочувственно, то ли испуганно.

— Только разговор остается между нами, — предупредил Азиз.

Джафар обсудил несколько вопросов с Азизом и попрощался.

— Давай, Василий Семенович, поехали ко мне. Будем вместе обедать.

Воронцов стал отказываться, мол, время слишком напряженное, но Джафар мягко, упорно настаивал, и Воронцов согласился.

— Только позвоню сперва в батальон, скажу, что нахожусь у тебя.

Джафар жил в небольшом двухэтажном особнячке недалеко от центра города. Рядом протекал арык, рукава его ответвлялись во двор, благодаря этому возле дома прижились несколько тополей. Вышла встречать хозяйка — женщина средних лет в темно-синем платье. Паранджи на ней не было, голову покрывал обычный темный платок. Пока она готовила угощение, мужчины прошли в комнату, которая, по всей видимости, служила кабинетом. На стеллажах покоились книги, в углу — письменный стол, рядом — телевизор. На полках Воронцов увидел несколько книг на русском языке: труды Ленина, два тома Шолохова, русско-пушту словарь. Джафар постелил тушак* и широким жестом пригласил гостя усаживаться. Воронцов стянул пыльные сапоги, оставил их у входа и сел, подложив под локоть маленькую подушечку. Хозяин скинул рабочий пиджак, снял галстук и надел поверх белой рубашки ярко расшитый халат.

Появилась жена, накрыла дастархан, принесла большое блюдо с рисом, лепешки, холодную баранину и какое-то темно-зеленое пюре. «Каша из маша», — вспомнил Василий Семенович слышанную где-то складушку. Закончив приготовления, женщина с неизменной улыбкой тихо вышла.

— Прости, что так скромно.

Неторопливо принялись за еду.

— Что пишет старший сын, как учеба идет? — спросил Воронцов. Он знал, что Сулейман, старший сын, вот уже несколько месяцев учился в Ташкенте. О жене спрашивать не стал.

Джафар расцвел:

— Вчера письмо получил — он, кряхтя, поднялся, взял со стола конверт. — Вот, слушай. Он пробормотал несколько фраз по-афгански и начал переводить:

— Учеба — трудно очень. Русский язык учу. Много друзей — русские, узбеки. Ташкент красивый, сильно нравится, как сказка. Цветные фонтаны... А, Василий Семенович, есть такое в Ташкенте?

— Не знаю, может быть, и есть. Я в Ташкенте один раз был — и то недолго.

— Вот. Пишет, что у нас тоже все будет, как в Советском Союзе, — большие города, колхозы, фабрики, метро, цветные фонтаны. Пишет: «Мы обязательно построим социализм»... — А ты как думаешь, построим? — оторвался от

* Тушак — матрас для гостей.

письма Джафар. — Ты старый, как и я, мудрый. Волос совсем мало на голове, как и у меня. Скажи честно!

— Построите, — ответил Воронцов и задумался. — Если народ сумеете накормить. Будет хлеб у народа — тогда он пойдет за вами... Да ты сам это знаешь.

— Тяжелое время, — вздохнул Джафар. — Ты, конечно, знаешь, что Джелайни — родной брат Азиза?

— Так это его брат? — изумился Воронцов. — Я знал, что его брат — главарь банды, но не знал имени.

— Да, брат... До этого он был в районе Баглана, а вот теперь, значит, у нас объявился.

— Тяжело будет Азизу...

— Ты расскажи, как дочка твоя? — решил сменить тему разговора Джафар.

— Учится на втором курсе медицинского института. Детей лечить будет.

— Хорошая специальность...

Оба замолчали. Воронцов взглянул на часы.

— Торопись? — понял Джафар.

— Пора.

Воронцов встал, вместе с директором вышел во двор, к машине. Они тепло распрощались, а Василий Семенович еще раз подумал: «Все же, откуда ему известно про Тихова?»

Х

Едва Воронцов переступил порог штаба, как его чуть не сбил с ног дежурный.

— Важные новости. Вот, только что прибыл товарищ из ХАДА.

Навстречу шагнул переводчик Карим — помощник Азиза. Досадуя на себя, Воронцов жестом пригласил гостя в кабинет и плотно прикрыл дверь.

— Слушаю вас.

— Несколько часов назад в районе кишлака Навруз прошла группа людей. Человек пять или шесть с оружием, остальные — безоружные. Дехканин из кишлака говорил, что те, кто был с оружием, гнали остальных в горы. Говорит, что это были пленные.

— Сколько пленных? — быстро спросил Воронцов.

— Человек десять, может быть, пятнадцать, он не считал.

— А в какой одежде: афганцы, русские?

— Говорит, что в нашей, афганской одежде.

— Так, — Воронцов выхватил сигарету из пачки, нервно затеребил ее. — Больше ничего не известно?

— Все.

Воронцов выглянул в коридор, крикнул дежурному:

— Роту Читаева — по тревоге!

Потом вернулся в кабинет, сел, обхватив голову руками. «Послать с ротой начальника штаба? А стоит ли? Помощник нужен и здесь». Окончательно не решив, Воронцов встал и быстро вышел на улицу.

...Роту тревога застала за чисткой оружия — прозаической работой солдата всех времен. Читаев в суматохе быстрых сборов успел подивиться, с какой скоростью солдаты собирали автоматы. Проследить бы по секундомеру на норматив! Лишь щелкали крышки ствольных коробок. Чмокали магазины, присоединяемые к автоматам — сразу по два, скрепленные изолентой вальетом друг к другу. Кто-то крикнул: «Едем спецов освобождать!» И эта фраза словно наэлектризовала всех.

Подбежал Хижняк.

— Сухпай на сколько дней?

— На трое суток. Получай на всю роту!

Прошло некоторое время, и все выстроились у боевых машин. Читаев начал проверять у каждого оружие, боеприпасы, фляги, индивидуальные пакеты. Курилкина, своего замкомвзвода, осматривать не стал, спросил лишь, на месте ли радиостанция. Тот спокойно кивнул. Солдаты были чересчур возбуждены. Читаеву это не понравилось: не на прогулку предстояло ехать. «Приключений им хочется», — недовольно подумал он как человек, для которого чувство опасности давно потеряло романтический ореол.

— Чему радуетесь, Щекин? — спросил он сердито, взглядывая солдату в сумку. — Магазины все?

— Так точно. Радуюсь, товарищ старший лейтенант, что спецов наших освобождать едем!

— Спецов, спецов... Кто вам сказал это? — недовольно пробурчал Читаев.

— Все знают! — радостно отозвался Щекин.

Читаев дошел до середины строя. Закончил свою половинку и Хижняк.

— Все в порядке?

Хижняк кивнул.

Воронцов задачу поставил коротко, попросил, чтобы не рисковали попусту, соблюдали тройную бдительность. На прощание пожелал успеха. Колонна тут же тронулась. Про-

водив ее взглядом, Воронцов вновь засомневался: «Может, стоило отправить с ними начштаба?»

...Такой бешеной езды, да еще в составе роты, Читаев давно не помнил. Он сидел во второй машине. Шоссе петляло, Читаев с тревогой думал о молодых водителях, но скорость не снижал. Потом дорога стала ровнее, справа от нее пошла «зеленка» — зеленая зона — обычное место засад душманов. Читаев подумал, что надо развернуть башенные пулеметы вправо, обернулся назад: все пулеметы как один уже уставились стволами в сторону зарослей. «Правильно», — мысленно отметил он, — не забывают маршрут». В прошлом году они сопровождали колонну наливников, и как раз в этой «зеленке» их накрыли духи. Одна машина загорелась. Водитель успел выскочить, а автомобиль свалился в кювет. Читаев помнил, каким страшным факелом горел бензин, как нервная дрожь колотила водителя... А вот и почерневший остов КамаЗа. Автомобильные кости.

Вскоре «зеленка» кончилась, и опять потянулись пустынные сопки, вырастающие на глазах в скалистые горы, потом дорога будто обрывалась в ущелье — так неожиданно плотно сдавливали ее устремленные вверх скалы, а серпантин все извивался и извивался среди горных круч. Все это было бы красиво, думал Читаев, даже прекрасно, если бы к восхищениям и восторгам не примешивалось постоянное ожидание опасности.

— Возле развилки свернешь на грунтовку! — скомандовал он Курилкину, который сидел в первой машине.

Минут через десять показался кишлак Навруз. Остановились возле первого дувала. Карим легко спрыгнул с бэтэра и, отказавшись от охраны, пошел напрямик к ближайшей двери дувала. Прошло несколько минут. Карима не было. Читаев хотел уже высылать людей, как в дверях появился Карим вместе со стариком. Старик что-то говорил, прижимал ладонь к груди. Наконец Карим распрощался и быстро заскочил на бронетранспортер.

— Ну, что? — спросил нетерпеливо Читаев.

— Бандиты здесь были около одиннадцати тридцати. Информация к нам поступила только после трех. Сейчас половина шестого. Значит, прошло около шести часов. Выдвинулись бандиты в этом направлении, — Карим показал по карте, расстеленной на коленях у Читаева. — Здесь есть Черная тропа.

— Почему черная?

— Сам не знаю. Так называли. Если мы двинемся вслед за бандитами, то вряд ли догоним. Но можно сократить. Мы

делаем крюк около сорока километров, — Карим прочертил пальцем дугу, — а здесь поднимаемся в горы пешим ходом. Навстречу душманам. Можем встретить их, можем и нет. Может, у бандитов есть пещера, и они захотят переждать. В горах воевать всем трудно: и тем, кто наступает, и тем, кто отступает. Но путь для отступления часто бывает только один, — изрек Карим.

И Читаев согласился с его словами.

— Плохо, что темнеет, — заметил он.

День уже догорал, когда колонна прибыла в указанное Каримом место. Картина предстала перед ними дикая и фантастическая. Пыль, которая только что дымилась, клубилась, вырывалась из-под колес, вдруг улеглась, исчезла, мертвое плато в серых пятнах верблюжей колючки. Рядом угрюмой стеной возвышались черные скалы, верхушки которых окрашивал холодный рубиновый свет. Горы на востоке виделись смутными пятнами. И такой же стылый рубиновый свет заливал все плато; беззвучно дрожали на ветру высохшие иголки верблюжей колючки.

«Как на далекой красной планете», — подумал Читаев и вяло передернулся.

Горы, ярко-кирпичные в лучах уходящего солнца, темнели на глазах. Еще больше похолодало.

Читаев собрал офицеров. Хижняк подошел неторопливо, встал рядом с ним; подбежал Птицын, одернув бушлат и поправив солдатскую шапку. Этот выезд был для него первым, он заметно нервничал, беспрестанно вглядывался в темнеющие горы и давно снял свой автомат с предохранителя. Последним подошел Водовозов. Карим тоже стоял здесь.

— Замысел: выдвинуться в горы, занять господствующие вершины и быть готовыми к встрече с противником, — без лишних слов начал Читаев. — Роту разделим на две группы. С первой пойду я и Водовозов. Карим и Хижняк — со второй. До рассвета группы должны занять вершины. В этом случае мы сможем контролировать перевалы и вести наблюдение в общем радиусе около пятнадцати километров. Так, Карим?

Тот молча кивнул.

— Расстояние по прямой между вершинами около десяти километров. Реально же на местности, естественно, больше. Горная тропа, на которой мы ждем духов, проходит между этими двумя вершинами... Охрану уничтожить внешним огнем из засады.

Надели тяжелые вещмешки с продуктами и боеприпаса-

ми, на поясах — фляги, сумки с магазинами и гранатами. Автоматы — на грудь. Тревожно щемит под сердцем. Офицеры молча обменялись рукопожатием. Итак, все готово.

— Попрыгаем, — сказал Читаев.

Раздалось глухое: гуп, гуп, гуп... Тяжело, но не слышно.

— Хорошо, — удовлетворился Читаев. — И последнее. Подойдите все ближе.

Солдаты послушно сгруппировались вокруг него.

— Помните, особенно те, кто в первый раз. Это вам не прогулка по горам, а боевая операция. За малейшую оплошность, халатность, ротозейство здесь платят жизнью. Каждому зарубить себе на носу: не курить и не жечь спички без разрешения. В ночное время горящий костер виден на расстоянии восьми километров, свет фонаря — на два километра, горящая спичка — на целых полтора километра. Соблюдать строжайшую тишину. Каждому запомнить, что звяканье оружия слышно на пятьсот метров, разговор — на двести метров. Не забывайте, что враг рядом. И еще одно. Напоминаю, что передвигаться надо, соблюдая правило трех точек опоры, ставить ногу на полную ступню, страховать друг друга. Все. У вас есть что-нибудь? — подчеркнуто официально обратился он к Водовозову.

— Нет.

— У вас? — Читаев повернулся к сержанту Курилкину.

— Есть. Если кто оступится и станет падать, то не орать. Молча падать. Все равно криком не поможешь, — мрачно подытожил он.

Читаев усмехнулся про себя: «Совсем запугал молодых».

— Курилкин, вперед! Ты, Алексей Иванович, пойдешь замыкающим.

Двинулись цепочкой, один за другим. Вначале шли по тропе, но скоро она пропала, начались сплошные камни. Двигаться стало труднее, увеличилась крутизна. Сначала Читаев почувствовал резкую усталость, ноги налились тяжестью, но вскоре тело разогрелось, движения словно сами по себе отрегулировались, пальцы привычно цеплялись за холодные выступы камней, ноги безошибочно находили опору. Впереди легкой поступью шел Курилкин. Он мгновенно, почти машинально определял самый удобный, самый экономный и безопасный подъем, и след в след за ним карабкалась вся группа. Сзади Читаева — хриплое дыхание: Щекин. Вот-вот разразится кашлем. Он явно еще не вошел в ритм. Ему и потяжелее — за плечами пулемет. Щекина Читаев взял в свою группу вместо пулеметчика, который не-

сколько дней назад свалился с желтухой. Смутно белеют лица, слышится прерывистое дыхание, шорох камня.

Колонна машин, наверное, уже ушла к центру плато. Кроме водителей и нескольких солдат там — лейтенант Птицын и старшина роты.

Читаев взглянул на циферблат светящихся «командирских»:

— Курилкин, — тихо позвал он, — сбавь темп. Людей растеряем.

Стало жарко, пот попадал в глаза, и Читаев сдвинул каску на затылок. «Быстро здесь согреваешься. Только бы никто не загремел вниз...» Мысли вспыхивали разрозненно. Самое главное сейчас — равновесие: за спиной тяжелый мешок. Тащи молча свое тело к вершине.

Через некоторое время Читаев стал чувствовать, что сердце запрыгало уже где-то в горле, глотка пересохла, в коленях появилась дрожь. Как раз вышли на ровную площадку. Минуты две-три он ждал, пока подтянутся остальные. Пересчитал людей. Двадцать пять. Все.

Наступившая темнота скрадывала высоту, на которую они забрались. Плато не разглядеть. «Где-то сейчас Хижняк и Карим? — подумал он. — Ни черта не видно». Только звезды отчетливо вырисовывались на черном небе. Читаев подумал, что удача или неудача сейчас зависит от самых несущественных на первый взгляд мелочей. Например, от того, как скоро взойдет луна. Он проверил направление по компасу: шагали на северо-запад, а те, с кем они так хотели встретиться, должны были двигаться на юго-восток.

Никто не заметил, как утих рвущийся с высот ветер, как тихо и торжественно пошел снег. Снежинки падали на горячие лица, тут же таяли, оставляя холодные слезы.

Сзади Читаева с хрустом покати́лся камень, и тотчас он услышал одновременный звук падения тела и металлический стук. Еще не обернувшись, Читаев понял: Щекин! Сбросил вещмешок, выхватил из кармана фонарь. Пятно света уперлось в камни, он направил луч ниже. Щекин в немыслимом положении застрял между двух камней, судорожно вцепившись в них руками; глаза широко раскрыты, а рот странно открывался, словно у рыбы, которую вытащили из воды.

— Держись!

Как будто Щекин раздумывал: лететь ему в пропасть или повременить. Читаев уперся ногой в валун, за который держался Щекин, стал рывками тянуть его к себе.

— Ай, падает, — захрипел Щекин,

— Что?! Держись!

— Да не я! Камень падает...

Только тут Читаев сообразил и убрал ногу с валуна. Пришлось снова включить фонарь, проклиная в душе маскировку и демаскировку, вместе взятые.

— А, черт! Как же тебя вытащить?

— Да вы не волнуйтесь, товарищ лейтенант, я крепко держусь, — продолжал хрипло шептать Щекин.

Спустился Курилкин, обвязанный веревкой.

— Вверху держат, — тихо сказал он. — Давайте вместе, товарищ лейтенант.

Они ухватили Щекина: сержант — за шиворот, Читаев — за вещмешок.

— Тяни! — приглушенно скомандовал наверх Курилкин.

Щекин отчаянно засучил ногами.

— Ай, камень...

Курилкин уперся в злополучный камень, который вдруг вывернулся и полетел вниз. Спасла веревка. Курилкин, записнув наполовину над пропастью, продолжал крепко держать воротник Щекина, Читаев едва-едва не сорвался вниз, потому что так и не выпускал лямку щекинского рюкзака.

— Тяните же, васнули там! — злым шепотом скомандовал он.

Веревка натянулась еще сильнее. Щекин снова заработал ногами, пытаясь найти опору на гладкой скале.

— Не дергайся, свалимся...

Наверху взялись дружнее, и через минуту Щекина вытаскивали.

— Ну, Щекин, считай, что в рубашке родился, — перевел дух Читаев.

— Если бы сержант Курилкин тот камень не вывернул, до сих пор бы вытаскивали меня.

— Еще шутишь...

Читаев заметил, что у него дрожат руки.

Подошла отставшая часть группы. Последним вскарабкался на площадку Водовозов.

— Привал... Все нормально? — равнодушно спросил Читаев, убедившись, что все на месте.

— Люди на пределе, — хмуро ответил Водовозов. — Сам чуть не кувыркнулся. Штанину вот разорвал.

— Ну, ничего. Щекину вот больше повезло.

— А что случилось?

— Чуть в пропасть не свалился. Хорошо, застрял между камнями.

Читаев встал, потянулся:

— Пойдем, Алексей, людей посмотрим, подбодрим.

— Пойдем!

Солдаты улеглись прямо на мокром снегу: кто свернувшись калачиком, кто сидя, поджав колени и прислонившись к каменной скале. Читаев и Водовозов вглядывались в лица, стараясь угадать, кто перед ними, называли по фамилии или просто по имени.

— Ну как, Щекин, оправился после падения?

— Если честно, товарищ лейтенант, то только сейчас испугался... А много еще идти?

— Много.

— Больше того, что прошли?

— Больше.

Когда они отошли, Водовозов спросил:

— Заметил, сам мокнет, а пулемет плащ-палаткой накрыл?

— Заметил.

— Хороший парень. И солдат толковый. Правда?

— Жизнь заставляет, — ответил Читаев, опускаясь на камень.

— Снег некстати, — Водовозов, кряхтя, сел рядом.

— Наоборот, к лучшему. Когда вытаскивали Щекина, пошумели и фонарь пришлось включать. Вся маскировка к черту. Одна надежда, что за снегопадом не засветились.

— Кто нас сейчас здесь увидит?

— Э-э, не говори. В нашем деле чуть расслабился, — сразу получай. Слышал поговорку «Пуля — дура, лоб — молодец»? — Читаев умолк, что-то вспоминая. — Мне как-то дед рассказывал, он в прошлую войну в пехоте воевал. Освободили они село. Проверили по хатам — нет немцев. И пока не подъехал ПХД¹, решили искупаться. Только разделись, побросали оружие, как из кустов какой-то недобитый немец стрелять начал. Из снайперки. Трех положил в воде, еще двоих на берегу. Деда моего ранил в ногу. Только тогда он даже и не заметил этого. Схватил, говорит, автомат и запустил весь магазин по кустам. Немца прикончил. Потом кинулся к своим, троих из воды вытащил. Все — готовые. Одного только, который на берегу был, спасти удалось. И вот после этого до самой демобилизации ни при каких обстоятельствах автомат из рук не выпускал. Даже после победы. Зарок себе дал. Вот как жизнь научила. Как вспоминал эту историю, всегда плакал. Лучшие, говорил, друзья были... Так что предусмотрительность, брат, прежде всего. А у нас еще

* ПХД — пункт хозяйственного довольствия.

до тебя случай был, — продолжил Читаев, но вдруг спохватился, глянул на часы, вскочил:

— Пора... Подъем! Надеть снаряжение.

Читаев торопил, расталкивал, тормошил солдат, те нехотя подымались, поправляя снаряжение.

— Братусь, особое приглашение надо?

Братусь с трудом встал, покачиваясь на одеревеневших ногах, тяжело оперся рукой о холодную стенку скалы, ожидая команды на движение.

— Курилкин, вперед! — Читаев обернулся и наугад громко сказал в темноту: — Алексей, старайся не отставать.

— Понял, — отозвался Водовозов.

Первые метры шли трудно: затекшие, истерзанные ноги повиновались с трудом, ломило спину. Снег прекратился, и в разрывах туч снова поплыла луна. Теперь в ее лучах открылась совсем иная картина. Снег лег на горы, отчего вокруг остались только две краски: черная и белая. Белая — расплывчатые пятна, островки на фоне гор. словно перерезкая гравюра. Черный хребет казался наклеенным на звездную карту неба.

Читаев снова опасался, что они не успеют занять вершину, что с восходом солнца все может быть совершенно по-иному, о чем сейчас никто не знает и знать пока не может. Успокаивало, что не сбились с пути, а это было немудрено в глухой блокаде гор. Радовало, что никто не сорвался вниз и не покалечился в крошечной тьме; а Щекин — Щекину повезло, как может везти, наверное, только раз в жизни, когда спасаешься такой легкой ценой — обломанными ногтями и несколькими ссадинами.

— Командир, обрыв.

Это Курилкин.

— Давай вещмешок и автомат. Посмотри, может быть, есть где обойти.

Курилкин молча снял вещмешок, а автомат перевесил за спину. «Толковый парень, — с теплотой подумал вдруг Читаев. — Хоть сейчас лейтенанта присваивай. Жаль, весной уходит в запас».

Курилкин спас ему жизнь. Случилось это прошлым летом. Жара стояла обычная: зашкаливало за сорок в тени. Ввод еле плелся, воду давно выпили, последняя фляга, НЗ, висела у Читаева на поясе. По пути был кишлак. Возле колодца он объявил привал. Тут же все кинулись наполнять фляги, побросали туда, как водится, таблетки пантоцида и стали ждать, пока растворятся. Самые мучительные минуты... Потом все произошло так быстро и неожиданно, что

Читаев не успел ничего толком понять. Курилкин, стоявший рядом с радиостанцией за плечами, вдруг как-то резко и судорожно повернулся, Читаев еще не успел удивиться его сгорбленной позе, гримасе на лице, как грохнул выстрел. Курилкин пошатнулся, но удержался. Тут же раздался крик: «Душманы!», защелкали затворы. Все стали бить очередями по дувалу, по каждому отверстию в нем, пока Читаев наконец не заорал: «Отставить!» Душман-одиночка наверху давно скрылся в кяризе *. А искать его там — дело гиблое.

Пуля застряла в железных внутренностях радиостанции. Ее потом выковыряли. Знатки определили: из английского карабина.

— Возьми на память, — предложил Читаев, протягивая пулю.

На ладони лежал кусочек сплющенного желтого металла. «Мертвая пуля»...

Но Курилкин, прищурившись, усмехнулся:

— Оставьте себе. Она ведь вам предназначалась.

Читаев потом размышлял: заслонил бы его Курилкин, если бы радиостанции за спиной не оказалось? И вообще, закрыл он его как командира — как требует соответствующий устав или сержант рисковал конкретно ради лейтенанта Читаева? Так и не смог разобраться. Он как-то сказал своему спасителю: «Будем в обращении на «ты». Ведь теперь мы как братья. И возрастом почти ровесники». Курилкин не удивился такому предложению, молча кивнул большой стриженной головой. Но по-прежнему был строго официален и обращался только на «вы».

...Тяжелым шагом подтягивались отставшие. От Читаева не укрылось, что коренастый Цыпленков с длинными, как весла, руками нес уже два автомата, а Братусь, хоть и был теперь налегке, едва волочил ноги.

— Привал пять минут, — объявил Читаев.

Братусь тут же повалился. Цыпленков не спеша снял с себя автоматы, вещмешок, после чего аккуратно уселся. Он все делал аккуратно.

Подошел Водовозов, молча опустился рядом с Читаевым.

— Как самочувствие?

— Порядок, — не открывая глаз, ответил тот.

* Кяриз — подземная горизонтальная галерея для сбора грунтовых вод и вывода их на поверхность.

Курилкин вернулся с плохими новостями: пропасть обойти невозможно, выше — отвесные скалы. А возвращаться, чтобы искать обходный путь, значит, терять время.

— Скала высокая?

— То ли три метра, то ли четыре, а может быть, еще больше. В темноте не разберешь.

— Возьми веревку. Пойдем посмотрим. Цыпленков, за мной.

Картина открылась неутешительная: внизу чернела пропасть, вверху — почти отвесная стена. В темноте было неясно, можно или нет зацепиться за нее, чтобы забраться выше.

— Вот тебе и бабушкин компот, — ощупывая скалу, удрученно пробормотал Читаев. — Придется посветить.

Неожиданно яркий луч выхватил сырой сланец скалы, Читаев посветил выше. Там виднелся уступ, а еще выше — площадка.

— Надо попробовать. Значит, так. Ты меня подсаживаешь, я становлюсь тебе на плечи. Потом подтолкнешь руками. В случае чего Цыпленков поможет.

— Может быть, я полезу? — предложил Курилкин.

— Нет, я полегче.

Читаев скинул бушлат, быстро обвязался альпинистским узлом. Курилкин, опустив руки, сцепил пальцы, чтобы лейтенанту сподручнее было забраться ему на плечи.

— Погоди, ботинки сниму.

Читаев решительно стащил ботинки, затем — шерстяные носки и перчатки.

— Ну, все. Теперь, как снежный человек.

Сержант довольно легко подкинул его, в следующую секунду Читаев был на его плечах, нащупал какой-то выступ на скале, ухватился, в этот момент Курилкин подставил ладони, он встал на них и подтянулся. Сержант выпрямил руки. Читаев почувствовал, как они дрожали. В следующую секунду он уже нашел выступ для ноги, оторвался от ладоней сержанта. В этом положении и замер, стоя на левой ноге и держась за выступ одной рукой. Мучительно долго он пытался найти опору для второй ноги, но лишь скользил по сланцевым морщинам. В какой-то миг Читаеву показалось, что он теряет опору. Внутри захолонуло. Если сейчас рухнет, то не удержится на узкой тропке, полетит вниз. И все. Конец. Обезображенный труп в расщелине между камнями. Он попытался успокоиться,

Только без паники. Из последних сил потянулся и тут же нащупал ногой выступ, который находился выше. Страх прошел, только сердце еще напоминало о нем учащенным ритмом. Распластавшись по стене, он прошел чуть вправо и здесь влез на ровную площадку.

— Ну, как? — услышал он тревожный шепот снизу.

— Давай, — сказал Читаев, дернув свой конец веревки.

— Держите крепче, лезу.

— Да нет, сначала ботинки, автомат и бушлат...

Читаев закрепил веревку. Первым залез Курилкин. Вдвоем они быстро вытащили наверх сначала снаряжение, затем всю группу. Читаев пересчитал людей и объявил краткий привал, а сам связался по радиостанции с Хижняком. У него все было в порядке.

Поднимались по команде трудно, и Читаев, подгоняя солдат, не сдерживал злости. «Пусть обозлятся, хотя бы и на меня, — думал он. — Со злостью идти легче». Хуже всего было то, что промокли бушлаты. Они стали тяжелыми, и тело неприятно прело. Читаев изредка светил фонариком в карту. Только бы не сбиться с пути. «Кажется, все правильно. Идем вдоль хребта. И скоро должен быть еще один подъем».

Сколько они шли? С каждым шагом мысли, словно по кругу, возвращались к одному и тому же: «Сколько мы идем? Сколько мы идем?» Будто приноравливались к темпу шага. Мокрая щеченка гадко хрустела под подошвами: хруп, хруп, хруп... Сзади пыхтел Щекин, вконец измученный пулеметом. Впереди — широкая спина Курилкина, он по-прежнему идет как заведенный, легко перенося свое сильное, как у волка, тело. Вещмешок и автомат только подпрыгивают за спиной.

Читаев подсчитал. Они шли уже целых восемь часов! Странно, но это открытие не только не расслабило, а, наоборот, подстегнуло Читаева, он почувствовал прилив новых сил. Так бывает, когда при недомогании вдруг узнаешь, что температура у тебя под сорок, и это приносит некое протестующее облегчение.

Все чаще приходится останавливаться: надо ждать оставших. Щекин — тот сразу же падает на камни. Пока подтягивается хвост, есть две-три минуты передохнуть. Впереди всегда идти легче. Читаев и Курилкин на камни не ложатся и даже не садятся — чтобы не расслабляться.

— Пойду замыкающим, — говорил Читаев. Глаза его привычно считают людей. Солдаты идут, понутив головы. Даже самые выносливые на пределе. Кроме Цыленкова

два автомата несет Мдиванов — невысокий стройный кавказец. Братусь идет предпоследним, покачивается на полусогнутых ногах, цепляется руками за выступы, словно пьяный. Каждый шаг ему дается с огромным трудом, он продолжает идти уже не на усилиях воли, а на какой-то биологической способности организма самоисчерпать себя, прежде чем упасть замертво. Сзади идет Водовозов и время от времени подталкивает Братуся в спину. Эти толчки сотрясают его, и кажется, что вот-вот он потеряет равновесие и рухнет плашмя. Но Братусь делает более широкий шаг вперед. Он часто падает и не встает до тех пор, пока Водовозов не начинает трясти его и поднимать. Тогда он с мученическими усилиями, безнадежно, встает на колени, затем выпрямляется. Падает же он в обратной последовательности: сначала на колени, затем — пластом. Водовозов вымотался не меньше от этих безуспешных попыток заставить человека идти.

— Полностью деморализован, — сообщает он таким тоном, что неясно, к кому это относится.

— Иди вперед. Будешь вести колонну.

«Вперед! легче. Пусть передохнет», — равнодушно думает Читаев.

— Братусь, ты почему в конце? Ты же был в середине колонны.

— Отстал, — хрипло выдавливает солдат.

— Зря.

Братусь останавливается, надеясь на передышку, но лейтенант безжалостно командует: «Вперед!» Минут десять солдат идет, спотыкается и беспрестанно падает и наконец валится замертво.

— Вставай, черт бы тебя побрал. — Читаев зло ругается, хватая Братуся за шиворот.

— Все, не могу больше, лучше оставьте меня, — хрипит он.

— Я тебе оставлю, сволочь! — Читаев резко дергает Братуся за воротник, рискуя оторвать его. — Останешься здесь — подохнешь.

Колонна уходит вперед, и Читаев окликает последнего!

— Передай Водовозову, пусть остановится.

— Вставай! Я приказываю! — снова начинает трясти Читаев. — Боевую задачу срываешь.

Подходят Водовозов и Курилкин.

— Готов? — мрачно спрашивает Алексей.

— Не ори... — Читаев снова наклоняется: — Рядовой Братусь, встать!

— Не могу... идти... Лучше убейте... — бормочет он нечленораздельно.

Читаев отпускает воротник.

— Товарищ лейтенант, разрешите?

— Чего?

— Я подыму его. Ручаюсь. Через минуту будет идти, — мрачно обещает Курилкин.

— Сомневаюсь...

— Я с ним по-свойски.

Читаев молча кивает, и они вместе с Водовозовым идут в голову колонны. Не сговариваясь, оба оборачиваются. Братусь уже стоит, прислоненный к скале, а Курилкин, крепко схватив его за грудки, слегка встряхивает. Кажется, он что-то говорит Братусю.

...Читаева уже несколько раз подмывало объявить привал, но он каждый раз заставлял себя прогнать эту мысль. Группа идет, и главное, идет Братусь.

Уже светало. Ветер усилился. Обледеневшая одежда хрустела и скрипела, словно была сделана из тонкой фанеры. Небо теряло свою вселенскую глубину и постепенно бледнело. И чем светлее оно становилось, тем больше Читаева разбирало сомнение: а в том ли направлении они идут? Когда же рассвело настолько, что стали различимы дальние серые скалы и такого же цвета лица его подчиненных, он приказал остановиться.

— Оставьте вещмешок, — сказал Читаев Курилкину. — Слазим наверх, сориентируемся.

Они взобрались на гребень и залегли. Читаев достал карту, потом долго всматривался в бинокль. Перед ними лежала долина и горный хребет. Читаев оглянулся, снова посмотрел на карту и тихо выругался.

— Так и есть. Сбились.

Курилкин молча посмотрел на лейтенанта.

— Сбились, — повторил Читаев. — Мы сейчас находимся вот здесь, — он ткнул пальцем в карту. — А надо быть здесь... Вот она, наша вершина. Мы вот с этой развилки пошли по другому хребту.

— Кажется, что рукой подать, — проговорил Курилкин без энтузиазма.

Читаев посмотрел на него. Глаза у Курилкина стали почти такого же багрового цвета, что и лицо. Отросшая щетина делала его старше.

— По прямой — километра три, а реально, считай, все пять.

Они спустились к группе. Люди лежали вповалку. Ста-

ло совсем светло, и Читаев мог разглядеть каждого. Сейчас все были очень похожими в одинаковых грязных бушлатах и таких же штанах. Кое-кто из молодых опустил уши от шапок, многие уже забылись в коротком сне. Читаеву это не понравилось: расслабились. А это самое опасное. Сам же он, наоборот, чувствовал нервное возбуждение. Подошел Водовозов.

— Кто разрешил спать?

Водовозов пожал плечами. Курилкин тактично отошел от офицеров и стал подымать спящих.

— Блуканула немного... Наша вершина там, за хребтом. Километров пять-шесть будет.

— Половина людей уже готовы, — мрачно отреагировал Водовозов.

— Ерунда.

Водовозов заметно сдал и, видно, с трудом сдерживался, чтобы не свалиться прямо здесь и забыться мертвым сном.

Читаев подозвал радиста. Подошел рядовой Вилкин, обреченно сторбившийся под радиостанцией. Он стал снимать тяжелый короб, но не совсем ловко перехватил ремни и грохнул радиостанцию о землю.

— Осторожней, агрегат загубишь! — разозлился Читаев.

Вилкин включил радиостанцию и стал монотонно повторять:

— «Нарзан-1», я «Нарзан-2». Прием.

— Ну, что?

— Не отвечают.

Читаев сам сел за радиостанцию. Проверил частоту, ток в антенне... Связи не было. Он приказал продолжать вызов и направился к подчиненным. Все уже были разбужены, сидели угрюмые и молчаливые.

— Осталось совсем немного, потерпите, — повторил он, обходя солдат. — Сейчас быстро подкрепиться сухпайком. Через пятнадцать минут выходим.

— Ну, что? — спросил он, вернувшись к радисту.

— Ничего.

Читаев достал банку с рисовой кашей, стал выковыривать штык-ножом холодные смерзшиеся куски. «Не поймешь, что со связью. Наверное, расстояние».

— Что, сломалась? — подошел Водовозов.

— Тишина... Вызывай командиров отделений.

Водовозов встал и махнул рукой:

— Курилкин, Бражниченко, Мдиванов — к командиру.

— Да не махи ты руками, — поморщился Читаев.

— А что такое? — недоуменно вскинул брови Водовозов.

— А то, что таких машущих в первую очередь вычисляют, — пояснил Читаев.

— Как это — вычисляют? — снова не понял Водовозов.

— Плавным нажатием спускового крючка, — усмехнулся Читаев. — Духи сначала стараются ликвидировать командиров. А так как форма у всех одинаковая, то выбирают тех, кто...

— Ну, понял, понял, — перебил Водовозов. — Учту.

— Учти... Сейчас будем спускаться, — Читаев перевел взгляд на подошедших. — Группу делим на две части...

Читаев уже решил, что с первой группой пойдет сам. Вторая же во главе с Водовозовым будет оставаться здесь до тех пор, пока они не займут вершину.

— Ну, давай, в случае чего — прикрывай, — тихо сказал Читаев и ткнул Водовозова в плечо.

Стояла глубокая тишина, которая может быть лишь в горах и только на рассвете. Ее ни с чем не сравнишь: ни с притихшим ночным морем, ни с безмолвием застывшего зимнего леса. Горная тишина естественна и величава, как мудрость покоя, как молчание мудреца.

Читаев шел первым. Когда он переходил на бег, вещмешок как живой раскатывался за плечами, ноги в коленях дрожали от напряжения. Он несколько раз падал на спину, снова вскакивал. Падали и солдаты. Он слышал шум, но уже не оборачивался. Читаев тревожно и цепко вглядывался в горы, старался высмотреть, не блеснет ли где холодным металлом потертый ствол, не мелькнет ли чалма за камнем. Хотя по опыту знал, что первый выстрел всегда неожиданный.

Так и случилось. Они уже спустились в ущелье, прошли его и только начали подъем, как вдруг где-то рядом свистнуло, а потом словно прорвало: одиночные винтовочные выстрелы, дробь автоматных очередей.

— Ложись! — крикнул Читаев что есть силы. Он успел заметить, что огонь ведут справа. Но тут же точно определил, что выстрелы доносятся и слева. «Рассредоточиться! Надо рассредоточиться». Читаев осторожно оглянулся.

— Пулеметчик! Живо за скалу.

Щекин лежал почти на открытом месте. Но только он вскочил, как рядом с ним брызнула каменная крошка.

— Щекин, ползком! — с мольбой в голосе крикнул Читаев.

Солдат пополз. Выстрелы смолкли. Читаев осторожно огляделся. Все залегли, вжавшись в камни, кое-кто уже переползал осторожно, стараясь выбрать более удобную и за-

щищенную позицию. Лучше всех укрылся Курилкин — в неглубокой расщелине. Видна была лишь его голова и ствол автомата. Читаев приподнялся, намереваясь проскочить пять-шесть метров до удобного места, но рядом щелкнула пуля, и осколки сланца больно посекали лицо. Он тут же упал. «Влипши».

В минуты опасности Читаев научился принимать решения трезво и быстро. Он как будто переключался на особый режим. Инстинкт самосохранения не мешал думать и действовать хладнокровно. Этому он научился в Афганистане, и, пожалуй, это было одно из самых ценных приобретений за последнее время.

Читаев понял, что огонь ведут с трех высот. Опоздали... А вдруг это совсем иная банда? И специалистов ведут по другой дороге... Да и были ли они здесь?

— Курилкин, спроси по цепи: все целы?

— Все! — раздалось через минуту.

Патронов пока хватает. По пять магазинов плюс россыпью по двести штук. По две-три гранаты. До ночи продержимся. Да и Водовозов поддержит.

Только сейчас Читаев вспомнил о его группе. Наверное, потому, что они не сделали еще ни одного выстрела. Или же сработала привычка рассчитывать только на собственные силы? «Почему они не стреляют? — думал Читаев. — Не хотят палить попусту? Да и что может сделать Водовозов? Спуститься вслед за нами?» Читаев лежал в неудобной позе, скрючившись за булыжником, острый камень упирался в бок. Он хотел вывернуть его из земли, но камень не поддавался. «Можно разделиться. Хотя последнее время мы только и делаем, что делимся... Одна половина скрытно выдвигается на левую гору, другая — на правую. Бьют душманам в тыл. Вряд ли они численно превосходят нас. Правда, на это потребуется много времени. Но его пока хватает...»

— Радист! — снова крикнул Читаев. — Где радист?

— На левом фланге.

— Я, — негромко отозвался Вилкин.

В это время слева застрочила очередь. Потом несколько выстрелов с центральной вершины. Отрывисто отозвался автомат Курилкина. Читаев пока не стрелял.

— Радист! — снова крикнул он, когда стихло. — Связь есть?

— Нет связи, — передали по цепи.

Читаев негромко чертыхнулся.

— Пусть вызывает.

— Не могу! — крикнул Вилкин. — Пуля радиостанцию пробила.

— Эх!.. Хоть бы не кричал об этом.

Он подумал, что солдат наверняка оставил радиостанцию на открытом месте или, того хуже, укрылся за ней, а душманы не дураки, всегда первым делом стараются лишить связи.

Солнце подымалось все выше, но Читаев чувствовал, что все больше замерзает. Камни холодили. Тень, как покрывало с обелиска, сползала с заветной вершины. Читаева это радовало: пусть душманов хорошенько осветит. Теперь солнце будет бить им прямо в глаза. Он резко вскочил и в несколько прыжков добрался до Курилкина, рухнул на него сверху.

— Засек одного, — сообщил сержант. — Сидит вон под той нависшей скалой. Рядом что-то вроде тропинки.

— Понял, — сказал Читаев, глянув в ту сторону. — Не давай ему башки поднять... И слушай меня внимательно. Если что — берешь командование на себя. Я перемещаюсь к центру. Будем перестраивать боевой порядок полукольцом. Душманы наверняка попытаются подойти поближе. Ты остаешься командовать на правом фланге. Ну, все. Прикрой меня.

Он выскочил из расщелины и, пробежав несколько шагов, залег. Пули просвистели над самой головой. «Бьют точнее», — заметил Читаев. Тут же в ответ кто-то выпустил длинную очередь.

Рядом копошился Щекин. Он как-то странно изменился, но Читаев не понял, в чем была перемена.

— Пулемет готов? — спросил он.

— Готов, — ответил Щекин, — только позиция неудобная.

— Хорошо, — сказал Читаев, не дослушав. — Давай, перебежками вслед за мной.

Он пробежал десять шагов и упал рядом с радистом. Солдат виновато молчал. Читаев внимательно осмотрел пробоину.

— В прошлый раз прямо в шкалу попала, — задумчиво сказал он.

Солдат не поднимал глаз, и Читаев подумал, что тот ждет разнosa за радиостанцию. По когдa Вилкин повернул к нему лицо, Читаев увидел круглые застывшие глаза. Руки, впевившиеся в цевье автомата, мелко дрожали.

— Ты ято, испугался? — как можно спокойней спросил он. — В тебя же не попали.

— Десять сантиметров в сторону — и убило бы, — прошептал солдат.

Он попытался улыбнуться, но вышла гримаса, щека дернулась, его стала бить нервная дрожь.

— Убьют, всех убьют! — вдруг с надрывом взвизгнул он. Читаев понял, что избрал неверный тон, и рывкнул:

— А ну, возьми себя в руки! Угробил радиостанцию, у самого ни царапинки, а готов в штаны от страха навалиться.

Радиста продолжала колотить дрожь, и Читаев шлепнул его по спине. Как ни странно, дрожь прекратилась.

— Можете использовать в качестве бруствера, — кивнул он в сторону покореженной радиостанции и уже спокойно добавил: — Минут через пять — перебежками в сторону осыпи. Займете там позицию... И не бойся, не убьют. Можешь мне верить.

Вилкин с тоскливой надеждой посмотрел на командира.

XII

Ветер выгнал из низин последние клочки тумана. Тени сползли, пропали куда-то, солнце добралось наконец и до них. Читаев затылком ощущал его тепло. В паузах между выстрелами тишина была пронзительно-звонящей, и накачивалось щемящее чувство тоски. Рядом плюхнулся Щекин со своим пулеметом. Лицо солдата было в пыли.

— Страшно? — спросил Читаев.

— Страшно, — признался Щекин.

Только сейчас понял Читаев, что удивило его в лице солдата. Нет, это не из-за страха. Вот что поразило его! Веснушки — и совершенно чужой, напряженный взгляд. «Неужели так быстро взрослеют?» — подумал он.

— Щекин! Видите три валуна впереди, чуть ближе — выемка? Там ваша позиция. Сделайте бруствер. Камни рядом. Все ясно?

— Все...

— Патроны зря не жгите.

Щекин пополз, а Читаев крикнул, чтобы левый фланг продвинулся левее и назад. «Полукругом!» — скомандовал он дважды. Бражниченко, который командовал там, понял его правильно.

Теперь, когда боевой порядок был перестроен, Читаев снова ощутил чувство тревоги. Тишина, казалось, испытывала нервы на прочность. «Почему не стреляют? — думал он. — Значит, что-то затевают?» Здесь, среди камней, они

могут продержаться час, два, три... Если ничего не изменится, можно будет дожидаться темноты и уйти.

На затаившейся горе мелькнула фигурка и снова исчезла за камнями... Еще одна — короткой перебежкой вниз. «Спускаются. Уразумели, что с вершины нас не достать». Он почувствовал, как дрожит рука на цевье. От вынужденного безделья нервишки распатались. Читаев крепче сжал автомат. Выдохнул и поймал в прицел камень, за которым только что скрылся душман. «Раз, — начал считать он, медленно нажимая на спусковой крючок, — два, три...» Душман не появился. Читаев снова перевел дыхание. Воздуха хватало не надолго. «Раз, два... три». Он нажал спуск. Фигура судорожно переломилась и вновь исчезла.

— Духи спускаются! — резким высоким голосом крикнул Читаев. — Прицел постоянный. Огонь!

У каждого палец и так плясал на спусковом крючке.

«Эх, матери не написал», — подумал он с сожалением.

Очереди, будто огрызаясь, разорвали тишину с разных сторон. Читаев наблюдал. В какое-то мгновение он почти физически ощутил, как сжимается кольцо окружения.

— Бача-а-а!*

Резкий, дразнящий крик раздался неожиданно и как-то нелепо в этой обстановке, вслед за ним тут же загремела длинная очередь. «Курилкин!»

С горы ответили очередью.

— Эй, ба-ча-а-а! — вновь закричал Курилкин, и снова трассеры веером пошли вверх.

«Бача» закричал в ответ что-то гортанное и хриплое и тоже послал длинную злую очередь.

«Странная выходка», — подумал Читаев, ловя на мушку мелькнувшую чалму. Нет, стрелять надо расчетливо, без эмоций. Он нажал спуск. Чалма скрылась. Тут же он услышал, как два раза тонко свистнуло, он пригнулся ниже, вдавливаясь в землю, потом, резко повернувшись корпусом, перекатился через спину и снова изготовился уже с другой стороны валуна. Здесь был лучше обзор справа. Он потер коченеющие пальцы и прицелился. Душман, за которым он следил, выскочил из-за камня и, делая огромные прыжки, устремился вниз. А через мгновение, уже сраженный пулей, летел кубарем, переворачиваясь через голову. «Готов», — подумал Читаев со смешанным чувством злорадства и удивления.

С горы продолжали стрелять. Читаев снова прицелился,

* Бача — мальчик.

но вместо очереди раздался сухой щелчок. Застрочили слева и справа от него. Он выругался, отсоединил спаренные магазины. Оба были пусты.

— Бача-а! — пронзительный крик Шекина и вторящая ему длинная очередь из пулемета.

«Понравилось!» — усмехнулся Читаев.

— Не высовывайся, герой!

— Есть не высовываться!

Читаев опять вспомнил о Водовозове, потом — о группе Хижняка. Куда они все подевались? Хорошенькое дельце — готовили засаду душманам и сами угодили в огневой мешок.

— Убило! Братуся убило!

Крик оборвал мысли, он вскочил, забыв об опасности, и припустил на левый фланг. Запоздало раздалась очередь. Он бросился плашмя, потом снова вскочил, кожей чувствуя, как близко проносятся пули.

Братусь лежал в тени большого камня, уронив голову на руки. Рядом лежал его автомат. Шапка сбита на затылок. У Читаева сжалось сердце. Однажды он видел убитого — точно в такой же позе.

На теле Братуся ран не было. Читаев осторожно повернул его лицом вверх, ожидая увидеть кровь. Неожиданно Братусь вздрогнул и открыл глаза.

— Что с тобой? — оторопел Читаев.

— Ничего. Зевнул немного, — хрипло ответил солдат.

— Заснул?! — от возмущения Читаев поперхнулся. — Идет бой, а ты заснул! Да если б я не был твоим командиром... Да ты знаешь, что за это полагается? Устроился в тени, нашел себе ямку, а другие отстреливайся, защищай его!

Братусь моргал, будто соринка в глаз попала. Половина лица его была в грязи. Читаева стал разбирать смех. Он засмеялся сначала тихо, потом все громче и громче, выстрелы смолкли, и оттого смех звучал непривычно и странно.

Братусь уже не моргал — смотрел широко открытыми глазами.

XIII

Сапрыкин ворочался на холодном каменном полу и пытался уснуть. В памяти всплывало то перекошенное от влобы лицо Модира Джагранана, то пытливые глазки европейца, то дрожащие руки Тарусова. Подвал, в котором их заперли, был сырым, глухим и длинным, как засыпанная

штольня. Афганская одежда — пиран и туммун — рубашка и штаны из грубой хлопчатобумажной ткани, которые им дали вместо отобранной одежды, почти не грели. Сапрыкин сел, прислонившись к каменной стене, поджал ноги и обхватил колени. Так, кажется, теплее.

Дом, в который их привели вчера, стоит на окраине кишлака. Они вошли в большую, жарко натопленную комнату. На стенах и полу — ковры. Хозяин, грузный человек лет сорока в атласной синей рубаше и белой чалме, сидел на подушках и неторопливо пил чай. У окна стоял молодой человек в больших круглых очках. Несмотря на афганскую одежду, в нем безошибочно угадывался европеец. «Иисус» тоже находился здесь.

Первым заговорил хозяин. Европеец стал неторопливо переводить на довольно чистом русском. При этом он зачем-то поглаживал свое розовое безбородое лицо.

— Вы все захвачены как заложники и будете в плену до тех пор, пока кабульское правительство не выполнит предъявленные ему требования. В противном случае вы будете уничтожены.

Какие это требования, хозяин не сказал. Он назвал еще свое имя — Модир Джагран, самодовольно подчеркнув, что оно хорошо известно на севере Афганистана. Потом европеец раздал всем листки бумаги и потребовал их заполнить.

Сапрыкин повертел бумажку. На ней от руки были написаны вопросы. Все с выжиданием смотрели на него.

— Пишите что-нибудь, — сказал он негромко.

— Что-нибудь — не надо, — холодно заметил европеец. — Пишите правду.

Сапрыкин пожал плечами, взял шариковую ручку. В графе «фамилия» он написал первое, что пришло в голову: «Петров Владимир Николаевич». Место жительства указывать не стал, а в графе о вероисповедании поставил прочерк. «Являетесь ли членом КПСС?» Сапрыкин подумал и написал «да». В последнем пункте спрашивалось, для чего прибыл в Афганистан. Сапрыкин быстро написал: «Для строительства комбината. Для помощи афганскому народу». И отдал бумагу.

— Петров Владимир Николаевич, — прочел европеец и что-то спросил у «Иисуса».

Тот усмехнулся, встал, подошел к Сапрыкину.

— Сапрыкин, — сказал он, ткнув его пальцем в грудь. — Сафар, — показал он на Нура.

Остальных называть не стал, наверное, не знал. Хозяин зашевелился, ущипнул бородку и что-то сказал.

— Вы находитесь на территории Афганистана, поэтому должны принять ислам, — перевел европеец.

— Разве есть такой закон, по которому иностранец, приехавший в Афганистан, должен принимать чужую веру? Мы — гости этой страны и приехали помогать афганскому народу. Вы сами это знаете. Разве адат позволяет так обращаться с гостями?

— Вы пленные враги, — перевел европеец. — И помогаете правительству, которое идет против аллаха.

— Афганское правительство, насколько я знаю, ни в чем не препятствует верующим, — возразил Сапрыкин, но Модир Джагран даже не дослушал перевод.

— Последний раз спрашиваю: согласны ли принять ислам?

Все молчали.

— А ты, Сафар! Ты же мусульманин? — обратился Модир к Сафару на пушту.

— Мой народ исповедовал ислам. Сейчас веруют только старики. Я же никогда не верил в аллаха и уже, конечно, верить не буду.

— Ты пожалеешь об этом.

— Господин Модир Джагран сказал, что вы все пожалеете о своем поступке, — бесстрастно повторил европеец.

На следующее утро вновь вызвали на допрос. На этот раз в комнате находилось двое: европеец и охранник с автоматом.

Европеец улыбнулся тонкими губами, поправил очки и доверительно сообщил, что вера в ислам его совершенно не интересует:

— Бесполезно заставлять взрослых людей верить в то, во что они не хотят.

Сказав это, он встал и, потирая руки, хотя в комнате было жарко, стал ходить взад и вперед. Он представился, назвав себя Мухаммедом, рассказал, что в свое время жил в Ташкенте, а сейчас работает здесь, изучает «особенности ислама в Афганистане».

— Что-то ты не похож на Мухаммеда, — криво усмехнулся Сафаров.

— Что вы сказали? Ах, не похож! — он засмеялся мелким дребезжащим смешком. — Может быть, может быть...

«Мухаммед» говорил тонким высоким голосом, торопливо, словно боясь, что его перебьют и не дадут досказать. Иностранный акцент в его речи почти не чувствовался. Говорил он, что «истинные борцы за веру отстаивают свободу и независимость Афганистана», что у этих борцов — муджа-

хеддинов — много друзей на Западе. Потом он без всякого перехода начал рассказывать о «благородной деятельности» народно-трудового союза. Не умолкая ни на минуту, он сунул всем в руки журналы и листовки на папиросной бумаге.

«Соотечественники! Народно-трудовой союз призывает вас покинуть пределы свободолюбивого Афганистана... Вступайте в ряды НТС», — пробежал глазами Сапрыкин и положил листовку на пол.

— «Посев», — громко, с ноткой торжественности прочел Сафаров. — Что-то здесь запахло медицинскими анализами... Теперь понятно, откуда ты, эмигрантский ублюдок!

Сафаров медленно поднимался с пола. Энтеэсовец закричал, подскочил охранник, ткнул Сафарова стволом в грудь и тут же отскочил, держа автомат наготове. Но Сафаров уже сел.

— Так, друзья, — продолжал «Мухаммед» голосом преподавателя, восстановившего тишину в аудитории. — Почитайте это. А завтра мы обсудим план наших совместных действий. Будете делать, что вам скажут, получите большие деньги. С нами лучше, чем с Гульбудином или там, с Гилани. Мы — европейцы, пойдем друг друга. А эти вандалы с вами церемониться не будут. Просунут кольцо в нос и будут таскать по кишлакам. Потом на кол посадят. Они умеют, — последние слова он произнес с явным удовольствием.

Их снова закрыли в подвале. Прошло несколько часов. Стихли наверху шаги и голоса. «Уже ночь, — думал Сапрыкин, чувствуя безысходность и пустоту. — Неужели конец? Неужели в этом темном и сыром погребе истекают последние часы? Обидно. Предателем он, конечно, никогда не станет. Значит, выбор один. Печально подводить итог, когда еще нет сорока, когда чувствуешь себя, как никогда, полным сил, опытным, знающим жизнь. Знала бы сейчас Мапа, где он. А может быть, уже сообщили? Да нет, вряд ли. А Сашка — уже девятиклассник...»

Рядом заворочался Шмелев.

— Не спишь, Игорь?

— Нет.

— Что скажешь завтра этому хлюсту?

— Поплю его куда-нибудь...

— Знаешь, чем это грозит?

— Знаю, Иван Васильевич. Только зачем вы это спрашиваете?

— Хочу знать, что не одинок.

— О чем вы, Иван Васильевич? — раздался голос Сафарова. — Ни к душманам, ни к энтеэсовцам у нас пути нет.

Неожиданно все заговорили. Оказывается, никто не спал.

— Тише, товарищи, — попытался успокоить всех Сапрыкин. — Давайте решать. Утром придут за ответом.

— Да что тут решать!..

— Нет, я хочу знать мнение каждого, — перебил Сапрыкин.

— Сафаров, тебе слово.

— Лучше сдохнуть, чем продаться...

— Шмелев!

— Родину не продаю.

— Тарусов!

— А я что, хуже всех?

...Сафаров был не совсем прав, посчитав Мухаммеда эмигрантским отпрыском. Конечно, никаким Мухаммедом тот никогда не был. Родился он во Франкфурте-на-Майне. Отец его, Николай Ритченко, в свое время служил гитлеровцам — сначала полицаем, потом преподавателем разведшколы в Гатчине. Когда Красная Армия поперла оттуда его хозяев, папаша ушел вместе с ними и верно служил им уже в Берлине. Формировал разведывательно-диверсионные группы. В конце войны Николай Ритченко дослужился до чина обер-лейтенанта и даже был награжден каким-то фашистским орденом. Но это уже не радовало его, потому что вокруг все трещало, и Ритченко мудро смекнул, что настала пора менять хозяев. Причем как можно быстрее. Вышел он на американцев. Эти ребята орденов не давали, но всегда хорошо платили.

Ритченко-младший, наследственный антисоветчик, разрабатывал далеко идущие планы и почти не сомневался в успехе.

...Утром в подземелье вновь сбросили лестницу. Наверху пленников ждал Ритченко со своей неизменной улыбкой. Он сразу начал:

— Я пришел за ответом. Кто из вас готов сотрудничать с нами? — взгляд маленьких глазок из-под очков скользнул по лицам.

Еще вчера узники договорились, что отвечать будет Сапрыкин. И Иван Васильевич негромко, но твердо сказал:

— Предателей среди нас нет.

Улыбка мгновенно слетела с лица энтеэсовца, он процедил:

— Что ж, пожалеете! Сами подписываете себе смертный приговор...

Через несколько минут после того, как их снова посадили в подвал, люк открылся, наверх вызвали Сапрыкина. На всякий случай он попрощался с товарищами.

Ритченко, уже успокоившись, вновь улыбался.

— Вы умный человек, авторитетный, — начал он, — и должны понимать, что перед вами дилемма между бытием и небытием. Ведь вы же марксист, член компартии? Там, — он показал наверх, — ничего не будет. Жизнь только одна — здесь. И у вас все шансы ее лишиться. Вы ведь знаете этих изуверов. Я же предлагаю вам...

Сапрыкин перебил:

— Я уже сообщил свое решение. Объяснять, почему решил так, не собираюсь.

— А вы объясните, объясните, — заторопился Ритченко. — Вот давайте вместе поразмышляем.

— Нечего мне объяснять. Вы человек без Родины. А чтобы понять меня, надо ее иметь.

— Ну, хорошо. Оставим, как говорится, высокие материи. Вот магнитофон. Прочтите этот материал. Взамен гарантирую свободу. В тексте ничего особенного нет. Скажете: заставили.

Сапрыкин молча отвернулся.

Следующим вызвали Тарусова.

— Смотри, Тарусов, — предупредил Сафаров.

— Заткнись! — Тарусов сорвался на крик.

Он тяжелее всех переносил плен. От сознания бессилия и обреченности ему хотелось выть и кричать. Единственное, что еще как-то удерживало, — это присутствие товарищей. Тарусов завидовал им, завидовал отчаянному и сильному Сафарову, спокойному и твердому, как скала, Сапрыкину, смелому и жизнерадостному Шмелеву. Они не боялись. А Тарусов боялся. При одном только виде душманов и особенно чернобородого «Иисуса» его начинала колотить нервная дрожь. Он тщетно пытался взять себя в руки, чтобы не глядеть в жестокие глаза своих мучителей, в которых поначалу старался найти хоть каплю сострадания. Очкарик-энтезосец вызвал у него отдаленное чувство надежды. Все же это был европеец, цивилизованный человек, и Тарусов вдруг почувствовал, что здесь может крыться путь к свободе. Каким образом, он не представлял. Ему казалось, что европеец способен к сочувствию, он может повлиять на бандитов. Тарусов верил в него с отчаявшейся надеждой. Но потом с ужасом стал понимать, что за внешней ин-

теллигентностью и гуманностью европейца кроется нечто худшее, чем душманский плен, и он уже со страхом и ужасом воспринимал мягкую настойчивость очкарика, страпась поддаться на его хитроумные посулы. Тарусов взбирался по лестнице, как на эшафот, на котором еще не липають жизни, но отнимают право на все свое прошлое. И в эти короткие мгновения он еще раз, но уже без зависти подумал о спокойной твердости Сапрыкина, бесшабашной смелости Сафарова, веселой храбрости Шмелена. «Только бы не пытали», — подумал он и в следующую секунду встретился глазами с Ритченко. Он улыбался, но глаза из-под очков смотрели холодно, рука привычно поглаживала голое розовое лицо. Тарусов еще раз подумал, что этот человек, пожалуй, хуже, чем душманы.

Сейчас Ритченко решил действовать по-иному. Даже речь его изменилась: вместо задыхающей скороговорки Тарусов слышал мягкий, тихий голос. Он удивился этой перемене и внутренне сжался, готовый к любым неожиданностям.

Ритченко говорил медленно и чуть иронично, как бы не стараясь убедить собеседника, а просто сообщая ему общеизвестное. Он говорил, что про организацию, которую он представляет, в СССР распространяют самые нелепые слухи, публикуют искаженные сведения, а она практически далека от политики, тесно сотрудничает с Красным Крестом. Попутно он соврал, что является сотрудником этого общества. Ритченко выразил сочувствие по поводу грубого обращения с ними, заверил, что все это временно. План его был, как он считал, ловок и надежен: вызвать «объект» на откровенность и попытаться заставить прочесть перед микрофоном самый безобидный текст, который он только что сочинил. Ритченко взял листок и медленно прочел Тарусову. Текст и впрямь подкупал безобидностью: говорилось, что советские солдаты должны уважать традиции и обычаи народов Афганистана, проявлять гуманность к населению, не наносить материального ущерба. Никаких намеков и выпадов... Его пройдошливый папаша называл подобное «засасыванием».

— Все будет инкогнито, — вещевал Ритченко. — Вы понимаете, о чем я говорю? Все — тихо-тихо. Ваши товарищи не узнают. А потом скажете: заставили. Кстати, организуем ваше избиеение, пытки. О, разумеется, это будет имитация. Ваши товарищи должны услышать крики, стоны... Вы понимаете?

— Нет, — хмуро ответил Тарусов.

— Что — нет?
— Я не согласен.
— А что, простите, не устраивает?
— Не буду я с вами работать, — тверже ответил Тарусов. — Не буду!

Еще полчаса Ритченко пытался добиться хоть маленькой победы в реализации своего плана, но «объект» односложно отвечал: «Нет». Это в конце концов вывело Ритченко из себя, он закричал пронзительно и тонко: «Дрянь» — и ударил Тарусова по небритой щеке. Удар был неловкий и явно неумелый. У Ритченко слетели с носа очки. Хорошо, на полу был ковер.

Тарусов не помнил, как спустился вниз. Не помнил точно, что отвечал на вопросы товарищей, но хорошо запомнил крепкое рукопожатие Сапрыкина в темноте.

Странно, но после того как его ударили, он почувствовал себя гораздо увереннее.

XIV

В сумрачном пустом доме Азиза обжитой была лишь одна комната — кабинет. Сейчас он сидел в кресле, закутавшись в просторный халат и подобрав ноги, и молча страдал от головной боли. Тускло горел ночник, на столе отсвечивал безмолвный телефон. «Плохо, когда телефон трезвонит весь день, и еще хуже, когда он молчит», — подумал Азиз. Днем звонили из Кабула. Начальник службы государственной информации республики интересовался ходом поисков. Азиз стал докладывать обстановку, но Наджибулла резко оборвал его: «До сих пор ничего не известно? Вы мне скажите, кто хозяин в городе — они или вы?» «Если считаете, что не справляюсь — снимайте», — ответил Азиз. После долгой паузы голос шефа зарокотал спокойней: «Переверните все вверх дном, но найдите специалистов. Это сейчас главная задача». Он говорил еще о расширении агентурной сети, о том, что надо опираться на помощь населения... Все это, конечно, было правильным.

Азиз зябко поежился, подобрал под себя халат, потом взял со стола сигареты, закурил. В черном окне висела луна, время от времени в стекла постукивали ветви дерева. Во дворе слышались шаги охранника. Азиз прислушивался к этим редким и тихим шагам и думал, что так же, тихо и робко, движется пока революция. Вспомнил он и сегодняшнюю встречу с Воронцовым. Они закрылись в кабинете, и после разговоров, связанных с поиском, тот как бы между

прочим поинтересовался, как Джафар мог узнать, что убит Тихов, причем раньше, чем об этом узнали в ХАДе. «Джафар — мой хороший товарищ, — Воронцов разводил руками, — и все же, вот такой вопрос...»

Азиз, конечно, был в курсе дела. Карим доложил о фразе, которая так всполошила комбата. Проговорился ли Джафар случайно? А может, просто от кого-то узнал о погибшем Тихове... Азиз успокоил Воронцова: разберемся... Не знаешь сейчас, кому верить. На прошлой неделе он лично расстрелял гульбуддиновского шпиона. Затесался в уездном ХАДе. Интересно, верят ли ему самому?

Он встал, прошелся по комнате, прислушался к неясному шуму во дворе. Наверное, охранник изнывает от скуки, шаркает ногами. Азиз опустился на матрас, потянулся к ночнику, как вдруг дверь с грохотом отлетела в сторону, в комнату ворвались люди.

— Тихо, Азиз! Не ждал? — услышал он знакомый голос.

— Джелайни?! — вскрикнул Азиз и медленно стал подниматься.

— Испугался? А я вот решил прийти к тебе в гости, сам ведь не позовешь. Чего молчишь, не рад? — он шагнул к свету, глаза его блестели. Джелайни откинул назад длинные волосы, поставил у стены автомат. — Давай поговорим, что ли. Как брат с братом...

— Сначала пусть уйдут эти, — Азиз бросил взгляд исподлобья и по-прежнему стоял как вкопанный.

Джелайни небрежно махнул рукой, опустился на ковер. Двое, что стояли в дверях, безмолвно повиновались. Азиз сел в другом углу, незаметно перевел дух, сердце рвалось в бешеном ритме.

— Что с сарбозом? * — резко спросил он.

— Плохой у тебя сарбоз. Зарезали мы его.

— Шакалы... — Азиз стукнул кулаком по полу.

— Тебе жалко? А когда расстреливал Алихана, Гуламухамеда, Надира, не было жалко? Видишь, я все про тебя знаю...

— Зачем ты захватил специалистов? Они строят комбинат. Кому они помешали? — загремел Азиз.

— О чем ты говоришь? Ты что-то спутал, я не знаю никаких специалистов, — Джелайни весело улыбался.

— Ты лжешь. Отпусти их или заплатишься своей неразумной головой. Это я тебе говорю, как старший брат.

* Сарбоз — солдат.

— Азиз, — Джелайни широко развел руками, — помилуй, не знаю никаких специалистов.

— Ты забыл, что я работаю в ХАДе?

— Спасибо, помню, дорогой брат. Все помню: что попался неверным, что забыл аллаха... Так вот слушай сейчас меня. Мне передали твои слова. Ты сказал, чтобы я не попадался тебе на пути. И обещал, дай аллах памяти, пристрелить первой же пулей, если попадусь. Вот я и пришел к тебе.

— Ты еще и труслив, — Азиз встал, повернулся к окну. За ним маячила угрюмая физиономия. — Что же не пришел один — побоялся? Я знаю о всех твоих делах. Это ты не чтить священное писание, ты идешь против веры. На тебе — кровь невинных. Если бы жив был отец — он проклял бы тебя...

— Ладно, Азиз, заткнись, — Джелайни тоже поднялся, взял за ремень автомат, стал показывать им. Лампочка ночника тускло вспыхивала на вороненой стали. — Ты не в ХАДе. Видишь, я первый к тебе пришел, как младший. Я чту адат... Мне нужна твоя помощь, Азиз.

— Какая помощь? — хмуро спросил он.

— Дай слово, что поможешь, и я скажу.

Азиз отрицательно покачал головой. С минуту братья молча смотрели друг на друга, и казалось, вот-вот треснет и тихо осыпется невидимая преграда и они бросятся в объятия. Но Джелайни по-прежнему покачивал автоматом, удерживая его одним пальцем, Азиз же смотрел куда-то поверх головы брата.

— Я вот думаю, — вдруг хрипло обронил Джелайни, — сейчас тебя пристрелить или потом?

— Лучше сейчас... Мира между нами не будет.

— Мать жалко... — Джелайни вздохнул, помолчал, потом быстро спросил: — Она в Кабуле?

— Да...

— Как ее найти?

— Четыре года не видел, теперь захотелось найти?

— Ладно, можешь не говорить. Сам разыщу...

Джелайни огляделся, посмотрел на потолок, усмехнулся:

— Живешь, как скот. Плохо платят? Ладно, живи дальше... Дарю тебе жизнь. Но в следующий раз, клянусь аллахом, пристрелю, как собаку, а голову твою в ХАД передам.

Он повернулся и быстро вышел из комнаты. Хлопнула дверь, донеслись приглушенные голоса — и все стихло.

Азиз выскочил во двор. На земле, раскинув руки, лежал охранник. В лунном свете стыло отблескивала лужа крови. Азиз склонился над телом и увидел широкую рану на горле. Оружие исчезло.

Он устало поднялся с колен, глубоко вдохнул морозный воздух и вернулся в дом. Какое-то время Азиз оцепенело сидел в кресле, потом встал, вытащил из-за стола автомат, рванул затвор. Не целясь, с бедра он расстрелял дверь, затем очередью полоснул по окну. Посыпалось, жалобно зазвенело стекло. Он бросил автомат на матрас, снял телефонную трубку.

— Это Азиз. Опергруппу на выезд. Срочно! На меня совершенно нападение. Убит охранник. Предположительно три или четыре человека. Они на машине... Нет, я не ранен.

XV

О нравственном здоровье той или иной армии можно смело судить по тому, как она относится к своим пленным. Поверженный враг редко вызывает сочувствие, единственно, на что он может рассчитывать, так это на человеколюбие и милосердие победителя.

На пленных удобно отыграться за свои неудачи, за позор поражений и несбыточность грез. Для них изобретены пытки, концлагеря, тюрьмы. Пытки придуманы давно. Трудно сказать, с какой целью применялись они впервые: для установления истины или же просто для забавы.

Джелайни пытки считал развлечением. Он мог часами не мигая и без всякого выражения на лице следить за мучениями очередной жертвы. Впрочем, иногда преследовалась и чисто практическая цель — вытянуть необходимые сведения. Но и в этом случае побочное удовольствие не теряло своей прелести. И еще одну цель ставил Джелайни — замарать руки своих людей кровью. Это крепче любой клятвы на верность, считал он.

Сегодня европеец из ФРГ, который хорошо говорил на языке шурави, пожаловался, что пленные все до единого отказались от сотрудничества с ним. Джелайни пообещал, что развяжет им языки. Впрочем, ему было совершенно наплевать на фаранга * и его горести. Одного пленного он, может быть, и уступит. Не больше. Специалисты нужны ему самому. Нет, он вовсе не собирался убивать их, как того хочет Модир Джагран. Он говорит, что заложники принесут

* Фаранг — европеец.

им несчастье, от них надо избавиться; а трупы подбросить у какого-нибудь кишлака. Модир боится, что шурави начнут искать своих людей и придут в ущелье. Но убивать заложников — все равно, что выбрасывать деньги в реку. Правильно говорят, что лучше иметь камень, чем голову без мыслей. Нет, он не так глуп и труслив, чтобы уничтожать их. Надо обмануть Модира. Да, это опасно. Все же Модир Джагран — один из влиятельнейших руководителей в провинции, лицо, приближенное к самому Гульбуддину, его люди есть во всей округе. Но если действовать быстро, вполне можно успеть достигнуть границы.

«А сейчас надо развлечься, — подумал Джелайни. — Пусть этот самоуверенный дурачок из Германии думает, что стараемся ради него».

Джелайни приказал вывести пленных во двор. Сам уселся на колоду для рубки мяса, но ему тут же принесли плетеное кресло. Ритченко кресло не принесли, и он уселся на освободившуюся колоду. Было холодно, шел медленный прямой снег, и от этого стояла сырая ватная тишина. Джелайни лениво распоряжался. Но его подручные и так знали всю «программу».

Сначала связали всем руки за спиной. Из строя вытащили Шмелева, сорвали рубаху. Кто-то притащил из колодца два ведра воды. Воду вылили прямо ему на голову. Засмеялись. Потом Шмелева бросили наземь, надели петлю на шею, а конец веревки привязали к заломленной за спину ноге. Он стал задыхаться.

— Сволочи, негодяи! — закричал Сафаров.

К нему кинулись, повалили на землю, стали бить ногами, колоть птыками. Джелайни опять что-то приказал — и душманы потащили Сафарова к дувалу. Там уже стоял Сапрыкин. Их поставили в затылок друг другу. Джелайни, не глядя, протянул руку — ему подали карабин. Щелкнул затвор.

— Если вы не примете нашей веры, я сейчас вас убью, — тихо сказал Джелайни. — Одной пулей... Сафар, переведи!

Пленники молчали. Джелайни, не вставая, медленно прицелился. Шум во дворе незаметно стих. Все смотрели на главаря. Пронзительный ветер задувал в ствол нацеленного карабина. «Неужели все? И этот тонкий, на одной ноте посвист — последнее? Самое последнее в жизни...» Сапрыкин старался смотреть в глаза бандиту, но невольно видел только одно: полусогнутый указательный палец на спусковом крючке. Длинный узловатый палец, поросший жесткими черными волосками.

Раздался выстрел, пуля отколола кусок стены над их головами. Пленники стояли, не шелохнувшись. Джелайни засмеялся, покосился на Ритченко. Тот стоял белый как мел.

— Я пойду, — выдавил тот и нетвердой походкой побрел со двора.

— Иди, иди...

К обеду занятие наскучило Джелайни. Он довольно погладил свою черную бороду, распорядился отправить пленников в подвал. «Нет, убивать их не буду», — еще раз подумал он и приказал вызвать помощника.

Хасан подошел неторопливо, вразвалку.

— Вызывал, хозяин?

— Да, поговорить надо. Пойдем.

Джелайни сделал вид, что не заметил развязности помощника, жестом указал на дверь в стене дувала и первым вышел на улицу.

— Слушай меня внимательно, Хасан, — оглянувшись, начал он. — Дело касается пленных. Модир Джагран хочет уничтожить их. Но нет, наверное, на свете большей глупости, чем убивать мирных людей...

Хасан удивленно посмотрел на хозяина. Тот понял его взгляд, но продолжал как ни в чем не бывало:

— Аллах рассудит мою справедливость и доброту. Слушай меня внимательно. Я подберу тебе тридцать человек. Сегодня ночью выведешь вместе с ними в район кишлака Навруз. Водителяпустишь. До утра он должен вернуться вместе с грузовиком. Остальные пойдут с тобой. Перед самым кишлаком в укромном месте отберешь четырнадцать человек. Пусть они спрячут оружие под пату*. Потом свяжете их и проведете как будто под конвоем через кишлак... Ты хорошо понял меня? Пусть люди думают, что ведут пленных.

— Но за нами сразу будет погоня! — изумился Хасан.

— Ты не лишен проницательности, но не перебивай хозяина, — строго заметил Джелайни. — Да, за вами будет погоня и вам придется уносить ноги. Ты понял, что ты должен делать? Пусть они гоняются за вами. Через день или два после Навруза, как очухаешься, появишься вместе с пленными в другом кишлаке. Потом — в третьем. Надо сбить их с толку. А я тем временем тихо переправлю специалистов поближе к границе. Встречаемся в кишлаке Ду-

* Пату — составная часть афганского мужского костюма в виде пакидки через плечо.

ар через десять дней. Запомни это. Человека, который тебя сведет со мной, зовут Карахан. Кроме того, дам тебе адрес, где сможешь взять машину. На этой машине и доберешься до границы. А в Пакистане нам хорошо заплатят за товар. Пойдете завтра в ночь. И смотри, никому ни слова...

Джелайни проводил Хасана долгим взглядом. «Теперь избавлюсь от него, — подумал он, — а заодно и от всех лишних. Хасан стал последнее время слишком подозрительным. Постоянно о чем-то думает. Человек, все время занятый собственными мыслями, — или сумасшедший, или же тот дурак, который вдруг начинает понимать, в чем его глупость, или же умный, который сознает свое несовершенство. Правда, последнее к Хасану не относится... Хасан всегда безропотно подчинялся и верил. Теперь стал задавать лишние вопросы, высказывать свое мнение. А сегодня заявил, что мучить людей — это плохо, мол, аллах призывает нас к милосердию. Да, пора избавляться от него».

Три года назад он приблизил к себе Хасана, сделал его своим помощником. Почти вся его группа — пятьдесят человек — дехкане. А у Джелайни отец был землевладельцем — это все знали. Поэтому он и взял себе помощника из дехкан. Надо знать настроения черни. И пусть они видят, что Джелайни — демократ, ценит простых людей. После саруской революции нос надо держать по ветру.

«Сегодня ночью уйдет Хасан, а через три-четыре дня вместе с пленными исчезну и я», — усмехнувшись, подумал Джелайни. Он вспомнил ночную вылазку в город, встречу с братом. «Пусть пока живет и знает мою силу... Специалисты ему подавай, — Джелайни рассмеялся в бороду. — Бедный человек, ему надо отчитываться перед шурави... Жаль, не захотел помочь. А ведь неплохо было бы заиметь бумагу из ХАДа...»

XVI

Сафарова перевязали обрывками белья: раны от штыка, к счастью, были неглубокими. Растерли сухой рубахой Шмелева и Тарусова, который тоже не избежал купания на морозе. Шмелев, отчаянно дрожа, пытался шутить:

— Хотел, как т-тибетские монахи, в-внушить себе, что мне ж-жарко, что сейчас лето, солнце кожу об-бжигает. Но теплей п-почему-то не стало.

Тарусова оттирал Сапрыкин. Он помог ему снять всю мокрую одежду и усиленно драил спину, грудь, разгоняя по телу кровь. Тарусов молча кричал, а когда немного отогрелся, спросил:

— Как думаешь, Васильевич, нас ищут?

— Ищут, Степан, ищут. Нам сейчас главное — не сдать-ся... Жизнь, она, как дорога. А свернешь — предательство.

Он задумался и даже перестал растирать Тарусова.

— А если впереди обрыв?

— Все равно прямо. Дерево только вверх растет. Вбок пойдет ствол — завалится дерево. Вот тебе и закон жизни.

— Да, закон, — отозвался, как эхо, Тарусов. — Я вот все думаю, Васильевич, кому я нужен? Детям — пока помощь моя нужна. Жене — покалюбишь и опереться на тебя можно. Другьям — пока выгоден. Наверное, только матери — всегда... А скажи честно, как сам думаешь. Вот конкретно: выкрали пятнадцать человек. Стоит ли искать их, рисковать новыми людьми? Ну, подумаешь, несколько инженеров! Мало что ли у нас в стране? Завались.

— Не болтай, — рассердился Сапрыкин. — Нас ищут, это точно.

— Я знаю, — вздохнул Тарусов. — Я так просто — вслух думаю.

XVII

Разбудил Воронцова бой часов. Спросонья он подумал, что звонит телефон. Встал, прошелся по кабинету, чтобы прогнать сон. За окном свирепствовал «афганец», без устали швырял в стекло то ли песок, то ли снежную крупу. Воронцов открыл форточку. Воздух стоял спертый, было сильно накурено еще с вечера.

Последний раз ему сообщили, что группы приближаются к горному пути. До этого передали, что рота разделилась на две группы. Воронцов подошел вплотную к карте и, вглядываясь в горизонтальные высоты, похожие на искривленные круги на воде, мысленно представил местность, по которой продвигалось подразделение. Он тут же понял расчет Читаева, взял циркуль, измерил расстояние, которое предстояло пройти обеим группам, прикинул среднюю скорость движения. Кажется, все сходилось. К рассвету одна из групп обязательно должна встретиться с душманами. Раньше, наверное, к дороге выйдет группа Хижняка, а потом уже лейтенанта Читаева. Воронцов еще раз внимательно посмотрел на карту и засомневался. В горах все может быть по-другому. Опыт здешней службы не раз убеждал в этом. Что ж, может быть, Читаев действительно угадал намерения бандитов. Он снял трубку, попросил соединить с Туболом, коротко доложил. В ответ услышал лишь две фразы: «Хоро-

шо, товарищ Воронцов. Держите меня в курсе всех событий».

«Прямо как Сталин, — подумал Воронцов, кладя трубку. — О своем мнении пока ни слова».

Вошел сержант.

— Товарищ подполковник, сообщение от Птицына. Группа лейтенанта Хижняка вышла в квадрат тринадцать-сорок шесть.

Воронцов бросился к карте, уперся пальцем в найденную точку на карте, снял трубку, снова попросил соединить с Туболом.

— Хижняк вышел к дороге... Читаев пока не докладывал.

— Хорошо, — коротко ответил Тубол и положил трубку.

«Где Читаев? Птицын еще этот», — подумал Воронцов с недовольством о начальнике связи, представив его румяное лицо. Он встал, направился в аппаратную, чтобы переговорить с Птицыным лично и потребовать, чтобы тот, во-первых, усилил охранение, а во-вторых, построил машины кольцом, если это еще не сделано.

Воронцов объяснял себе отсутствие связи большим расстоянием.

XVIII

...Когда Читаев с группой уже спустился вниз и их фигуры превратились в маленькие точки на дне ущелья, когда горное эхо внезапно принесло недобрые звуки очередей и Водовозов понял, что Читаев попал в огневой переплет, самой первой мыслью было ринуться вслед за ними. Он уже хотел дать команду, но в последнюю секунду опомнился. Вторым было решение вести огонь по душманам отсюда, с горы. Но тут же он понял бесплодность таких попыток. Водовозов тревожно оглянулся на солдат и прочитал такую же тревогу на их лицах. Сержант Мдиванов стоял рядом и ждал, что он скажет. «Надо зайти бандитам в тыл и ударить», — мелькнуло у Водовозова, он уцепился за это решение и стал лихорадочно прикидывать, какой дорогой они должны спуститься, чтобы не быть замеченными, с какой стороны должны выйти в тыл противнику. В ущелье гремели выстрелы, они торопили. «Так. Значит, в обход... В обход... Что нужно для этого?» — Алексей попытался сосредоточиться и вспомнить, как в таких случаях учили поступать на занятиях по тактике в училище. Но в голову ничего не шло, крутились какие-то отрывочные фразы, кажется, из Боевого устава: стремительным маневром выйти во фланг

и тыл и атаковать. Атаковать... Надо думать, думать! Бандиты, наверное, не догадываются, что спустилась только половина. Эта мысль немного успокоила, и он крикнул:

— Никому не высовываться!

Он еще подумал о том, что наобум идти нельзя, надо выявить огневые точки, и распорядился, чтобы все наблюдали за полем боя. Но утренняя дымка скрывала душманов, и Водовозов понял, что точно их засечь нет никакой возможности. И, уже отбросив колебания, он принял решение идти по обратной стороне высоты, где они были невидимы для врага. «Пусть хотя бы продержатся один час», — думал Водовозов.

Бегом они спустились вниз, затем пошли резко влево, потом бегом пересекли низину и начали подъем. Ветер продувал ущелье как раз с той стороны, поэтому они отчетливо слышали звуки боя.

В эти минуты Водовозов все еще не мог полностью осмыслить предстоящее. Он готовился к первому бою, первый бой ждала и половина его необстрелянных солдат. Было такое чувство, будто продувало холодным сквозняком. Водовозов старался подавить неприятные ощущения. Он приказал увеличить шаг, но сказывалась усталость, да и подъем был крутой. Алексей шел первым, считая, что его место именно впереди. Когда неожиданно раздался свист пули, Водовозов сразу понял, в чем дело, и инстинктивно подумал о себе: «В меня стреляют!» А потом уже крикнул: «Ложись!» Стреляли с вершины. Сердце прыгало, в голове колотилась пустота. Конечно, душманы оставили наблюдателя с тыла, ведь это элементарное правило боя!

— Ползком — вперед!

Но стоило чуть подняться, как вновь невидимый враг открывал огонь. Прошло минут пять, а может, больше. Водовозов вслушивался в тишину. Иногда долетали звуки выстрелов с той стороны. Алексей снова скомандовал: «Вперед!», но тут начали стрелять уже с двух сторон. «Засада», — подумал он и тоже, как и Читаев, вспомнил о группе Хижняка.

ХІХ

У Хижняка все складывалось как нельзя удачно. Еще до рассвета они вышли к своей вершине. Карим провел группу по известным тропам, два опасных участка они преодолели с помощью страховочных веревок. Хижняк и половина группы заняли позицию у дороги. Остальные вместе с Каримом — у вершины. От Птицына Хижняк узнал,

что Читаев последние два часа не выходил на связь. Он, конечно, понимал, что маршрут читаевской группы более трудный и протяженный. Но прошел час, второй. Известия не поступали. Дорога по-прежнему была пустынна. И Хижняк в конце концов решил двигаться вперед. Где-то через час, когда прошли около четырех километров, Карим вдруг остановился и замер. Хижняк, шедший рядом, тоже остановился и вопросительно посмотрел на него.

— Кажется, стреляют...

Хижняк прислушался, но ничего не услышал. Тогда он крикнул: «Тихо!» — и приказал остановиться. Но было лишь слышно, как свистел ветер. Двинулись дальше, причем не стовариваясь, более ускоренным шагом. Через несколько минут Карим вновь сказал, что стреляют. Но Хижняк и сам уже слышал выстрелы. Теперь они почти бежали на звук. Сомнений быть не могло: там, за горой, шел бой. Он еще раз попытался связаться с Читаевым, но радист опять разочарованно развел руками. Тогда Хижняк приказал всем снять бушлаты и сложить их за большим валуном у дороги. Остались в одних куртках.

— Сержант Крылов! Десять человек с вами. Будете подыматься по левой стороне. Темп — максимальный. Карим, ты тоже иди с ними.

Он хотел еще сказать, чтобы были осмотрительнее, но понял бессмысленность лишних слов и, махнув рукой в сторону вершины, бросил короткое: «Вперед!»

Только зримая и ясная цель может давать новые силы. Ночь трудных горных троп, закончившаяся бесплодным утром среди горной пустоши, выбила из колеи даже самых стойких; большинство же с трудом волочили ноги. А сейчас новое препятствие придало новые силы... На полпути до гребня Хижняк предусмотрительно приказал выключить радиостанцию — «шипел» эфир. Шли осторожно, ступая мягко, шагом разведчика; хорошо, не было щбенки. «Туризм» заканчивался пологим подъемом перед вершиной. Когда до нее оставались считанные метры, сверху громыхнула очередь. Спасло то, что противник видел только их головы.

— За мной!

Хижняк первым стал спускаться вниз, затем повернул вправо. Солдаты старались не отставать. «Не напороться бы с размаху, брюхом — да на горячий ствол». Все чувства настолько обострились, что, казалось, выстрели — и он увидит, как мелькнет пуля в полете. Он чуть не рванул спусковой крючок, заметив неясную цель под скалой...

— Теперь — ни звука, — обернулся он к солдатам.

— Понятно, командир.

Они почти ползли, выпрямиться в рост было бы самоубийством. Враг находился где-то рядом, может быть, за ближайшим камнем. Хижняку казалось даже, что он чувствовал чужой запах. Сзади зашуршала галька. Хижняк резко обернулся, сделав страшные глаза. Солдаты замерли.

— Подсади, — одними губами произнес он.

Хижняк взобрался на валун, потом встал на естественный приступок и подтянулся, чтобы заглянуть за скалу. Скала чем-то походила на хищный нос — изогнутая, с горбинкой.

В первое мгновение он отшатнулся, увидев душманов в двадцати шагах. Один из них — в чалме и овчинном полушубке — сжимал в руках автомат и что-то высматривал внизу. Другой — тоже в чалме и в чем-то грязном, похожем на бывшее черное пальто. На нем был еще кожаный патронташ, в руках — винтовка. Все это Хижняк хорошо разглядел. Душманы не замечали его, он находился почти за их спинами. Хижняк еще никогда не видел врага так близко, врага вооруженного, с пальцем на спуске и — совершенно беззащитного.

— Ну что, товарищ лейтенант? — услышал он нетерпеливый шепот.

Не оглядываясь, Хижняк погрозил кулаком и снова положил палец на спусковой крючок. Он уже восстановил дыхание, мушка не прыгала ходуном, а уткнулась в лежавших на земле. Под обрез цели. Как на стрельбище. «Крикнуть «Сдавайтесь»?» — подумал он, еще медля. Но тут один из них встрепенулся, приглушенно вскрикнул, показывая рукой вниз. Автоматчик тут же прицелился. Одновременно Хижняк нажал спуск... Оба неподвижно распластались на земле. Тот, что в черном пальто, судорожно изогнувшись, упал на автоматчика, который первым был убит наповал. Хижняк оторопело смотрел на них, пока не почувствовал, как кто-то коснулся его руки. Он резко обернулся.

— Товарищ лейтенант, подавать сигнал нашим? — спросил солдат, который помогал ему взобраться на валун.

— Да-да, конечно, — пробормотал Хижняк.

Потом он снова полез наверх, все выше, и солдаты с автоматами наперебес без лишних слов поднимались следом.

А внизу Хижняк видел спины врага — маленькие черные точки. Душманы спускались. Выстрелы с обеих сторон доносились редко, словно для того, чтобы напомнить о себе. Берегли патроны. Группу Читаева можно было определить лишь по едва заметным вспышкам.

Все были в сборе. Ждали. Ждал и тот, кто был на волосок от гибели всего несколько минут назад. Но он даже не подозревал об этом. И сам Хижняк не знал, кого спас. Не до того в суматохе боя. Когда спасаешь, фамилии не спрашиваешь.

— Всем рассредоточиться, — приказал он. — Атакуем по моему сигналу.

Атака в горах в направлении сверху вниз — это короткие перебежки от укрытия к укрытию. Душманы отходили вниз, огрызались короткими очередями.

— Огонь! — скомандовал Хижняк, и они ударили одновременно в одиннадцать стволов.

...В первое мгновение Читаев не понял, что за очереди доносились из-за горы. Водовозов? Но, судя по глухим выстрелам, его группа слева. И только когда на вершине появились фигурки в защитной форме, он все понял.

— Патронов не жалеть!

А справа, будто запоздавшее эхо, тоже застучало, загрохотало — на гребень соседней высоты вышла группа Карима и сержанта Крылова. Долина наполнилась яростной перепалкой очередей. Душманы уходили. Было хорошо видно, как они, пригибаясь и уже не отвечая огнем, поспешно отходили в сторону дороги. Вдогонку с двух сторон неслись оранжевые трассеры, где-то уже вился голубой дымок — занялась огнем прошлогодняя трава. Душманы спускались беспорядочно, их белые чалмы мелькали за камнями, как обрывки бумаги, подхваченные ветром, они что-то кричали друг другу, перекрестные очереди прижимали их к земле, отрезали путь к отступлению.

Хижняк бежал первым, часто пригибался за камнями и посылал короткие очереди по отступающим. Навязчивая мысль подталкивала его: если он быстро спустится вниз — то успеет. Читаев и его солдаты будут целы и невредимы. Только бы не опоздать!

А Читаев, целый и невредимый, орал во всю глотку, чтобы прекратили пальбу. Но все и так прекратили, потому что видели и Хижняка, и остальных. Крик «ура» понесся над ущельем, его подхватили с обеих сторон.

— Живой? — выдохнул Хижняк.

— Живой! — Читаев порывисто стиснул Владимира в объятиях.

— Ну, слава богу.

Где-то справа еще грохнула граната, а за горой у Водовозова коротко отозвались две-три очереди. И с этими последними звуками бой оборвался, будто лопнула перетянутая

струна... Еще продолжает звенеть в ушах, но не понятно, то ли это отголоски боя, то ли внезапно наступившая тишина... Автомат горячий, и резко пахнет сторовшим порохом.

Вокруг обнимались, кто-то на радостях стрельнул вверх, на него тут же шикнули. Голоса звучали непривычно громко. Камалетдинов с автоматом наперевес вел здорового взрослого детину. И уже вышагивал своей подчеркнуто энергичной походкой Карим, а следом вся группа.

— Где Водовозов? — вспомнил Хижняк.

— Там, за горой...

— Потери есть?

— У меня — нет.

— А Водовозов где? — снова спросил Хижняк.

— Водовозов?... Вой спускается, — мотнул головой Читаев.

Действительно, с горы спускались люди.

— Ты ранен? — Хижняк увидел бурое пятно на штанине Читаева

— Ерунда, — отмахнулся он.

Во время боя пуля раскололась о камень, и кусочек ее оболочки — медная закорючка — зашла под кожу. Перевязать он не успел, ранка и кровоточила.

Подошел запыхавшийся Водовозов. Лицо в пятнах, глаза горели.

— Ушли, за ту гору ушли. Но мы дали им...

— Ты что там делал? — перебил Хижняк.

— Шел на помощь... — оторопел Водовозов. — Зажали ведь... Я решил идти в обход, да сверху засели духи — головы не поднять. Только мы вперед — сразу огонь открывают.

— Ясно, — тихо произнес Хижняк. — Долго же ты шел...

— Люди хоть целы? — спросил Читаев.

— Люди целы, — с вызовом ответил Водовозов.

Он никак не мог понять, в чем его собираются обвинить.

— И как же ты там застрял? — снова тихо спросил Хижняк.

Водовозов пожал плечами. Ему не хотелось отвечать при солдатах. Чтобы как-то сохранить достоинство, он начал медленно, с расстановкой пояснять, что был остановлен автоматным огнем. Сначала стрелял один, потом еще трое или четверо. Огневые точки подовать не удалось. Все попытки маневра были практически невозможны...

Хижняк слушал, чуть наклонив голову и отставив в сторону ногу. На лбу его собрались мелкие морщинки, в руке за ремешок он держал каску и ритмично постукивал ею по колену. Читаев еще не отошел от боя и молчал.

— Так уж невозможны? — усмехнулся Хижняк.
— Я берег людей и не хотел попусту рисковать ими.
— Хорошие слова, но не к случаю. Неужели нельзя было зайти во фланг, обойти высоту? «Попусту»...
— Я думал прежде всего о людях! — продолжал повторять Водовозов.

— О людях надо думать всегда. Бросить в беде товарищей!

— Ладно, хватит! — резко оборвал Читаев. — Он делал все правильно. Ну а то, что не сумел... На первый раз скидка.

— Ну, спасибо, Володя, за хорошие слова, — с мукой выдавил Водовозов, глянув на Хижняка. — Спасибо...

— Все! Точка на этом, — повысил голос Читаев. — Хижняк! Проверить личный состав. Сколько раненых? Пленных — под охрану!

— Главное, что люди целы. Понял? — примирительно сказал Читаев, когда Хожняк отошел. — Пустая? — увидел он флягу у Водовозова.

— Еще есть.

Сергей взял протянутую флягу и жадно припал к ней пересохшими губами.

— Вот чего мне не хватало, — удовлетворенно сказал он, напившись.

Раненых, если не считать Читаева, было двое. Пуля рикошетом или на излете стукнула Щекина в бронежилет, пробила его и застряла, дальше не пошла. Он вытащил ее пальцами. Ранка была небольшой, но на груди расплзся обширный кровоподтек. Щекин лежал бледный, отчего его веснушки еще сильнее выделялись на лице. И ранило в самом конце боя солдата из взвода Хижняка — в левую руку.

Когда собрали трофейное оружие, Читаев соединился по радио с колонной, приказал Птицыну передать результаты боя и запросить дальнейшие указания. «Теперь бы домой», — подумал он о своей небольшой комнатке в фанерном модуле. Рядом жались в кучку пленные душманы. Один из них смотрел на Читаева. «Тоскливо тебе и страшно», — подумал Сергей.

XX

...— Так, — задумчиво сказал Воронцов, приняв сообщение, — этого следовало ожидать.

Рядом с ним на краю карты, постеленной на широкий стол, стоял нетронутый стакан чая. А сам он, наклонив большую с залысинами голову, уперся взглядом в нанесенную

обстановку. Последнее время у него появилась привычка говорить, чуть раскрывая рот, сквозь зубы, и оттого складывалось впечатление, будто в нем стало проявляться скрытое ранее высокомерие. Начштаба Роцин, хорошо изучивший своего командира, с интересом наблюдал за этими переменами. Сейчас он докладывал Воронцову свои соображения по дальнейшему поиску специалистов. Суть их сводилась к тому, чтобы еще раз крупными силами с использованием вертолетов прочесать весь район. Воронцов слушал как всегда, не перебивая. Уже поняв, что хочет Роцин, он мысленно сразу отклонил его план, но продолжал терпеливо слушать.

— У вас все? — спросил он, когда начштаба закончил.

— Да, в общем все.

Воронцов молча прошелся по кабинету. Остановился, долгим взглядом посмотрел в окно. От этой затянувшейся паузы Роцину почему-то захотелось глотнуть чаю, и он попросил разрешения налить себе стакан.

— Пейте мой, я не буду, — сказал Воронцов.

Роцин аккуратно взял стакан, а Воронцов вдруг повернулся к нему и произнес:

— Учимся, учимся воевать, да, видно, мало. Хорошо, научились колонны водить в ущельях. По горам теперь пускаем пехоту, чтобы нас охраняла сверху. Едем дальше. Нет, уже идем пешком — в горы. Тропинка хорошая: все вниз да вниз. Спускаемся. Все спустились? Все! Все. А как же прикрытие? А вот прикрытие на высоте не оставили... И — получите промеж глаз!

— Василий Семенович, а ведь Читаев оставил прикрытие. Правда, Водовозов — офицер молодой, не сумел сработать как надо. Но и винить его грех. Первый раз в такой переделке...

— Да я не об этом, — отмахнулся Воронцов. — Водят нас душманы за нос. Как это наши солдаты называют их — «духи»? Вот мы и погнались за этими самыми «духами», а они хоть и не бестелесные, но все равно — фикция и обман, — усмехнулся Воронцов.

— Извините, Василий Семенович, я что-то вас не совсем понимаю.

— Не было никаких специалистов в ущелье, — ответил громко и резко Воронцов. — Не было и в помине.

— А как же сообщение?

— Обычная инсценировка... Если не похуже. Например, заведомая дезинформация для органов ХАД. Но ничего, бандиты хорошо заплатились за свой спектакль.

Воронцов распахнул окно. Свежий воздух принес запах слежавшейся пыли.

— Отдайте распоряжение от моего имени. Пусть Читаев с ротой спускается на плато к своей технике.

XXI

Начальник ХАД приехал после обеда. С ним был сотрудник, знавший русский язык. От Воронцова не укрылось, что Азиз, обычно непроницаемо-спокойный, был взволнован. Поэтому он быстро отпустил всех, кто находился в его кабинете, и приготовился слушать. Только прикрылась дверь, Азиз выпалил:

— Специалисты в Мармуле.

Они вместе подошли к карте, и Азиз, проведя пальцем по изломанной линии ущелья, показал точку: крошечный горный кишлачок в несколько дворов с длинным звонким названием, которое и произнести сразу трудно.

Азиз сказал, что, по сообщению очень хорошего человека (он так и сказал: очень хорошего), специалистов держат в доме на окраине кишлака. Найти дом очень просто. Азиз достал смятую бумажку, развернул ее. На ней размашисто, видно, человек, который рисовал, очень спешил, была изображена схема поселка. Несколько прямоугольников — дворы, окруженные дувалами, и еще один квадрат, помеченный крестиком. Сверху на схеме буквой «N» обозначен север.

— Вот здесь, — показал Азиз на квадрат с крестиком. — Охрана небольшая: пять или шесть человек.

— Хорошо, — все больше приходя в возбужденное состояние, сказал Воронцов. — А может быть такое, что специалистов там не окажется?

— Может, — подумав, ответил Азиз. — Если мы опоздаем, — и, поняв, что Воронцов сомневается в полученных сведениях, добавил: — Этому можно верить.

Они договорились, что сообщение будет храниться в тайне вплоть до самой операции, и Азиз уехал.

И тут Воронцова словно обожгло: ведь предстояло уничтожить охрану, а в ее числе наверняка и Джелайни — родной брат Азиза. Само собой разумеющееся дело — уничтожение охраны — теперь приобретало некоторую щепетильность. Все-таки брат. «А что скажешь Азизу? — размышлял Воронцов, решая, звонить или нет по этому поводу. — Но он и сам знает, и, возможно, точно знает, что брат там. Взять Джелайни живьем? Но это дополнительно усложняет задачу». Поколебавшись, Воронцов решил, что звонить

не будет. Он стал обдумывать план операции, пересилив желание сразу же звонить Туболу, который непременно потребует доложить решение. Вырабатывает у подчиненных творческую самостоятельность.

План должен быть прост и дерзок, размышлял Воронцов. Прямо в кишлаке вертолеты высаживают десант, который штурмом захватывает дом и уничтожает охрану. Двигатели вертолеты не останавливают и с посадкой на борт десанта и освобожденных специалистов немедленно взлетают. На главную часть операции — пятнадцать, от силы — двадцать минут. Больше — нельзя. Мармуль — район, как его называют, душманский. Воронцов быстро набросал на листке расчет сил и средств. По его замыслу для выполнения задачи было достаточно одного взвода. Вертолеты — на личный состав, на специалистов, плюс еще пара для поддержки с воздуха. Он снял трубку, соединился с Туболом, сдержанно доложил обстановку. Тубол обрадовался и начал было ставить задачу, но перебил себя и, как я думал Воронцов, поинтересовался его решением. Василий Семенович тут же доложил.

— Хорошо, — подумав, ответил Тубол и еще раз повторил: — Хорошо... Значит, завтра с рассветом вылетаете к Читаеву, лично ставите ему задачу. Вертолеты, боеприпасы приплю. Непосредственное руководство операцией возлагаю на Читаева. Вы возвращаетесь с колонной.

— Разрешите мне лично руководить операцией.

— Нет, достаточно Читаева.

— Значит, взводному доверяете, а командиру батальона — нет?

— Доверяю, не доверяю — не в этом дело, — после паузы ответил Тубол. — Нам с вами, Василий Семенович, такие задачи не по плечу... Вот вы за сколько стометровку бегаете? Ага, не знаете! А я вот вам гарантию даю, что и в восемнадцать секунд не уложите. А им сейчас бегать придется, через дувалы перелезть...

Воронцов обиделся, но по телефону выяснять отношения не стал.

С рассветом он был на аэродроме, а через некоторое время приземлился на плато. Навстречу спешил Читаев, удивляясь раннему визиту начальника. Воронцов выслушал доклад, поздоровался с офицерами и приказал построить роту.

— Ответственным за проведение операции по освобождению специалистов назначаю вас, Читаев, — голос у Воронцова зазвучал официально. — Ваш заместитель — лейте-

нант Хижняк. Он возглавит группу прикрытия. Вот схема поселка.

— Добровольцы, шаг вперед, — негромко произнес Читаев сакраментальную фразу.

Как он и ожидал, шагнули все дружно.

— Курилкин... Мдиванов... Бражниченко... Камалетдинов... Нефедов... — стал называть он фамилии.

— Меня, товарищ лейтенант, меня возьмите, — Щекин, словно школьник, тряс поднятой рукой.

Читаев не обратил на него внимания, а когда Щекин попытался перебежать в строй отобранных, рассвирепел:

— А ну, марш отсюда!

Щекин глядел умоляюще.

— Не на прогулку летим... И вообще, вам приказано лежать, — отрезал Читаев и вдруг заметил в глазах Щекина непрошеные слезы.

— Нельзя, Щекин. Нельзя.

Вертолеты уже рубили воздух.

Согнувшись, щурясь от пыльной круговерти, они бежали к месту посадки и один за другим исчезали в железном брюхе вертолетов. Двери захлопнулись, и вертолеты, взревев еще натужней, поочередно стали отрываться от земли. Они подымались все выше, шум затихал, и вот наконец вертолеты стали похожи на стрекоз. «Стрекозы» построились караваном и вскоре исчезли за кромкой гор.

— Тридцать минут лету, — сказал Воронцов. — Дай бог удачи нашим ребятам.

Водовозов глянул на него исподлобья и отошел в сторону.

XXII

Хасан сидел на большом камне. Когда-то во время сильной бури камень сорвался с вершины и стал стремительно набирать скорость, увлекая за собой сотни небольших и совсем маленьких камней. Но так и не скатился в долину, застрял на полпути. Прошло время, камень снова врос в гору. И хорошо, что так случилось, потому что в долине он загородил бы дорогу, и люди, в сердцах кляня его, вынуждены были бы искать другой путь. Камень остался в могучем теле горы, он постарел, покрылся сетью трещинок и морщин, но по-прежнему оставался единым целым с горой.

Хасан думал. Холодный ветер шевелил его всклокоченную седую бороду, играл концом чалмы. Ему уже скоро пятьдесят, старому Хасану, и его возрасту более соответство-

вала бы степенная жизнь в кругу семьи, а отнюдь не голодные скитания среди гор. Тяжелые краски заката тускнели, будто где-то за горизонтом постепенно затухал огромный пожар. Там, за горной грядой на западе, находился его родной кишлак. Широкая долина, похожая на гигантскую чашу, заполнена маленькими уютными кишлаками в зелени тополей. Хасан мысленно представил свою мазанку, дувал, который построил еще его дед. Много домов в кишлаке, только людей в них почти нет. Ушли люди, разбрелись кто куда по свету. Жена и двое детей остались среди немногих жителей. Ждут его. Женился Хасан — пяти лет еще не прошло. Молодым был — денег не имел, под старость насобираю — почти все ушло на выплату калыма. Уже три месяца о семье нет никаких вестей. Живы ли Физура и сыновья? В округе много банд... Все называют себя муджахеддинами, говорят, что борются за веру. А на деле просто грабят и убивают. Да и они разве не делают то же самое? Надо питаться, доставать необходимые деньги...

Хасан смотрел на закат уже без всякой надежды, ждал, когда окончательно стемнеет. Он сам назначил этот последний срок. Потом он должен принять решение. Каким оно будет, Хасан еще не знал. Знал лишь, что должен предпринять что-то очень важное и серьезное. Третий день подходил к концу. Никогда еще он не чувствовал себя так жестоко обманутым. Даже когда за жалкие гроши батрачил на пройдоху Якуб-хана. Как провел его Джелайни, послав под пули!..

Несколько дней назад в Наврузе они прошли па виду у всего кишлака. Сделали все так, как требовал Джелайни. А через сутки, на рассвете, они заметили отряд шурави, который двигался им навстречу, к дороге. Они были готовы встретить противника и успели занять господствующие вершины. Но под перекрестным огнем шурави не растерялись, сумели занять жесткую оборону. Потом случилось самое худшее. Пока они обстреливали окруженных, им в тыл ударил отряд, потом другой. И тут началось... Все же недаром говорят, что шурави воевать умеют и своих в обиду не дадут. Четырнадцать человек потеряли, а еще восемь, наверное, попали в плен. Остальные еле унесли ноги. Когда шурави ушли, они вернулись и до захода солнца похоронили тела погибших. Нет, не зря разум подсказывал ему: пусть шурави идут своей дорогой, не трогай их. Но сработала привычка: видишь врага — стреляй.

Тогда еще никто не знал, что судьба готовила им более тяжкий удар. В кишлаке Абихайль, где Хасану был обещан

транспорт, никто ничего не слышал ни о машине, ни о Джелайни. Хасан приказал обыскать двор, который был помещен на схеме, но ничего не нашли. Пришлось остановить рейсовый автобус... Тогда он еще верил. Вдруг произошла какая-то ошибка? Уверенность Хасана сильно поколебалась, когда выяснилось, что в приграничном кишлаке Дуар никогда не жил человек по имени Карахан. Но и тогда Хасан не терял надежды, верил, что Джелайни не обманет, придет на встречу в Дуар. Но срок прошел. Хасан ждал еще три дня. И только тогда понял, что его обманули, провели, как мальчишку. Джелайни избавился от него. Зачем ему старый глупец, с которым к тому же придется делиться деньгами? Когда делят деньги, сначала считают людей...

Солнце зашло. Дорога исчезла во мраке, но она уже не беспокоила Хасана. «Пойду к людям», — решил он. Они терпеливо и почтительно ждали его в отдалении. Видели, что старый Хасан не в духе и, хотя все давно поняли, подойти не осмеливались. «Суфи, суфи», — услышал он негромкие голоса. Да, для них, двадцати — тридцатилетних, он уже старик. Старик с разумом мальчишки! Подлый шкал Джелайни... Странно, но злость уходила, и вместо нее появилось ощущение пустоты и безразличия. Так бывает, когда проходит первое потрясение после неоправданного горя.

— Джелайни предал нас. Обманул и выбросил, как ненужный хлам.

Все молча стояли. В темноте он не видел их лиц, но знал, что вряд ли сумел бы что-то в них прочесть. Война стирает чувства с лиц... Кроме одного — злобы. Злобы Хасан не боялся, хотя ему почудилось в какое-то мгновение, что люди сейчас бросятся на него и растерзают. И было за что. Но люди молчали. Только самый молодой — шестнадцатилетний Салих — выдохнул что-то вроде восклицания.

— Разожгите костер, — сказал он, заметив под ногами кучу сухой колючки и припасенные заранее дощечки.

Салих как будто ждал распоряжения. Под его ловкими руками быстро вспыхнул и тревожно замерцал огонек. Стало чуть светлее. Хасан первым сел к костру, потом — остальные.

— Что же нам теперь делать? — нарушил тишину вечно угрюмый Джамаль с раскрытой шрамом щекой.

— Я теперь вам не командир. Пусть каждый поступает по совести.

— А как — по совести? — глухо спросил Джамаль.

Хасан на мгновение задумался, тронул рукой бороду.

— Мусульманин тот, от языка и рук которого спокойны

мусульмане. Это написано в коране. А теперь подумай, было бы спокойно от дела рук твоих народу?

— Я боролся за веру, — ответил Джамаль. — так же, как и ты. Разве ты забыл это?

— Это говорил бешеный пес Джелайни. А я и ты покорно слушали и верили ему. Неужели вы все ослепли? Неужели не видите, что революция не идет против аллаха?

Голос Хасана уже срывался на крик, по его коричнево-му лицу плясали отблески пламени, отчего оно казалось еще страшнее.

— Пора возвращаться по домам. Пес — где насытился, человек — где родился. Хватит воевать, хватит лить кровь. Хватит слушать сладкие речи таких шакалов, как Джелайни. Он говорил, что сражается за веру, а сам думал о деньгах...

Он замолчал, потом снова заговорил:

— Мы — мусульмане. Мы сверяем свою совесть и чистоту наших помыслов с кораном. Что говорит священное писание о тех, кто лжет в лицо? — и он протяжно, чуть нараспев, прочел аят из корана: — «И не препирайся за тех, которые обманывают друг друга. Поистине аллах не любит тех, кто изменники».

Хасан снова замолчал, опустив голову на колени. Толстые морщины на затылке разгладились. Конец чалмы висел над самым пламенем, грозя вот-вот вспыхнуть.

— А правда, что правительство обещало помиловать тех, кто добровольно сдается? — раздался вдруг юношеский голос.

Хасан поднял голову и увидел, что глаза у Салиха, как маленькие горящие угольки.

XXIII

С той самой минуты, как Читаев узнал подробности предстоящей боевой задачи, все мысли его были об операции. Он сравнил себя с туго сжатой пружиной с двумя острыми концами, которая распрямляется и летит, выстреливая самое себя; он в секунды преодолает пространство, выломает дверь или взлетит в окно — и все это быстро, очень быстро, пока не очухается охрана, он полоснет по ней очередь, распахнет последнюю дверь, сбив замок, и произнесет что-то вроде: «Товарищи, вы свободны!»

За бортом замелькали отчетливо, как это бывает на малой высоте, квадратные и прямоугольные поля; они серо-коричневые, потому что зима, а весной станут изумрудными,

салатовыми, всех оттенков зелени цвета. Солдаты сидели напряженно бледные, чуть подавшись вперед, бушлаты скинули, чтобы действовать налегке. Все — одинаково плотные и широкоплечие из-за бронежилетов — современных кирас; на головах каски, автоматы между ног.

-- Вот он! — крикнул Читаев Курилкину, показывая вниз, на кишлак, зажатый почти вертикальными стенами гор. Мелькнула река, бегущая неслышно по камням, и различим уже дом на окраине. Вертолет рвал лопастями небо, разбрасывал гигантские тени, опускался все стремительней, и так же стремительно аккуратный прямоугольничек — спичечная коробка — превращался в глинобитный дом. Вокруг по периметру — дувал, одна сторона дома выходит наружу.

Вертолет ткнулся в землю, все повалились набок, но тут же единым рывком вскочили, потому что борттехник уже рванул настежь дверь и потому что было пора. Первым прыгнул Читаев, за ним — Курилкин, потом — Мдиванов, Бражниченко... Но пружиной влететь в дом не удалось. Из окон загревели очереди. Читаев с группой захвата плюхнулся в пыль. Тут же за спиной затрещали очереди: группа прикрытия Хижняка. Еще несколько человек проскользнули за дом, чтобы проникнуть во двор с тыла.

— Смотри, душманы!

Кричал Камалетдинов. Из разрушенного окна прыгали люди в афганской одежде, падали, катились по косогору, снова вскакивали, размахивая руками и раздирая рты в отчаянном крике.

— Не стрелять! — крикнул Читаев.

Он в мгновение увидел все: нелепую изорванную одежду, человека, бегущего впереди с окровавленной рукой. Он узнал его, это был Сапрыкин, старший среди инженеров. Они бежали изо всех сил, уже было потерявшие надежду и теперь почти спасенные, бежали к родным красным звездам на закопченных боках вертолетов.

— Дрейш! Мекушам! * — заорали из окна гортанно.

— Не стреляйте, не стреляйте! Там наши, — шатаясь и задыхаясь, с трудом выговорил Сапрыкин. Сказал и тут же упал без сил.

XXIV

Хижняк залег в сухом арыке в нескольких метрах от группы захвата. Когда из окон начали выскакивать люди,

* Дрейш! Мекушам! — Стой! Убью!

он тоже скомандовал прекратить стрельбу, потому что те были безоружными. Он еще не успел узнать их, как внимание переключилось на совсем иное. Из-за дувала появился мальчишка лет шести или семи. Хижняк не сразу и понял, откуда он взялся. Мальчик деловито тащил за веревку тощую рыжую корову, та упиралась, мотала рогатой головой. Он что-то кричал сердитой скороговоркой, но корова, переваливаясь, упрямо перла вперед. Юный погонщик бежал за ней вприпрыжку и беспрестанно поправлял сползающую на уши тубетейку.

— С ума сошел, — прошептал Хижняк. — Откуда ты взялся?.. Назад!

Люди еще бежали к вертолетам, из окна веером летели очереди, а тут — корова и мальчишка, который лез под огонь. Несколько пуль варыли песок рядом с пастушком.

— Ложись, убьют!

Но мальчик лишь глянул испуганно в его сторону и еще отчаянней стал дергать веревку. «Хоть бы за корову спрятался», — промелькнула мысль. А в следующее мгновение Хижняк крикнул; «Прикрывайте» — и, согнувшись, выскочил из арыка.

Мальчишка присел, съежился, он рванул его к груди, обозлившись, что тот вцепился в веревку.

— Брось, пучеглазый!

Он пробежал несколько шагов — и так и не услышал короткой очереди. Его сильно толкнуло в спину, и, уже не чувствуя ничего, он разжал руки, рухнул на дно арыка... Показалось еще, что склонилась над ним черная тень — без лица, без рук. Мелькнула и исчезла.

XXV

Читаев ничего этого не видел и не знал. Он продолжал прикрывать специалистов. Последним бежал смуглый мужчина, он бежал тяжело, странно сутулясь и прихрамывая. Читаев с трудом узнал в нем переводчика Сафарова.

— Быстро, — крикнул он ему, — быстро в вертолет!

В темном провале окна снова вспыхнули, ожили злые огоньки. И тогда Читаев, размахнувшись, одну за другой швырнул три гранаты. Грохнули взрывы, окно окуталось пылью.

— Отходим, все отходим!

Читаев успел выстрелить еще раз, в короткое мгновение увидев в проеме окна бородатое лицо.

— Курилкин, красную ракету! Отходим!

Перебежками возвращалась группа, заходившая в тыл. Читаев сощурился, пересчитал бегущие фигурки. Глаза слезились:

— Все? Больше никого нет?

Сафаров сморщился, как от боли:

— Шмелева убили... Когда вы подлетали, Джелайни... очередь...

— Что ж сразу не сказал? — Читаев приподнялся на локтях. — Группа захвата — за мной!

Он рванулся, как на старте, чтобы проскочить открытое место, не помнил, как ухватился за окно, подтянулся и перевалился, упав на бок, на какое-то загремевшее ведро. Ударил ногой по двери, которая распахнулась легко и со стуком, перешагнул через чье-то тело в кожаной куртке, прошил очередью еще одну дверь. Потом ворвался в большую комнату с коврами на полу; сзади пыхтел Курилкин, все старался обогнать его. Наконец в последней комнате он увидел Шмелева. Он лежал, откинув одну руку, а другую прижал к груди, в безотчетной попытке закрыть рану... Курилкин и Мдиванов торопливо подхватили тело.

— Духов нет?

— Слиняли...

— Давай в окно!

XXVI

Только перед самым взлетом Читаев узнал, что тяжело ранили замполита. Он охнул растерянно, хотел бежать к нему в вертолет, но бортмеханик что-то кричал, тряс руками, и Читаев молча полез на борт. Он отставил в сторону раскаленный автомат, наклонился, обхватив голову руками. Тяжело ранили... Тяжело.

Пыль задрожала, пошла во все стороны клубами. Вертолеты почти неуловимо для глаз оторвались от земли, потом по очереди клюнули носами, выпуская с грохотом ракеты. Будто молнии ударили по дому-тюрьме. Когда поднялись выше, среди скал вспыхнул сварочный огонек крупнокалиберного зенитного пулемета. Маленькая мигающая звездочка. С борта ответно застучал пулемет. Читаев с хлопком открыл блистер, тоже стал стрелять по спарке, плавно ведя трассерную линию к цели. Они поднялись еще выше, огонек исчез. Стали наскоро перевязывать раненых. Кто-то из солдат достал флягу и стал жадно пить, и Читаеву тоже захотелось. Он отвязал свою флягу, но тут вспомнил о спасенных и пустил ее по кругу. Пять бывших узников — остальных разместили на других бортах — представляли со-

бой зрелище жалкое и печальное. По их изможденным, заросшим щетиной лицам текли слезы. Плакали они молча, вытирая глаза почерневшими ладонями. Только Тарусов, страшный своей сединой, плакал почти навзрыд и повторял одно и то же: «Ребята, ребята...»

Читаев представил, как их мучили, били, хотел спросить, но слова застревали, едва встречался взглядом с бывшими узниками, видел мерцающую боль впавших глаз. Он еще подумал, что никогда, ни при каких обстоятельствах не попадет в плен, хотя прекрасно понимал, что в плену может оказаться любой — и тот, кто так уверовал в последнюю пую...

XXVII

На вертолетной площадке их встречали. Кроме Тубола прибыли начальник ХАД Азиз и директор Джафар. Тубол позвонил им сразу же, как только летчики доложили результаты.

Вертолеты сажались один за другим. Поднявшаяся пыль понеслась к встречающим. Женщины отворачивались, опустив руки по швам, чтобы не разлетались юбки, офицеры придерживали рукой козырьки фуражек. Казалось, что все они приветствуют прибывших согласно незыблемому воинскому ритуалу. Лопасты еще вращались, а люди уже выпрыгивали из вертолетов.

Читаев привычно приземлился на расставленные в шаг ноги, чтобы второй шаг — бегом. Когда борттехник опустил стремянку, Читаев уже докладывал, приложив руку к каске. Тубол обнял его, затем подошли Азиз и Джафар, тоже обняли.

— Молодцы! Все сделали отлично, — Тубол положил руку ему на плечо. — А Хижняка вместе со специалистами сейчас же отправим в госпиталь.

Он шагнул навстречу высокому худощавому комэску в голубом комбинезоне, пожал ему руку и сказал несколько слов. Читаев не расслышал — гремели двигатели.

Тубол коротко попрощался со специалистами. А Джафар обнимал каждого, заглядывал в глаза, все хотел спросить, но не отваживался, потому что слышал, как сказал Тарусов: «Ноги моей здесь не будет». Он сразу понял, что имел в виду Тарусов под этой не совсем ясной для него фразой, понял больше по тону. Последним обнялся с Сапрыкиным, стараясь не прикасаться к раненой руке.

— Вернемся, обязательно вернемся, — успокоил его Сапрыкин. — Подлечимся только.

— Работа подождет! Главное — здоровье, — запричитал Джафар.

Но высокий комэск уже махал рукой. Сапрыкин поспешил к вертолету, за ним убрали внутрь трап, захлопнули дверь.

...Читаев проводил взглядом вертолеты и уже хотел идти в роту, чтобы оставить там автомат, бронежилет, боеприпасы. Но тут ему на шею кто-то бросился, и он, оторопев, не сразу понял, что это Лена.

— Живой, живой, — повторяла она. — Я даже не знала, что ты летал туда. А узнала только сейчас, — она произнесла это и радостно, и виновато.

— А тебе и не положено знать, — ответил Сергей смущенно и, отстранившись, покосился в сторону Тубола. Ему показалось, что Тубол усмехнулся, а Джафар и Азиз сделали вид, что не замечают. «Ну и черт с ними», — подумал Сергей.

— Хижняка тяжело ранили...

Лена вскрикнула и закусила губу.

— Куда?

— В спину... Вытаскивал из-под огня мальчишку, а сам получил очередь.

Лена судорожно вдохнула, глаза ее заблестели, она отвернулась, достала из кармана платок.

— Пойдем перевяжу.

— Чего?.. А-а, — он понял, что Лена заметила пятна крови.

В медпункте он сразу прошел к умывальнику, намылил лицо и стал усиленно оттирать его, краем глаза наблюдая в зеркало за Леной. Она тем временем достала чистое полотенце, украдкой поправила свои короткие светлые волосы. Наконец он отмылся, вытерся и вернул полотенце.

— Извини, что я так бросилась на тебя...

— Ничего страшного.

— Ну, сядь, не торопись, расскажи, как там было. Страшно?

— Наверное, страшно.

— А почему наверное?

— Потому что каждый боится по-своему. И страх меряет тоже по-своему. А страшно вообще-то всем.

— Правда, что вы были в окружении? — продолжала спрашивать Лена.

— Да, влипли, — неохотно ответил он. Вспоминать бой сейчас не хотелось.

Лена закончила обрабатывать ранку и заклеила ее пла-

тырем. В комнату заглянул старший лейтенант в очках — медик.

— Елена Петровна, ты уже перевязала Читаева? — спросил он с порога. — Пойдем, раненые ждут. И потом еще четырех духов перевязать надо. Воронцов с колонной вернулся!

Лена побежала встречать раненых, а Читаев пошел в столовую, навернул большую миску борща, макароны с тушенкой, которую обычно не ел из-за крайнего пресыщения. Бой еще гремел в ушах, колотился ритмом сердца, стучал в каждой клетке, и сейчас главное было отключиться, передохнуть, дать нервам расслабиться.

Водовозов, узнав, что Хижняк тяжело ранен, переменился в лице и весь обед молчал. Читаеву тоже было не до разговоров. А потом, преодолевая нестерпимое желание упасть на кровать и уснуть, он пошел вместе со всеми в баню, которую здесь выложили из неотесанного мрамора, хорошо вымылся, но париться не стал.

В госпитале, куда Тубол и Читаев пришли вместе, сообщили, что Хижняк так и не приходил в сознание, что ранение очень тяжелое: две пули в легком, потеря крови и, что самое опасное, задет позвоночник. Молодой крепколобый хирург с коротким ежиком волос говорил без обиняков, с тем профессионализмом, который выдает сам себя: нас интересует болезнь, а до остального дела нет.

— Операцию мы сделали. Сутки еще протянет, но не более, — сказал он без интонации.

Читаеву захотелось ударить его, чтобы боль скрутила, сломала самодовольного доктора. За эти «сутки, но не более», за то, что Хижняк умирал, но был жив, а ему уже подписали приговор. «Привык здесь, что нет родственников, хотя бы рожу состроил сочувствующую».

— Что ж вы сидите тут, околачиваетесь, ждете, пока умрет? Почему в Ташкент не отправили? — взорвался Читаев.

Он чувствовал, что его начинает колотить дрожь, что назревает скандал, но уже не мог совладать с собой.

— Это ничего не даст, — сказал хирург устало, как только Читаев умолк, остановленный молчаливым жестом Тубола. — И зря вы думаете, что мы не сделали все, что в наших силах...

Потом они надели халаты и прошли в палату. Читаева поразил желто-коричневый цвет кожи Хижняка. Дышал он прерывисто, чуть слышно. У изголовья сидела медсестра — пожилая женщина в золотых очках.

— Володя, — нетрогко позвал Читаев.

— Он без сознания, — сказала медсестра.

Тубол постоял молча, потом сказал, что пойдет, а Читаев, если хочет, пусть останется здесь.

— Нельзя, — сказала медсестра.

— Я договорюсь с начальником.

Он действительно договорился, и Читаеву разрешили находиться в палате. Раза два или три ему казалось, что Хижняк приходит в себя. Читаев вставал, но медсестра останавливала его жестом. Она все время молчала, очевидно, по профессиональной привычке. Несколько раз заходил хирург, проверял пульс. Медсестра делала уколы. Читаев смотрел на желтое безжизненное лицо друга, представлял и не мог представить его развороченное пулями тело, сейчас туго затянутое бинтами, верил и не мог поверить до конца той страшной и нелепой мысли, что Хижняк умрет, непременно умрет. Трубка с кислородом. Капельница...

Он пришел в сознание под вечер. Медсестра чуть встрепенулась, и Читаев понял, что Владимир пришел в себя. Он вскочил и на цыпочках подошел к нему. Глаза у Хижняка были потухшими и далекими, но это был осмысленный взгляд. Читаев увидел в нем муку и боль, ему даже показалось, что Володя и хочет сказать: «Больно!»

— Ну, как ты, Володя? — спросил он, опустившись на колено рядом с ним. — Как чувствуешь?

Уголки его рта чуть дрогнули, и Читаев понял, что Владимир хочет улыбнуться. Потом он, не поднимая руки, показал большой палец. Сергей почувствовал, как к горлу подступил комок. Он попытался сглотнуть его, но не получилось.

— Мальчик... — едва слышно прошептал Владимир.

— Что — мальчик? — не сразу сообразил Читаев. Потом понял, заторопился: — С мальчиком все в порядке, мать его забрала, ты молодец, Володя... Только ты поправляйся, слышишь меня, не хандри, врач сказал, что все будет хорошо.

Он продолжал говорить, но Хижняк закрыл глаза, Сергей продолжал все так же торопливо ободрять, обнадеживать, как будто именно от этого сейчас зависело все. Он замолчал, когда понял, что Владимир снова впал в забытие. Но через несколько минут Хижняк снова открыл глаза. Сергей с готовностью наклонился к нему.

— Скажи Нине...

Сергей кивнул и продолжал ждать, но Владимир молчал, глядя прямо перед собой. Сергей взглянул в его глазки, в них уже ничего не отражалось, взгляд был нацелен

куда-то далеко, и он понял, что Хижняк вряд ли сейчас видит его, стеклянную дверь палаты и вообще что-нибудь. «Он умрет», — с внезапной уверенностью подумал Читаев, и от этой мысли ему стало тошно.

Хижняк умер через час, больше не приходя в сознание. Сначала пошла горлом кровь, оставляя алую узкую полоску от уголка рта до подушки, потом он вадрогнул и затих.

Сергей понял, шагнул, не чувствуя ног, к окну. Он не помнил, сколько так стоял, пока чьи-то крепкие руки не опустились ему на плечи, мягко и настойчиво повернули его к выходу. Он подчинился, теперь было все равно. Хижняка, а точнее, то, что им было, покрыли с головой простыней и, кажется, собирались куда-то увозить.

Хирург вывел Читаева на крыльцо, достал сигареты, дал и ему. Сергей украдкой вытер слезы, взял предложенную сигарету. Хорошо, что было уже темно. Дул все тот же ветер пополам с пылью, все то же небо в крупной звездной крошке плыло в разрывах туч. Все было то же. Только всего этого уже не видел Хижняк.

— Не холодно? — равнодушно спросил Читаев у хирурга, который стоял в одной безрукавке. Руки у хирурга были крепкие, белые, поросшие густыми черными волосами.

— Нет.

— Операцию вы делали?

— Я, — ответил он.

Читаев кивнул головой и крепко затянулся сигаретой. Хирург расценил его вопрос по-своему.

— Есть случаи, в которых медицина, к сожалению, бессильна.

— Я просто спросил...

— Полгода назад я потерял друга. Он выезжал в кишлаки — лечил афганцев. Душманы застрелили его прямо среди бела дня, во время приема больных. Умер на том самом месте, где и твой товарищ.

«Вы оперировали?» — хотел спросить Читаев, но передумал. Вдруг опять не так поймет.

— Пойду... — Читаев протянул руку. Хирург сильно сжал ее.

— Крепись, парень...

XXVIII

Через день в батальоне появился новый лейтенант. Воронцов вызвал Читаева в штаб и представил новоприбывшего:

— Вот, Читаев, знакомься: товарищ Петров. Прибыл к нам из Прикарпатского округа. Назначен замполитом в вашу роту.

Читаев хмуро глянул на лейтенанта, буркнул свою фамилию и вяло пожал руку.

— Давно здесь служишь? — поинтересовался лейтенант, когда они вышли.

— Второй год.

— Я слышал, что моего предшественника убили? — спросил Петров таким тоном, будто хотел показать, что это его совсем не пугало.

— Если слышали, то зачем спрашивать? — отрубил Читаев, почему-то вдруг ни с того ни с сего обозлившись на обращение на «ты», хотя раньше никогда не обращал на подобное внимание. Ему сразу не понравился этот высокий чернявый лейтенант с длинной шеей над аккуратно подшитым подворотничком. Не понравился уже потому, что Хижняка еще не успели похоронить, да что там похоронить — даже проститься с телом, перед тем как отправить его в Союз, а тут нате вам: прибыл совсем другой человек, занял место, как будто Хижняка и в помине не было в роте. Эта поспешность больно кольнула Читаева, хотя он и понимал, что лейтенант наверняка планировался на какое-то другое место, на совсем другую работу, а кто-то, может быть, Тубол, распорядился направить его именно к ним. И в этом был резон, потому что Сахно еще лечился в госпитале, командир третьего звзда находился в отпуске после желтухи, и офицеров в роте, таким образом, оставалось всего лишь двое: он да Водовозов.

Когда пришли в модуль, Водовозов чинно представился, затем, даже не дав лейтенанту разложить чемоданы, потащил за рукав к карте Афганистана, висевшей на стене, и, вооружившись линейкой вместо указки, стал разъяснять «военно-политическую и оперативно-стратегическую обстановку в Демократической Республике Афганистан». Лейтенант сначала слушал серьезно, не замечая или не желая замечать, что Водовозов куражится, но потом, когда тот, нимало не смущаясь, заявил, что ночью в отхожее место надо выходить только с оружием, так как по территории городка бродят душманы, пунцово покраснел и недоуменно посмотрел на Читаева.

— Ладно, кончай дурака валять, — Читаев, до этого молча наблюдавший, резко поднялся с койки.

Они как будто с ума посходили, когда умер Володя. Все валилось из рук, в голову лезла всякая чепуха и разгово-

ры сводились все к нему и к нему — погибшему Володьке Хижняку. «Нельзя же так. Ведь этот длинношей лейтенант не виноват в том, что его направили именно сейчас и именно в нашу роту».

— Тебя как звать-то? — спросил Читаев как можно мягче.

— Иван.

— Хорошо, Ваня. Располагайся пока. Твоя койка будет эта, — Читаев показал на заправленную койку Хижняка. — Сегодня отдыхай. А завтра — за дело. Останешься один в роте. А мы с Алексеем поедem на вручение Вымпела министра обороны. Но это — до обеда. Потом вернемся сюда. Какие вопросы будут по службе — не стесняйся, спрашивай. Ну, а все остальное — сам поймешь.

Петров признательно кивнул.

...После торжественной церемонии Воронцов подошел к Читаеву, взял его за локоть.

— Завтра прощаемся с Хижняком. Тело привезут в багальон. Потом — на аэродром. Кто-то из вас, ты или Водовозов — решайте сами, — должен отправиться сопровождающим. Знаю, у тебя уже просрочен отпуск, поэтому пусть поедет Водовозов.

— Поеду я, — не раздумывая, сказал Читаев. — Хижняк был мой друг. А отпуск тут ни при чем.

— Хорошо. Значит, ты, — комбат сразу согласился, видно, ждал именно такого ответа.

На похороны Воронцов построил батальон, назначил почетный караул и почетный эскорт. Сам выступил первым, говорил долго, с трудом подбирая слова и делая большие паузы. Читаев выступать не стал. Сказал, что не сможет.

Всю дорогу туда он сдерживал слезы и думал о Хижняке. Он вспомнил последний нелепый спор и свои обжигающие несправедливые слова. «Хижняк своей смертью сказал то, что не сказал при жизни. Я представлял все слишком просто, — думал Читаев, — а он видел и понимал, что борьба афганцев давно стала нашей кровной борьбой, мы в этой борьбе — как первопроходцы... Он был душой, всей душой за них...»

XXIX

...В маленьком украинском городке Читаев снова прощался с Хижняком, но той остроты утраты уже не было. Хижняк остался там, в Афганистане.

Буквально через полчаса как приземлились, приехал

отец Владимира, полковник. Тут же, на аэродроме, стоял автобус. Хижняк-старший прилетел днем раньше из Забайкалья. Он сухо поздоровался с Читаевым, кивнул трем сопровождающим его солдатам и сразу спросил:

— Ошибки быть не может?

— Нет, не может, — глухо ответил Читаев, глядя в сторону.

Потом они повезли гроб домой, и там Сергей встретился с вдовой. Он знал ее, Хижняк как-то знакомил их на выпускном вечере в училище. Нина была в черном, под глазами темнели круги, и что особенно поразило Читаева — это горевший на лице, на припухших щеках неистребимый румянец в жутком контрасте с всепоглощающим черным. «Ей всего двадцать лет», — вспомнил Сергей с тоской и подумал: хорошо, что ему не пришлось лично извещать о смерти.

Сергей подошел к Нине, взял ее за руку, стал рассказывать, как погиб Володя. Она молча слушала, ничего не спрашивала. Сергей смотрел на ее красивое скорбное лицо, покрасневшие заплаканные глаза. Наверное, она не узнала его, а скорее, просто находилась в том состоянии, когда имена и лица не имеют никакого значения.

Сергей мотался по городу, покупал венки, выполнял массу поручений, связанных с похоронами и с предстоящими поминками. Делал это с самозабвением и тайным облегчением. Не надо было сидеть там, среди родственников, искать слова утешения, соболезнования, в который раз повторять детали, в своей сущности ничего не меняющие.

Когда прощались, Нина печально улыбнулась и попросила, чтобы не забывал, приезжал, если время будет. Она впервые появилась с годовалой дочкой — тихой и серьезной. Отец тоже сказал: «Не забывайте» — и потом уже, в самом конце: «Береги голову, сынок». Они крепко пожали друг другу руки. Читаев попытался представить себя на месте отца Хижняка — и не смог...

XXX

Читаев приехал с похорон, а в части его ждала новость. Воронцов сказал, что его представляют на командира роты, а Сахно должен уйти в другой батальон начальником штаба. «Вернешься из отпуска, — сказал комбат, — может, как раз вопрос и решат». От Воронцова Читаев направился было в роту, но ноги сами понесли к медпункту. «Успею», — подумал он, избегая по ступенькам.

Лена сидела возле окна и писала, а откарик старший лейтенант стоял рядом и что-то громко, нараспев диктовал ей, наверное, какой-нибудь отчет по медикаментам. Читаев замер на пороге. Лучи солнца пробивались сквозь желтые волосы Лены, отчего казалось, что вокруг них зажегся ореол, она писала быстро и старательно выводя буквы, чуть склонив голову набок. Легкий белый халатик, который едва доходил ей до колен, дополнял ощущение какой-то веселой, радостной чистоты. И сама она была вся стерильная и воздушная. Лена и медик повернулись к нему не сразу, как бы давая понять, что заняты очень серьезной работой. Увидев его, Лена радостно ойкнула, а старший лейтенант сказал: «А-а, с приездом» — и, поняв свою оплошность, спросил тихо:

— Похоронили Володю?

Потом, потоптавшись и не глянув на вскочившую Лену, вышел, не сказал ни слова. Едва закрылась дверь, он порывисто обнял ее.

— Не уезжай больше, — прошептала Лена едва слышно, и Сергей понял, что она имела в виду вовсе не последнюю его поездку. Он гладил ее волосы, вытирал ее маленькие слезинки в уголках глаз.

— Не хочу, чтобы тебя убили, как Володю.

— Меня не убьют, ни за что не убьют, — повторял он и искренне верил, что так и будет...

А через пару дней, после маелной суеты Кабульского аэропорта, он сидел в мягком аэрофлотском кресле среди таких же, как и он сам, возбужденных отпускников и ждал. Наконец заоблачного цвета «ил» взмыл с бетонки, потом резко задрал нос, чтобы не зацепиться за край горной чаши.

Читаев рассеянно смотрел в иллюминатор, внизу плыли горные кряжи, а в памяти у него все стоял последний разговор с Леной.

— Лена, я еду в отпуск, — говорил он торопливо. — В Союз, Лена! Жаль, что у тебя отпуск не скоро, а то мы поехали бы вместе. Ведь правда?

— Да, — ответила она задумчиво.

— У тебя очень странные сегодня глаза...

Ему тогда показалось, будто Лена чего-то ждала от него.

— ...Когда ты уезжал, был у нас начальник один, проверял медпункт.

— Ну ты, конечно, в грязь лицом не ударила?

— Сережа, милый, мне предлагают другую работу.

— Новая работа всегда лучше старой! — ответил он готовым афоризмом.

— Нет, Сережа, выслушай. Меня хотят перевести в Кабул.

— И ты согласилась? — опешил он, поняв, наконец, в чем дело.

— Нет... Я сказала, что не знаю.

— Скажи, что отказываешься!..

И вот теперь, когда позади остались Кабул, заснеженный Гиндукуш и его батальон, он понял, что говорил совсем не то, что надо было сказать, что упустил самое главное в последнюю минуту их расставания. «Напишу письмо из Союза, — решил он. — А если она уедет?! О чем думала раньше?.. Нет, надо телеграмму». Читаев лихорадочно оглянулся вокруг, будто хотел делать это прямо сейчас. Никто из пассажиров не спал, все прилипли к окнам. «Скорей бы!» — подумал он и устало откинулся в кресло, закрыл глаза. Но сон не шел. Он вспомнил, как хоронили Хижняка, как мела колючая поземка и снежинки падали на гроб, не в силах приглушить его отчаянный алый цвет. И небо было темно-серым и тяжелым...

В салоне произошло какое-то движение. Сергей открыл глаза, потянулся к иллюминатору. Внизу ргутно блестела змейка реки. В одном месте ее перечеркивала виточка-мост. «Началось наше небо», — подумал Сергей, зажмуриваясь от всепоглощающей голубизны.

...Читаев не знал, что ждет его впереди: служба в Афганистане для него не закончилась.

Не мог он судить и о том, хуже он стал теперь или лучше, вполне ли удобен для людей. Известно было одно: что этот долгий и трудный год уже навсегда перепахал его. И теперь вряд ли ему будет жить проще и спокойней. Скорее наоборот. Ведь прошлое — как совесть: напоминает о себе, когда пытаешься его забыть. Забудешь ли? Пройденная дорога за спиной не исчезает.

И пойдут ли когда-нибудь в бой его неродившиеся пока сыновья?

Афганистан — Ташкент — Москва

Литературный консультант журнала «Новый мир». Литературной деятельностью занимается с 1954 года. Опубликовал повести, очерковые книги, публицистику. Живет в Москве.

Виктор КОЛЕСОВ

ЖДАТЬ И НАДЕЯТЬСЯ

Приключенческая повесть

1

Почти всю дорогу от комендатуры до заставы ехали лесом. Сани весело поскрипывали по накатанному снегу, шли легко, быстро, и Тамаров подумал, что еще до наступления сумерек они с женой доберутся до места.

Он сидел рядом с солдатом, уверенно и даже с какой-то озорной лихостью правившим рослой гнедой лошадью, а Галка примостилась сзади, надежно, как шутливо заметил Тамаров, прикрывая тылы. Одета она была тепло, к тому же на ноги ей набросили тулуп. «Не замерзнешь — сказал Тамаров. — А замерзнешь, сгую с саней, будешь бежать за нами рысцой, пока не согреешься...» Он любил над ней подтрунивать, но Галка уже привыкла к его незлобивым шуткам и не обижалась, даже не реагировала. Она знала, что он любит ее, и это было главным в их не всегда безоблачных отношениях.

В лесу было тихо и безветренно, лишь изредка хрустнет в стороне от дороги потревоженный косулей или зайцем куст, да крупные хлопья снега повалят с ветвей от вспорхнувшей большой птицы. Этот мирный зимний лес действовал на Тамарова расслабляюще, убаюкивал, притуплял, говоря военным языком, его бдительность. А между тем, и

Тамаров это отлично знал, обстановка на границе была далеко не мирная. Хотя после войны прошло уже около пяти лет, в Карпатских лесах и горах еще рыскали остатки разгромленных банд. Хозяева, правда, у них теперь были другие, но цели те же — борьба против Советской власти. Диверсии на железных дорогах, террор и запугивание местного населения, сбор и передача на Запад информации о дислокации воинских частей — круг их преступной деятельности был широк и разнообразен, к тому же они поддерживали тесную связь с еще не разоблаченными бывшими гитлеровскими агентами, ушедшими в подполье или сумевшими обманным путем внедриться в местные учреждения и предприятия. Действовали они чаще всего исподтишка, из-за угла, тщательно маскировались, но иногда вступали в открытый бой с пограничниками и дрались с отчаянным обреченных... Сдавались редко, боялись справедливой расплаты. Слишком велика была их вина перед своим народом в годы гитлеровской оккупации, длинен и глубок кровавый след предательства. Именно это умело использовали в своих целях их новые хозяева, разведцентры Запада, толкавшие бандитов на новые преступления...

О сложившейся на границе обстановке Тамаров был информирован в общих чертах еще там, в отряде, когда получал назначение на заставу. Более подробные, конкретные сведения ему были даны в комендатуре: они настаивали на повышенной боевой готовности, требовали предельной собранности.

Помня об этом, Тамаров лишь изредка позволял себе любоваться красотой окружавшей его природы, больше думал о тех неожиданностях, которые могут подстерегать их в глухом лесу. Несколько раз, чтобы отогнать благодушное настроение и навеванную монотонным ритмом дороги дремоту, он спрыгивал с саней и бежал рядом. Галина хохотала от души:

— Что, лейтенант, замерзли и решили последовать своему же собственному совету? Ненадолго вас, оказывается, хватило с вашей хваленной армейской закалкой! А вот изнеженная городской штатской жизнью ваша женушка, как видите, в полном порядке...

— Ничего ты не понимаешь! — отмахивался Тамаров. — Совершаю пробежку совершенно сознательно, и для твоей, между прочим, тоже пользы. Советую не забывать, что мы не на прогулке...

Но Галка не унималась:

— Полно вам, лейтенант, рассказывать сказки! Садитесь-ка лучше в сани, так уж и быть, поделюсь с вами тулупом...

Она смеялась, а Тамаров, глядя на ее разругавшееся от легкого морозца лицо, на выбившиеся из-под пухового платка светлые пряди волос, испытывал сейчас двойное чувство. С одной стороны, ему было приятно сознавать, что она рядом, но вместе с тем его ни на минуту не покидало чувство тревоги за нее. Это чувство возросло вдвое после бесед в отряде и комендатуре, и он, честно говоря, уже не был уверен в правильности принятого им еще в Москве решения — взять ее на заставу. И хотя решение это он принимал, конечно, советуясь с ней, все же последнее слово, как он считал, было за ним.

По мере приближения к заставе тревога и опасение за судьбу близкого и родного ему человека овладевали им все прочнее и глубже, он все больше и больше склонялся к мысли о том, что поспешил взять ее с собой, что было бы куда лучше и правильнее пожить на границе одному и только потом, осмотревшись, взвесив все «за» и «против», принять окончательное решение.

Понимая и досадуя, что теперь уже изменить ничего нельзя, Тамаров невольно нагнетал обстановку и оказался во власти мрачных предчувствий и подозрений. Он вдруг вспомнил встречу в Горске...

Тамаров тогда оставил жену на некоторое время возле продуктового магазина (она хотела кое-что купить), а сам забежал на телеграф отбить телеграмму домой: доехали, мол, благополучно, живы-здоровы... Возвращаясь, он застал Галку в обществе незнакомого мужчины, которого он сразу окрестил Полосатым (на знакомце были модное полосатое полупальто и в такую же полоску кепи). Между ними шла мирная беседа, но когда незнакомец увидел приближающегося Тамарова, поспешно раскланялся с Галкой и скрылся за углом магазина.

Тамаров предупреждал жену, чтобы она без крайней необходимости не вступала в контакты с незнакомыми ей людьми, поэтому он тут же выразил ей свое неудовольствие. Уловив в тоне мужа нотки ревности (а ревновал он ее часто и, как правило, без особых на то причин), Галка попыталась отделаться шуткой. Но Тамаров, признав, что женская интуиция и на этот раз ее не обманула, без чувства ревности, пусть только промелькнувшего, здесь тоже не обошлось, настаивал на объяснении, руководствуясь куда более серьезными соображениями.

— Мы с тобой в приграничном городе, а не на улице Горького в Москве!.. — отчитывал он жену. — Ты хоть знаешь, с кем ты разговаривала?

— Нет, конечно, мы даже не успели познакомиться.

— Он о чем-нибудь спрашивал?

— Господи, да ни о чем он не спрашивал, можешь не волноваться. Сыпал одними комплиментами: какая красивая женщина появилась в нашем заброшенном богом и людьми городке, как мне идет моя шубка... и разные другие восторженные слова — вот и весь наш разговор...

— Я уверен, что разговор не ограничился бы одними комплиментами, задержись я на телеграфе подольше...

— Возможно, но почему ты всех стрижешь под одну гребенку? Нельзя же подозревать каждого встречного.

— Мне этот Полосатый не понравился.

— А по-моему, милый, вежливый мужчина. И перестань, пожалуйста, обвинять меня в легкомыслии! Я отлично понимаю, где нахожусь, помню наш уговор...

— Очень надеюсь на это, — примиряюще сказал Тамаров. — Но я должен тебя предупредить, что не оставляю без внимания ни одно новое знакомство, если таковое с твоей стороны последует.

— А я обещаю их больше не заводить, мой грозный командир!..

Галка взяла мужа под руку, и они пошли в сторону выпавшейся в конце улицы чайной, где довольно неплохо готовили. На перекрестке Тамаров обернулся и... увидел Полосатого. Дымя сигаретой, он стоял на краю тротуара и смотрел им вслед...

Сборы, отъезд, связанные с ними заботы отвлекали Тамарова от этого эпизода, и он даже на какое-то время забыл о нем, но сейчас, тревожась за Галку, обуреваемый предчувствиями и подозрениями, вспомнил опять. Почему все-таки Полосатый подошел к ней? Он конечно же видел, что она была с офицером-пограничником, но не стал заводить с ней разговор при нем, дождался, когда она будет одна. И потом, заметив возвращавшегося Тамарова, предпочел скрыться. Что это, желание избежать неприятного инцидента с ревнивым мужем, или здесь кроется совсем другая причина? Только ли красота Галки привлекла незнакомца, одними ли комплиментами с его стороны ограничился их разговор? Если нет, то о чем он спрашивал? Галка могла что-то упустить, а может быть, боясь вызвать гнев предупреждавшего ее о соблюдении бдительности мужа, скрыла от него суть беседы с Полосатым. Поэтому Тамаров

решил поговорить с ней еще раз, но не теперь, в дороге, а по приезде на заставу. Он тоже уже успел довольно хорошо изучить свою молодую жену, понимал, что за внешним ее спокойствием, а порой даже и напускной игривостью скрывается сейчас волнение человека, которого ждет новая жизнь, совсем для нее, привыкшей к городской обстановке, не знакомая. Она конечно же была полна надежд на лучшее, но он-то знал, что тревожных дней, особенно в начале этой новой для нее жизни, будет куда больше, чем обнадеживающих...

Тамаров не ошибался. Галка действительно волновалась, но при этом думала чисто по-женски: не вообще о новой жизни, а более конкретно — о жизни на заставе. Какая она, застава, Галка не знала и представляла ее себе лишь в общих чертах, исходя из рассказов мужа. Но то, например, что она будет жить без городских удобств и что помощи ей в хлопотах по дому ждать не от кого, здесь нет ни мамы, ни старшей сестры, — это она знала и представляла отлично. Образно говоря, будущее свое она преломляла сейчас через призму вот этой лесной зимней дороги, по которой ее везут не в машине, а в саниах, накрытую тулупом... Было все это интересно, даже романтично, но так далеко от всего того, чем она жила прежде, что порой она ощущала себя в каком-то нереальном мире. И только близость мужа возвращала ее к действительности, поддерживала ее, позволяла ей сохранять душевное равновесие. Он был для нее сейчас единственной надеждой и опорой...

Когда Тамаров после очередной пробежки подсел к жене и, обняв ее за плечи, заглянул ей в глаза, она не отвела их, улыбнулась, прижалась к нему покрепче и сказала: — Я знаю, о чем ты думаешь. Но ты не волнуйся, все будет хорошо. Я ведь у тебя умница, верно?

Тамаров молча кивнул головой. Он не хотел отвечать ей словами, потому что слова выдали бы нахлынувшие вдруг на него волной теплые, нежные чувства к ней, которых он всегда почему-то стеснялся. Но Галке и не нужны были его слова, она уловила его состояние и без них и была благодарна ему за это. А когда Тамаров, волевым усилием взяв себя в руки, так же молча перебрался на свое прежнее место, поближе к солдату, не обиделась, потому что понимала, что главное для него сейчас — поскорее обрести столь необходимые ему спокойствие и хладнокровие. Ей, как и всякой замужней женщине, очень нужны и приятны были любовь и ласка близкого, родного человека, но еще больше нужна была ей сейчас его мужская уверен-

ность, от которой во многом зависел ее сегодняшний и завтрашний день...

И все-таки сумерки настигли их где-то на полпути. Виною всему был западный ветер, нагнавший тяжелые тучи. Они низко нависли над лесом, и вскоре повалил снег. Темп езды заметно упал, и Тамаров с досадой подумал, что на каком-то отрезке дороги придется еще повозиться с санями, помочь гнедому преодолеть вполне возможные снежные заносы. Но опасения его были напрасны: сильный ветер погнал тучу дальше, и снег, только что густо валивший на дорогу, так же внезапно прекратился. Опять посветлело. Гнедой, словно обрадовавшись этой перемене, весело заржал и прибавил ходу.

Повеселел и Тамаров. Перебравшись к жене, он стал заботливо стряхивать с ее платка и шубки грозившие растаять большие снежные хлопья... И тут из глубины леса до него отчетливо донеслось ржание какой-то другой лошади, отвечавшей их гнедому. Тамаров от удивления даже замер. Как она могла оказаться в глухом зимнем лесу? Но потом, придя в себя, сообразил, что параллельно их дороге могла пролегать и другая.

— Здесь есть поблизости еще какая-нибудь дорога? — спросил он у солдата.

— Есть, — подтвердил его догадку солдат. — Километрах в трех от заставы. Сворачивает к хутору Соколиха. Поэтому мы по ней и не поехали.

— Ясно... Название какое-то у хутора странное.

— Обыкновенное. Там раньше, давно это было, Соколиха-разбойница жила, вот по ней память и осталась.

— Прямо как в сказке! — вмешалась в разговор Галка.

— И не говори, — согласился Тамаров, — только нам разбойников еще и не хватало...

Галка и солдат дружно рассмеялись. А Тамарову было не до смеха. Разбойников в хуторе действительно давно уже не было, но в камендатуре, когда Тамарова информировали об обстановке, этот хутор был упомянут. Имелись сведения, что кто-то из хуторян поддерживает связь с бандитами, что, хотя до сих пор банда в хутор не заглядывала, появление ее там не исключено в любой день и скорее всего с наступлением темноты... Возможно, Тамаров где-то преувеличивал опасность, сгущал обстановку, но он исходил сейчас в своих предположениях из факта: параллельная дорога вела к хутору, по ней кто-то ехал, время уже позднее, почему он должен исключить вполне допустимую реальность того, что на хутор подались бандиты?

Дорога на хутор поворачивает на большом расстоянии от нашей? — спросил он солдата.

— Нет, совсем близко, — ответил солдат.

— Тогда погоняй, может, увидим, кто напши параллельные попутчики...

Однако, как ни погонял солдат гнедого, к месту возможной встречи они не успели. А она могла состояться, об этом свидетельствовали обнаруженные Тамаровым на повороте ведущей к хутору дороги совсем свежие следы, оставленные лошадью и санями.

«Жалы! — с досадой подумал Тамаров. — Приеду, сразу же доложу о своих подозрениях начальнику заставы. Может, он и не отреагирует на них, но это уже его дело...»

Тревожные предчувствия и так не давали покоя Тамарову, а тут еще вдруг удивила Галка, подбросила, как говорят, хвороста в костер. Она, конечно, почувствовала волнение мужа, но до поры до времени молчала, зная, что он не любит, когда его, как он выражался, «разоблачают», подмечают его внутреннее состояние. Так или иначе, выбрав подходящий момент, Галка поделилась с ним новостью, которая произвела на него ошеломляющее впечатление.

— Ты очень нервничаешь, Сережа, — начала она издалека. — Я понимаю, у тебя есть, наверно, для этого основания, но надо сдерживать себя...

— Ты о чем? — перебил ее Тамаров, занятый мыслями и по этой причине, а также по той, что его «разоблачают», без одобрения встретивший начатый женой разговор.

— Все о том же, — спокойно продолжала Галка. — Дергаешь себя по каждому случаю, заводисься с полуоборота, а ведь ты еще и не начал служить, стало быть, нервы надо беречь, они еще тебе пригодятся...

Тамаров слышал, как, не удержавшись, фыркнул от смеха солдат, а это уже было для него слишком.

— Ты думай, что говоришь! — резко бросил он жене. — Я не школьник, а ты не моя учительница, чтобы меня учить!

Но Галка, пропустив его грубость мимо ушей, продолжала развивать свою мысль.

— Я больше, чем твоя учительница, и поэтому прошу меня выслушать... Ты вот считаешь себя очень наблюдательным, бдительным человеком, я не отрицаю этих твоих достоинств, но почему ты смотришь так однобоко? Впрочем, применительно к нашей сегодняшней поездке я не совсем точно выразилась. Скажем так: ты смотришь только вперед

и по бокам от дороги, но ни разу не посмотрел назад, не поинтересовался, что делается у тебя за спиной...

— А ты для чего, — возмутился Тамаров.

— Ну, я женщина, не все могу понять, не всему, что вижу, придать значение.

— Ты что-нибудь видела? — насторожился Тамаров.

— Утверждать не могу, но мне иногда казалось, что за нами кто-то едет...

Тамаров с минуту не мог произнести слова — так ему стало не по себе. Наконец он глухо выдавил:

— Ты понимаешь, что ты говоришь? Понимаешь, как это важно: видела ты или нет?

— Понимаю. Но очень возможно, что мне просто показалось.

— «Показалось, показалось»!.. — Тамаров кипел от ярости. — Я, понимаешь, сижу рядом, а она, вместо того чтобы сразу же поставить меня в известность, предположениями занимается!.. — Тронул солдата за рукав. — Останови, пожалуйста. Я сейчас...

Спрыгнув с саней, Тамаров быстро зашагал назад, на ходу расстегивая кобуру. В лесу уже было по-настоящему темно, но на дороге еще падал последний свет уходящего дня, однако проку от него почти не было, поэтому Тамаров достал карманный фонарик и зажег его. Длинный луч высветил довольно значительный отрезок дороги, но, как и предполагал Тамаров, дорога была пуста. Идти дальше не имело смысла, да, честно говоря, Тамаров все-таки не верил, что за ними кто-то ехал, считал, что Галка ошиблась. Ну, а если и ехал и если это были бандиты, преследовать пограничников на подступах к заставе они бы наверняка не решились...

Возвращаясь, Тамаров немного успокоился, а садясь в сани, даже позволил себе пошутить:

— Если нас кто-то и догонял, так скорее всего это был Дед Мороз, по которому ты, Галка, очень соскучилась! — Потом, обняв жену, тихим, спокойным тоном заключил: — Ты, наверное, ошиблась. Поехали...

Когда миновали темневшую возле дороги заброшенную избушку лесника, солдат весело предупредил:

— До заставы — рукой подать! Поспеем как раз к ужину. Вон и гнедой уже уши наострил, запах пищи почувял! Ну, ходи веселей!..

И действительно, минут через двадцать подъехали к заставскому забору. У ворот их встретил часовой. Стали уже въезжать, и тут опять удивила Галка.

— А собаку-то с собой возьмем? — спросила она неожиданно.

— Какую еще собаку? — недоверчиво буркнул Тамаров. — Опять у тебя галлюцинации!

— Самую обыкновенную. Бежала за нами от избушки лесника, иногда мне в колени чуть ли мордой не тыкалась.

— Ну, ты даешь! — развел руками Тамаров. — С тобой не соскучишься!

— И не надо, — не обиделась Галка. Вон она стоит!..

Тамаров резко обернулся... и увидел стоявшую под деревом огромную, с ввалившимися боками волчицу.

— Ничего себе... мордочка! Это же волк!.. тыкался тебе в колени...

Галка охнула и закрыла лицо руками. Тамаров, солдат и часовой от неожиданности не знали, что предпринять. А волчица, словно надеясь на их милосердие, не убегала. Доведенная до отчаяния голодом, она, видимо, потеряла последние силы и молила о пощаде и помощи. Тамаров подумал, что где-то поблизости от заброшенной избушки, а может быть, и в самой избушке ее ждали волчата и что она потому и бежала за ними, чуть ли не тыкаясь в колени Галки, абсолютно беспомощная и безопасная для людей, в которых видела не врагов, а спасителей...

— Успокойся, — сказал Тамаров жене, — и достань колбасу... Это как раз тот случай, когда волка можно сравнить с ягненокм. Считай, что тебе повезло...

Галка полезла в сумку, достала батон колбасы и протянула его дрожащей рукой мужу. Потрясение ее было так велико, что она не могла вымолвить слова и боялась посмотреть в сторону волчицы, зверя, которого она с опаской наблюдала даже в зоопарке и с которым столкнулась так близко...

Тамаров бросил колбасу к дереву. Волчица вздрогнула, но не отпрыгнула, не было сил. Взять колбасу она не решилась, видимо, ждала, когда люди уйдут. И они ушли. Уже когда миновали забор, Тамаров достал фонарь и метнувшимся в темноту лучом осветил то место, где стояла волчица: ни ее, ни брошенной ей колбасы не было...

Сани уже подкатили к зданию заставы, а Тамаров все стоял у ворот забора и вглядывался в уходящую дорогу, по которой они только что ехали и которая принесла им столько неожиданностей и волнений. Думал он и о том, что от стаи волков они бы так легко не отделались, как от этой несчастной волчицы. Но, пожалуй, не возможная встреча с волками его сейчас тревожила. Он вдруг опять вспомнил

Полосатого, попутчиков на параллельной дороге, которых так и не удалось перехватить на повороте ее к хутору, таинственных преследователей, которых его жена, так толком и не поймешь, видела или не видела. Эти воспоминания тревожили его куда больше, причем он прослеживал в них какую-то взаимосвязь, понимая, что сейчас руководствуется только предположениями. Тамаров в то же время не мог и не хотел свести минувшие события к простому стечению обстоятельств, в них, как ему казалось, был смысл. Какой — он еще не мог уловить, но интуитивно чувствовал, что смысл был. Когда Тамаров, перебросившись несколькими словами с часовым, зашагал наконец к зданию заставы, где его, уже волнуясь, ждала Галка, он, еще раз взвешивая все «за» и «против», все сильнее склонялся к выводу, что преследование их было не выдумкой, не галлюцинацией его жены, а вполне допустимой реальностью, только подтверждавшей сложившуюся на границе обстановку. «А если так, — думал Тамаров, — то нас преследовал сегодня зверь страшнее и коварнее, чем эта изголодавшаяся волчица...» За себя он не боялся. За солдата тоже. Служба есть служба, а на границе тем более, здесь опасности подстерегают на каждом шагу, и пограничникам, как говорится, сам бог велел быть к ним готовыми, держать порох сухим. Но Галка... При одной только мысли о том, что с ней могло что-то случиться, случиться не когда-нибудь, а каких-то час-два назад, Тамаров невольно содрогнулся. И страшно обрадовался, когда она окликнула его. Ему даже показалось, что он очень-очень давно этого родного голоса не слышал...

2

У крыльца Тамарова встретил начальник заставы, среднего роста, худощавый, довольно широкий в плечах человек. При тусклом свете лампочки, висевшей над дверью, трудно было определить, в каком он звании, но, опередив Тамарова, начальник заставы представился первым:

— Капитан Орлов. С прибытием на заставу, товарищ лейтенант! Прощу ко мне...

И все, больше ни слова до самой канцелярии. Но по тому, как он крепко и долго жал ему руку, Тамаров и без лишних слов понял, что его здесь очень ждали.

Уже в канцелярии Тамаров заметил отсутствие Галки, хотя у крыльца он шепнул ей: «Будь рядом. Я потом скажу, что делать».

— За жену не беспокойтесь, — успокоил его капитан Орлов. — Мы уже успели познакомиться, и сейчас она в полном распоряжении моей хозяйки. Надеюсь, они найдут общий язык, а дел у них по части благоустройства вашего будущего жилья хватит до утра. Мы, конечно, постарались кое-что подготовить, но, как говорится, кому жить, тому и карты в руки... Раздевайтесь, пожалуйста, и садитесь поближе...

Тамаров повесил пинель и сел на стоявший сбоку от письменного стола выдавший виды стул. Старенькой, произдержавшейся выглядела и остальная мебель. Вообще канцелярия была обставлена на редкость скромно, ничего лишнего, только то, что необходимо для работы. «Деловая, — про себя решил Тамаров, — к делу и располагает». И, ухватившись за эту мысль, он, не дожидаясь вполне допустимой по случаю его заступления на должность напутственной речи своего нового начальника, коротко доложил ему о событиях, изрядно поволновавших его в Горске и в дороге.

Внимательно, ни разу не перебив, выслушав Тамарова, капитан Орлов тут же вызвал к себе дежурного по заставе, приказал ему поднять «в ружье» тревожную группу и найти старшину.

Хотя Тамаров считал своим долгом доложить обо всем, что произошло, и сделал это без колебаний, он, честно говоря, не ожидал такой решительной реакции на свой доклад. Ему, в своих предположениях опиравшемуся все же скорее на интуицию, чем на проверенные факты, казалось, что капитан, отлично разбираясь в обстановке, не все и не сразу примет на веру, многое воспримет, как досужий вымысел попавшего под пресс подозрительности малоопытного новичка. Но капитан незамедлительно принял меры и после ухода дежурного пояснил причину своей оперативности.

— Хутор Соколиха давно нас тревожит. Мы знаем, что там есть связник банды, но, к сожалению, никак не можем напасть на его след. Что же касается встречи в Горске, с этим, как вы его окрестили, «полосатым» незнакомцем, поговорим о нем попозже, вполне допускаю, что и в этом случае интуиция вас не подвела. Ну, а преследователи ваши, если они действительно были, не имели в виду задержать вас, они прикрывали тех, кто спешил на хутор, отвлекали от них внимание. Словом, товарищ лейтенант, — заключил он с улыбкой, — поздравляю вас с первым боевым крещением! Пока это крещение выразилось в проявленной вами бдительности, но для начала и это не так уж плохо. Вы

правильно сделали, что сразу меня проинформировали, не стали откладывать на после. Благодарю...

— Дело тут не во мне, товарищ капитан, — смутившись от похвалы, ответил Тамаров. — В комендатуре меня просто хорошо проинформировали об обстановке на границе.

— Не скромничайте, — усмехнулся в рыжеватые усы капитан. — Точная информация, конечно, подчас решает половину операции, но не всю. Но я сейчас о другом. Многие молодые офицеры, получая информацию, почему-то считают, что она им дается только для размышления, а не для действия. В нашей же службе на размышление остаются секунды, успех любой операции — в незамедлительных, решительных действиях. Мы должны опережать время. В этом суть!.. — Он посмотрел на часы. — А вот мой дежурный и мой старшина почему-то этого не понимают. Дежурный!..

Капитан Орлов с сердитым лицом встал из-за стола и направился к двери, но в этот момент в канцелярию буквально влетел запыхавшийся старшина.

— Извините, товарищ капитан! Пришлось немножко помочь женщинам...

— Я так и предполагал, но есть дела поважнее. Бери тревожную группу и срочно на хутор! Возможно, кое-кого встретите из банды Огульского. И прими все меры предосторожности — мы не знаем с тобой, сколько их там...

Старшина как влетел в канцелярию пулей, так и вылетел из нее. А во дворе заставы — Тамаров это видел в окно — уже в полной боевой готовности стояли пограничники тревожной группы. Как они ухитрились в столь ничтожно короткое время облачиться в маскировочные белые халаты и подогнать лыжи — он при всей своей в общем-то солидной курсантской натренированности постигнуть не мог. При этом он еще и учитывал то обстоятельство, что люди эти, вероятно, были подняты с постелей, не успели как следует отдохнуть, вернувшись с границы: тревожную группу тревожат часто, потому она так и называется...

Вскоре во дворе появился старшина, тоже в маскировочном халате и на лыжах, и пограничники отправились в путь. Тамаров, провожая их взглядом, с волнением думал о том, что их ждет впереди. Может быть, бой, а может, и смерть... Смотрел в окно и капитан. Внешне он был спокоен. Но Тамаров-то знал, в каком он был сейчас нервном напряжении! Только опыт, обретенный годами, железная воля человека, уже привыкшего командовать подчиненными ему людьми, за которых он нес ответственность, позволяли ему скрыть от посторонних глаз свое внутреннее состояние, не

выдать его ни одним мускулом на лице, ни одним движением. Эту ответственность в полной мере должен был разделить с ним сейчас и Тамаров, потому что он был невольным «виновником» того, что происходило: люди шли на задание, на выполнение приказа, отданного начальником заставы по его информации, исходя из его предположений. Сознавая это, Тамаров, пожалуй, впервые в жизни до боли в сердце, до холодного пота, выступившего на лбу, ощутил на своих плечах прижавшую его к земле всю тяжесть моральной ноши, которую просто нельзя было сопоставить ни с какой физической. Это испытание на прочность было для него тем более впечатляющим, что оно выпало на его долю в первый же его день на границе. Потом у него будут и другие испытания, может быть, посильнее и пострашнее, в сущности ведь ничего еще не произошло и вообще, возможно, ничего не случится, но все это будет потом, когда он наберется опыта, закалится в нелегких заставских буднях, многое в этой службе познает. А сейчас...

— Ну, пора доложить начальству, — словно издалека, донесся до Тамарова голос капитана, направившегося к столу. — А потом будем ждать новостей от старшины. Как говорят, ждать и надеяться...

Позвонив в комендантуру, доложив о прибытии Тамарова и о мерах, принятых по хутору Соколиха, начальник заставы закурил, а потом, спохватившись, предложил сигарету и Тамарову. Тамаров был некурящим, но сейчас от предложения капитана не отказался и, неумело затаившись, даже не задохнулся, так он был нервно возбужден. Однако капитан все равно заметил его неопытность по части табачного дыма. Улыбнулся и сказал:

— Не курили раньше? И не надо. Вредная, знаете ли, привычка. Я вот себя к безвольным не причисляю, а бросить не могу. Курить начал в войну...

В дверь постучали, тихо, робко.

— Это жена, — пояснил капитан, — без стука в канцелярию не входит... Прощу, Лидия Андреевна!

Женщина вошла тоже робко, с извиняющимся лицом. Тамаров даже удивился, в его представлении жены пограничников должны были быть смелее, такими их, во всяком случае, обычно показывают в кино и описывают в книгах. Он встал и представился.

Лидия Андреевна ласково улыбнулась, протянула руку.

— Вот как у нас, на заставе: уже час, наверное, прошел, как прибыли к нам, а мы только теперь познакоми-

лись. Хочу вас поужинать пригласить, изголодались, наверное, в дороге.

— Что, уборку закончили? — спросил капитан.

— Да где там! — махнула рукой Лидия Андреевна. — Еще дел и дел!.. Я уж говорю жене вашей: не надо все сразу, отдохните. А она ни в какую, пол в комнате оттирает до кровавых мозолей...

— Тут уж ты ей не советчица, — сказал капитан, — в комнате этой ей жить. Вспомни, как ты свою отдраивала, без мозолей тоже не обошлось... Ну, а за приглашение спасибо. Но я не голоден, а лейтенанту, конечно, перекусить самое время!

— Благодарю, Лидия Андреевна, но мне тоже не хочется, — присоединился к мнению капитана Тамаров. И он сейчас не грешил против истины, ему действительно не хотелось есть, и виной этому было опять же его нервное состояние, оно перебило голод.

— Ну вот, зря, значит, пришла, — вздохнула Лидия Андреевна. — Понимаю, дела у вас неотложные, но о здоровье тоже нельзя забывать. Ладно, не буду вам мешать. Надумаете — милости просим! Пойду молодую хозяйку уговаривать...

— Оказывается, и она упирается?! — рассмеялся капитан. — Да, трудная у тебя, мать, задача!

— А ты думал...

Лидия Андреевна и вышла так же робко, как вошла, только дверью немножко хлопнула, видимо, рассердилась. И капитан подтвердил это.

— Обидели мы ее. Ну, ничего, вот закончим дела... — улыбнулся в усы и почесал затылок. — А когда они на заставе кончатся? Не знаете, лейтенант?

— Честно говоря, нет, — тоже улыбнулся Тамаров.

— Да-а, дел у нас всегда много, — снова закуривая, сказал капитан и стал рыться в лежавших стопкой на столе бумагах.

Тамаров взглянул в окно: по узкой дорожке, проделанной в снегу, удалялась маленькая фигурка Лидии Андреевны. Ему понравилась эта женщина. Было в ней что-то очень домашнее, уютное, и, хотя она была еще в расцвете сил, напомнила Тамарову почему-то мать. Даже в лице у них было какое-то сходство, а манера разговаривать — ну прямо один к одному. И накинутый на плечи мужний полушубок... Мать тоже часто носила его так в зимнюю пору, особенно после похоронки, пришедшей в сорок четвертом с

фронта. И даже летом иногда ходила в нем по квартире. Согрел он ее, что ли, воспоминаниями...

— Да, крепко, видать, взялась ваша жена за новое жилище, не поправилась ей наша уборка! — прервал размышления Тамарова капитан. — Ничего, завтра окажем ей помощь, наведем окончательный и должный порядок!

— Спасибо, я думаю, мы управимся сами, — поспешил заверить капитан Тамаров, про себя отругав жену за чисто женскую придирчивость к отведенной им комнате. «Не в городской квартире новоселье справляем, могла бы это понять...»

— Обязательно поможем! — не принял его возражения капитан. — Дело это житейское, уют в доме должен быть! Вы к нам не на неделю приехали... Она мне про волчицу при встрече рассказала, жена ваша. Представляю, что с ней было! А вообще-то волков здесь хватает, мы уже к ним привыкли. Правда, не все встречи с серым заканчивались так мирно, как у вас. Приходилось иногда и ружьишком побаловаться...

Капитан продолжал заниматься бумагами, о чем-то еще говорил и спрашивал, — словом, внешне казалось, что он был спокоен и ничто его сейчас не тревожило. Но так только казалось. По тому, как он иногда задерживал взгляд на телефоне, по набежавшей вдруг на лицо задумчивости Тамаров без особого труда угадывал подлинное состояние этого человека. Все разговоры, которые они вели, были для него отвлекающим маневром, маскировкой. На самом же деле все его думы были сейчас устремлены к хутору Соколица, к тому, что там могло сейчас происходить. Он ждал возвращения тревожной группы или вестей от старшины. Ждал этого и Тамаров...

3

Тревожное ожидание известий с хутора не ломало заведенного распорядка дня. Жизнь на заставе шла своим чередом. Уходили на границу и возвращались наряды, после ужина какая-то часть пограничников отправилась отдыхать, а те, которым выпала свободная минутка, занимались своими личными делами: читали, писали письма домой, приводили в порядок обмундирование... В небольшом помещении, отведенном под клуб, шла репетиция новогоднего представления. Тамаров заглянул и туда, послушал пару песен, спетых под баян, вспомнил училище, где баян тоже был любимым инструментом курсантов.

На боевом расчете начальник заставы представил Тамарова личному составу, сказал о нем несколько добрых слов. С этого момента Тамаров официально вступал в свою должность. Событие это для любого офицера волнительное, и Тамаров тоже волновался, но все же не так, как могло быть в другой, обычной ситуации. Все мысли его были сейчас связаны с хутором...

Первое сообщение о нем поступило от посланного старшиной связного. Он доложил, что какие-то люди были в хуторе, но, как рассказали местные жители, долго там не задерживались, даже в дом ни к кому не заходили, отбыли в сторону ближайшего леса. Тревожная группа вернется после прочески его.

— Лес большой, нашими силами весь не прочешишь, — прокомментировал доклад связного капитан. — Но исходные данные есть, доложим начальству, попросим подкрепления. Что же касается их мимолетного наезда на хутор, то им и не надо было там задерживаться. Чтобы встретиться со своим человеком, им достаточно было проехать мимо. Тут важно другое: если это были бандиты, в чем я почти не сомневаюсь, то встреча со своим человеком состоялась, и она была им нужна, планировалась. Кто этот человек и зачем они с ним встречались — вот что нам необходимо знать. Странно, как этого не понял старшина, задумавший прочесывать малыми людскими силами необъятную территорию леса. Это наверняка не даст результатов, а вот риск большой: не исключена засада. Впрочем, не будем спешить с выводами, подождем окончания операции. Может быть, я грешу против старшины, ему там на месте виднее, как поступать...

— Не послать ли туда еще людей? — скорее спросил, чем посоветовал, Тамаров.

— Думаю, что не надо, — ответил капитан и потянулся было за телефонной трубкой, но потом, видимо, раздумал и, выйдя из-за стола, прошелся по канцелярии. — Будем ждать. Ждать и надеяться...

Тамаров уже успел подметить, что фраза «ждать и надеяться» в ходу у капитана, и это не очень гармонировало, пожалуй, даже противоречило его, как это уже тоже подметил Тамаров, решительной, нацеленной на действия натуре. Но ситуация ситуации рознь, не всякое действие, если оно не подкреплено тщательным анализом сложившейся обстановки, правомерно и даст положительный результат. А обстановка, считал капитан, пока еще не ясна, ее оценка

зависит от точных фактов, а не от предполагаемых. Поэтому капитан Орлов и ждал, при этом, конечно, вовсе не отказавшись от анализа имевшихся у него под рукой данных. Именно этим он сейчас и занимался, прохаживаясь по канцелярии. А Тамарову по неопытности казалось, что капитан только ждет и что его даже угнетает это затянувшееся, противоположаемое его натуре ожидание... Когда капитан вдруг начал уверенно излагать перед ним ход своих мыслей и план дальнейших действий, без учета пока того, что сообщит старшина, Тамаров был удивлен, потому что считал, что этот человек вынужден был томиться в бездействии, не зная, что предпринять.

— Сегодня ночью, — чеканил слова капитан, — мы выделим наряд на хутор, он проверит все дома, и я думаю, в одном из них хозяина не окажется. Мы знаем, что в хуторе есть связник банды, но до сих пор он выходил с ней на связь сам, а сегодня к нему нагрянули, это так, хотя бандиты обставили свое свидание с ним, как безобидную поездку по дороге, ведущей через хутор. Но раньше они этого не делали. Почему? Потому, наверное, что он понадобился им в их берлоге для принятия какого-то важного решения. Они что-то задумали, возможно, очередную диверсию, и хотят совершить ее вблизи от границы. Расчет их состоит в том, что нападения на какой-то объект здесь мало кто ожидает, все-таки рядом заставы, обычно они действуют где-то в глубине территории. Элемент неожиданности позволит им безнаказанно скрыться, деморализующе подействует на пограничников, создаст видимость того, что появилась новая банда и что вообще вооруженное сопротивление против Советской власти может распространиться на любой район. Понятно, что им хочется в выгодном свете предстать еще и перед своими западными хозяевами, выкачать из них побольше сребников. Какой объект они избрали — вот о чем надо подумать...

— Зачем же посылать наряд только для того, чтобы выяснить, кто связник, но не застать его дома и не узнать, куда он пошел? — недоумевал Тамаров. — Не лучше ли проследить связника и накрыть волчье логово?

— Волк хитрый зверь, но бандиты, к сожалению, еще хитрее, — ответил с улыбкой капитан. — Я ожидал от вас этого вопроса. Но все дело в том, что связника уже и сейчас наверняка нет дома, он покинул хутор еще до прихода нашей тревожной группы, вскоре после проезда через хутор бандитов. А проверка, кого сейчас нет дома, ничего не даст. Сейчас еще только вечер, хуторяне на одном месте не си-

дят, мало ли по каким делам они могли отлучиться из хутора утром или днем? Но к ночи все должны вернуться...

— А если связник банды вернется тоже?

— Думаю, этого не произойдет. Больше того, он может не вернуться совсем. Да он нам уже и не нужен. Выследить и обезопасить его нам следовало куда раньше, но мы не сумели этого сделать. Теперь, узнав, кто он, мы стараемся выяснить у семьи, а на хуторе одиноких нет, как часто он отлучался и куда, хотя бы примерно. Не сомневаюсь, что какие-то сведения мы получим уже завтра утром, а это уже позволит нам оперативно принять решение и действовать. Нам необходимо предотвратить возможную диверсию, разгромить с помощью наших соседей или взять банду. Возьмем банду, возьмем и ее связника, как самостоятельная единица он теперь для нас не представляет интереса, нас интересует вся банда...

Хотя начальник заставы был убежден, что сегодня ночью он узнает, кто связник банды, хотя он ставил уже перед собой куда более масштабную и важную задачу, Тамарова все же так и подмывало спросить, почему не удалось раскрыть связника раньше, ведь потеряно дорогое время, банда продолжает бесчинствовать, тогда как, раскрыв связника, ее можно было давно обезвредить. И, словно угадав не дававший ему покоя вопрос, капитан ответил на него просто и честно:

— К сожалению, мы тоже ошибаемся. Хутор Соколиха беспокоит нас долгое время только как возможный объект нападения со стороны банды. Дело в том, что у хуторян хороший скот, а бандиты уже побывали в нескольких селах и основательно почистили скотные дворы. Выгода тут двойная: пополняют свои съестные запасы, а ту скотину, которую они не забили, сбывают частнику, где-нибудь подальше от места преступления, то есть пополняют и свою бандитскую кассу... Лишь позднее, сопоставляя ряд фактов, мы поняли, что хутор их интересует по другой причине, что кто-то из хуторян хорошо их информирует, точно выводит на ту или иную цель. Связник хитер и опытен, выходил на связь сам, бандиты к нему не заглядывали, как говорят, на огонек, ни разу. До сегодняшнего дня...

— Да и сегодня не заглянули, просто проехали мимо, — уточнил Тамаров.

— Это уже детали маскировки, которые их и подвели. И связника выдали, в чем я почти убежден. Но время нами, конечно, упущено, и наверстать его будет очень сложно. А наверстать надо. У нас нет другого выхода. — Капитан

опять не сдержал улыбки. — Видите, как вы вовремя были. И, будем надеяться, удачно, хотя в дороге, не стану скрывать, вас подстерегала опасность: все-таки вы им мешали... А какая же это пограничная служба, если в ней и опасностей-то никаких нет? Верно, лейтенант?..

— Да, конечно, — согласился Тамаров, попытался улыбнуться, но улыбки почему-то не получилось. Капитан это, видимо, заметил:

— Ладно, повременим с выводами. Вы их сделаете позже, когда послужите хотя бы с годок...

За окном слышались голоса. Орлов и Тамаров, не сговариваясь, вскочили со стульев и прильнули к стеклам: во двор медленно вкатывалась тревожная группа. Движения пограничников были заметно усталые, как в замедленной съемке, от разгоряченных лиц валил пар. Но капитана Орлова волновала сейчас не эта внешняя картинка, его беспокоило, все ли люди вернулись. Когда убедился, что все, облегченно вздохнул и отошел от окна. А по коридору уже раздавались тяжелые шаги. Сбросив с себя в дежурке маскировочный халат, в канцелярию, улыбаясь, вошел старшина.

— Разрешите доложить, товарищ капитан?

— Ты присядь, отдохни немного, потом доложишь, — сказал, пододвигая ему стул, капитан. — На тебе лица нет, а улыбаешься...

— Торопились к ужину поспеть, — попытался отделаться шуткой старшина. — А улыбаюсь потому, что не зря в гости к хуторянам съездили... — Сел на стул и от накопившейся усталости сразу как-то обмяк, разморился, как после парной. Потом резко распрямил спину, двинул плечами и, пробасив: — Ну, кажется, отошел!.. — начал докладывать...

Из доклада старшины капитан Орлов выделил три, на его взгляд, важных момента. Во-первых, как и ожидалось, никто из хуторян, с которыми удалось поговорить пограничникам, людей, проехавших мимо хутора, прежде не встречал, а жителей окрестных деревень они хорошо знали. Во-вторых, от хутора две дороги вели к соседним селам, но неизвестные выбрали третью, лесную, которая кончалась где-то в горах, в районе полуразрушенного, заброшенного замка. Замок неоднократно подвергался проверке, и до сих пор следов жизни в нем обнаружено не было, но облюбовать его бандиты могли в любое время. И, наконец, в-третьих, хотя прочесать лес не удалось (старшина понял бессмысленность этого мероприятия), при выходе из него пограничники встретили местного лесничего. Он рассказал,

что еще днем столкнулся в лесу с двумя неизвестными в полувойенной одежде, заметив его, они быстро скрылись, а бежать за ними он побоялся. На вопрос старшины, почему сразу не доложил на заставу, лесничий ответил, что собирався это сделать после работы.

— Взгреть бы его за это, товарищ капитан! — высказал свою точку зрения старшина. — Знал ведь, что доложить надо было немедленно!..

— Взгреем, — пообещал капитан Орлов. — Но сначала выясним, почему он не информировал нас сразу после встречи с неизвестными. Так ли уж быстро они скрылись, как он рассказывает, не запугали ли они его? А то, что он сам испугался, в это я верю, это вполне естественно. Чего он больше испугался, встречи с ними или их угроз, — вот что меня сейчас интересует. Завтра утром пригласи его ко мне. Только вежливо пригласи, без нажима и намеков...

— Понял! — ответил старшина. — Завтра с петухами будет!

— Ну вот... — развел руками капитан. — Я ему о вежливом обращении толкую, а он гнет свою линию. Дай тебе волю, ты его и посреди ночи доставишь...

— Надо будет, и доставлю! — подтвердил старшина. — Не волнуйтесь, товарищ капитан, все будет нормально...

— Хорошо. Иди ужинай и отдыхай. Благодарить вас всех за службу буду завтра утром.

После ухода старшины капитан несколько минут молчал, а затем позвонил в комендатуру, подробно доложил о результатах выброски в хутор тревожной группы, высказал свои соображения по дальнейшему плану действий. Получив, как понял Тамаров, «добро», он стал набрасывать этот план на листок бумаги. Закончив, сказал:

— Ознакомлю с ним вас завтра. За ночь продумаю некоторые детали, кое-что откорректирую. Окончательный вариант обмозгуем вместе, а потом отправим на утверждение.

Тамаров подумал: «Когда же он успеет? Ему же еще ночные наряды проверять...» Предложил свои услуги.

— Нет-нет! — отклонил предложение капитан. — Вы сегодня отдыхайте. Знакомиться с участком границы надо в дневное время, тогда и ночью будете себя чувствовать уверенно, легко ориентироваться. — Откинулся на спинку стула и загасил очередную сигарету. — Кстати, я все хотел вас спросить, как вам понравились наши горы?

— А я их здесь и не видел, — ответил Тамаров.

Капитан рассмеялся:

— Не заметили, значит, слона? Ну что же, и так бы

вает! Вы же всю дорогу ехали лесом, потому и не заметили. А горы совсем рядом, на левом фланге подступают к нам, можно сказать, вплотную. Завтра убедитесь в этом сами...

Капитан еще несколько раз предлагал Тамарову идти отдыхать, но Тамаров не уходил. Они еще долго беседовали, отправляли и встречали наряды. Наконец капитан Орлов вызвал дежурного и приказал ему проводить Тамарова на его новую квартиру.

— А то еще заблудитесь, — улыбнулся он, подталкивая дружески Тамарова к двери. — Спокойной ночи! И не забудьте поужинать!..

Когда Тамаров вошел в комнату, Галка уже спала. Она даже не раздевалась, лежала на неразобранной постели, свернувшись калачиком. На столе его дожидался холодный ужин, но Тамаров даже не прикоснулся к нему. Накрыв жену ее шубкой, он осторожно прилег рядом. И тотчас заснул — вся накопившаяся за день усталость, переживания, свалившиеся на его плечи в дороге, сделали свое дело. Спал как убитый...

4

Утро выдалось на редкость погожее. Когда Тамаров проснулся, Галка уже хлопотала на кухне. Вся комната была освещена первыми лучами солнца, и Тамаров с тревогой подумал, не проспал ли он? Но Галка успокоила:

— Приходит капитан Орлов. Он ждет тебя через полчаса.

— Надо было разбудить меня, когда он пришел.

— Не велел... Приводи себя в порядок и садись завтракать. С середины вчерашнего дня ведь ничего не ел, так и с голода умереть не мудрено...

— Ну, ты тоже не очень-то о себе заботилась, — намекнул Тамаров на почти не тронутый ужин на столе. — Как ты себя чувствуешь на новом месте? Осваиваешься понемногу?

— Да как тебе сказать? Пытаюсь. Когда проснулась, первая мысль была: где я?..

— Понятно. А вторая?

— О тебе...

Плотно позавтракав, поцеловав жену, Тамаров уже направился к выходу, но на пороге остановился. Нет, он не забыл о своем решении поговорить с Галкой о Полосатом позднее, где-то через пару дней, но обстановка внесла свои коррективы, не позволяла медлить.

— Мне очень важно знать, о чем был ваш разговор с Полосатым. Пойми, я спрашиваю тебя не ради любопытства...

Галка внимательно посмотрела на мужа и, поняв, почувствовала, как нужна ему сейчас ее искренность, ответила:

— Он спросил: «Вы, как я догадываюсь, с мужем служить едете?» Я ответила, что служить едешь ты, а мне, как жене, положено быть рядом. Тогда он спросил, когда мы уезжаем. Я ответила, что не знаю., Потом он увидел тебя, попрощался и сказал: «Будьте осторожны в дороге»...

— Это все?

— Все.

— Почему ты скрыла от меня этот разговор там, в Горске, когда я настаивал?

— Я побоялась, что ты рассердишься. Я поняла, что допустила ошибку, что мне вообще не надо было говорить, что мы едем на заставу...

— Да, ты ошиблась, хотя и не упомянула о заставе. Но это и без упоминания было для него понятно.

— Прости меня, Сережа, — тихо сказала Галка, виновато опустив свои большие зеленоватые глаза. — Но, поверь мне, я бы все равно тебе весь этот разговор передала...

— Я верю. Но прошу впредь информировать меня обо всем незамедлительно!

— Я обещаю...

Тамаров быстро вышел из комнаты. А Галка еще долго стояла у порога. Она знала, что муж не скоро простит ей эту двойную ошибку. Досадовала на себя, но еще больше боялась за мужа: не повредит ли ему и его делу, а стало быть, всей заставе ее женское легкомыслие?..

У крыльца заставы Тамаров столкнулся с неизвестным ему штатским. Мужчина средних лет поздоровался с ним уважительно, сняв шапку, и пошел в сторону ворот. Уже в коридоре Тамаров догадался, что это был лесничий, и почувствовал облегчение оттого, что ему разрешили спокойно уйти, не задержали как нарушившего приграничный режим. Подозревать человека — всегда неприятно, а о самом подозреваемом и говорить нечего, ему не позавидуешь...

— Человек он наш, проверенный, — подтвердил капитан Орлов. — Но наши предположения оправдались: бандиты пригрозили ему расправой, если он проинформирует нас о встрече с ними. Ну, нервишки у хозяина леса немножко и сдали. Пришлось сделать ему внушение. Но мы со старшиной и подбодрили его, обещали помочь. И поможем, усилим контроль за его лесным хозяйством, а хозяйство это, надо

вам заметить, большое... Сейчас меня настораживает сам факт появления бандитов в нашем районе. На хуторе, в лесу... Конечно, это не случайные прогулки. Банда Огульского что-то готовит, и мы должны с помощью подразделений внутренних войск обезвредить ее до того, как она начнет действовать, мы должны предупредить возможную диверсию... Кстати, знаете, кто такой Огульский? В годы оккупации командовал карательной ротой, целиком состоявшей из уголовников. Матерый бандит, хитрый, способный на непредсказуемые действия. Гоняемся за его бандой давно, изрядно ее потрепали, но ликвидировать пока не удастся... — Орлов посмотрел на Тамарова и улыбнулся: — Может быть, теперь удача нас не обойдет, с вашей легкой руки...

— Шутите, товарищ капитан, — не сдержал улыбки и Тамаров.

— Но почему же! Хватка у вас есть! И интуиция не подводит. Так что мы на вас вправе надеяться...

Тамаров спросил о связнике банды на хуторе Соколиха, куда был послан ночью наряд.

— Наряд мы послали правильно, — ответил капитан. — В хутор не вернулся некий Яремчук. Думаю, он уже в самом логове. Подробности узнаем позже. Перед самым вашим приходом я послал на хутор старшину, чтобы поговорить с семьей Яремчука. Результат, не сомневаюсь, будет, старшина умеет разговаривать...

Испытывая некоторую неловкость, Тамаров доложил капитану о последнем разговоре с женой. И удивился, что информация его о Полосатом была воспринята не то чтобы равнодушно, но слишком, как ему показалось, спокойно.

— Это хорошо, что жена ваша, как мы выражаемся, все-таки «раскрылась», ничего от вас не утаила. Но мы поговорим об этом попозже. Я должен кое-что уточнить в соответствующих органах...

И больше капитан к этому разговору не возвращался, стал знакомить Тамарова с планом дальнейших действий по обезвреживанию банды Огульского. Но Тамарова почему-то не покидала мысль о том, что капитан просто уклонился от разговора о Полосатом, что он уже что-то знает о нем, что-то уточнил. Обвинять своего нового начальника в недоверии к нему у Тамарова не было оснований, но неприятный осадок в душе остался.

Через лес, подогнав лыжи и облачившись в маскировочный халат, Тамаров в сопровождении проводника служеб-

ной собаки вышел на ознакомление с участком границы, охраняемым заставой.

Овчарка бежала быстро, и если для проводника темп, заданный ею, был привычным, то Тамарову пришлось, как говорится, выложиться полностью, чтобы поспеть за ними. А ведь он получил в училище неплохую лыжную подготовку...

Участок оказался сложным, рельеф резко менялся, на левом фланге, как и предупреждал капитан, пришлось и на довольно крутой склон горы забраться, откуда хорошо просматривалась вся местность.

— Отсюда любого нарушителя заметить можно! — шутил проводник. — Только не будем же мы с вами, товарищ лейтенант, для этого каждый раз на гору забираться, верно? Время дорогое потеряем, да и нарушитель, дьявол его возьми, чаще всего не по ровному полю бежит, норовит незаметно проскочить, леском да ложбиной...

— Все правильно, сержант, — согласился, переводя дух, Тамаров, а про себя подумал: «За новичка меня принимает, точно я никаким наукам пограничным не обучен. При случае постараюсь опровергнуть его мнение»...

Тамаров и потом сталкивался с подобными, как ему казалось, не лишними правоучений шутками своих подчиненных, и на первых порах это его злило. Но вскоре он понял, что обижаться ему не на кого и не за что. Ему просто искренне хотели помочь побыстрее войти в обстановку, а поскольку он был их начальник, подчиненные и избрали шутливый тон, такую своеобразную форму помощи. Не могли же они, в самом деле, натаскивать своего командира с серьезными лицами... Пограничники — народ смысленный, они быстро улавливают, в чем сила и слабость молодого офицера, потому что все его достоинства и недостатки проявляются с первых его дней на заставе. Такая уж служба. Подготовительный период в ней исключается. Граница не ждет, она требует охраны каждый день, каждый час, каждую минуту. И охранять ее надо с первого своего дня на заставе. Стало быть, с первого дня и проявить себя, показать, на что ты способен. Так что Тамаров зря обижался. Опыт и знания, приобретенные им в училище, были оценены его подчиненными по достоинству, подмечены быстро, как и недостатки...

Знакомство с участком границы не было, понятно, простой прогулкой. Тамаров проверил наряды, наблюдательный пост, для чего пришлось подняться на вышку, продуваемую сквозняками, контрольно-следовую полосу, надежность связи... Иногда он натывался на следы минувшей войны, ис-

пытывая при этом двойное чувство: было и интересно взглянуть на полуразрушенный блиндаж, и в то же время щемило сердце при мысли о тех, кого настигла здесь смерть от разорвавшейся бомбы или мины. Встречались на участке и могилы, братские и одинокие...

— Их здесь много, — сказал проводник. — Приезжают родственники погибших, однополчане. Мы их сопровождаем, конечно. Матери да жены больно сильно убиваются. Иной раз и во сне слышишь, как они плачут... А вообще, товарищ лейтенант, зима многое от вас скрыла, снега нынче вон сколько выпало. Летом мы и гильзы поржавевшие находим, и котелки, и каски, пробитые осколками. А окопы здесь есть — ну как-будто их только вчера рыли! Начальник заставы говорил, что как отстроимся маленько, музей откроем пограничной славы. Здесь ведь пограничники воевали. Без приказа не отходили...

На заставу Тамаров вернулся усталый, но переполненный впечатлениями. Поделился ими за обедом с женой; чисто служебных дел, конечно, он не касался, на природу в основном нажимал, на удивительное своеобразие здешних мест. Рассказал и о могилах. Галка, с неподдельным интересом слушая его рассказ о красоте этого края, когда он упомянул о родственниках, приезжающих сюда, чтобы посетить эти могилы, вдруг сразу помрачнела и, слегка заикаясь, что всегда с ней случалось при сильном волнении, сказала:

— Я была на кладбище во Львове. И в Горске. Я видела там могилы совсем еще молодых офицеров и солдат, которые были убиты уже после войны. Некоторые совсем недавно...

— Когда ты успела там побывать?

— Когда ты занимался своими делами, — сухо ответила Галка. — Но я не об этом... — Она опять стала заикаться от волнения. — Я хочу сказать, что война давно кончилась, а здесь еще убивают людей...

— Их убивают не только здесь.

— Да, но здесь наша земля. И убивают наших людей. И чаще всего военных...

Она не сказала «пограничников», но Тамаров-то знал, что она думает прежде всего о них. Он тоже был на кладбище во Львове, когда проходил стажировку на одной из застав этого округа, и стоял у могил воинов в зеленых фуражках, погибших в мирное время. Среди этих погибших были и выпускники его училища...

Из разговора с семьей Яремчука старшина Белов сделал вывод, что она и не предполагала, что ее хозяин связан с бандой. Жена Яремчука, обеспокоенная его исчезновением, хотела послать двоих своих сыновей на поиски.

— А куда бы вы их послали? — поинтересовался старшина.

— А бо его знает! Может, в соседнем селе загулял? Есть там у него одна вдовушка. Завалященькая такая, уж и не знаю, что он в ней нашел, кобель старый!..

Старшина, конечно, о связи Яремчука с бандой и не намереваясь, сказал, что он ему нужен по плотническим делам (Яремчук работал плотником на местном лесокомбинате). В дальнейшем разговоре выяснилось, что он частенько бюллетенил и под этим предлогом отлучался из хутора в соседние села на приработки, опять же по плотническому делу. В общем, семью обеспечивал хорошо, и на гулянки, видно, хватало... Выяснилось еще, что Яремчук бывал несколько раз в старом замке.

— Замок-то запустили, никому он не нужен стал, — рассказывала хозяйка. — Ну, а мужик мой того, что плохо лежит, не упустит: то кирпичей оттуда для нужд домашних привезет, то бревен, то еще чего...

— Ну бревен да досок он мог бы и на своем комбинате достать по сносной цене, — сказал старшина. — Зачем мелочиться и в такую даль лошадь гонять. Да и замок этот никто растаскивать не разрешал, придет время, восстановят, еще послужит людям.

— Так-то оно так... — согласилась хозяйка. — И про лесокомбинат я ему тоже говорила. Но разве ему докажешь! Привык денежки свои считать, а до чужих ему дела нет. Конечно, ему и бревен, и досок на комбинате отпустят и подешевле, а все денежки надо платить...

— Значит, муженек ваш любит отлучаться?

— Отлучается. Но к ночи всегда возвращался! — поспешила она добавить. — А сейчас и не знаю, что подумать.

— Ничего, вернется... — успокоил ее старшина. — Мало ли по каким делам задержался. Вы не волнуйтесь. А как вернется, скажите, что я еще зайду, очень мне его помощь пужна.

— Скажу, скажу! — пообещала хозяйка. — Только бы поскорее вернулся! Где его нечистая сила носит?

«Действительно нечистая, в самую точку попала!» — подумал про себя старшина, прощаясь с женой Яремчука.

— Как вели себя его сыновья? — спросил капитан, когда старшина закончил свой доклад.

— Нормально. Волновались, конечно, немножко, но больше из-за отсутствия отца, чем из-за моего присутствия...

— Считаешь, что они не в курсе?

— Уверен в этом. Чисто работает.

— По грязному делу, — уточнил капитан. — Но чисто, тут ты прав, если мы его так долго не могли раскрыть... — Закурил и прошелся по канцелярии. — Значит так. За подробный доклад спасибо. Мы теперь кое-что уточним на комбинате. Главное же, как вы понимаете, для нас сейчас — замок. Это не логово, нет, но уже ясно, что бандиты там бывают. — Он бросил быстрый взгляд на телефон. — Нет, звонить я не буду, тут одним звонком не обойдешься. Командуйте, лейтенант, заставой, а я еду в комендатуру. Если понадобится, срочно звоните!..

Хотя начальник заставы никаких конкретных указаний по лесокомбинату не давал, Тамаров после его отъезда, посоветовавшись со старшиной, связался с директором. Тот подтвердил, что Яремчук сегодня на работу не вышел, скорее всего, опять заболел, потому что вчера не отпрашивался и отгулов не брал.

— А им никто не интересовался? — спросил Тамаров.

— Им всегда интересуются, — ответил директор, — он же шабашник известный в округе, от «левой» работы никогда не отказывается. Искал его и сегодня один, как мы их называем, «дачник», из тех, у кого деньги лишние водятся и которые топора отродясь в руках не держали...

— А как этот «дачник» выглядел. Вы можете его описать?

— Попробую, — рассмеялся директор, — хотя я его не шибко разглядывал, к нашим рабочим многие обращаются за помощью, только не все наши так жадны на «левые» рубли, как Яремчук... — Директор явно заботился о репутации руководимого им коллектива. Он, как и семья Яремчука, не мог догадываться, что Яремчук только прикрывался шабашничеством, получал «левые» деньги совсем из других рук...

Описание директором «дачника» не вызвало поначалу у Тамарова никаких ассоциаций. Во всяком случае, с человеком такой наружности, в такой одежде он раньше не встречался, а если и встречался, то мимоходом и в безобидной ситуации, когда нет причин для подозрений. Правда, человек, о котором думал Тамаров, разговаривая с директором, был такого же роста, как «дачник», интересовавшийся Ярем-

чуком, такого же сложения, с таким же невыразительным, незапоминающимся лицом. И только в конце разговора, когда директор сказал, что на «дачнике» были светлые бурки, у Тамарова перехватило дыхание.

— Это точно? Вы не ошиблись? — переспросил он директора, стараясь не выдать своего волнения.

— Точно! Это я разглядел, — ответил директор. — У нас здесь бурки не в моде.

Положив трубку, Тамаров с минуту молчал, потом тихо сказал:

— Или меня просто околдовал этот таинственный незнакомец, или... Понимаете, старшина, тот Полосатый, как я его обозвал, тоже был в бурках...

— Возможно, совпадение?

— Возможно. Но редкое... Тогда, в Горске, я обратил внимание прежде всего на его полосатое полупальто и ке-ни, бурки как-то выпали из памяти. Но теперь-то я вижу его перед глазами всего, с головы до пят! В светлых, подбитых кожей бурках...

Тамаров встал и подошел к окну.

— Капитан считает, что нам уже Яремчук не очень нужен. А вот Полосатому он почему-то понадобился. Почему?

— Вернется, доложим, — сказал старшина. — Мне тоже кажется, что нам рано сбрасывать Яремчука со счетов. Хотя начальству, как говорится, виднее.

— Меня сейчас больше Полосатый тревожит.

— Понятно. Особенно, если это он был на комбинате.

— Это был он, — твердо заключил Тамаров.

Капитан вернулся из комендатуры к обеду. Когда Тамаров доложил ему о разговоре с директором лесокombината, он, недовольно бросив на стол пачку сигарет, глядя в окно, сухо ответил:

— Этого не надо было делать, лейтенант Тамаров! — И уже несколько мягче, но все-таки с укоризной добавил: — Я же просил подождать...

Впервые за время знакомства с капитаном Тамаров услышал от него в свой адрес слова, произнесенные столь подчеркнуто официальным тоном. В общем-то ничего необычного здесь нет, в армейской службе нередко случаются ситуации, когда без строгой официальности не обойдешься. И Тамарову не было бы обидно, больше того, он просто не обратил бы на этот тон никакого внимания, если бы понимал, в чем заключалась его ошибка. Но он не понимал этого, а капитан почему-то не считал нужным объяснять сво-

ему заместителю его вину. Он, как и раньше, когда речь шла о Полосатом, ограничился обещанием:

— Поговорим о нем позже. Сейчас не время...

Обещание это интриговало. Но Тамаров был настолько убежден в том, что Полосатый связан с бандой Огульского, что просто недоумевал, зачем капитану понадобилось его интриговать, когда можно было бы объяснить, почему еще не время обезопасить этого сообщника бандитов. А в том, что его нужно было обезопасить без всяких объяснений, Тамаров не сомневался...

6

Главарь банды Владислав Огульский был родом из этих мест. До воссоединения Западной Украины и Западной Белоруссии с советскими республиками его отец владел здесь обширными землями, фабрикой и лесокombинатом, затем, прихватив с собой драгоценности, бежал вместе с семьей в Германию, где проживал его родной брат, тоже фабрикант. Когда гитлеровцы вероломно напали на Советский Союз и оккупировали эти земли, Огульские вернулись сюда на правах бывших хозяев, причем Владислав в чине обер-лейтенанта, командира роты карателей. Эта рота «прославилась» жесточайшими репрессиями и бесчинствами против мирного населения еще в Польше. Приобретенный там «опыт» она приумножила здесь. В сорок четвертом году наши войска освободили родную землю от оккупантов. Старший Огульский снова бежал на Запад, а младший был оставлен гитлеровцами для продолжения борьбы против Советской власти. Рота его, изрядно потрепанная, состоявшая в основном из уголовников, бежавших с этих земель еще при воссоединении, превратилась в банду, хотя сам Огульский, конечно, ее так не обзывал. Он вообще считал себя интеллигентным человеком, главарей других банд именовал не иначе, как «коллегами»... Правда, он во многом от них отличался, вызывая по этой причине со стороны их к себе уважение при личном общении, но еще больше зависть и презрение за глаза...

Окончив спецшколу, где его обучили, и довольно неплохо, как проводить явные и тайные карательные операции, Огульский сделал для себя некоторые практические выводы, от которых старался впоследствии не отступать. Успех любой операции, считал он, решает железная дисциплина, не должно быть никаких послаблений ни себе, ни своим подчиненным. И эту дисциплину он установил в своей банде. Он, например, безжалостно искоренял среди своих людей пьянство и разгул, тогда как в других бандах эти поро-

ки процветали, их главари и сами были не прочь «повеселиться» и на «забавы» подчиненных смотрели сквозь пальцы. У заместителя Огульского была любовница, красавица Оксана. Первое время Огульский терпеливо относился к этому, как он выражался, «лесному прелюбодеянию», к тому же Оксана не сидела без дела, готовила и стирала бандитам, врачевала их раны. Но когда его заместитель провалил одну операцию, он, прикинув все «за» и «против», посчитал главной причиной неудачи любовную связь заместителя, которая отвлекала его, действовала на него расслабляюще. Выбрал подходящий момент (заместитель был на задании), приказал двум головорезам отвести Оксану подальше в лес, убить и закопать, сказав им, что она продана чекистам, но что они и эту тайну, и убийство должны держать за зубами. Вернувшегося же с задания заместителя убедил в том, что Оксана сбежала, что она может выдать банду, а потому жаль, что ее не удалось ликвидировать раньше. Чтобы отсечь от себя какие-либо подозрения, он еще и обвинил заместителя в близорукости: спал, мол, вместе, а «красную гадюку не разглядел»...

Железная дисциплина спасала банду в самых, казалось, безвыходных ситуациях. Бандиты Огульского на практике убедились, что он не зря насаждал эту дисциплину. Сам же Огульский постоянно подчеркивал, что неудачи других банд исходят как раз из-за отсутствия такой дисциплины. Нет, он не отрицал грозной силы, которая им противостояла, по достоинству оценивал умелые действия пограничников и других наших частей и подразделений, но все-таки старался преуменьшить исходящую от них опасность и преувеличить возможности банды. Он говорил, что «у красных нет такой школы, как у нас» и что «главное — уметь нашу школу применить, а для этого и нужна прежде всего дисциплина»...

Огульский был незаурядный психолог. Он понимал, что дело его в конечном счете проиграно, что его оставили здесь на правах смертника, что эта же участь ждала и всех его бандитов. И он не стал от них этого скрывать, правда, раскрыл им бесперспективность их положения не сразу, а только тогда, когда банда совершила ряд самых дерзких преступлений. Раньше было нельзя. Огульский хорошо изучил своих людей, знал их настроения. Запятав себя в годы оккупации, понимая, что их ждет справедливое возмездие, многие из них все же тешили себя мыслью о том, что возмездие это может быть менее суровое, если они добровольно отдадут себя в руки советского правосудия. Они выиски-

вали для себя лазейку оправдания: в период оккупации, мол, их заставили служить гитлеровцам, зато теперь, расклавшись, осознав свою вину и не желая усугублять ее новыми преступлениями на освобожденной, мирной советской земле, они прекращают свою деятельность и по собственной воле сдаются властям...

Настроения эти Огульский быстро и жестоко пресек, лично расстреляв трех, на его взгляд, наиболее колеблющихся бандитов. А остальных бросил на осуществление заранее продуманных им кровавых террористических акций, одной из которых было уничтожение госпиталя. Именно после этой акции он объявил банде, что теперь «все пути примирения с Советской властью для нее отрезаны окончательно и бесповоротно» и что «для продления срока жизни каждого из нас есть только одно средство—подольше продержаться, а помочь нам в этом может лишь бог и железная дисциплина»...

Огульский был хитрый и опасный враг. Опасной и трудноуловимой была и подчиненная его воле банда. Налеты на объекты и населенные пункты совершала стремительно, неожиданно и так же быстро уходила. В бой вступала редко, а когда все же, случалось, несла урон, то быстро пополняла ряды за счет отколовшихся от других банд. Этих отколовшихся как раз и привлекала неуловимость банды Огульского. Примыкали к ней и оставшиеся в живых из разгромленных банд. И хотя это были, как правило, матерые бандиты, не пожелавшие сдаться, вырвавшиеся из кольца окружения, Огульский все равно подвергал их строгой проверке. Не внушавших доверия ликвидировал.

И все же база людского резерва для пополнения его банды с каждым месяцем неумолимо сужалась. Под ударами пограничников и подразделений внутренних войск многие банды перестали существовать. Ждать помощи от местного населения не приходилось, оно было настроено к бандитам резко враждебно. Были, конечно, и яремчуки, но их было ничтожно мало, чтобы делать на них серьезную ставку.

Понимая, что дни его банды сочтены, Огульский решил напоследок хлопнуть дверью. Он продумал и тщательно готовил операцию, которая, как он надеялся, должна была ошеломить, потрясти местные власти и вызвать резонанс на Западе, тем более что внешне, перед своими людьми прикидываясь таким же, как они, обреченным и смертником, в тайниках своей души все же надеялся на спасение, на помощь западных хозяев. Циник и авантюрист по натуре, кичащийся своим происхождением, он меньше всего думал о

судьбе банды, готов был без всякого сожаления принести в жертву отданных его власти «беспородных» уголовников. В конечном счете ценность для него представляла только собственная жизнь. Так его воспитывали и так его учили...

В плане разработанной им операции не доставало одного важного звена. Он и Яремчука вызвал, чтобы это звено найти, но результата не добился. И тогда стал ждать случая. «Случай, — говорил он своим людям, — подчас решает все. Ищите его там, где труднее всего найти, и тогда вам обязательно повезет»...

7

Капитан Орлов не обсуждал свой план с Тамаровым, потому что еще не был в этом плане уверен. Собственно, и планом-то его нельзя было назвать, скорее всего это был черновой набросок, основанный больше на предположениях, чем на конкретных фактах. Так его оценили и в комендатуре.

То, что бандиты появились в этих местах, не вызывало в общем-то сомнений в их намерении нанести удар по какому-то здешнему объекту. Но какому? Нападение на заставу исключалось, она была банде не по зубам. На хорошо охраняемые объекты сделать наскок банда тоже вряд ли решится. Значит, она выберет один из мирных объектов, среди которых может быть и лесокombинат, и кондитерская фабрика в небольшом районном центре, и мясокомбинат, расположенный на территории крупного животноводческого совхоза.

Не выпуская эти объекты из поля зрения, капитан Орлов, однако, склонялся к мысли, что Огульский взял под прицел более важную цель, не только местного значения.

Вот уже почти месяц банда не проявляла своей активности. Конечно, ее пассивность во многом объяснялась решительными действиями противостоящих ей и другим бандам сил. Былых лихих наскоков бандитам уже совершать не удавалось. Кольцо окружения сжималось все сильнее и сильнее. Но была, как считал капитан Орлов, и иная причина временной передышки: Огульский тщательно готовил какую-то операцию, потому и увел основные силы банды в подполье, посылая для разведывательных целей в окрестные села лишь малые группы, которые не должны были вызвать особых подозрений. Вполне вероятно, что он координировал дальнейшие действия с главарями других банд. В нужный момент эти банды, изрядно потрепанные и потому малочисленные, должны были отвлечь внимание по-

граничников, подразделений внутренних войск и дать возможность его банде осуществить задуманную им операцию.

По какому объекту он планировал нанести удар, откуда и когда — вот главные вопросы, которые волновали наше командование. Они требовали скорого и точного ответа, потому что временная передышка могла в любой момент кончиться.

Хотя кольцо вокруг бандитов неумолимо сжималось, обнаружить их точное местонахождение было чрезвычайно трудно. Горы и глухие леса пока еще надежно укрывали их логово. Сложность заключалась еще и в том, что логово было не одно. Огульский избегал наземных строений, его банда квартировала в подземных бункерах, оставленных еще гитлеровцами. Эти бункера были разбросаны на довольно обширной территории, в труднопроходимых местах, были тщательно замаскированы, причем Огульский постоянно менял их, никогда долго в одном не засиживался.

Поскольку следы банды были обнаружены в заброшенном замке, куда, по свидетельству его жены, наведывался и Яремчук, можно было предположить, что один из бункеров находится где-то поблизости. Усилив наблюдение за замком, капитан Орлов одновременно организовал поиск бункера. И он дал результат.

Один из пограничников обратил внимание на поваленное дерево. Дерево было небольшое и в общем-то ничем не отличалось от других, сломанных бурей. Только вот пня подобного диаметра рядом пограничник не приметил. Кому понадобилось тащить сюда дерево и зачем? Другие-то, сломанные, лежали рядом со своими пнями... Обратил внимание пограничник и на несколько неправдоподобный снежный бугорок под деревом: вроде подгрэбла чья-то рука снега...

О своих догадках и предположениях пограничник поведал потом, когда его поздравляли с обнаружением бункера, а в момент обнаружения он действовал почти машинально, тем более что опыт у него имелся, как, впрочем, и у его товарищей, уже натывавшихся на такие бандитские норы, по-разному замаскированные. Позвал на помощь, оттащили дерево, отгрэбли снег и увидели крышку люка. Остальное, как говорится, было делом техники...

Молчавший, не подававший во время вскрытия признаков жизни бункер, как и ожидалось, был пуст. Но по многим, что называется на поверхности лежащим, деталям пограничники без особого труда определили, что здесь совсем недавно были люди. Помещение внутри бункера оказалось небольшое, рассчитанное на семь-восемь человек, его скорее

всего можно было назвать землянкой. Поэтому капитан Орлов сделал вывод, что стоянка эта у бандитов временная, что пользоваться они стали ею только в последнее время. Огульского, считал он, в бункере не было, он бы не оставил явных следов, но появление здесь его людей подтверждало предположение о том, что банда нацелилась на какой-то ближайший объект.

Покинув бункер, пограничники восстановили всю прежнюю маскировку, оставили его таким, каким он был до обнаружения. Наблюдение за ним вели те же наряды, что и за замком. Поближе к замку было подтянуто и одно из подразделений внутренних войск.

Как раз в это же время на участке одной из соседних застав был задержан нарушитель. При допросе он показал, что шел на связь с бандой... которой уже не существовало. Добиться от него подлинной цели «визита» пока не удалось, но было ясно, что он сознательно вводил следствие в заблуждение: банда, которую он упоминал, была ликвидирована полгода назад. На вопрос, с каким заданием он шел в эту, уже не существующую банду, нарушитель ответил, что она должна была сжечь лесокombинат...

— Это отвлекающий маневр, — сказал капитан Орлов Тамарову. — Он шел к Огульскому, и с другим заданием. Возможно, что он был послан своими западными хозяевами даже не с заданием, а с одобрением задуманного Огульским плана по ликвидации объекта. У Огульского достаточно опыта, чтобы выбрать цель самому, без подсказки, к тому же ему на месте виднее.

— Но зачем они рискнули послать его через границу, — высказал сомнение Тамаров. — Они могли воспользоваться радиопередатчиком.

— Боялись перехвата. Кстати, заброс нарушителя только подтверждает серьезность намерений Огульского. Я даже думаю, что задержанный был выброшен на территорию Польши с самолета в район действующих там банд. Словом, нашим товарищам падо с ним еще поработать, что они, не сомневаюсь, и делают. Ну, а нам уже отступать, как говорится, некуда. События явно назревают...

Все эти дни Тамарову редко удавалось посидеть с женой в спокойной обстановке, он едва поспевал за стремительным ритмом заставской жизни. А Галка видела, как он «запивается», и не претендовала на его внимание, как могла, ста-

ралась облегчить его заботы, не замечать проявившиеся иногда с его стороны нервозность и раздражительность. Тамаров понимал это и про себя благодарил ее.

В их отношениях лишь изредка проскальзывала та согревавшая их души тяга друг к другу, которая, собственно, и сделала их мужем и женой. Но всякий раз при этом Тамаров испытывал неловкость, ему казалось, что сейчас приливы нежности не к месту и не ко времени. Ей же так не казалось, она готова была пойти ему навстречу, но, чувствуя его нерешительность, сдерживала себя. Всю свою любовь к нему она положила на алтарь забот о нем, обыкновенных житейских забот.

В комнате она навела ослепительную чистоту, удивившую даже Лидию Андреевну, которая считала себя, как она выразилась, «чистюлей из чистюль». Галка и раньше хорошо готовила, но теперь, исходя, конечно, из возможностей, просто превзошла себя. Тамаров даже однажды пошутил: «Жаль, что на заставе нельзя открыть ресторан. Твоя кухня отвечала бы самым изысканным вкусам!» Казалось бы, выше оценки, чем эта, ее кулинарным стараниям быть не может, но она слишком хорошо знала своего мужа, чтобы ему поверить. Хотя снабжали заставу продуктами вполне прилично, все же в рационе питания ощущалось однообразие. Галка проявила инициативу и вместе с Лидией Андреевной взяла шефство над заставской кухней. Судя по отзывам пограничников, их добрые советы не пропали даром; приободрились, засучили, что называется, рукава молодые солдаты-повара: и выдумки у них при приготовлении пищи стало больше, и времени на приготовление стало уходить меньше, словом, веселей пошла работа, столь важная в армейской службе, где питание всегда находится под пристальным контролем командования.

— Мой очень строг по этой части, — оправдывалась Лидия Андреевна, — но меня почему-то к заставской кухне не подпускал. А я не настаивала. Теперь-то вижу, что зря, мы здесь не чужие люди, если видим, что можем помочь, надо помогать. Вон как дела-то на кухне пошли, любо-дорого поглядеть! Молодец вы, Галина Тимофеевна! И мой доволен, хоть и молчит, вслух восторгов не выражает. Я уж его изучила...

В общем, укорять себя в чем-то Галка вроде бы не могла, но для мужа ей хотелось сделать что-то лучше. Она, например, знала, что он равнодушен к конфетам, а вот от печенья бы не отказался. И хлеб белый очень любил. Но где его взять на заставе, печенье, да и хлеб сюда привозили

только серый... Самому Тамарову, конечно, и в голову не приходили все эти ее наивные, чисто женские (он обязательно добавил бы еще «мещанские») о нем заботы; узнай он про них, ей бы несдобровать и не миновать скандала. Но Галка заботилась не только о нем, но и о себе тоже. Привыкшая к городскому комфорту, она просто не могла от него так сразу отказаться. Ну взять хотя бы те же сладости. Она купила кое-что в Горске, но через неделю от этого «кое-что» почти ничего не осталось, хотя Тамаров, зная, что его жена, как, впрочем, и все женщины, неисправимая сладкоежка, ни к чему не прикоснулся, великодушно пожертвовал своими слабостями, по части того же, к примеру, печенья...

Так или иначе Галка запросилась в районный городок, и как Тамаров ее ни отговаривал, настояла на своем. Она выехала вместе со старшиной Беловым, которому надо было по своим делам в комендатуру. Городок находился на полпути, только в стороне от дороги. Старшина подвез ее туда, и они условились, где она будет его ждать, когда он поедет назад.

Никто на заставе, а уж сама Галка и подавно, не могли и предположить, к каким последствиям приведет эта ее, в общем-то совсем необязательная, поездка...

На обратном пути старшина Белов на условленном месте Галку не застал, хотя примерное время встречи они обговорили. Городок был небольшой, старшина его хорошо знал, обошел все улицы, расспросил многих местных жителей, побывал в милиции, но толком так ничего и не добился. Да, судя по приметам, ее видели и возле продуктового магазина, и возле промтоварного. Последний раз она попалась на глаза пожилой женщине в маленьком переулке, в конце которого располагалась продуктовая лавка. Но продавщица прямо-таки божилась, что такая «красивая дамочка» ничего у нее не покупала и даже в лавку не заходила. Пожилая женщина встретила Галку, когда над городком уже сгустились зимние сумерки...

Надо ли говорить, в каком состоянии возвращался старшина на заставу. Он судил себя беспощадным судом, корил за то, что оставил жену Тамарова одну. Сам же Тамаров встретил это страшное для него известие на удивление всех спокойно. Капитану Орлову он даже признался, что почувствовал такую развязку, добавив при этом, что не сомневается в том, что исчезновение его жены — дело рук Полосатого. Пораженный стойкостью и выдержкой Тамарова, капитан не стал его разубеждать, он пока еще не имел на

это права, но, зная точно, что жене его грозит смертельная опасность, переживал, страдал за своего молодого заместителя вдвойне. Он принял все меры к розыску, поставил в известность командование комендатуры и отряда, которое, в свою очередь, призвало на помощь все соответствующие органы. И когда розыск не дал результата, это не было для него откровением. Капитан Орлов отлично понимал, что жену Тамарова надо не просто найти, ее надо найти и освободить, поэтому он ставил освобождение ее в прямую зависимость от ликвидации банды Огульского. «Только бы успеть, — думал он. — Только бы успеть!..»

В ту ночь, без Галки, Тамаров не ночевал дома, не смог. Он остался в канцелярии, долго обсуждал с капитаном план будущей операции, отпирывал и встречал наряды, а под утро ушел на границу. В его действиях внешне не было заметно нервозности, свалившееся на его плечи горе не расслабило его волю, напротив, оно как бы прибавило ему сил, сжало нервы в комок, сконцентрировало мысли только в одном направлении — деловом. В деле, и ни в чем другом, было сейчас его спасение. Но горе-то все же оставалось с ним. И когда утром капитан Орлов встретил Тамарова, вернувшегося с границы, то внутренне содрогнулся, не в силах оторвать взгляда от его почерневшего, осунувшегося лица. И своей жене, которая спросила о Тамарове, ответил коротко, не вдаваясь в подробности: «На него, Лида, было страшно смотреть...»

В полдень этого дня капитану сообщили, что пойманный на участке одной из соседних застав нарушитель дал наконец важные показания, имеющие прямое отношение к банде Огульского...

9

Если бы кто-то в том глухом переулке видел, как все произошло, он бы, возможно, и не придавал этому особого значения, так это выглядело обыденно и не походило на похищение. Шла женщина, к ней подошли четверо мужчин, они о чем-то поговорили, а затем все вместе пошли дальше. Вот и все. Кто бы мог догадаться, что женщину вели насильно, что мужчины не были с ней знакомы?

В то короткое время, когда это произошло, переулок был пуст, но если бы кто-то и оказался рядом, Галка бы не закричала, не позвала на помощь. Эти четверо возникли перед ней так неожиданно, что она даже не успела испугаться. А потом, когда ей приказали молчать и идти вперед, страха тоже не было, она только почувствовала, как в ней

все оборвалось, что она теряет и волю, и силы. И когда один из них, заметив, что она пошатнулась, взял ее под руку, она даже не ощутила его прикосновения. Словно окаменевшая, тупо и безразлично уставившись потухшими глазами в темноту, она шла, как ей казалось, в неизвестность...

В самом конце переулка, за которым начиналось поле, их ожидали сани. Ей завязали глаза, и потом, когда ехали уже лесом, повязку не сняли, хотя и без нее Галка вряд ли смогла бы понять, каким путем ее везли и куда в этом глухом, темном лесу.

Дорога ей показалась долгой, похитители ее почти все время молчали, а если и перекидывались иногда между собой двумя-тремя словами, то смысл их ей был непонятен, да она и не очень прислушивалась. Она была вся в себе. Нервный озноб, бивший ее в начале пути, постепенно утих, она уже вышла из шокового состояния и, как всякий не потерявший рассудка человек, попыталась хоть как-то осмыслить и то, что уже произошло, и то, что ждет впереди.

Что она попала в большую беду, что надежд на спасение никаких нет — в этом она не сомневалась. Не сомневалась она и в том, что их со старшиной на каком-то этапе пути выследили и что теперь ее постараются использовать в задуманном бандитами грязном деле.

Как с ней, молодой женщиной, станут обращаться, чтобы заставить ее согласиться на роль их сообщницы, Галка в деталях не представляла, хотя готовилась к самому худшему. Ее сейчас больше волновало и тревожило, что ее ждет как жену офицера-пограничника, которая, если и была мало информирована о планах заставы, но что-то все же знала, но каким-то, пусть самым общим разговорам с мужем, догадывалась о сложившейся на границе ситуации. Сможет ли она устоять, выдержать тяжкие испытания, которых ей наверняка не миновать, не проговорится, не выдаст какой-то служебной тайны — вот что не давало ей сейчас покоя, назойливо, до ноющей боли в висках, сверлило, разламывало голову. Она как могла настраивала себя на борьбу, но уверенности в ней, в сущности никогда не подвергавшейся такой опасности, не было. Да, она читала о подвигах, о человеческой стойкости, восхищалась теми, кто с честью выдержал муки истязаний и пыток, но это было с другими. И даже тогда, когда она мысленно ставила себя в их положение, она не могла не признать самой себе в том, что исход борьбы мог быть не в ее пользу...

Пока ее везли, она о многом передумала. Вспомнила мать, сестру. Но самые мучительные переживания она ис-

пытывала, думая о муже. В эти минуты она забывала о своих страданиях, они отступали на второй план. Тамаров стоял перед ее завязанными глазами, и она едва сдерживала стон от нестерпимой боли за него, растерянного и беспомощного от случившегося. Сдержанный в своих отношениях с ней, внешне не проявлявший ни пылких чувств, ни той печности, которую она, как всякая любящая женщина, ждала и желала от близкого человека, лишенный какой-либо сентиментальности, он — она знала это — очень любил ее, и эта его непоказная, глубоко запрятанная, подчас даже суровая любовь была для нее куда дороже неприкрытого обожания. Он любил ее своей любовью, и она сейчас многое бы отдала за одну только его смущенную улыбку, которая озаряла его лицо в самые счастливые для них минуты... «Что с ним стало, когда вернулся старшина? — думала она, кусая губы и почти не ощущая боли. — Хватит ли у него сил не сломаться? И что будет с ним, если...» Она почувствовала, как в горле у нее перехватило, на глаза набежали слезы, и хотя их все равно никто из бандитов не увидел бы, она провела рукой по повязке, как бы убеждаясь в ее прочности. Подумала с грустью: «Оказывается, и такая повязка бывает иногда спасительной...» И впервые за все это страшное для нее, давящее непоправимой безысходностью время улыбнулась...

Повязку с ее глаз сняли уже в бункере, но она еще долго не могла привыкнуть к тусклому свету подземного помещения, как подслеповатый котенок, шурилась на окруживших ее людей. И там, в переулке, и здесь, в бункере, она искала среди них, и была уверена, что найдет, того человека, который подходил к ней в Горске. Если прежде спорила с мужем, шутивно отвергала его подозрения, то теперь была убеждена в том, что ее похищение — дело рук Полосатого. Но ни там, ни здесь его не было, во всяком случае среди тех, кто ее окружал. «Может, я увижу его потом? — думала она. — Я, конечно, узнаю его...» И почему-то терялась при мысли о том, что вдруг его здесь совсем не окажется. Нет, в правоте мужа она уже не сомневалась, но, вспоминая встречу в Горске и разговор с Полосатым, она не могла не вспомнить и ту его прощальную фразу: «Будьте осторожны в дороге...» И хотя она звучала для нее сейчас цинично, выкинуть ее из головы Галка не могла...

Среди окруживших ее бандитов Галка без особого труда выделила их главаря. Холеные лицо и руки, надменность, сквозившая в каждом его движении и жесте. Отличался он от остальных и отменной военной выправкой. Когда он

разговаривал, с его тонких губ почти не сходила ироническая улыбка, а белесые глаза оставались холодными, пронизывающими собеседника насквозь.

— Ну, насмотрелись на красивую пани?.. Теперь марш отдыхать! — обратился он к бандитам, указывая на дверь. Выспроваживая их, добавил: — Я же говорил вам, что случай надо искать там, где его труднее всего найти. Вот он и подвернулся. Марш, марш!..

Прикрыв дверь, он, щелкнув каблуками, представился:

— Владислав Огульский! К вашим услугам... — Не дождавшись ответа, предложил своей пленнице стул, потом сел сам и закурил. — Я понимаю, вы сейчас не очень ловко себя чувствуете, но что поделаешь, судьба распоряжается нами по-своему...

— Что я должна делать? — спросила Галка. — И вообще, зачем я здесь?

— Пока ничего. Сейчас вам принесут ужин. А затем устраивайтесь, отдыхайте. У нас здесь, к сожалению, не очень уютно, но тут уж виновата ваша власть, которая не позволяет нам пользоваться комфортом. Впрочем, насколько мне известно, на ваших заставах тоже особого комфорта нет, не так ли?

— Вы не ответили на мой вопрос. Я хочу знать, зачем я здесь?

— Всему свое время, — ответил Огульский вставая. — И не надо так волноваться.

— Н-но, н-но я не могу н-не волноваться! В-вы же понимаете!..

— Понимаю и сочувствую вам. Но зачем же так сильно? Вы даже стали заикаться...

— Я вообще заикаюсь! — Галка тоже встала. — А сочувствия мне вашего не надо! И от меня вы его не дождетесь, когда будете стоять перед пограничниками, как я сейчас стою перед вами!

— Надеюсь избежать этой участи. Пока, как видите, мой бог оказался сильнее...

— Вам ли говорить о бже, Огульский! Постыдитесь!.. Воюете с беззащитными женщинами!..

— Не такая уж вы беззащитная, — усмехнулся Огульский, того и гляди вцепитесь в меня своими прелестными коготками... Ну, пожалуй, хватит на сегодня. Сейчас вам принесут ужин. И приятных сновидений, прекрасная пани... — Он снова щелкнул каблуками и вышел.

После его ухода Галка не сразу пришла в себя. Нервное напряжение горячими струями заливало глаза, и она

несколько минут почти ничего не видела, с трудом различала окружавшие ее предметы. А когда немного успокоилась, ощутила страшную тяжесть во всем теле и, вконец измученная, опустилась на стул. Она плохо соображала, что произошло, почти не помнила, о чем только что говорила Огульскому, и если бы ей сказали, что она кричала на него, она бы не поверила.

Она не слышала, как открылась дверь и вошел Яремчук с миской и кружкой, не видела, как он поставил их на стол, и только когда он хриплым, простуженным голосом произнес: «Покушайте, пожалуйста, горяченького, пани, трошки полегчает...», вздрогнула и перевела затуманенный, безразличный до этой минуты, а теперь настороженный, недоверчивый взгляд на него.

Яремчук, покашливая, переминаясь с ноги на ногу, вероятно, ждал, что она что-то ему скажет, о чем-то, может, попросит, но Галка молчала. А ему надо, очень надо было, чтобы между ними начался, завязался разговор. Его роль в банде резко возросла с ее появлением здесь. Если еще совсем недавно, после нескольких неудачных попыток использовать Яремчука в своих целях, Огульский в резких тонах выразил ему свое недоверие и пригрозил «списать в архив по ненадобности», то теперь по замыслу Огульского Яремчук должен был сыграть роль подсадной утки, умелым обращением и хитростью войти к жене офицера-пограничника в доверие, заставить ее работать на банду, конечно же не подозревая об этом.

Поняв, что разговора сейчас не получится, Яремчук сказал Галке, что зайдет попозже и заберет посуду, но она попросила ее больше не беспокоить. Яремчук надеялся, что при повторном заходе ему все-таки удастся вывести ее на разговор (Огульский торопил), попытался настоять на своем, сославшись на то, что «мысок и кружок у нас на всех нема, а хлопцам еще исты треба», но Галка резко отклонила и этот довод.

— Я хочу отдохнуть! Понимаете, отдохнуть! Я устала... еле держусь на ногах, и виноваты в этом вы! Так не тревожьте же меня больше сегодня... А «исты» вам и вашим «хлопцам» я бы вообще не дала, не заслужили!..

Яремчук про себя удивился гневу такой с виду «грамотной, неподходящей для кричащих слов пани», но вступать в перебранку, защищать себя и хлопцев не стал. Он знал, что за дверью стоит и слушает Огульский, вот пусть он и решает, что с ней делать...

— Добре, пани. Как скажете, пани... — прохрипел он, пятясь от стола. — Извиняйте, пожалуйста...

Огульский встретил его понимающей улыбкой

Досталось и тебе на орехи. Да, с гонором дамочка. — И тут же подбодрил, похлопав по плечу: — Ничего, впереди у нее длинная, бессонная ночь, так что к утру, я уверен, она станет податливей. Жить, Яремчук, всем хочется, даже таким фанатичкам, одурманенным со школьной скамьи большевистской пропагандой. Но и тебе надо постараться: смекалку проявить, подход найти, доверие завоевать и прочее. И все это быстро надо сделать, за два-три дня, не больше. Я, конечно, тебе помогу, подскажу, но ты и сам думай, от тебя самого сейчас многое зависит. Понял?

— А як же... — не очень уверенно ответил Яремчук.

— Ладно, иди отдыхай. Да промочи на ночь горло чем-нибудь покрепче, а то хрипишь, как медведь, отпугиваешь дамочку. А тебе сейчас привлекательным кавалером надо перед ней выступать! — едва сдерживая ядовитый смех, заключил Огульский. Но когда Яремчук, шаркая своими тяжелыми сапогами, ушел, лицо главаря банды стало холодным, белесые глаза сузились и уставились в дверь, за которой находилась его пленница. Он, как и Яремчук, не ожидал от нее такого отпора, тем более что схватившие ее бандиты уверили его в полной ее беспомощности, в абсолютной неспособности к какому-либо сопротивлению. Они исходили из ее поведения при захвате и в пути, но, видимо, поторопились с выводами. Нет, Огульский не сомневался, что в конечном счете сломит ее, сделает послушным орудием в своих планах, но он рассчитывал на скорый и легкий успех, и потому ее поведение внушало ему опасение. О, он расправился бы с ней уже сейчас, если бы то, чего он хотел от нее, было уже в его руках! Расправился бы жестоко, по всем правилам и методам гитлеровских застенков. И, конечно, чтобы унижить ее, уничтожить и физически, и морально, он отдал бы ее, молодую, красивую женщину, своим изголодавшимся «рыцарям плаща и кинжала» на поругание. Он бы и сам не отказался полакомиться ее богатым телом, если бы не был их главарем, обязанным ради дисциплины и порядка сдерживать свои инстинкты, подавлять свои желания... Вот и сейчас Огульского так и подмывало открыть дверь и войти к ней, но он сумел взять себя в руки, в несколько затяжек выкурил сигарету, потом закрыл дверь на засов и пошел проверять своих людей, наружную охрану.

Галка слышала, как задвинули засов, понимала, что,

если она им понадобится, никакие засовы ее не спасут, и все-таки от сознания того, что дверь не просто прикрыта, а закрыта, почувствовала себя уверенней, спокойней. Для пущей уверенности она могла бы вдобавок и забаррикадироваться, пододвинуть к двери стол и тумбочку, но не стала этого делать, не было сил.

А силы ей были нужны. Так уж устроен человек: каким бы безвыходным не казалось ему положение, он все равно не теряет надежды на спасение. Галка, честно говоря, и на чудо не рассчитывала, но и сдаваться на милость победителя не хотела. Всем своим существом она всегда отвергала несправедливость, боролась против нее, но никогда еще она не сталкивалась с такой вошьющей, наглой, откровенной, да еще имеющей прямое отношение к ней самой. Это вызывало в ней не только протест, это требовало от нее сопротивления. А для сопротивления нужны силы. И потому, подавив в себе чувство брезгливости, Галка начала есть. Она давилась, обливалась от жалости к себе слезами, но ела. И съела все, и потом осушила до дна всю кружку с уже остывшим чаем...

Огульский сказал банальную истину. Да, она хотела жить, но не ценой своего предательства. И дело тут было вовсе не в фанатизме, а в воспитании, в том самом рядовом, обычном человеческом воспитании, которое она получила и в советской семье, и в советской школе. Она не могла предать тех, кто ее воспитывал, потому что это было бы в высшей мере несправедливо: ведь эти люди учили ее делать только добро. Предать их, значит, предать себя, свои идеалы. Она бы этого себе никогда не простила, если бы даже осталась жива, и никто не узнал бы о ее предательстве. Как она будет бороться с Огульским и его бандой, как долго сможет сопротивляться им? — этого она не знала и не представляла. Но зато она знала, что для любой борьбы нужны силы. Силы моральные и физические. За эти ужасные часы в неволе она растеряла их почти все. Помочь ей восстановить их никто не мог, некому было помочь, вокруг были одни враги. Значит, она должна сама помочь себе. Огульский рассчитывал на ее бессонницу, а она будет спать, заставит себя, как заставила себя поесть. У нее нет другого выхода. Завтра ей придется противостоять жестокому врагу, за внешней личиной галантности которого скрывалась звериная суть. Она слышала об Огульском на заставе, знала о его «подвигах» и потому не строила перед собой никаких иллюзий, готовилась к самому худшему.

Но она не знала самого Огульского и потому не могла оценить его опыта, предвидеть и разгадать его шагов в отношении ее. Она готовилась к открытому, честному бою, восстанавливала для этого силы, а ей предложили состязаться в хитрости, поиграть в игру, правила которой были для нее неизвестны, более того, с ее точки зрения, просто неприемлемы, чтобы она могла эту игру выиграть...

10

Пойманный нарушитель все-таки признался, что был направлен в банду Огульского. Добиться от него этого признания было непросто, но в конце концов сыграл инстинкт самосохранения. Ему было на конкретных фактах доказано, что он не мог быть послан в ту банду, которая была ликвидирована полгода назад, потому что о ликвидации ее Огульский сообщил на Запад и получил оттуда подтверждение о получении этого сообщения, а также новые инструкции. Тексты разгаданных шифровок, предъявленные нарушителю, убедительно об этом свидетельствовали. Он был также предупрежден о том, что мера его преступления и, как следствие, мера наказания в немалой степени будут зависеть от того, как долго будет творить свои грязные дела банда Огульского. У него есть возможность помочь в ее ликвидации, в выявлении ее местонахождения, поскольку он шел на связь с ее людьми. Запутывать следствие, ссылаться на какую-то другую банду, что нарушитель и делал на первых допросах, становилось бессмысленно, да ему и польстили немного, так сказать, для пользы дела...

Как и предполагал капитан Орлов, нарушитель был заброшен на территорию Польши, в расположение действующей вблизи нашей границы банды, с самолета, а затем уже был организован его переход к нам, закончившийся неудачей. «Зачем же вас, такого опытного разведчика, — сказали ему на допросе, — стали бы подвергать такому риску ради какой-то маломощной, потрепанной банды. Вас могли забросить только с важным заданием, для проведения серьезной операции, а на такую операцию способна только сильная боевая единица, каковой сейчас в наших краях является банда Огульского, и только она...»

Факты, логика, на последнем этапе допроса подслащенная каплей лести, но главное, конечно, страх перед неотвратимым возмездием за соучастие в планируемых Огульским новых преступлениях его банды сделали свое дело,

заставили нарушителя заговорить по существу. Но и после его откровенных признаний многие вопросы, связанные с планом ликвидации банды Огульского, оставались открытыми.

Да, нарушитель шел на связь с этой бандой, но он, во-первых, не знал ее местонахождения, а во-вторых, ничего не знал об объекте, который Огульский избрал для нападения. Для того чтобы попасть в логово Огульского, ему надо было встретиться с его людьми в районе старого замка в определенные дни и часы, в зависимости от ситуации. Что же касается объекта нападения, то нарушитель должен был лишь подтвердить правильность его выбора Огульским. Такая заданная ограниченность информации только свидетельствовала о важности объекта.

Вообще показания нарушителя подтверждали многие из предположений капитана Орлова. Например, на вопрос о том, учитывалась ли его хозяевами возможность провала при переходе границы, он ответил утвердительно: «Да, такой вариант отработывался в центре. В любом случае к Огульскому был бы переправлен еще один агент, а затем и другой, но переходили бы они границу на разных участках и, в случае успеха, встретились бы с людьми Огульского в разных местах». Потом добавил, предвосхитив тем самым естественный вопрос об использовании радиации: «Связь по радиации была исключена после ряда неудачных операций Огульского. Центр считает, что эти неудачи — результат перехвата вашими службами наших шифровок...» Западные хозяева Огульского были в общем-то недалеко от истины, но они ошибались, а вернее, не знали, что ряд задуманных им самим или предложенных ему разведцентром операций он вообще не сумел провести, даже не начинал их, потому что понял их бесперспективность. В шифровках же он сознательно подтасовывал факты, сообщал о якобы проведенных, но закончившихся неудачей операциях, о потерях, о том, что их надо восполнить, а для этого нужны средства, проще говоря, деньги, много денег... У Огульского был свой расчет, и опыта в выкачивании у своих хозяев сребреников ему было не занимать. Наши органы настораживало сейчас другое. К Огульскому перебрасывались опытные агенты, что опять же свидетельствовало о серьезности задуманной им операции. А операции он проводил и удачные. Значит, надо выиграть время, сорвать новую операцию еще до ее начала, то есть обезвредить банду. А для этого надо прежде всего обнаружить ее местонахождение. Пойманный нарушитель назвал место встречи с людьми

Огульского. Теперь надо спешить, надо успеть проникнуть в банду до того, как Огульский поймет, что первый агент провалился. А поймет он это, когда к нему явится второй агент. Конечно, будут приняты все меры, чтобы он не явился, граница будет наглухо закрыта, но... К сожалению, это «но» всегда существует и в пограничной службе. Значит, необходимо с максимальной пользой использовать благоприятную ситуацию, сложившуюся на данное время.

Огульский не знает примет первого агента, их ему не сообщали из-за боязни перехвата нашими службами шифровок. Не знали его примет и люди Огульского, поскольку он никогда прежде с ними не встречался, во время войны он служил в одном из подразделений СД на Северном Кавказе, в послевоенные годы забрасывался на нашу территорию впервые. Сообщить о его приметах Огульскому из банды, орудовавшей на территории Польши, не могли тоже, поскольку им это было запрещено, опять же из-за боязни перехвата шифровок. Огульскому лишь сообщили, чтобы он ждал гостя. Время встречи, место и пароль были обговорены заранее, причем, как показал пойманный нарушитель, система заброски агентов носила довольно хитрый для разгадки характер. Агенты не знали друг друга, поэтому при провале одного из них другим ничего не грозило — он не мог их выдать, не зная примет. Не знал он и времени, и места заброски остальных агентов, хотя каждый последующий страховал предыдущего. Для Огульского эта система срабатывала по сигналу «ждите гостя». А что давал этот сигнал нам, если, допустим, его и перехватили наши службы? Ведь в шифровках не указывалось ни места, ни времени, ни пароля для встречи агента с людьми Огульского...

Да, система была неплохо продумана и отлажена. Но в ней были и уязвимые места. В ситуации, когда агент не был известен банде, в нее мог проникнуть практически любой человек, знавший пароль и место встречи. Возможность эта для нас появилась после задержания пограничниками нарушителя. Да, для этого его надо было задержать, проявить высокую бдительность, волю и смекалку. Сам нарушитель сетовал на невезение, а удачу пограничников называл случайной. Его не стали разубеждать, ему просто закрепили: «Не ходили бы — не ловили бы». Возможно, он еще не скоро поймет закономерность своего провала. Сейчас важно было другое: он назвал пароль и место встречи. Значит, надо срочно решить, кто пойдет на эту встречу. Надо подобрать кандидатуру...

Капитан госбезопасности Ищенко давно «охотился» за бандой Огульского, не раз шел по ее следу, сидел, что называется, у нее на хвосте, но, увы... Начальство пока явного неудовольствия не выражало, однако и восторгов, естественно, не проявляло. Ищенко уже привык к восторгам и похвалам в свой адрес. На его счету было уже несколько раскрытых банд, товарищи по работе относились к нему с почтением, по-доброму завидовали. Они и сейчас не изменили к нему своего отношения, потому что знали, как сложно в этих раскинувшихся на многие километры горах и лесах напасть на след банды, постоянно меняющей свое местонахождение, на собственном опыте убедились, как бывает трудна и опасна погоня за ней. И все же в разговорах с ними, в их взглядах он стал улавливать сочувствие, а этого он просто не терпел, не выносил, можно сказать, с самого рождения. И потому злился, подчас срывался на грубость. И казнил, нещадно казнил себя за неудачи. Иногда даже издевался над собой: «Не оправдываешь ты, Ищенко, своей фамилии. Не там и не так ищешь...»

Его успокаивали: «Актив-то твой явно перевешивает пассив». Он резко отвечал: «С точки зрения голых цифр — да, а по существу — нет, потому что банда Огульского приносит нам вреда больше, чем все раскрытые банды, вместе взятые!»

Ему говорили: «Ликвидация любой банды — это не только наше дело, почему мы должны брать всю вину на себя. Пусть ее разделят с нами пограничные и внутренние войска». Он отвечал еще резче: «Я не торгош, чтобы заниматься дележом! И вообще не в моих правилах делить с кем-то свою вину. У пограничников свои задачи, у нас — свои. Свои задачи и у внутренних войск. Цель у всех одна, общая — ликвидировать банду, а средства для ее достижения — разные...»

Конечно, Ищенко, как и его товарищи, всегда действовал в тесном контакте с теми же, к примеру, пограничниками, но этот контакт был почти всегда незримым. Петру нельзя было себя демаскировать: чем меньше его знают и узнают, тем лучше. Для врагов же он вообще должен был оставаться человеком-невидимкой, а если кто-то из бандитов когда-нибудь и сталкивался с ним в определенной обстановке, ничего подозрительного в его внешности, а тем более в действиях он не замечал, точнее, не должен был заметить: обыкновенная штатская личность...

В отличие от бойцов подразделений внутренних войск Петр Ищенко и его товарищи не вступали в открытый бой с бандитами, а если и вступали, то в самом крайнем случае. У них были другие задачи, причем не менее важные: определить местонахождение банды, подготовить, обеспечить условия для ее быстрой, без больших потерь для нас ликвидации. Умение безошибочно выйти на след, а затем по пятам преследовать бандитов, но при этом оставаться для них инкогнито, было, пожалуй, самой сильной стороной в деятельности Петра. Раскрыв банду, он как бы исчезал, растворялся, отходил на невидимый план. Непосредственной ликвидацией ее уже занимались другие. А он, отдохнув и набравшись сил, возникал уже на новом месте, появлялся так неожиданно и в то же время естественно, будто на том, на старом месте, его никогда и не было. Не каждому из его товарищей по работе удавалось так себя маскировать, осуществлять на практике школу конспирации, выходить, как они говорили, «сухим из воды». А Петр выходил, ему, как он считал, больше везло, чем им. Пока, потому что гарантий на будущее его профессия не давала...

Если же подходить к его удачам объективно, то они были не случайными, опирались на опыт и знания. В годы войны Петр Ищенко партизанил в лесах Белоруссии, был разведчиком. Потом закончил спецшколу и получил назначение во Львов. Работы было много, после войны в городе активизировали свою антисоветскую деятельность местные националисты, католическая церковь, националисты нередко занимали высокие посты, тщательно маскировались, так что разоблачить их было совсем не просто. И все же это была в основном кабинетная работа, а Петру, побродившему по белорусским лесам, хотелось «на волю». Со скрипом, как это всегда бывает, когда уходит нужный работник, по просьба его была удовлетворена. И начались для него бессонные дни и ночи, или, как он сам говорил, «карпатские скитания». Тяжело приходилось, света белого порой не видел, на волоске от провала был, к смерти был подчас ближе, чем даже во время войны, в Белоруссии. Но была и отдача, были успехи. До встречи с бандой Огульского...

Несколько раз Ищенко почти настигал банду. И на след ее связника Яремчука он вышел одновременно с пограничниками, однако тот успел уйти, и в городке, в том переулке, где была похищена жена Тамарова, он появился на полчаса позже, но этого было вполне достаточно для того, чтобы бандиты опять ускользнули в неизвестном направлении.

Банда Огульского оставалась для него неуловимой. Он меньше всего в своих неудачах ссылался на опыт и хитрость ее главаря, хотя и отдавал ему должное, больше налегал на собственные ошибки и промахи, не искал им оправдания. Когда встал вопрос о внедрении в банду нашего человека, Петр, не колеблясь, предложил свою кандидатуру. «Если я, — рассуждал он с присущей ему категоричностью, — не сумел выследить зверя, значит, мне по логике вещей, по справедливости положено идти в его берлогу, оставаться один на один с его пастью!» Ему возражали: «Горячитесь, Ищенко, жертвенника из себя делаете, а нам от вас в этой крайне рискованной операции прежде всего хладнокровие и трезвый ум требуются». Про себя-то начальство в его хладнокровии и трезвом уме не сомневалось, потому кандидатуру Ищенко, с учетом, конечно, и других его отменных человеческих и профессиональных качеств и достоинств, обсудило заранее и в принципе одобрило. Так что его встречное предложение ничего уже в сущности не меняло, оно только укрепляло уверенность в правильности выбора. Не понравилась форма, в которую он облек это свое предложение, потому ему и возразили, но это были детали сиюминутного значения. Правда, высказывалось одно сомнение, причем высказал его близкий друг Петра и земляк, старший лейтенант Артеменко. Все тайное, заметил он, становится явным. Да, Ищенко никто не видел в форме, да, он отличный конспиратор. Но вообще-то его видели многие, и в Горске, и в других местах. Почему среди этих многих не могло быть людей Огульского? Как он это объяснит там, в банде? Агент, задержанный пограничниками, перебрасывался на нашу территорию впервые и совсем недавно... Петр видел, что сомнение его друга произвело впечатление на начальство, но не растерялся, тут же придумал легенду. О том, что агент переброшен к нам впервые, отпарировал он, знают только разведцентр и он сам. В банде об этом ничего никому не известно. На этом факте и строится легенда: опытный агент мог забрасываться на нашу территорию и раньше и совсем необязательно для связи с бандой Огульского, у него, может быть, было задание поважнее, чтобы он обращал на бандитов внимание. А они могли его видеть или не видеть — это уже ничего не меняет. Более того, такая важная птица, как он, мог замаскироваться и под чекиста, и под черта и дьявола, и вообще он мог жить в этих местах годами, выполняя волю своих западных хозяев, и отчитываться, почему не вошел в контакт с бандой, перед Огульским не собирается... «Хва-

тит, хватит, — прервал Петра его главный начальник, — разошелся так, что не удержишь! Ишь, писатель-фантаст у нас тут объявился! Посмотрим, как ты будешь фантазировать с глазу на глаз с Огульским... Но легенду твою принимаю. Ты ведь знаешь, я человек вредный, но справедливый...» Присутствующие на совещании дружно рассмеялись, только старший лейтенант Артеменко даже не улыбнулся. Нет, легенда Петра показалась ему убедительной, но, обычно уверенный в конечном успехе своего друга и земляка, он сейчас этой уверенности не ощущал. Его почему-то не оставляло предчувствие беды...

12

Когда капитан Орлов сказал Тамарову, что он должен встретиться с человеком, который засылается в банду Огульского, и что человек этот его старый знакомый, Тамаров недоуменно пожал плечами: никаких «старых знакомых» у него здесь вроде не было. Но уточнить у капитана он ничего не стал, потому что для него главным было только то, что этот человек увидит Галку... Капитан же, в свою очередь, не раскрывал секрета сознательно, хотел преподнести своему загрустившему заместителю взбадривающий сюрприз...

Встреча произошла в малоприметном загородном особнячке, километрах в пяти от Горска. Собственно, в сам особняк Тамаров даже не заходил, человек, к которому он приехал, встретил его у калитки, а потом они бродили по зимнему саду. Но это было потом, а самое интересное произошло как раз у калитки, в момент встречи. Тамаров приехал поздно вечером и в темноте не сразу разглядел стоявшего на дороге человека в штатском. Но когда они подошли к калитке, рядом с которой светил старенький фонарь, Тамаров не поверил своим глазам: перед ним стоял и озорно улыбался... Полосатый. Вот это был сюрприз! Действительно «взбадривающий»!

— Ну что, заинтриговал я вас тогда, в Горске?.. Ладно, кто старое помянет, тому глаз вон! Всякое в нашей службе бывает...

Тамаров не знал, куда глаза девать, благо в темноте его залитое краской стыда лицо никто не видел. Сколько и каких только подозрений не выплескивала его разыгравшаяся фантазия на голову этого человека! И все это подавалось как бдительность... Тамарову было и стыдно, и обидно. Но самое страшное было для него сейчас то, что под

его влиянием и в силу сложившихся обстоятельств этот человек наверняка стал врагом и для Галки...

Между тем, говоря объективно, Тамарову обвинять себя было не в чем. О деятельности чекиста был осведомлен очень узкий круг людей. Не был знаком с ним и капитан Орлов; хотя он, конечно, понимал, что органы безопасности ведут работу по раскрытию банды Огульского, но, кто именно подключен к этой работе, ему стало известно лишь на следующий день после прибытия Тамарова на заставу. Рассказ Тамарова о встрече в Горске вызвал и у него подозрение, поэтому он немедленно проинформировал о Полосатом начальника комендатуры и получил соответствующее разъяснение. С этого момента Полосатый стал для капитана Орлова тем, кем он был на самом деле — капитаном госбезопасности Петром Ищенко, но для остальных на заставе, в том числе и для Тамарова, он должен был до поры до времени оставаться Полосатым. Этого требовала обстановка, но это и создавало определенные трудности в службе. С одной стороны, необходимо было сделать все возможное, чтобы помочь чекисту выполнить важное задание, а с другой — именно падавшее на него подозрение осложняло ситуацию, в которой он действовал, могло ему помешать. Вот почему встреча Тамарова с Ищенко очень обрадовала капитана Орлова. Необходимость скрывать от своего нового заместителя правду о Полосатом все эти дни угнетала его, вносила в их в общем-то по-доброму складывавшиеся отношения элемент неискренности, недоговоренности, а это не лучшим образом отражалось на порученном им обоим деле.

...Они шли по протоптанной в снегу дорожке небольшого дачного участка, окруженного высоким плотным забором. Ищенко некоторое время молчал, видимо не зная, с чего начать разговор, а Тамаров, понимая, какую роль играет этот человек в дальнейшей судьбе его жены, не решался его о чем-то просить, справедливо полагая, что сама эта встреча потому и состоялась, что его жена оказалась в плену у бандитов, к которым должен был пойти Ищенко.

Наконец, достав сигарету и закулив, Ищенко тихо сказал:

— Расскажите о вашей жене. Мне необходимо знать о ней все...

Слушая рассказ Тамарова, Ищенко иногда задавал уточняющие вопросы, которые чаще всего касались характера Галки, ее чисто человеческих качеств, проще говоря,

он пытался выяснить ее сильные и слабые стороны. Когда Тамаров закончил свой рассказ, Ищенко прямо спросил:

— Вы ничего от меня не скрыли, не опустили каких-то важных деталей?

— Нет, — ответил Тамаров, — я сказал все. Я ведь понимаю...

Ищенко молча кивнул, потом, пройдя несколько шагов, остановился и взял Тамарова под руку.

— Ничего вам не обещаю, лейтенант. Но я постараюсь...

Провожая Тамарова до калитки, Ищенко напомнил ему о встрече в Горске и в конце заметил:

— А жена у вас красивая.

— Вы ей тоже понравились. Я на вас все телегу катил, а она защищала: такой милый, вежливый...

— Ну, теперь-то она обо мне наверняка другого мнения. Теперь я для нее, как и для вас до сегодняшнего вечера, враг, полосатый зверь... «Полосатый»... — Ищенко улыбнулся и распахнул калитку. — Ладно, разберемся на месте...

Они стояли под тем же тускло светившим стареньким фонарем. Было тихо, так тихо, что, казалось, в целом мире их сейчас только двое.

Ищенко загасил очередную сигарету и похлопал Тамарова по плечу:

— Не грустите, лейтенант! Пожелайте мне лучше ни пуха ни пера, а я от всей души пошлю вас к черту! — Засмеялся, крепко пожал Тамарову руку и быстро зашагал к особняку. Калитку он почему-то не закрыл, и Тамаров хорошо видел, как он поднялся на крыльцо, сбил с бурок снег, оглянулся на сад и скрылся за дверью. Вскоре на втором этаже зажегся свет. Тамаров понимал, что на этом его свидание с Ищенко кончилось, но где-то в глубине души, испытывая чувство неудовлетворенности от переполнявших его невысказанности и недоговоренности, надеялся на чудо. Ему казалось, что такое же чувство испытывает и Ищенко, что он сейчас передумает и вернется, чтобы продолжить разговор. И потому вглядывался в освещенные окна, пытался проникнуть за плотно задвинутые занавески. И только когда кто-то из охраны особняка закрыл калитку, медленно побрел к стоявшей за углом улицы машине.

А Ищенко, поднявшись к себе, сразу же стал разбирать постель. Встреча с Тамаровым конечно же не прошла для него бесследно, и чувство неудовлетворенности он тоже испытывал, но старался не придавать ему особого значения.

Он знал, что завтра будет трудный день, перед которым надо хорошо выспаться...

В сущности оба они, и Тамаров, и Ищенко, не были до конца довольны беседой, потому что не были, да и не могли быть до конца откровенными. Ищенко, жалея Тамарова, не решился ему сказать, что освобождение его жены — не самое главное в операции, которую ему предстояло выполнить, что главное в ней — выяснить местонахождение банды Огульского и узнать, какой объект она избрала для нападения. Нет, он не обманывал Тамарова, когда обещал ему помочь в его неутешном горе, но сможет ли он освободить Галку, станет ли вообще ее освобождать — этого он обещать не мог, все должна была решить обстановка, ситуация на месте. Рисковать ради спасения его жены целью операции он просто не имел права. Тамаров же ждал от него этого обещания, без которого их встреча теряла всякий смысл, но сказать ему об этом прямо постеснялся, наступил себе, что называется, на горло, хотя скрыть своих душевных переживаний, естественно, не сумел. Ищенко это понял, без труда уловил, когда Тамаров рассказывал ему подробно о своей жене, и особенно почувствовал его переживания потом, когда они прощались, пожимая друг другу руки: рука Тамарова заметно дрожала...

Всю обратную дорогу до заставы Тамаров терзался сомнениями. Ему, с одной стороны, было досадно при мысли о том, что он не решился в разговоре с Ищенко на откровенность, не стал его по-человечески просить о помощи, а с другой, — вспоминая всю встречу, ругал себя за то, что не смог скрыть своего волнения, выглядел на фоне Ищенко безусым мальчишкой. Но он ошибался и в том и в другом, терзал себя напрасно. Ищенко оценил его стойкость и волю по достоинству. Он так и сказал начальству: «Выдержка у парня железная. Очень хочется ему помочь». Начальство, отдав должное Тамарову, отступить от прежней установки не стало и ответило: «Только после выполнения основного задания и при благоприятной обстановке».

Тамаров вернулся на заставу поздно, думал, что уже не застанет капитана Орлова, но тот его ждал.

— Ну, как вам «ваш старый знакомый»? Произвел впечатление?

— Куда большее, чем тогда, в Горске, — с усталой улыбкой ответил Тамаров, потом, помолчав, добавил: — Как бы я хотел завтра быть рядом с ним...

— Понимаю, но это исключено. Будем надеяться на его опыт.

Тамаров хотел сказать, что одного опыта для такой сложной и опасной операции мало, что Ищенко надо помочь и что помощь эта ему понадобилась бы с первых его шагов навстречу банде, но сказать не решился, потому что не хотел выдать, обнажить подавлявшую все остальное, бывшую в виски мысль о спасении Галки, тогда как именно «все остальное» и было главным в задании Ищенко. Он понял это еще при разговоре на даче, правильно оценил ситуацию, но согласиться с объективными доводами не мог, не было сил...

Капитан Орлов не хотел испытывать своего заместителя на прочность, однако чувствовал, что тот что-то недоговаривает, что встреча с Ищенко не успокоила его, а только обрекла на еще большие муки и страдания. В таком состоянии любой человек способен «наломать дров», а этого капитан Орлов допустить не имел права, поэтому, прежде чем отпустить Тамарова отдыхать, он сказал ему прямо и откровенно:

— Я знаю, Тамаров, о чем вы думаете. Вам хочется поскорее видеть жену живой и здоровой. Поверьте, нам всем этого тоже очень хочется. Но операция есть операция, и мы не можем отступать от намеченного плана. Отступить — значит сорвать операцию... Вам кажется, что мы уже сейчас могли бы помочь Ищенко. Ну, например, почему бы нам не подстраховать его, не пойти по его следу и не выйти прямо на банду большими силами? Но мы не можем этого сделать, потому что рискуем обнаружить себя уже в самом начале операции. А что это означает? Во-первых, мы поставим под удар самого Ищенко, а во-вторых, о нашем передвижении немедленно станет известно Огульскому, ведь бандиты наверняка держат под наблюдением всю местность, окружающую их основное логово. Сработает их так называемая связь по цепочке, банда переберется в другое место, а мы останемся «с носом», причем с двойным, не ликвидируем банду и не узнаем об объекте ее возможного нападения... Вот вам и ответ на тревожащий, как я догадываюсь, вас вопрос, почему нам нельзя торопиться. Выдержка, Тамаров, и еще раз выдержка — вот что от всех нас, и от вас в частности, сейчас требуется. Говорю это, понимая, как вам тяжело, и очень хочу, чтобы вы меня тоже поняли...

Капитан проводил Тамарова до его одинокой квартирки и с облегчением вздохнул, когда увидел на исхудавшем,

почерневшем от горя лице своего молодого заместителя улыбку, в которой сквозь печаль, пусть неуверенно, робко, но пробивалась надежда. С надеждой человеку все-таки легче...

В полдень следующего дня, когда Петр Ищенко вышел на задание, на заставу с повинной явился Яремчук...

13

Галка, хотя и заставила себя заснуть в ту первую ночь в банде, спала плохо, тревожно и утром скорее очнулась, чем пробудилась от сна. Тяжелая голова раскалывалась от боли, и Галка оценила предусмотрительность Яремчука, жадно, до дна осушила оставленную им на столе кружку уже остывшего, но крепкого, сладкого чая.

Она ожидала, что утро начнется для нее с допроса, готовилась к этому, заранее твердо решила ни о чем, что она уже успела узнать и понять на заставе, не говорить, но никакого допроса не было ни утром, ни днем. Создавалось впечатление, что о ней просто забыли, и только один Яремчук продолжал исправно навещать ее и с услужливой, исключаящей какую-либо с ее стороны резкость улыбкой предлагал ей «поисты». И она ела, понимая, что голодовка не в ее пользу, потому что надо беречь силы, но ни в какие беседы, которые он пытался с ней завести, не вступала.

А вечером к ней с недвусмысленными намерениями ввалились два подвыпивших бандита, и она, содрогнувшись от ужаса, беспомощно прижалась к стене и со страхом ждала, когда они на нее набросятся, зная, что кричать бесполезно, что никто не поможет. Но подоспел Яремчук и в настоящем кулачном бою отстоял ее, вытолкнул бандитов за дверь, после чего она уже просто не могла относиться к нему, как прежде, с холодом и презрением. «В сущности, — рассуждала она, — он ведь ничего плохого за то время, пока я здесь, не сделал. И, наверное, не хотел делать, если так яростно за меня вступился». Еще испытывавшая страх, не остывшая от переживаний, она не пошла дальше этих рассуждений, не стала, да и, пожалуй, не могла вникать в подоплеку происшедшего, лишь благодарила судьбу и Яремчука за спасение. А ему только этого от нее и было надо. В этом и состоял смысл разыгранной с ней инсценировки, автором которой конечно же был сам Огульский...

Дальнейшие события развивались столь же стремительно, сколь и пагубно для Галки, причем ход им под влия-

нием обстоятельств, находясь под впечатлением от случившегося, дала она сама.

Придя немного в себя, Галка потребовала встречи с главарем банды. Возмущенная, она хотела застраховать себя от повторения подобного инцидента. Но Яремчук сказал, что Огульского до утра не будет в бункере, и тут же добавил с грустью в голосе:

— Пан накажет хлопцев. И мне достанется за то, что не уберег вас, пустил их к вам.

— А вы не говорите ему ничего.

— Не могу. Он все равно дознается и тогда накажет еще злее...

И Галка опять поверила в искренность его слов, как поверила недавно в бескорыстность оказанной им помощи. Потому и спросила:

— Зачем вы здесь? — И услышала ответ, на который надеялась, которого ждала.

— Подневольный я, пани. Заставили служить...

Откуда ей было знать, что Яремчук не мог ответить иначе, потому что он тоже хотел и ждал от нее именно такого вопроса. Теперь, когда она задала его, ему легче стало играть свою роль, и он, плотнее прикрыв дверь, стал рассказывать о себе, о своей семье. Сказал, что Огульский держит его в капкане, что, если он не будет ему служить, «пан порешит и жену, и детей», что так уже было с семьями тех, кто сбежал из банды. А потом, убедившись в том, что исповедь его достигла цели, проняла собеседницу, шепотом заключил: — Но я все равно убегу. Не хочу, чтобы на мне была кровь безвинных людей. Пан задумал страшное дело...

Галка слышала от мужа, знала, что на счету Огульского и его банды много страшных, кровавых преступлений, какое же еще он хочет совершить?

— Говорите, Яремчук, говорите! — перешла она тоже на шепот. — Не скрывайте от меня ничего!..

— Пан хочет взорвать железнодорожный мост, когда по нему пойдет пассажирский поезд...

— Этого нельзя допустить! — едва сдержав крик, просто-нала Галка, а Яремчук, довольный произведенным эффектом, даже мысленно похвалил себя за это. Но вслух сказал, кивая на дверь:

— Тихо, пани, не надо так громко... А допустить такой грех, конечно, нельзя, потому и решил бежать...

Его так и подмывало пойти сейчас к Огульскому, похвалиться своей победой над неопытной, подавшейся на

провокацию женщиной, но он знал, что этого нельзя делать, потому что еще не довел задуманное до конца, да к тому же прикинул, что уход его мог вызвать у нее подозрение: не пошел ли советоваться с бандитами, как быть дальше. Он помнил наставление своего хозяина: обмани, вырви инициативу у противника и, не давая ему передышки, используй ее на все сто! И он использовал, тем более что противник-то был, мягко говоря, не шибко обученный, а точнее, вовсе не желавший обучаться коварству и шантажу. В то время как Яремчук вел свою хитрую игру, Галка искренне хотела ему верить. Она всегда искала в людях что-то хорошее, полагая, что плохими их делают обстоятельства. Но обстоятельства, считала она, изменчивы, как погода, стало быть, и люди соответственно могут меняться. Применяя эту свою наивную, покоящуюся на одном доверии теорию к Яремчуку, она пришла к выводу, что Огульский и его банда не успели, не смогли убить в нем все человеческое, хорошее, что все это под влиянием ситуации и проявилось сейчас, когда должно было совершиться кровавое преступление. «Да, конечно, — думала она, — Яремчук мог и испугаться, но не это главное, что заставило его открыть мне страшную тайну. Главное, что он не хочет участвовать в убийстве невинных людей». Еще не зная как, но страстно желая предотвратить задуманное Огульским, она с тревогой и надеждой ждала встречного предложения от Яремчука. И он его сделал:

— Убежать я смогу, пани. Но с чем я приду на заставу? Ваши мне на слово не поверят. Тут треба ваша мощь...

— Что я должна сделать?

— Напишите про то, что задумал мой хозяин. Вам они поверят, а тогда уж я расскажу им, где находится банда. Сделаю все, пани, чтобы поскорее вызволили вас отсюда...

Галка задумалась. Нет, в том, что Яремчук сказал ей правду о задуманном Огульским преступлении, она уже не сомневалась, это она напишет. Но почему он не хочет, чтобы она в своем письме, а не он на словах, сообщила о местонахождении банды? Тут что-то не так. Если уж писать, так писать обо всем сразу. Она высказала свои сомнения Яремчуку, и он, немного поколебавшись, согласился с ее доводами. Он колебался для вида, почти наверняка знал, что его первое предложение пройдет, а второе — нет. Словом, он получил от нее все, что хотел... Огульский.

О взрыве железнодорожного моста Галка написала в письме сама, о местонахождении банды — под диктовку

Яремчука. Когда вручала ему письмо, волновалась, умоляла об осторожности, а о том, что все в этом письме, от начала до конца, было ложью, даже не догадывалась. И засыпала она в эту свою вторую ночь в бандитском логове спокойно, с чувством выполненного долга...

А Яремчук в эту ночь не спал. Раздираемый сомнениями, вовсе не ощущая себя победителем (так окрестил его Огульский), он лежал на нарах и думал не о завтрашнем дне, как того требовал его хозяин, а о том, что будет с ним и с его семьей потом, когда придет час расплаты. В сущности, у него не было выхода, все пути к нормальной человеческой жизни для него были отрезаны. Понимая, что прощения за грехи прошлые и за тот, который ему еще предстояло совершить, не будет, он, хотя и жалел себя, но больше страдал за жену и сыновей. Утешало одно — они не были ввязаны в его грязные дела, ничего не знали о его преступлениях. Впрочем, утешение это было чисто символическое, потому что непричастность их к его замаранной биографии не спасет их от беды. Яремчук не обманывал Галку, когда говорил, что оказался в капкане. Но в таком же капкане была и его семья. Угрозы Огульского не были пустым звуком. Не станет Яремчук выполнять его волю, у того рука не дрогнет, порешит жену и детей в один миг. Об этом шел разговор раньше, об этом же предупредил своего связника хозяин банды и в последнем напутствии. Потому и ворочался Яремчук, обливаясь холодным потом, на нарах, не мог заснуть. И только под утро пришла вдруг к нему успокоительная мысль о том, что власть, против которой он боролся, которую должен скоро опять обмануть, семью его не тронет, пощадит. Странная, непонятная власть. Потому, наверное, так и боится ее Огульский, для которого все, кто не с ним, виноватые...

14

Явка Яремчука с повинной не застала капитана Орлова врасплох, хотя и была неожиданной. Орлов понимал, что Огульский, желая ввести пограничников, да и не только их, в заблуждение, предпримет какой-то хитрый шаг, отвлекающий маневр, но не предполагал, что главным действующим лицом в этом маневре будет Яремчук, давний и опытный связник банды. Коварство этого человека не подлежало сомнению, надеяться на его раскаяние не приходилось, поэтому ко всем его показаниям начальник заставы отнесся с недоверием. Но письмо жены Тамарова...

Можно, конечно, гадать, было ли это письмо написано под диктовку или нет, но то, что оно писалось ее рукой, было ясно и без экспертизы. Больше того, прочитав письмо, сам Тамаров пришел к выводу, что все в нем изложено в характерной для жены манере, что писала она его искренне, правдиво, не сомневаясь ни в одном слове. Он так и сказал, прочитав письмо несколько раз:

— Да, ее могли обмануть. Но заставить написать неправду ее нельзя!.. Поверьте, она писала это сознательно, Верила в каждое слово...

Капитан Орлов видел, как волновался Тамаров, перечитывая письмо жены, как не мог унять дрожь в руках, когда держал его и возвращал, понимал, какие противоречивые чувства он сейчас испытывал, но поддаваться эмоциям просто не имел права и потому заключил:

— Но обмануть все-таки могли. Именно это мы и должны сейчас учитывать, Сергей Николаевич...

Учили это обстоятельство не только на заставе. Вместе с тем не стали игнорировать показания Яремчука и письмо жены Тамарова. И дело тут было не только в том, что Яремчук на всех допросах клялся в своей правоте, а письмо подтверждало его версию. Замысел Огульского потому и таил в себе опасность, что его нельзя было не принимать во внимание, нельзя было просто так отбросить: железнодорожный мост был важным объектом. Были приняты все меры для его охраны, для чего, разумеется, потребовались силы, людские резервы, так необходимые в борьбе с бандой. Нельзя было игнорировать и указанный Яремчуком и женой Тамарова район местонахождения банды — туда тоже были направлены подразделения внутренних войск. Все это, конечно, распыляло силы, но другого выхода пока не было. Где в действительности находится банда Огульского, какой объект она наметила для уничтожения — этого наше командование еще не знало. Оттого и нервничало, оттого со всевозрастающим нетерпением ожидало вестей от Петра Ищенко. Это ожидание было тем более тревожным, что никто не мог поручиться за успех порученного ему сложного и рискованного задания. Ничто не гарантировало опытного чекиста от провала. Провал же мог стоить ему жизни и привел бы наверняка к ощутимым людским потерям при проведении планируемой операции, поскольку она проводилась бы фактически вслепую. На другую, тщательно и всесторонне подготовленную операцию, времени уже не было. Время сейчас играло на банду Огульского...

Бандиты встретили Петра Ищенко в указанном пойманым пограничниками агентом месте, неподалеку от старого замка. И пароль, выданный агентом, сделал свое дело. И все же везли Петра, как и когда-то жену Тамарова, с завязанными глазами и в разговоры с ним не вступали.

Повязка, понятно, мешала Петру, лишала его ориентировки, но, зная отлично местность вокруг замка, исходяв весь этот район, что называется, вдоль и поперек, он примерно угадывал, по какой его дороге везут и куда. А когда прибыли на место, засек и время в пути...

Огульский принял Петра настороженно, с недоверием, но Петр другого приема и не ожидал, однако прикинулся обиженным, с людьми Огульского сразу же повел себя надменно, по-барски, сказал, что они плохо обучены, возле замка явно себя демаскировали и вообще, видно, с дисциплиной у них не налажено... Удар был нанесен точно, в самое больное место: Огульский ведь так гордился дисциплиной в банде. Потом, пропустив мимо ушей ответную реплику главаря, Петр потребовал от него выпроводить «лишних людей» из помещения и «подать» ему рацию.

Сам не отличавшийся скромностью, привыкший командовать, Огульский весь кипел от такого с ним обращения, но, с другой стороны, зная повадки крупных агентов, ошеломленный напором Петра, невольно проникался к нему почтением, склонялся к мысли, что в канун больших событий в банду заброшена и «большая птица». Когда же Петр, не давая Огульскому опомниться, использовал сообщенный пойманным агентом код и передал по радиации шифровку о своем прибытии, лицо главаря банды вытянулось и от напряжения покрылось потом: будет ли ответ? Радия молчала всего несколько минут, но для Петра они показались вечностью, хотя, в отличие от Огульского, он ничем не выдал своего волнения. Не выказал он своей радости и тогда, когда радия ответ приняла, отреагировал спокойно, будто иного и быть не могло:

— Во так, пан Владислав. Теперь — обедать! Я чертовски голоден!..

Верный своему девизу — подозревать всякого и до конца, — Огульский, однако, был на какое-то время обезоружен. А Петру Ищенко, который в его присутствии вышел на связь с одним из западных центров, именно это время и было сейчас до крайности необходимо. За обедом он сра-

зу повел разговор об объекте нападения, причем не оставил главарю банды никаких шансов на обман.

— Центру, — сказал Петр, — не нужен второстепенный объект, не нужен ему и объект локального значения. Мои хозяева, а стало быть, и ваши, надеются, что вы выбрали тот объект, с уничтожением которого будет выведена из строя система важного экономического значения...

— Такой объект и избран, — ответил Огульский. — Но я должен согласовать это с центром.

— Не надо! — тут же отрезал Петр. — Во-первых, центр доверяет вашему выбору. Во-вторых, разве вы не получили шифровку о моей роли в окончательном утверждении операции?..

Петр знал, что такая шифровка Огульскому была послана, причем имени агента в ней указано не было: им мог быть любой, кому первому удалось благополучно добраться до банды. Этот просчет западного разведцентра и использовало наше командование, забрасывая в логово бандитов чекиста.

— Шифровка мною получена, — виновато, понутив голову, ответил Огульский.

— Так чего же вы мне глупую проверку устраиваете? — облил главаря банды холодным, презрительным взглядом Петр. — Мы же с вами профессионалы, Огульский. Делаем одно, общее дело, и времени на фальшивую бдительность у нас нет! Вы меня поняли?

Огульский молча кивнул. Ему было не по себе от этого взгляда, которым он сам привык обливать своих подчиненных. Он вдруг вспомнил шефа львовского гестапо, который учил его «смотреть на своих жертв, как удав на кролика, подавлять их морально, прежде чем уничтожить физически». Огульский не знал, у кого учился посланный к нему агент, но вывод напрашивался сам собой: «школа у нас одна». Сделав такой вывод, он и не подозревал, что позволил тем самым одержать над собой чекисту психологическую победу, напротив, он, хотя ему и неприятно было ощутить себя на какой-то миг жертвой, почувствовал некоторое душевное успокоение: гость не только своей информированностью, но и поведением явно походил на «своего» человека...

Петр, конечно, не мог догадываться о своей победе, но он понял, что инициатива перешла в его руки и, не давая Огульскому передышки, потребовал от него назвать объект.

— Горская электростанция... — выдавил из себя главарь, уже не смея да и не очень желая противиться напору

этой залетевшей в его стаю большой птицы, которая так решительно отбирала у него роль вожака...

— Ну, слушаю, слушаю! — чтобы не выдать своего волнения, в том же резком, приказном тоне сказал Петр. Объясните свой выбор!

— Уничтожив этот объект, мы на долгое время выведем из строя экономику Горска, все его городское хозяйство. Электростанция расположена на окраине города, большевики вряд ли предполагают, что мы осмелимся провести такую дерзкую операцию, можно сказать, под самым их носом, к тому же я их дезориентировал, послав к ним своего человека...

— Расскажите подробнее, — уже более мягким тоном сказал Петр. Чтобы действовать, ему необходимо было как можно скорее вытянуть из Огульского все детали операции. Отметим, что до этого момента Петр даже не вспомнил о находившейся где-то совсем рядом жене Тамарова: у него просто не было на это времени. Зато теперь, слушая рассказ главаря банды, он так явственно видел ее перед глазами, что ему порой даже начинало казаться, что она вошла и стоит, слушает вместе с ним о том, как ее обманули...

Когда Огульский закончил свой рассказ, Петр, внутренне переживая и за томящуюся в бункере несчастную женщину, и за ее потерпевшего от горя мужа, с которым он еще совсем недавно встречался, внешне ничем эти переживания не выдал. Вышел из-за стола и, одарив Огульского улыбкой, одобрительно кивнул головой:

— Ну что же, задумано смело и умно. Если сумеем осуществить операцию, можно не сомневаться, что наши шефы будут довольны.

— Да поможет нам бог и удача!

— На себя надо надеяться, пан Владислав, на себя, и вы это сами отлично знаете. Когда думаете начать?

— Через неделю. Я уже вас информировал, что накануне главной операции мои коллеги проведут две отвлекающие. Когда русские бросят туда значительную часть своих сил, мы и начнем...

— Но, насколько мне известно, ваши «коллеги» слишком слабы, чтобы противостоять даже небольшим силам противника.

— Да, их участь незавидна, — спокойным голосом подтвердил Огульский и с ухмылкой добавил: — Но жертвы будут не напрасны...

— Вы слишком циничны по отношению к нашим единомышленникам.

— Нет, просто я реально смотрю на вещи. Мои коллеги, в сущности, уже командуют потрепанным сбродом, так пусть этот сброд хоть напоследок принесет хоть какую-то пользу...

— Понял вас... Ну, а как чувствует себя ваша пленница?

— После ухода Яремчука явно взбодрилась, хотя и пытается это скрыть. Видно, ждет своего скорого освобождения...

— Вы ее здесь не очень обижаете?

— Мы успеем еще это сделать.

— Каким образом?

— Мы ее ликвидируем перед операцией. Но прежде я доставлю своим изголодавшимся по женской ласке парням удовольствие...

— Я могу ее видеть?

— Да, конечно. Но учтите, что моя пленница весьма вспыльчивая особа. Типичная русская фанатичка, к тому же жена офицера...

— Я это учту, — бросив взгляд на дверь, резко ответил Петр. Только так он мог хоть немного разрядить в себе еле сдерживаемую ненависть к Огульскому.

15

Когда Галка увидела входящего к ней вместе с главарем банды Полосатого, она испытала двоякое чувство. Ожидала увидеть его раньше, еще тогда, когда ее привезли сюда, удивилась, что его здесь не было, одолевали сомнения, а теперь сомнения отпали, убедилась, что правда на стороне мужа. А с другой стороны, не забыла той встречи в Горске, помнила, как он предупредил ее об опасности. Возможно, это было с его стороны верхом лицемерия, но все же это было, и опасность в пути была... Первое чувство, чувство недоверия довлело больше, оно было сейчас сильнее, но вместе с тем где-то в самой глубине ее измученной страданиями души тлел огонек надежды, жила, не поддавалась очевидным фактам вера в человеческую порядочность, без которой она просто не могла, не умела существовать...

А Петр, увидев ее, внутренне содрогнулся от происшедших в ней перемен. Так поразившая его тогда в Горске красота этой женщины поблекла, оставив по себе лишь те приметы, которые, как в зеркале, выдавали перенесенные в неволе муки, оголяли переживания.

Не будь рядом с ними Огульского, они, наверное, повели бы себя иначе, попытались бы сразу как-то объяснить, в данной же ситуации от них требовалась осторожность. Петр это понимал, а Галка, вероятно, почувствовала. В ней, подавляя желание, сработала женская интуиция, которая во все времена была и остается загадкой для мужчин...

Убедившись, что опасных вопросов к нему с ее стороны не будет, Петр в формально-вежливом тоне повел разговор о неудобствах, которые она вынуждена здесь испытывать, подчеркнув при этом, что ее нахождение здесь вызвано «важными обстоятельствами» и что освобождение пленницы во многом зависит от ее «разумного» поведения. Слушавшие его и Галка, и Огульский воспринимали его слова по-своему. Главарь банды не сомневался в их фальши, поскольку роль своей пленницы считал истерпанной и участь решенной. Галка же уловила в словах Полосатого скрытый подтекст и, хотя иллюзиями не воспылала, одно для себя уяснила точно: разговор с ней будет продолжен.

Ускорению этого важного для них разговора, как ни странно, способствовал сам Огульский. Видимо, желая поиграть в джентльменство, он сказал своей пленнице:

— Вы очень бледны, пани. Может, вам нездоровится?

— О каком здоровье может идти речь, если вы держите меня взаперти? — ответила Галка.

— Пан Огульский?! — развел руками Петр. — Неужели вы так бессердечны? Вот уже не ожидал от вас! Где же ваше известное гостеприимство? И потом, лишать такую красивую женщину свежего воздуха — это значит лишать ее красоты...

— У вас есть предложение? — улыбнулся Огульский, про себя решив, что высокий гость не прочь «познакомиться поближе» с его пленницей.

— Конечно! — сказал Петр. — После сытного обеда я как раз намерен прогуляться. Почему бы нам не прогуляться вместе с милой пани? Надеюсь, охрана нам будет обеспечена?

— В этом вы можете не сомневаться... — ответил Огульский.

— Ну, вот и отлично! Пожалуйста, пани, одевайтесь, я скоро за вами зайду.

— Не слишком ли мы любезничаем с этой фанатичкой? — плотно закрыв за собой дверь, спросил у Петра Огульский. — Нужны ли эти послабления?

— Нужны, Огульский. Вы очень рано списали ее со счетов. У меня возникла одна интересная идея, но, чтобы

осуществить ее, я должен вашу пленницу хорошенько «прощупать».

— Пощупать ее куда удобнее в помещении...

— Обстоятельства надолго оторвали вас от цивилизации, Огульский, в результате чего вы успели ополшиться. Это не вина ваша, а беда, поэтому я вам сочувствую, но все же советую иногда вспоминать о своем происхождении...

— Послушайте, вы! — вспыхнул главарь банды, но тут же осекся под тем же холодным, презрительным взглядом своего гостя, который он уже имел неприятность на себе испытать.

— Вот так-то лучше, — спокойно сказал Петр. — В другой раз не будете переиначивать мои слова на свой лад... И вот еще что. Я не знаю, как вы намерены охранять меня с пани во время прогулки, но мешать нам не надо. Навязчивая опека может сковать ее, а мне она нужна раскованная. Надеюсь, понятно?

— Вполне, — покорно ответил Огульский. И опять он с горечью и досадой вынужден был признать, что этот человек имеет над ним какую-то силу, которой он вынужден был подчиниться с первых минут его появления в банде. Конечно, сыграли свою роль и те козыри, что выложил Петр: пароль, выход на связь с центром, точная, не подлежащая сомнению информированность. И все же главным, гипнотизирующим моментом для Огульского, пожалуй, была все подавляющая уверенность Петра в себе, его холодная, выбивающая из-под главаря банды почву для какой-либо подозрительности невозмутимость.

А Петр просто не мог вести себя иначе. Не было времени. Возможно, в другой ситуации, при других обстоятельствах он избрал бы и другую тактику, более осторожную, постепенную, но сейчас у него такой возможности не было. Его давление на Огульского основывалось на глубоком анализе личных качеств противника, человека хитрого, опытного, но вымуштрованного гитлеровской школой, где чинопочитание всегда господствовало над разумом. Петр Ищенко хорошо изучил и понял суть огульских и их же с ними еще в годы войны. Презирая, не считая своих подчиненных за людей, управляя ими, как механизмами, они сами становились точно такими же бездушными исполнителями чужой воли, беспрекословно, безропотно подчинялись тем, кто ими командовал, был выше их чином. Именно, на этой трусливой, ущербной психологии Огульского и сыграл Петр Ищенко, выиграл дорогое время.

Он, как и обещал, зашел за Галкой. Она уже была одета и ждала, не очень веря, что покинет хоть на какое-то время это подземелье.

...Оказавшись после нескольких дней заточения на свежем, одурманивающем своей чистотой свежем лесном воздухе, Галка невольно зажмурилась от ударившего в лицо непривычно яркого света, а потом почувствовала во всем теле слабость, пошатнулась, оперлась на руку Петра. Придя в себя, отпрыгнула от него, подумала: «Что я делаю»!.. А он, про себя улыбнувшись, внешне никак не отреагировал, даже не взглянул на нее...

Поодаль, между деревьями, бродили люди Огульского. Сам он остался в бункере и обговаривал, обмозговывал со своим заместителем сложившуюся с появлением в его логове «большого агента» ситуацию.

Давая Галке, так сказать, освоиться на природе, Петр прикидывал, примерно, конечно, где он сейчас находился, и удивлялся, почему не засек этот пятачок раньше. Правда, сделать это было не так-то просто, потому что подступы к нему усиленно охранялись бандитами; Петр несколько раз, рыская в этом районе, на них натывался и, что называется, едва уносил ноги. Но район все же был для него досягаем, а вот сам пятачок — нет. Теперь-то он понимал, что помимо хорошо поставленной охраны с поиска его сбивало и то обстоятельство, что места эти не считались глухими. Глухими они были на расстоянии трех-четырех километров отсюда, но там Петр логова не обнаружил, а дальше, как он полагал, его быть не могло: лес редкий, много открытых мест, полян. Ошибся. Как раз на одной из таких полян, окруженных редким лесом, он сейчас и находился... Но район расположения, с учетом засеченного им в пути времени, он уже приблизительно представлял. И дорога сюда была, именно дорога, потому что нигде после встречи у старого замка бандиты не вели его пешком, только везли, и как бы они ни петляли, рассчитать, где, в каком месте, на каком отрезке движения от замка они свернули на дорогу к пятачку, было для Петра вполне реально. Ошибиться по большому счету он, не раз и не два исходив этот район, не мог, а для наших, особенно для смекалистых пограничников, достаточно и малой наметки...

— Вам привет от вашего мужа, — начал разговор Петр. — Только отвечайте тихо. И не нервничайте, держите себя спокойно.

— Я не буду вам отвечать. Я вам не верю!

— Понимаю. Тогда слушайте меня внимательно. Огульский знает о вашем письме на заставу. Он обманул вас. Вы послали с Яремчуком дезориентирующие наших сведения, которые могут сорвать всю операцию по ликвидации банды...

— Это неправда! — не выдержала свое обещание молчать Галка.

— Правда, Галина Тимофеевна, иначе Огульский не был бы в курсе дела. Он хочет взорвать не мост, а электростанцию. И расположение основной базы вам было продиктовано ложное. То место, где мы сейчас с вами прогуливаемся, находится в противоположном направлении. Я догадываюсь, как вам нелегко признать себя обманутой, но это так...

— Вы все знаете, я это поняла, но я все равно вам не верю...

— Вы должны мне поверить.

— Не могу.

— Мы теряем зря время. Прикиньте еще раз: если Огульский знает о вашем письме, значит, Яремчук с ним заодно.

— Да, я уже сказала: это я поняла.

— В чем же тогда дело?

— В вас...

— Если бы вы так упорствовали, когда вас обманывали, чтобы потом вашей же рукой, которой вы писали письмо, обмануть вашего мужа, всех нас...

Петр видел, как она побледнела, сознавал, что нанес ей жестокий удар, но у него не было другого выхода.

— Будем продолжать беседу? — спросил он. — Или вы по-прежнему будете считать меня своим злейшим врагом, и тогда наша с вами беседа закончена.

— Я не знаю. Я не могу так сразу вам поверить.

— Жаль. А ведь после той нашей встречи в Горске вы, насколько мне известно, даже защищали меня от подозрений...

У Галки сжалось сердце. То, что сказал сейчас Полосатый, он мог узнать только от Тамарова. Неужели они все-таки встречались?!

— Вы действительно его видели? — еще не смея, не в силах поверить в это, спросила она.

— Да, вчера вечером. И хочу, чтобы завтра, в крайнем случае послезавтра увидели его и вы...

— Что вы со мной делаете... — только и смогла она проговорить.

— Возьмите себя в руки! Я понимаю, что вам сейчас нелегко продолжать эту беседу, но у нас слишком мало времени, а другого может не быть. Постарайтесь запомнить все, что я вам скажу. Нападение на электростанцию будет совершено через неделю, если брать за точку отсчета сегодняшний день. Стало быть, свой отсчет вы будете вести с того дня, когда попадете к нашим. Это понятно?

— Да...

— Чтобы отвлечь наши силы, в тот же день, только несколькими часами раньше, они нападут на лесокombинат и кондитерскую фабрику, их необходимо тоже обезопасить. Запомнили названия объектов?

— Запомнила...

— Завтра утром я постараюсь встретиться с вами еще раз и еще раз все вам повторю. Завтра же я назову вам место расположения их логова... Да, да, того самого, в котором мы с вами сейчас находимся. К сожалению, точными координатами я еще не располагаю, меня доставили сюда, как и вас, с завязанными глазами...

— Даже так? Значит, Огульский вам тоже не доверяет?

— Не совсем так. Скажу больше: во многом я уже сумел его убедить.

— Тогда почему бы вам не уточнить координаты у него?

— Огульский не сделает этого. Любой агент, заброшенный к нему с Запада, сможет узнать о месте расположения его логова только тогда, когда вместе с бандой уйдет на задание, потому что после нападения на электростанцию банда сюда больше никогда не вернется...

— Он вам сам это сказал?

— Нет, конечно. Мы узнали об этом из перехваченных шифровок. К сожалению, координаты логова в шифровках не были указаны.

— Огульский — страшный человек...

— Да. И очень опасный враг. Поэтому будьте предельно осторожны: ни одного лишнего слова, ни одного лишнего шага...

— Ну, положим, лишнего шага он мне и не позволит сделать, — с грустной улыбкой ответила Галка.

— Он-то не позволит, но вы сами не сделайте.

— Постараюсь.. А вы, значит, «человек с Запада»?

— Так уж получилось...

— Понимаю... Что я должна сказать Огульскому, если он спросит меня о нашем с вами разговоре?

— Я постараюсь лишить его этой возможности. Но если

это случится, скажите ему, что я пытался вас уговорить сотрудничать со мной, обещал, если вы согласитесь, сохранить вам жизнь и взять с собой на Запад. Вы ответили мне отказом, на сделку со мной не пошли, потому что поняли, что это провокация. Потребуйте от Огульского, чтобы он больше не подпускал меня к вам...

— А как же наша встреча завтра утром?

— Она потому и состоится, что сыграет закон обратного действия. Огульский ведь считает меня своим человеком, поэтому он сделает так, как я хочу. А я буду настаивать на новой встрече с вами, чтобы склонить вас к сотрудничеству...

— Как все сложно!

— Если бы было все просто, нас бы с вами здесь не было, — улыбнувшись, ответил Петр. — Ну, на сегодня, кажется, все. Теперь давайте просто погуляем, полюбуемся природой. Она ведь все-таки нашенская...

— Я, наверное, не смогу, очень устала, — сказала Галка. Потом, помолчав, спросила: — Как он там, без меня?..

— Держится, хотя это и трудно. Но ведь и вам нелегко приходится, верно?

— Отведите меня назад, — чуть слышно попросила Галка.

17

Петру не удалось предотвратить допроса Огульским жены Тамарова. Главарь банды пригласил ее к себе сразу, после их возвращения в бункер. Петр, зная, что Галка еще не остыла от переживаний, выпавших на ее долю в ходе недавнего их разговора, опасался за эту встречу, боялся, что она допустит где-то промашку, одним неосторожным словом выдаст и себя, и его. Но Галка была готова к допросу и сыграла свою роль отменно. Огульский еще и рта не успел открыть, а она уже обрушилась на него с обвинением «в ловко придуманной провокации».

— Вы напрасно старались! — кричала она, сузив свои большие зеленоватые глаза. — Ни вам, ни вашим ставленникам я служить не буду! Постарайтесь это хорошенько запомнить, достопочтенный пан, и впредь со мной этакого «шутите»!..

Огульский пытался ее успокоить, испытывал явную неловкость оттого, что гневный крик его пленницы наверняка слышали в соседних отсеках, а она, как назло, еще долго не унималась, тем более что ненависть ее к этому человеку была искренней.

Убедившись, что добиться от нее ничего невозможно, и при этом не уловив в поведении Галки никакой игры, Огульский, сам того не желая, облегчил задачу Петра. Он пришел к выводу, что встреча с ней ничего агенту с Запада не дала, поэтому, учитывая фанатизм жены русского офицера, опасаться их новых встреч не надо, результат наверняка будет тот же. А Петру достаточно было только одной. Но Огульский этого не знал...

— Сочувствую вам, — сказал Петр главарю банды, когда тот зашел к нему после неудачного допроса Галки.

— А я вам! — отпарировал Огульский. — Извините, конечно, что я проявил к вам недоверие, допросив ее раньше, чем говорю с вами, но, что поделаешь, положение обязывает...

— Все правильно, Огульский, я на вас не в обиде. Но вы ведь ничего не добились, не так ли?

— Так, потому что нечего было добиваться, ваш номер не прошел...

— Нет худа без добра, как говорят русские... — Да, я убедился, что на измену своим, если ее не обмануть, она не пойдет...

— Вот видите! Теперь вы понимаете, как нелегко мне было подобрать к ней ключи и заставить ее написать письмо?

— Понимаю и ценю ваше профессиональное умение. Но, сделав один удачный ход, вы не сделали второй, а я хочу довести партию до победного конца...

— По-моему, заставив ее написать письмо, я уже выиграл партию.

— Ошибаетесь, Огульский! Партия в самом разгаре, и вы явно недооцениваете ответных ходов противника. Да, будем надеяться, что они получили сфабрикованное вами письмо, подтвердил изложенное в нем и сам его податель, Яремчук. Кстати, вы уверены в нем?

— Абсолютно! У него нет другого выхода. Семья, знаете ли...

— Ну, семью Яремчука, если он выдаст вас и ваши планы, Советы возьмут под охрану, вам тогда к ней все пути и дороги будут отрезаны.

— Этот вариант я отбрасываю, потому что знаю Яремчука. Скажу откровенно: его рабская покорность мне определяется прямо-таки патологическим страхом перед моей всесильностью, с его «легкой» руки я иногда сам начинал в эту свою «всесильность» верить. Словом, он убежден, что в случае его предательства я достану жену и сыновей, где

бы они ни находились. Кроме того, он люто ненавидит Советскую власть, не терпит ее порядки...

— Ясно. А есть ли у вас такая же уверенность в том, что письму и Яремчуку поверят советские чекисты? Мы-то с вами знаем, на своих, так сказать, собственных шкурах убедились, что это опытные, обученные тонкой работе люди, они, к нашему сожалению, доказывали это в годы войны, доказывают и сейчас. Разве не об этом свидетельствует тот печальный для нас с вами и для наших шефов факт, что из всех действовавших на Карпатах наших подразделений боевой единицей, реальной силой можно считать только ваш карательный отряд? Короче говоря, уверены ли вы, что вам удалось перехитрить, переиграть чекистов? Что, если они поняли: письмо и показания Яремчука — дело ваших рук?

— Большая игра — это всегда риск, но я надеюсь на успех...

— Надежды не всегда сбываются, Огульский. Нужна уверенность, что они клюнут на вашу удочку. Исходя из своего опыта, полагаю, что наш противник еще не переигран. Ваша приманка в лучшем случае его только насторожила. Лишить чекистов этой логики! Вот почему я и испытывал «на прочность» эту женщину. Она нам очень нужна, Огульский! Скажу вам больше: она нужна нам именно такая, обманутая вами, но не сломленная, фанатично преданная своей власти...

— Если вы в этом уверены, работайте с ней дальше, но, честно говоря, я не понимаю, как мы можем ее еще использовать... в наших планах? (Огульского так и подмывало добавить «разве что в постели», но он помнил, как отчитал его «агент с Запада» за подобные «шуточки» и не стал «дразнить зверя»).

— Мы возвратим вашу пленницу на заставу, — спокойно сказал Петр. — И сделать это необходимо как можно скорее...

— Шутите?

— Нисколько. Ваша пленница убеждена в том, что знает ваши планы, верит, что письмо написано ею правильно. Так пусть она сама, лично подтвердит и написанное, и показания Яремчука. Она сумеет это сделать с тем же упорством и настойчивостью, с каким продолжает сопротивляться нам с вами, не идя ни на какие компромиссы и сделки.

— Как я доставлю ее на заставу?

— Вы организуете ей побег. Детали мы обдумаем вместе. Завтра утром я воспользуюсь вашей добротой и поговорю с ней еще раз. Я хочу еще и еще убедиться в ее фа-

натизме, в том, что вы ее не сломили. В общем-то у меня сомнений и сейчас нет, но я попытаюсь обострить ее сопротивляемость нам еще сильнее, добавить ей злости...

— Вы страшный человек. Признаться, я встречал интриганов, но такого...

— Не надо эмоций, Огульский. Дело есть дело, а ради нашего я готов стать кем угодно.

— У вас железная логика... Кстати, вы так себя с самого начала повели, что я до сих пор не знаю, как вас величать?

— Обзывайте меня пока Томом... — улыбнувшись, ответил Петр.

18

Огульский был из тех людей, которых очень трудно в чем-то убедить, но Петру это удалось, и потому за разработку сценария побега жены Тамарова главарь банды взялся, что называется, засучив рукава, продумал его до тонкостей, до мельчайших деталей. Вносить какие-то поправки в этот сценарий, корректировать его Петр не стал, не имело смысла. Для него теперь самым важным было подготовить Галку, сделать так, чтобы она, не выдав себя, не только подчинилась задуманному Огульским плану ее побега, но и органично в него вошла, искусно исполнила свою роль.

Утром следующего дня, когда они опять вышли на прогулку, Галка выглядела измученной бессонницей. Петра это хотя и беспокоило, но не застало врасплох: он понимал, что вчерашний разговор не мог пройти для нее бесследно. А Галка с этого и начала:

— Всю ночь казнила себя за то, что поверила Яремчуку. Как я буду смотреть в глаза мужу, всем нашим?..

— Для этого надо еще к нашим попасть. Поэтому приказываю: сразу же после нашей встречи ложитесь спать. Сразу же, потому что потом такой возможности у вас не будет.

— Значит, сегодня?

— Да, с наступлением сумерек. Теперь слушайте, но при этом делайте вид, что вы не хотите меня слушать, отвергаете все, что я вам предлагаю. Как и вчера, за нами наблюдают.

— Хорошо, я постараюсь...

Петр в подробностях изложил ей план побега, подсказал, как она должна себя вести в ходе его осуществления, на каждом этапе, в каждом отдельном случае и при возможных отклонениях от задуманного Огульским сценария.

Галка впитывала все, как губка, была предельно внимательна, и Петру пришлось пару раз напомнить ей, что за ними следят. Правда, играла она свою роль «оскорбленной и обиженной» отменно, откуда только брался талант! Петр не удержался от комплимента:

— Из вас могла бы получиться неплохая актриса.

— Не думаю. Просто очень хочется смыть с себя большой грех..

Покончив с планом побега, Петр дал ей передохнуть, а потом еще раз напомнил об объектах нападения, о сроках и заставил ее все это повторить. Назвал он и район расположения основной базы бандитов.

— Запомните: Восточные поляны. От старого замка сюда прямой дороги нет, но приблизительно в восьми километрах к востоку от него от основной дороги идет отрожек, который упирается в одну из четырех полян. Вторая справа, окруженная редким лесом...

Галка остановилась и как бы впервые, по-новому обвела взглядом окружавшие их деревья с голыми ветвями, потом тихо сказала:

— Как все просто, и как сложно... Вы не беспокойтесь, я все запомню, все передам точно.

— Надеюсь. Ошибиться вам просто нельзя... А сейчас отдыхать!

— Да, да. Я только хочу спросить: почему вы остаетесь здесь?

— Потому что мое время еще не пришло. Желаю вам удачи, Галина Тимофеевна. И не забудьте передать своему мужу привет от Полосатого...

— Я все передам. А вы берегите себя...

Галке было трудно играть отведенную ей роль, но, пересилив нахлынувшие на нее чувства, она пошла к бункеру с сердитым лицом, не сказав больше Петру ни слова.

Что удерживало Петра Ищенко в банде? На первый взгляд — ничего. Успешно проведя операцию по раскрытию планов Огульского, он, казалось бы, мог считать свое задание выполненным и уйти вместе с женой Тамарова. И такой вариант не исключался на тот случай, если бы побег пленницы Огульского не состоялся. Теперь же планы Петра изменились существенным образом. Он внес эти изменения самостоятельно, исходя из сложившейся обстановки.

При подготовке порученного ему задания вариант, при котором он должен был остаться в банде, не обсуждался...

Петр был не только опытным чекистом, но и был и опытным военным, человеком, попохавшим пороху в боях, смотрившим смерти в глаза. Именно поэтому он и не мог сейчас считать свое задание выполненным до конца, не считал возможным уйти из банды. Он поставил перед собой цель — не выпустить основные силы бандитов из логова, задержать их здесь до прихода наших частей. Логика его рассуждений была проста: выпустить банду означает позволить ей развернуть свои боевые порядки, дать бой нашим, нанести им урон. Учитывая мобильность, хорошую оснащенность банды оружием, хитрость и опыт Огульского, давно уже руководившего карателями, Петр отчетливо представлял себе, какую опасность таит для наших встреча с его головорезами в открытом бою, но не в открытой, а в горной, лесной местности. Банда Огульского будет уничтожена — в этом сомнения не было, но сколько жертв принесет эта победа, сколько крови наших солдат прольется в мирное время! Войны-то все-таки уже нет...

Петр не хотел и не мог этого допустить. А задержать банду он мог, только оставаясь здесь. Его исчезновение вызвало бы немедленную ответную реакцию, Огульский увел бы банду в другое место.

Приняв решение, Петр, однако, не стал сообщать о нем Галке, потому что не знал планов своего командования. А они могли быть другими, отличными от задуманного им. Зачем же их путать? Главное, чтобы Галка передала добытые им сведения, и пусть тогда начальство решает, как лучше поступить.

В конце концов, успокаивал себя Петр, то, что я здесь, она им скажет, остальное в их власти. Конечно, в душе он надеялся, что его план совпадет с планами командования, и ругал себя за то, что не обговорил этого варианта заранее. Сегодня к ночи жена Тамарова должна быть на заставе. В его распоряжении — пять суток. Эти же пять суток — в распоряжении его командования и Огульского. Если Огульский изменит вдруг свои сроки и решит напасть на объект раньше, Петр еще сможет ему воспрепятствовать, сделает для этого все возможное и невозможное. Но он ничего уже не сможет сделать, если наши решат разгромить банду в районе объекта нападения. Запущенную машину всегда очень трудно остановить. Но даже в том случае, если банду, как того и хотел Петр, решат «накрыть» здесь, в логове, кто ему об этом сообщит, как?.. Много, слишком

много возникло перед Петром Ищенко всевозможных «но». В сущности, ему оставалось только ждать и надеяться. И все же изменять принятого решения он не собирался. Задержать банду во что бы то ни стало, не дать ей выйти из логова, развернуть свои силы — таким, только таким видел он сейчас свое предназначение...

20

Огульский освобождал свою пленницу мастерски! Если бы Галка не была заранее предупреждена Петром, она вряд ли смекнула бы, что это была операция, спланированная самим главарем банды.

Еще до наступления вечера ее оповестили о побеге. В помещение, где она все эти дни томила, зашли двое молодых парней и, не вдаваясь в подробности, предложили ей «скоро собраться».

— Что случилось? — спросила она. — Что вам от меня надо?

— Не волнуйтесь, пани, все будет хорошо. Объясним после, в дороге, сейчас у нас мало времени...

И ушли. Она собралась и стала ждать. Думала, что зайдет Петр, очень этого хотела, но, видимо, поговорить с ней еще раз в его планы уже не входило, а может, просто не было такой возможности. Без него, без той уверенности, которую он так быстро сумел вселить в ее душу, похолодевшую от плена, ощутила вокруг себя щемящую, тревожную пустоту. Подумала: «Скорей бы все кончилось, господи!..» Потом взяла себя в руки и стала ждать, благо, что ждать пришлось недолго. Где-то через час с небольшим пришли опять эти двое, в полной, как говорят, боевой. Заторопили:

— Скорее, пани! Начальство в отъезде, да и смеркаться начало...

Покидали бункер, соблюдая все меры предосторожности, прислушиваясь и озираясь, как в детективном фильме. Привели к дороге, где их ждали сани, может быть, те самые, на которых ее везли сюда. Галка сразу вспомнила тот ужасный вечер, почувствовала тяжесть в ногах, скорее повалилась на подстилку из сена, чем села. Так же, как и тогда, — парни — уже не они ли были среди ее похитителей? — молчали, и глаза ей опять завязали, а зачем — объяснили потом, в километрах двух от логова, но повязку в пути почти до самого конца не снимали.

Объяснили, вернее, вразили так:

— Если встретим своих, бывших сослуживцев, скажем, что перевозим вас по приказу Огульского в другой бункер. А поскольку вы «чужая», возить вас без повязки не положено. Конспирация!..

Галка согласно кивнула, хотя без особого труда поняла, что они выполняли приказ своего главаря, который конечно же не хотел, чтобы она запомнила обратную дорогу.

Чуть позже «посветили» они ее и в «свои» планы. Дескать, бежать из банды решили давно, поскольку осознали бессмысленность сопротивления властям, да и «надоело по берлогам жить». Все случаи удобного ждали.

— А когда узнали про вас, тут и порешили окончательно: сами сбежим и вам поможем на волю выбраться, от мук и гибели спасем. Так что вы уж там, у своих, за нас, грешных, доброе слово замолвите. Сами понимаете, не по своей воле служили Огульскому, заставили...

— Понимаю, — с сочувствием ответила Галка, сделаю для вас все, что могу.

— Вот и спасибо за доброе слово! А уж мы, если нам жизнь нашу горемычную сохранят, век вас помнить будем, молиться на вас станем, как на святую...

Говорил все это бандит, правивший лошадей, с душевным надрывом, и Галка невольно подумала: «Уж не пустил ли слезу?» — и едва сдержала подступивший смехок, первый за все эти тяжкие для нее дни. Она ведь знала, что бандит врет, что он и его напарник вовсе и не собираются сдаваться в плен, а ведут предписанную им игру, в которой и она должна играть свою роль...

Чем дальше они удалялись от бандитского логова, тем чаще Галка вспоминала Полосатого. Да, она звала его так, потому что настоящего имени своего спасителя не знала. Вместе с чувством благодарности к этому человеку она испытывала и чувство тревоги за его будущее, понимала, какой опасности он себя подвергает. Чтобы облегчить его судьбу, помочь ему, надо было поскорее попасть на заставу. Но попадет ли она туда? Поверить в это, убедить себя, что такое чудо может свершиться, она еще не могла. Боязнь, что задуманная Полосатым и разработанная Огульским операция по ее спасению в любой момент может сорваться, не оставляла ее на всем пути. У нее были на это очень веские основания. Поверив Полосатому, она не верила Огульскому, потому что знала о его коварстве и вероломстве. «Что, — думала она, — если главарь банды сделал только вид, что согласился на эту операцию, а сам поручил своим головорезам другую, исход которой может

стать для меня смертельным?.. В сущности ведь, обманув меня, заставив написать письмо и отправив его с Яремчуком на заставу, он вполне мог посчитать на этом мою роль исчерпанной. Все остальное было уже, как говорится, в его власти. Он мог послушать Полосатого, но не послушаться, заверить его, но не довериться ему, решить по-своему. Чужая душа, говорят, потемки. А у Огульского души нет...»

Реально оценивая ситуацию, Галка думала не только о грозящей ей самой опасности, но и о том, что, если эта угроза осуществится, последует. Как и всякому человеку, ей хотелось жить, но жить, честно смотря людям в глаза, потому что просто жить, не реабилитировав себя, она уже не могла, не имела права. Выжить для нее — не было сейчас самоцелью. Цель ее была — живой добраться до заставы, передать своим все, что поручил ей Полосатый. От этого, от ее личной судьбы зависит успех операции по уничтожению банды Огульского, по спасению намеченных им для нападения объектов. О срыве операции ей было страшно даже подумать. Случись такое, кому нужны будут доказательства тому, что ее обманули с письмом? Доверчивая глупость — не оправдание. Важным будет только то, что сделала она: обманула, подвела мужа, всех наших...

Невеселые, тревожные мысли дожимали Галку в пути. Но так уж устроен человек: в какой бы запутанной ситуации он ни оказался, в душе его рядом с тревогой всегда найдет себе место и надежда. Надеялась и Галка. Она радовалась уже тому, что ее увозили подальше от логова, что ехали быстро и вроде бы не собирались останавливаться или — не дай бог! — поворачивать назад. Лошадка, видимо, была справная, шла легко, резво. Иногда, правда, ход ее замедлялся, и Галка догадывалась, что случалось это на ухабах, потому что сани подпрыгивали, вздымались, как лодка на большой волне, а нотом падали вниз и опять катились плавно. Повязка на глазах мешала ей, лишала возможности ориентироваться. Она не знала, где ее везли, по каким дорогам, да и вообще ей так хотелось взглянуть на мир открытыми глазами! Увы, бандиты, видимо, считали, что время ее еще не наступило, у них были свои планы, а она просить их о чем-то не решалась, да и не хотела. «Пусть я ничего не вижу, — успокаивала она себя, — но я знаю, что еду, приближаюсь к заветной цели. Это главное!» Нет, на добрую фею она не рассчитывала, на ее глаза надели не розовые очки, а темную тугую повязку, рядом были бандиты, но никакая сила не могла подавить в ней веру в победу справедливости. Она всегда в это верила,

дусть порой и наивно, без реальной оценки всех «за» и «против», и если ошибалась, то недоумевала и глубоко переживала. Но верить в справедливость все равно не переставала. Сейчас эта вера была ей, как никогда, кстати, потому что только она одна позволяла ей бороться, не опускать руки...

21

Петр Ищенко предупреждал Галку, что на заключительном отрезке пути бандиты разыграют спектакль, в результате которого она должна остаться одна. В детали этого спектакля он посвятить ее не мог — он их просто не знал. Огульский, видимо, посчитал, что он и так позволяет «агенту с Запада» слишком многое, чтобы раскрывать перед ним все подробности своего замысла вводить его, так сказать, «в святые святых» — в кухню, где стряпались грязные дела. Возможно, не последнюю роль сыграл здесь и мстительный характер главаря банды. «Агент» быстро и довольно крепко подмял под себя его волю, сковал инициативу, самолюбие Огульского было явно задето, и он решил хоть как-то отплатить своему обидчику. Так или иначе, но добиться подробностей Петру не удалось. Он, правда, беседуя с Галкой, успокоил ее, сказал, что для нее эти подробности не столь уж и важны, главное — чтобы она не растерялась во время задуманного Огульским спектакля, делала то, что ей прикажут бандиты. Галка это поняла и обещала исправно исполнять предназначенную ей роль. Но она, во-первых, не была профессиональной актрисой, а во-вторых, ситуация, в которой она оказалась, мягко говоря, очень разнилась со сценой. Нервы ее были напряжены до предела. Она знала, что что-то будет, но не ведала, как это будет и когда. И поэтому возглас сидящего рядом с ней бандита «Василь, погоня!» обрушился на нее, как гром среди ясного неба...

Была ли погоня? Да, была. Она началась, как и было задумано, в районе старого замка, когда сани выехали на дорогу, ведущую к хутору Соколиха. Этот участок пути бандиты считали уже безопасным для своего основного логова, достаточно от него удаленным, чтобы, не зная подъездных малоприметных лесных дорог, отсюда к нему добраться. Именно здесь и было решено разыграть заключительный спектакль «освобождения». Но прежде, чем «освободить» Галку, надлежало этому «помешать», отколоть ее от бандитов, которые ее сопровождали. Словом, ничего неожиданного в общем-то не происходило, все шло по плану;

о котором Петр Ищенко ее предупреждал. Вот если бы еще только знать, как все будет. Не знала. Потеряв в этой долгой, показавшейся ей вечностью дороге ориентир во времени, оказалась не готовой к неожиданностям, не рассчитала сил...

После нескольких минут стремительной езды сани неожиданно остановились.

— Ты чего, Василь? — с тревогой спросил сосед Галки.

— Подпруга ослабла. Сейчас поправлю.

— Может, свернем в лес?

— Рано еще. Попробуем оторваться. А ты пока сними с пани повязку, теперь она ей ни к чему. Этих не обманешь, раз гонятся...

Когда повязку сняли, Галка не сразу открыла глаза, провела осторожно по болевшим векам холодной ладонью.

— Ничего, пани, не бойтесь, целы ваши глазки, — успокоил ее бандит. — Сейчас освоитесь и увидите, как красив божий свет.

И действительно, красота вокруг была необыкновенная, даже не верилось, что среди такой чарующей взор природы может таиться какая-то опасность. Лунный свет заливал дорогу, широкой серебристой полосой уходящей в лесную даль. Серебрился и снег на ветвях молчаливо застывших по краям дороги деревьев. Галка вспомнила новогоднюю ночь, которую они провели с Тамаровым несколько лет назад на подмосковной даче. Они тогда пошли в лес, была такая же луна и такая же неземная тишина вокруг... Воспоминания растревожили душу, но они были недолгими.

Подтянув подпругу, Василь вскочил в сани, и началась новая гонка, с обжигающим лицо встречным ветром, с комьями снега из-под копыт лошади, с грозившими выбросить из саней толчками на ухабах. Где уж тут было любоваться природой...

Странно, но погони Галка почему-то не видела и не слышала. В какой-то момент даже закралась мысль: «Может, они ее просто придумали?» Она ведь не знала, что погоня просто отстала, потому что позже, чем было запланировано, началась. А бандиты, ее сопровождавшие, все свои действия сверяли по заданному времени и, когда поняли, что погоня запаздывает, сделали остановку специально, чтобы дожидаться, а вовсе не для того, чтобы подтянуть подпругу — с ней было все в порядке...

Она обнаружила, что за ними действительно гонятся, на крутом подъеме. Подъем был довольно затяжной, лошадь подустала и заметно сбавила ход.

— Вон они, голубчики, явились не запылились, — сказал Галкин сосед. — Погоняй, Василь, а то достанут!

— Ну, пошла, милая! Не подведи! — крикнул Василь и ударил вожжами лошадь по взмыленным бокам.

Сани вздрогнули, набрали скорость, и Галка, обернувшись, едва успела разглядеть своих преследователей. Свои они или чужие — понять было трудно, отсюда, с высоты, и лошадь, и фигурки людей казались маленькими, но ощущение опасности и страха Галка испытала большое.

Если, кусая губы, прикидывала она, это бандиты Огульского, которым приказано их задержать, то, попади она им в руки, никакой надежды на спасение нет. Если же их преследуют наши, то бандиты, сопровождающие ее, обязательно окажут им сопротивление, поскольку сдаваться они не собирались. Значит, возможна перестрелка, и где гарантия, что в этой перестрелке она уцелеет. Галка не знала деталей заключительного спектакля, а предположить, что он будет таким, не могла, этот вариант просто не укладывался в ее голове...

Бешеная гонка утомила ее, но она и подумать не смела о какой-либо передышке. «Только бы попасть к своим! — молила судьбу. — Только попасть!..» Сейчас заставка, Тамаров казались ей недосыгаемо далекими, а преследователи словно дышали ей в затылок. В какой-то момент она даже с обидой вспомнила Полосатого. «Как он мог такое допустить? Если это спектакль, то надо быть просто сумасшедшей, чтобы в нем играть...» Обида прошла быстро, промелькнула, как всякая мимолетная слабость. Слишком велика была и желанна цель, чтобы корить своего спасителя за средства ее достижения. Разумом она это понимала, но сердце сжималось от боли при мысли, что цель эта отдана сейчас в руки людей, которым нельзя доверять, потому что они, что бы им там ни приказали, все-таки не наши, чужие...

Развязка наступила на стыке дорог, одна из которых уходила в глубину леса.

Василь остановил лошадь и, обернувшись к Галке, сказал:

— Все, пани, дальше нам вместе нельзя. Вместе от погони не уйдем...

Сказано это было таким спокойным и уверенным тоном, что, рассуди Галка здраво, она бы без особого труда догадалась, что все идет правильно, по намеченному плану, что именно сейчас и настал тот самый момент, когда она должна остаться одна. Но Галка этого не знала и потому,

слезая с саней, испытывала не только чувство растерянности, но и страха, обреченности, бессилия перед тем, что ее теперь ожидает.

— Что я должна делать? — спросила она упавшим голосом.

— Как что? Идти вперед, — удивился Василь. — Добираться до хутора Соколиха. А мы попробуем их отвлечь.

— Только идите первое время по краю леса, — посоветовал ей другой бандит. — А потом выходите на дорогу, до хутора здесь рукой подать...

Сани тихо тронулись с места и повернули на уходящую в глухой лес дорогу.

— Прощайте, пани! — крикнул ей Василь. — Не поминайте нас лихом! Видно, не судьба нам хлебнуть вашей свободешки!... Ну, пошла, милая!..

Василь взмахнул кнутом, и через мгновение сани скрылись за деревьями.

Галка сошла с дороги, углубилась на несколько метров в чащу леса и, привалившись спиной к холодному стволу старой ели, перевела дух. Одна, в ночном лесу, она, так мечтавшая все эти дни об освобождении, не испытывала сейчас ощущения свободы. Ей казалось, что все самое страшное для нее еще впереди, и не было никакой уверенности в том, что она доберется до хутора, до заставы.

Потом она услышала скрип приближающихся саней и увидела на освещенной луной дороге своих преследователей. Остановившись на том самом месте, где ее недавно высадили, они перекинулись несколькими фразами и свернули в лес...

С этого момента «преследовать» Галку никто уже не собирался и она могла, отбросив опасения, выйти на дорогу и спокойно шагать к хутору. Могла, но не сделала этого, решила идти лесом...

22

Шла долго, проваливаясь по пояс в снег, несколько раз падала в изнеможении и лежала, с ужасом думая, что уже не сможет подняться. Но поднималась и шла дальше. А дорога была рядом, совсем близко, и Галке иногда так хотелось на нее выйти! «Лучше бы, — думала, — ее совсем не было...»

Примерно в километре от хутора силы почти оставили ее. А тут еще по дороге кто-то проехал. Испугалась, с трудом передвигая отяжелевшие ноги и хватаясь руками за

деревья, пошла в глубь леса. Если бы она знала, что до хутора осталось так мало, она бы, наверное, себя превозмогла, сделала последнее, решающее усилие. Но она уже потеряла счет времени и пройденным километрам, которым, как ей казалось, не будет конца. Когда она, слегка передохнув, двинулась назад, к дороге, в глазах вдруг все поплыло, тело стало чужим. Упала лицом в снег и больше ничего не помнила...

Ее нашел под утро лесничий, объезжавший на лыжах свои владения. Еще уловил в ней дыхание, понял, что жизнь в ней, замерзшей, чуть теплится и что помочь ей он сам ничем не сможет и до жилья сам ее не донесет. Слетал на хутор за помощью, а потом, дождавшись, когда в теплой избе заботливые руки хозяев вернули ей сознание и она открыла глаза, на тех же санях, в которых ее привезли, помчался на заставу...

По-настоящему очнувшись, пришла в себя Галка уже в Горской больнице. Как ее везли, кто с ней был рядом и что с ней делали до приезда сюда врачи — ничего этого она не знала, потому что сознание приходило к ней только на мгновение. Ее поместили в отдельную палату, и первым, кого она увидела, пробудившись от долгого, глубокого сна, был Тамаров. Не поверила своим глазам, а потом, когда он коснулся ее руки, попыталась улыбнуться, но не смогла, только скривилась от боли и, словно стыдясь своей слабости, отвернулась к стене и заплакала...

Тамаров тоже ощутил предательский комок в горле, едва сдержал нахлынувшее на него волнение. Ему так много хотелось ей сейчас сказать, столько ласковых, нежных слов припас он для этой долгожданной минуты ее пробуждения! Но так уж случилось, что успокаивать ее, жалеть у него и у тех, кто был сейчас возле ее постели, времени не было. Они и так уже за эти несколько часов, пока врачи боролись за ее жизнь, натерпелись ожиданием, готовы были в бога поверить — только бы она очнулась, только бы заговорила...

А она молчала. Молчала не потому, что не могла говорить, а потому, что не знала, о чем ей надо говорить, — она все забыла. И тогда окружавшие ее люди все надежды возложили на Тамарова, справедливо решив, что только ему одному, самому близкому для нее человеку, подвластно то, чего все они, вместе взятые, не в силах добиться. Выражаясь военным языком, в бой должна была вступить тяжелая артиллерия, а простым, человеческим — старое, как мир, но надежное, испытанное и всемогущее средство —

магическая сила любви двух молодых людей, страдавших жестокой разлукой...

— Мы очень надеемся на вас, лейтенант, — сказал Тамарову подполковник Капралов, опытный чекист, сразу после войны возглавивший местные органы безопасности. — Сделайте все возможное и невозможное, но получите от жены информацию. Простите, что я настаиваю на этом, но от ее информации многое зависит...

— Я понимаю, товарищ подполковник. Сделаю все, — тихо, но твердо ответил Тамаров.

А сам не знал, как, с какой стороны к ней подступить, с чего начать этот важный и трудный разговор, который она могла и не выдержать. Смотрел на нее, ловил ее взгляд, но она будто не замечала его, тупо уставившись в потолок, ушла в себя. О чем она думала? И думала ли вообще? Вглядываясь в ее неподвижное лицо, Тамарову казалось, что жизнь, которую ей вернули, не вошла еще в ее измученное болезнью тело полностью, что она только задела его краем, и потребуется немало времени, чтобы оно по-настоящему ожило, задышало, напомнило о себе хотя бы легким движением руки...

Тамаров, понятно, натерпелся за этот день больше всех. Жизнь его жены висела на волоске — это он осознал сразу, как только ее увидел, приехав на хутор. Галка так изменилась, что он с трудом узнал ее. Перед ним там, в избе, лежала как бы другая женщина, и если бы его спросили, что в ней изменилось больше всего, он бы не ответил, потому что изменилось все до неузнаваемости. Его сразило и ее почерневшее, утратившее прежние черты лицо, и такие же почерневшие, напоминавшие своей безжизненностью и неподвижностью опавшие сухие ветки руки. Но, пожалуй, особую боль он испытал, когда она на мгновение приоткрыла глаза, в которых он не увидел никаких признаков мысли, понимания хоть в какой-то, пусть малой мере того, что с ней произошло и происходит, кто ее окружает. По ее глазам он реально ощутил угасание в ней жизни, почувствовал холодок нависшей над ней смертельной опасности. А когда потом, в санитарной машине, тело ее свела судорога, он испугался и подумал, что это конец, что до больницы она не дотянет...

И вот теперь, когда самое страшное, как сказали врачи, осталось позади, он не отходил от ее постели. Понимал, что ей надо отдохнуть, набраться сил, но обстоятельства требовали другого, и он, желавший ей только добра, готовый

защищать ее от постороннего вмешательства, вынужден был им подчиниться. Он знал, что Капралов никуда не уедет, пока не дожидется информации, что, если потребуется, будет добиваться ее сам.

Капралова можно было осуждать за чрезмерную настойчивость в достижении цели, но его надо было и понять. Он ждал известий от Петра Ищенко, еще больше ждал его самого. Поэтому, когда ему сообщили с заставы о жене Тамарова, он тотчас помчался на хутор, прихватив с собой и санитарную машину с врачами. Принятые им меры оказались очень своевременными: без помощи врачей Галку вряд ли удалось бы спасти. Но получить от нее сразу какую-то информацию было невозможно. Капралов, поняв это, решил набраться терпения, однако состояние больной не улучшалось, а ухудшалось, и он, будучи в общем-то человеком сдержанным, волевым, несколько раз срывался, дергал врачей и подчиненных. Только Тамарова не трогал, видел, как ему тяжело, но держал его, как говорят, про запас, дожидаясь его часа. Ждать пришлось долго, а время поджимало. Информация нужна была Капралову, как воздух, без нее вся будущая операция по уничтожению банды Огульского выглядела расплывчатой, неопределенной, не имела логического начала и конца. Волновала, настораживала Капралова, не давала ему покоя и судьба Петра Ищенко. «Где он? — терзал он себя вопросами. — Остался в банде или, прикрывая жену Тамарова, вступил в бой с преследовавшими их бандитами и погиб?» Мысль о гибели Петра казалась ему злоедей, но она была реальной, потому что оставаться в банде Петру он команды не давал. Конечно, в силу ситуации такая необходимость могла возникнуть — это Капралов понимал, однако он знал и другое: Петр никогда не позволил бы рисковать конечной целью задания, он постарался бы сделать все для того, чтобы жена Тамарова благополучно дошла до своих, передала нужные сведения. А она не дошла, и только счастливая случайность помогла ей оказаться в хуторе. Значит, что-то произошло, задержало Петра не в банде, а в пути...

Капралов терялся в догадках, и поскольку он этого не любил, а ответа найти не мог, злился, не находил себе места. И сейчас, оставив Тамарова наедине с женой, тяжело шагал по длинному больничному коридору, нагоняя своим хмурым видом страх на подчиненных и спующий, мешавший ему, раздражавший его «бестолковой беготней» персонал...

— Посмотри на меня, — сказал Тамаров. — Ты слышишь меня? Я хочу, чтобы ты посмотрела на меня. Я очень долго тебя ждал...

Она не отвечала. Продолжала смотреть в потолок. Он взял ее тонкие пальцы в свою большую ладонь и слегка сжал их. Она закрыла глаза, и он увидел, как по ее впавшим щекам скатились две слезы. Тогда он встал и, склонившись над ней, тихо, но внятно сказал:

— Ты должна говорить. Должна все вспомнить. Иначе все твои мучения напрасны. Ты меня понимаешь?

Губы ее задрожали, но глаз она не открыла. Он подумал, что она сейчас снова заплачет, опять отвернется и надо будет потом все начинать сызнова. А она вдруг заговорила...

Когда она замолчала, у Тамарова невольно мелькнула мысль: «Хорошо, что нет Капралова!» Сам он был в отчаянии. Понять хоть что-то из сказанного Галкой было невозможно. Это был бред сумасшедшей, бессвязный лепет грешницы, только что выбравшейся из ада, нагромождение ужасов, которых она натерпелась и которые оправдывала, потому что считала себя виноватой и раскаивалась. Ничего из того, чего он ждал от нее, Тамаров не услышал: ни имен людей, которые ее окружали в плену, ни названий объектов... И тогда он понял, что Галка пришла в себя только телом, а разум ее еще болен и не поддается сознанию. Врачи не могли сделать такого вывода по той простой причине, что она до сих пор молчала, но вот она заговорила, и вся ее главная болезнь обнажилась как на ладони, проявилась отчетливо и ясно. Тамаров не знал, да и не мог знать, что делать, поэтому он, успокоив жену, бросился к врачам. Те, выслушав его и посоветовавшись, приняли решение — дать ей пару часов отдохнуть, а потом имеющимися у них в распоряжении средствами попытаться вернуть ей сознание хотя бы на час, на полчаса...

Тамарову с большим трудом удалось уговорить Капралова покинуть больницу.

— Я приеду к вам сам, как только получу от жены информацию, — пообещал он ему. — Я получу ее обязательно.

— Хочу верить тебе, лейтенант. Сам понимаешь, отменять операцию я не могу, а проводить ее вслепую — значит рисковать жизнью многих наших людей. Ты уж постарайся, родной... — Капралов пожал ему руку и, ссутулившись, стал спускаться по лестнице. На своих подчиненных

он даже не взглянул, словно их рядом и не было, и они, зная, как ему сейчас тяжело, лихо, сразу за ним не пошли, стояли и ждали, когда он спустится вниз.

Прощаясь с Тамаровым, один из них с грустью сказал:

— Понимаю, что у тебя на душе кошки скребут. Но и нас постарайся понять. Ситуация такая, что хоть волком вой. Начальник наш извелся и нас всех извел. Лучше бы он нас в банду послал...

Тамаров с самого утра ничего не ел и, когда ему предложили перекусить в больничной столовой, не отказался. Спросил у присевшего с ним за столик врача:

— Это, наверное, плохо, что ее будут приводить в сознание?

— Учитывая ее состояние, да, это не самый лучший метод лечения. Но мы учитываем и ваше положение, поэтому у нас нет другого выхода. Конечно, мы постараемся сделать все, чтобы исключить опасные последствия...

— Но гарантий нет?

— Их и не может быть, потому что искусственное лечение почти всегда хуже естественного выздоровления, а для выздоровления вашей жены сейчас требуется только одно — покой. Все остальное, что ей было необходимо с медицинской точки зрения, мы уже сделали. В общем, лейтенант, будем надеяться на лучшее и не падать духом, так?

— Так... — тихо ответил Тамаров. — Спасибо вам за правду, за помощь жене...

— Благодарить нас еще рано, надо еще поставить ее на ноги. Желаю вам приятного аппетита и удачи. И главное — поскорее ликвидируйте эту проклятую банду, которая нам, мирным людям, жить по-человечески не дает, сеет смерть вокруг. Нельзя с этим больше мириться, лейтенант, горько видеть изуверченных этими головорезами людей. Войны-то уже нет, но и мир еще в наши дома не пришел. Ненормально это. Несправедливо...

Тамаров молчал. Ему сейчас нечего было сказать. Просто не было таких слов, которыми можно было бы защититься и оправдаться. Банда продолжала существовать. Говоря протокольным языком, доставленная в Горскую городскую больницу в тяжелом состоянии его жена, Галина Тимофеевна Тамарова, могла сей печальный для пограничников факт засвидетельствовать. Только для этого ей еще надо было вернуть сознание...

Находиться рядом с палатой Галки ему не разрешили, и он почти два часа, томясь и переживая, слонялся по пустым аллеям больничного парка, с тревогой бросая взгляд

на ее задернутое шторкой окно. Потом за ним прибежала молоденькая медсестра, предупредила, что времени у него на посещение жены — не более пятнадцати минут и что разговаривать с ней надо «помягче, поласковой и не донимать ее разными там вопросами». Тамарова так и подмывало крикнуть: «Что же я, по-вашему, в молчанку с ней должен играть?! Неужели вы не понимаете, зачем я здесь, для чего?!» Но сдержался, догадавшись, что медсестра просто не в курсе дела, пообещал выполнить все ее «добрые пожелания».

В коридоре его встретил врач, тот самый, что беседовал с ним в столовой, никаких «добрых пожеланий» ему не высказал, но подтвердил, что времени у него немного.

И вот Тамаров снова у постели жены. Она сразу узнала его, на лице ее появилось что-то вроде улыбки. Памятуя о первом неудавшемся с ней разговоре, он пытался найти какие-то другие слова, чтобы начать беседу, но она опередила его:

— Я знаю, что должна все вспомнить. Я слышала, что ты тогда сказал...

Тамаров удивленно смотрел на жену, ему трудно было поверить, что так было на самом деле. Но так было, иначе она не вспомнила бы тех его жестоких слов. «Значит, — подумал он, — сознание тогда пришло к ней, но очень скоро оборвалось...» Боясь, что это может повториться, он достал из полевой сумки блокнот и придвинулся к ней поближе. Весь подчиненный сейчас главной своей задаче, он даже не уловил в ее взгляде и намека на обиду. А она обиделась, потому что всем своим истосковавшимся существом поняла, что он приходил к ней тогда и пришел теперь только по делу. Закрыла глаза и стала говорить...

Она восстановила в памяти все, до мельчайших подробностей, и если бы он был врач, он бы понял, чего ей это стоило. Но он даже не поглядел на нее ни разу — строчил и строчил в своем блокноте, боясь что-то пропустить, что-то перепутать. И только когда она сказала: «Это все, что я знаю...», он взглянул на ее лицо и содрогнулся от жалости, схватил полотенце и нежно, чтобы не причинить ей боль, протер от стекавшего крупными каплями пота лоб, щеки, шею... Он знал, как она всегда стеснялась его прикосновений, но, стараясь не думать об этом, протер и все ее дрожащее тело. Сам он ничего при этом не испытывал, делал все механически, но когда, повесив промокшее насквозь полотенце, сел на стул и взглянул на ее заметно порозовевшее лицо, почувствовал себя неловко и застеснялся. А она

тихо засмеялась и сказала: «Глупый. Ах, какой же ты у меня, Тамаров, глупый!..»

Потом ей стало хуже, и он, понимая, что пора звать врачей, все же сделал над собой усилие и спросил о Петре:

— Что с Ищенко? Где он? Ты слышишь меня? Я спрашиваю: что с Петром Ищенко?

— Значит, это был он? Наконец-то я узнала, кто мой спаситель... А разве я о нем ничего не сказала?

— Нет. Что с ним?

— Он остался там. Я не знаю, почему, он не объяснил. Но он остался там...

Она что-то пробормотала еще, но понять ее уже было невозможно. Тамаров выбежал в коридор — там его уже ждали врач и медсестра. Врач вошел в палату, а медсестра, узнав, что больной плохо, своего не упустила, набросилась на Тамарова с упреками: «Не выполнил наставлений!.. Думает только о себе!.. Еще муж называется!..» и т. д. и т. п. Тамаров не стал оправдываться, сразу поднял руки.

— Все правильно, — сказал он, — все так. Только помогите ей, милая сестричка! А когда придет в себя, скажите, что я жить без нее не могу! Так и передайте! И еще скажите, что я буду ее навещать!

— А вы сами-то что же о своей любви ей так и не сказали?

— Нет, сестричка, не сказал. Не успел. Я ей только вопросы задавал... разные...

— Вот все вы такие, мужики. А я ведь предупреждала...

Тамаров уже неся по коридору, а медсестра с осуждением и с возвышающей ее над «мужиками» уверенностью в своей женской правоте смотрела ему вслед.

24

Она, эта молоденькая медсестра, не знала, что Тамаров покидал Галку с болью в сердце, только внешне этой пронизывающей боли не выказывал. Тревожные мысли о бесконечно родном и близком ему человеке не оставляли его ни на минуту и в пути, и там, где его с нетерпением и надеждой ждали. И хотя он в кабинете у Капралова, когда проходило совещание и принималось решение, в основу которого была положена доставленная им информация, старался подавить эти мысли, все присутствующие заметили его состояние, только промолчали из вежливости, а еще

больше из жалости к нему, понимая, что простым сочувствием его сейчас не утешить, незаживающей в его душе раны не исцелить.

Совещание было важное, Тамаров прежде никогда на таком не присутствовал, да и не мог бы — он это понимал — присутствовать, если бы не сложились так обстоятельства. В кабинете у Капралова помимо основных его сотрудников находились начальник Горского погранотряда, начальник УВД и начальник местной милиции. Чуть позже прибыл секретарь райкома партии. Извинился за опоздание и сразу же обратил внимание на Тамарова, который был для него новым человеком (остальных он, видимо, уже хорошо знал). Капралов представил ему Тамарова, чем вызвал явное неудовольствие со стороны начальника погранотряда. Секретарь райкома заметил это и поспешил в шутливой форме примирить обоих начальников, сгладить неожиданно возникшую неприятную ситуацию:

— Наш человек, общий, а вы его, как яблоко раздора, делите!..

Потом поинтересовался у Тамарова состоянием жены и, выслушав, спросил:

— Достаточно ли квалифицированная оказывается ей помощь в больнице? Имеются ли у лечащих врачей все необходимые лекарства?

— Врачи делают все возможное для ее выздоровления, — смущенно ответил Тамаров.

— Этого мало! Речь, насколько мне известно, идет пока не о выздоровлении вашей жены, а о ее спасении. Стало быть, надо сделать и невозможное!.. Словом, обещаю вам сегодня же связаться с руководством больницы и реально помочь всем необходимым. К сожалению, в некоторых медикаментах мы испытываем еще голод...

Тамаров до глубины души был тронут столь искренней заботой, разволновался, не нашел нужных слов, чтобы поблагодарить, и только когда совещание было продолжено, успокоился, пришел в себя, но нет-нет да поглядывал на секретаря райкома и всякий раз при этом испытывал теплое чувство признательности к этому человеку. А секретарь райкома не замечал его взглядов, внимательно слушал выступавших, иногда что-то помечал в своем блокноте, бросал реплики. Тамаров с удовлетворением отметил, что партийный руководитель, в сущности главное и самое важное по значению лицо в городе и районе, никак и ничем этого не подчеркивал, не выпячивал своих заслуг и ответственности, а ведь и заслуги у него были — в годы войны он

командовал партизанским отрядом, и ответственность на его плечах лежала большая — город и район были приграничными. Скромность и деловитость, никакой позы — вот что, пожалуй, отличало его от собравшихся здесь, тоже в общем-то заслуженных, нерядовых людей, и Тамаров подумал, что в этом, наверное, и есть сила партийного вожака, которому доверяют и за которым идут. И еще он вспомнил сказанное однажды капитаном Орловым: «Когда случается в нашей службе прорыв, перед начальством своим виноват я, а перед горским партийным секретарем — в долгу, потому что мать родная так о своем сыне не заботится, как он о нас, пограничниках...» Теперь Тамаров воочию убедился в правильности этих слов. Не оставив без внимания проблемы и сложности, возникающие в связи с проведением будущей операции у местных органов милиции и подразделений внутренних войск, секретарь райкома особо подчеркнул роль пограничников в ликвидации банды Огульского.

— У вас, товарищ полковник, — сказал он, обращаясь к начальнику Горского погранотряда, — задача наиболее трудная и опасная. Хорошо, конечно, если удастся накрыть банду прямо в ее логове. Но может ведь случиться и так, что банда ускользнет из окружения, или — что тоже реально — опередит нас по времени, и тогда она наверняка начнет прорываться через границу в надежде соединиться с бандой, орудующей на территории Польши. Я, понятно, не собираюсь вас учить, тем более подменять — это было бы с моей стороны просто смешно, но, думаю, не мешало бы усилить те заставы, на участках которых возможен прорыв. Мы должны сделать все, чтобы ликвидация банды прошла с минимальными для нас людскими потерями. Только в этом случае мы будем считать проведенную операцию успешной...

— Вариант прорыва через границу мы не исключаем и заставы на предполагаемых направлениях усилим, — ответил полковник и с улыбкой добавил: — А хватка-то у вас партизанская осталась, товарищ первый секретарь!

— Военная, я бы уточнил, хватка. Она у всех осталась, кто воевал, и списывать ее в архив нам еще рано. Впрочем, вы, военные, это лучше меня знаете...

Операция по уничтожению банды Огульского была обсуждена детально, с учетом всех «за» и «против» и в целом была одобрена. Правда, не сразу пришли к единому мнению, когда решали вопрос о дне ее начала. Что банда готовится к какой-то большой акции, не сомневались и рань-

ше. Последнее время бандиты не предпринимали никаких вылазок, ушли в глубокое подполье. Бесценная информация Петра Ищенко, переданная женой Тамарова, конкретизировала план нашего командования, сняла многие вопросы. Но не все. Когда начинать операцию? — этот вопрос потребовал серьезного обсуждения. Начальник УВД, например, считал, что банду Огульского надо обезвредить в день ее выступления на объект.

— Во-первых, — говорил он, — в этот день вся банда наверняка будет в сборе, и мы сможем ликвидировать ее одним ударом. Во-вторых, надо выманить ее из логова, поскольку основная база ее расположения, несомненно, укреплена и мы можем встретить сильное сопротивление.

Такого же мнения придерживался и начальник местной милиции. А вот начальник погранотряда требовал форсировать события и объяснял это тем, что Огульский, опытный и хитрый враг, может изменить свои планы и атаковать объект раньше намеченного срока.

— Но если он даже не изменит даты выступления, нет никакой гарантии, что он предварительно не уведет банду в другое место, поближе к объекту нападения, а мы не будем знать, куда именно.

Капралов больше склонялся к поддержке доводов начальника погранотряда, но твердо этой своей поддержки не высказывал по двум причинам, в основе которых лежал один фактор — фактор времени. Он считал, что план уже есть, но операцию надо еще готовить и шлифовать. Помнил он и замечание секретаря райкома об усилении застав на случай возможного прорыва банды через границу.

— Сумеете вы быстро усилить ваши заставы? — спросил он начальника погранотряда.

— Сумеем! — ответил тот. — Усилим завтра же, хотя до прорыва, я думаю, дело не дойдет, если мы замкнем кольцо окружения. Такова наша главная задача, и мы должны ее выполнить.

— Так-то оно так... — сказал Капралов, поморщив лоб. — Но мы не должны забывать о том, что наш противник тоже думает... — И он посмотрел на секретаря райкома, явно ища у него поддержки.

Но секретарь райкома молчал. Своего военного опыта он, видимо, сейчас не только не преувеличивал, но считал явно недостаточным, чтобы вмешиваться в дискуссию военных людей, профессионалов, подлинных мастеров своего дела, за плечами которых тоже была война и была еще не одна послевоенная боевая операция.

И тогда взял слово старший лейтенант Артеменко, друг и земляк Петра Ищенко. Капралов всегда брал его с собой, будь то совещание или командировка, потому что этот рядовой сотрудник обладал прямо-таки феноменальной памятью, был незаменим по части секретной и обычной информации, поступавшей сверху и снизу, мог процитировать любой документ почти наизусть. Капралов и настраивал себя сейчас на получение от него какой-то важной информации, касающейся предстоящей операции. Но Артеменко ни о чем собравшихся не информировал, хотя и не отошел от главного вопроса совещания. Более того, он заставил всех подойти к этому вопросу с самых реалистичных позиций, исходя из сложившейся на сегодняшний день ситуации.

— Мы сейчас, — сказал он, — оцениваем свои силы и возможности, прикидываем и анализируем силы и возможные ходы противника, и это, конечно, правильно. Но мы почему-то словно забыли о Петре Ищенко, который снабдил нас бесценной информацией и который сейчас находится не здесь, с нами, а там, в банде, в том самом логове, которое мы собираемся ликвидировать... — Посмотрел на Капралова и продолжал: — Не могу понять, товарищ подполковник, вашей позиции. Вы вроде бы и не возражаете против немедленного начала операции и в то же время не настаиваете на ее скором начале. Но вы ведь хорошо знаете Ищенко! Он просто так в банде бы не остался. Я думаю, здесь был точный расчет. Ищенко поставил себе целью задержать банду во что бы то ни стало до нашего прихода. Я не знаю, как он это сделает, но зато я абсолютно не сомневаюсь, что он постарается это сделать! И если мы не накроем банду как можно скорее, то может случиться непоправимое. В тот момент, когда бандиты выступят, он примет бой. Другого решения этот человек принять не может, а уж пулемет или пару автоматов с гранатами, поверьте мне, он как-нибудь раздобудет...

— Да, тут ты прав... — сказал Капралов и потянулся за лежащей на столе пачкой сигарет. — Тут все логично... Логика, а не только тревога за нашего боевого товарища подсказывает и другое. Мы сильнее банды Огульского, силы наши фактически уже собраны в единый крепкий кулак, потому что мы давно готовились к этому решающему бою. Будут, как мы только что здесь слышали, надежно укреплены заставы. Чего же нам ждать? Теперь мы располагаем всей необходимой информацией — спасибо за это Петру Ищенко и жене лейтенанта Тамарова. Время действовать! У меня все...

На какое-то время воцарилось молчание, а потом вдруг все словно спохватились, заговорили, и никто уже не оспаривал необходимости начать операцию как можно скорее...

Когда стали расходиться, Капралов подошел к Артеменко и ворчливо буркнул:

— Распустил я вас. Хлебом не корми, только дай вам повод подколоть начальника. А в общем-то я доволен тобой. Соображаешь!

— Так ведь ваша школа, товарищ подполковник! — с улыбкой ответил Артеменко. — Не все же нам одни документы назубок запоминать...

— Ну ладно, ладно, любое дело, если оно полезное, когда-нибудь зачтется!.. Иди, готовь отчет о совещании, будем посылать депешу во Львов...

Потом к Капралову подошел секретарь райкома.

— Толковый у тебя сотрудник, этот Артеменко. Не мешало бы таких двигать вперед. Как думаешь?

— Думаю, конечно. А вообще, товарищ первый секретарь, в моем ведомстве слабых работников не держат! Не положено...

— Ну вот, опять хвастаешь! И когда я тебя от этого порока отучу?!

— Думаю, скоро. Вот вызовешь пару раз на ковер...

— Да, надо бы. Хотя, ты же знаешь мою слабость, больше люблю хвалить, чем ругать, но не всегда получаю...

Тамаров уезжал на заставу вместе с начальником погранотряда, который наметил в этот же день посетить комендатуру, прямо отсюда, из кабинета Капралова, позвонил в больницу, справился о Галке. Ответили, что состояние ее пока неважное, но должно скоро улучшиться, что все для этого делается. Тамаров просил передать жене, что будет ее навещать, но когда он сможет это сделать, не сказал да и не мог сказать в силу сложившейся обстановки.

— Я навещу, завтра же, — пообещал Капралов. — Поклонюсь ей и постараюсь помочь. И секретарь райкома поможет, у него слово твердое... — Крепко пожал руку Тамарову и добавил: — Держись, друг, и спасибо тебе за все. Извини, если был слишком настойчив, но сам понимаешь...

Проводил до машины, опять пожал руку и не возвращался к себе, пока машина не скрылась за угловым домом.

25

То приходя в сознание, то теряя его, Галка все-таки с каждым часом, пусть очень медленно, но удалялась от опас-

ной черты. Конечно, в том, что она выздоравливала, главная, решающая роль принадлежала врачам, их неустанным заботам о ней. Здорово помогли ей и лекарства, которые, как и обещал, доставил в больницу секретарь райкома. Сам он, посетив ее, ничего об этом не сказал, сказали потом другие, и она твердо решила при первой же возможности отблагодарить этого, совсем незнакомого ей человека. И сделала это, как только встала на ноги. Но это будет позже. А сейчас, прикованная к постели, ощущая во всем ослабевшем теле нестерпимую боль при малейшем движении, она как могла боролась с болезнью. Боролась, потому что знала, что никакие врачи и лекарства не смогут ей помочь, если она не поможет себе сама, если сама не захочет выздороветь. А она хотела, очень хотела этого!..

До того, как она увидела Тамарова, возможность выжить казалась ей далекой и нереальной. Организм ее почти не сопротивлялся болезни, она вся была во власти врачей. Теперь все изменилось. Страстное желание увидеть мужа еще раз завладело всем ее существом, и она уже с ужасом думала о том, что еще совсем недавно смерть могла разлучить их навеки. Она хотела его видеть так же сильно, как день назад хотела дойти до хутора. И потому боролась. И боролся ее организм. Но иногда, в те минуты, когда ей было очень тяжело, она терялась и впадала в отчаяние. «Только счастливый случай, — думала она, — помог мне добраться до хутора. Но его могло и не быть. Так смогу ли я выкарабкаться сейчас из сковавших меня пут тяжелой болезни? Не обойдет ли меня стороной счастливый случай?..»

В такие минуты Галка невольно вспоминала последние километры своего пути из плена, как бы заново переживала ту трагическую ситуацию и, обливаясь холодным потом, не находила себе оправдания. Она словно забыла главных виновников своих мучений и во всем винила только себя. «Зачем, зачем я пошла лесом, а не дорогой? Откуда взялся тот страх, что лишил меня здравого смысла? Ведь мне уже никто не грозил, ничто не мешало. Как я могла забыть все, о чем предупреждал Петр? И кто оправдал бы меня, если бы я не выполнила его поручений?..» Она буквально истязала себя самобичеванием и, обессиленная, искала спасения только во сне. Но и во сне воспоминания не оставляли ее. Она видела освещенную луной дорогу, по которой идет. И чей-то голос кричит ей: «Уходи!» Она слышит его, слышит за своей спиной погоню, но не уходит с дороги, хотя лес рядом. «Уходи! Уходи! Уходи!» Разумом она понимает, а ноги не слушают... Просыпалась и не могла ото-

рвать тяжелую голову от подушки. Сон не успокоил ее, напротив, он еще сильнее разбередил ее душу, потому что противоречил уже утвердившемуся в ней мнению: она должна была идти по дороге, но не сделала этого и потому вынуждена теперь бороться за жизнь...

Как-то под вечер ее посетил Капралов, и в разговоре с ним Галка не выдержала, поделилась с ним своими переживаниями. Он выслушал ее внимательно и, улыбнувшись, сказал:

— Напрасно вы себя, голубушка, казните. Вы потому и пошли лесом, что очень хотели дойти до хутора, хотели исключить всякий риск. Только так мы и оцениваем ваш поступок. Успокойтесь и поскорее выздоравливайте. Вам есть для кого жить. У вас прекрасный муж. Он очень любит вас и ждет...

Когда Капралов ушел, Галка почувствовала облегчение. Посветлевшим взором оглядела палату, которая показалась ей теперь и приветливей, и уютней, потом достала из тумбочки зеркальце и, заглянув в него, привычным легким движением привела в порядок разбросанные по плечам волосы. А еще через несколько минут, к удивлению врачей, попросила есть...

Ей давно уже не было так хорошо, как в этот вечер. И боли куда-то ушли, и мрачные мысли. И не искала, как прежде, спасения во сне. Наслаждаясь тишиной и покоем, лежала и размышляла...

Что же, собственно, произошло? Ну, пришел человек, сказал несколько слов. А все вдруг и вокруг нее и в ней самой, как по мановению волшебной палочки, переменялось. Отчего? Отчего вся жизнь ее, казавшаяся ей еще совсем недавно сплошным мучением, наполнилась теперь каким-то удивительным и желанным смыслом — быть, остаться на этой земле? И почему вдруг какие-то радостные звуки ворвались в открытую форточку и повеяло весной, хотя на дворе была зима?.. Как же все-таки, подумалось ей, удивительно устроен мир! Как он чуден и непредсказуем! И как хочется жить в этом мире, если есть в нем дорогой тебе человек!.. Он любит и ждет тебя, и об этом все знают. Даже Капралов... И стало немножечко стыдно перед самой собой оттого, что ей напомнили об этом, о том главном, чем она жила и что, в сущности, являлось для нее смыслом существования. Капралов сказал: «Он очень любит вас и ждет». Как приятно ей было услышать эти слова! И как неожиданно они для нее прозвучали... «Разве,—подумала,—я не знала об этом? Разве не понимала того, как я ему нужна? Как

же я могла так безвольно отдаться своей болезни, как могла даже в мыслях согласиться с возможным страшным исходом? Боже, какая же я была дура! Моя смерть искалечила бы всю его судьбу и, быть может, на всю жизнь сделала бы его сиротой...» И заплакала. Но это были уже не горькие слезы обиды, это были слезы очищения и прозрения, от которых светлее душа и ровнее бьется сердце. Переполненная чувством любви к Тамарову, она сейчас испытывала и огромное чувство благодарности к людям, не оставившим ее в беде. Мысленно поклонилась и лесничему, наткнувшемуся на нее в лесу, и хозяйке с хутора, оказавшей ей первую помощь, и врачам, боровшимся за ее жизнь...

За окном уже стояла ночь, а сон к ней не шел. «Как там, — спрашивала себя, — мой Тамаров? Думает ли обо мне?» И сама себе отвечала: «Конечно, думает! Ждет!» И оттого, что это так, что иначе и быть не может, улыбалась и, как когда-то в детстве, жмурила от счастья глаза. И, наверное, долго бы так блаженствовала, но вдруг что-то тревожное властно постучалось в ее успокоившуюся было душу. Она не сразу поняла, что случилось. Ощущение было такое, будто она о ком-то забыла, забыла неправильно, несправедливо, но вспомнить о нем не могла и потому мучилась в догадках. И только потом вспомнила, и близко, совсем рядом увидела лицо этого человека, который в короткое, полное испытаний и тревог время стал для нее дорогим и которого больше, чем других, она была вправе называть своим спасителем. «Как же, — подумала, — я могла о нем забыть? Как могла?..»

С мыслями о Петре Ищенко, о его судьбе она и засыпала. Опасности, его подстерегавшие, казались ей несравнимо большими, чем ее болезнь. Она была здесь, среди своих. А он был там, среди врагов. Они окружали его со всех сторон...

26

Опасностей вокруг Петра Ищенко и впрямь было столько, что он о них не думал. Привык к ним, считал естественными. Такая, в общем, была служба.

Он думал сейчас о жене Тамарова, о порученном ей задании и о том, что делает командование, какое, получив его информацию, примет решение.

Что жена Тамарова добралась до своих — сомнения не было. Сопровождавшие ее бандиты благополучно вернулись назад и получили благодарность от Огульского. Беспокоило

только то, как они с ней обошлись, выдержала ли она испытание, не допустила ли в дороге какой-нибудь промашки, не выдала ли подлинную цель побега одним лишним словом. Допросить бандитов ему не удалось — Огульский их от него изолировал, спрашивать же о проведенной операции самого главаря банды не считал нужным — пусть главарь думает, что «агент с Запада» ему полностью доверяет и не сомневается в успехе им задуманного. Петр сознательно прикидывал свою роль в операции «побега», старался всячески подчеркнуть, выпятить в ней роль Огульского. Это был правильный ход: самовлюбленный пан любил лесть, похвала, да еще если она шла от присланного его могучими хозяевами человека, приятно ласкала слух. И невольно забывался, уходил на задний план настоящий автор удачно сработанного спектакля...

Доверял ли Петру Огульский полностью? Нет, потому что тогда он не был бы Огульским. Подозрительность и настороженность по отношению к высокому гостю не оставляли его ни на минуту. Петр это чувствовал, нервничал, но внешне свое беспокойство ничем не выдавал. Он реально оценивал ситуацию, понимал, что слишком коротким было их знакомство, слишком мал срок его пребывания в банде, чтобы главарь ее успел проникнуться к нему безоговорочным доверием. Да он и не стремился к этому, и если волновался, испытывая на себе пронизывающий взгляд Огульского, то только по причине возможного, нежелательного в данный ответственный момент поворота событий. Хотя какое-то доверие главаря банды ему было необходимо, чтобы выиграть время, ни в коем случае не дать, не позволить хитрому и опытному противнику изменить намеченный план.

Огульский же шел иногда на явную провокацию, и провокация эта выглядела достаточно опасной, потому что имела под собой почву. Например, однажды он сказал Петру:

— Мои люди видели вас в Горске. Как вы это объясните?

Петр был готов к этому вопросу, держал при себе придуманную на такой случай легенду. И ответил:

— Если ваши люди бывали в Москве, они могли меня видеть и там...

— Это очень интересно!..

— Кому-то да, но только не вам и вашим людям.

— Почему?

— Потому что вас это не касается. Мое появление здесь — важный, но эпизод в моей службе. Есть дела и по-

важнее. Может, вы желаете еще и знать, какие это дела? Извольте, но сначала я попрошу центр и выясню, могу ли я быть с вами столь откровенным...

— Не стоит. Я заранее знаю их ответ. И не надо сердиться, это была просто шутка...

— Хорошо. Но постарайтесь больше со мной так не шутить, пан Огульский. В будущем это принесет вам только пользу.

— Вы верите в свое будущее?

— Да, верю. Потому что я верю в справедливость своего дела.

Огульский помолчал, а потом вдруг неожиданно предложил:

— Выпьем по маленькой? Что-то грустно стало...

— Если по маленькой, не откажусь! — поспешил принять предложение Петр. — А грусть не такая уж плохая штука, Огульский! Во всяком случае, она куда лучше, чем подозрительность, не так ли?

Огульский ничего не ответил. Вероятно, ему было неприятно признаться в том, что подозрительность давно уже вошла в его кровь и плоть и он уже без нее просто не мыслил своего существования...

Капкан на этот раз не сработал, но Петр отлично понимал, что главарь банды одним капканом не ограничится, поэтому ему приходилось быть постоянно начеку, в напряжении, а это изматывало и морально, и физически. В редкие минуты передышки он думал: «Скорее бы развязка! Что там решили наши? Только бы разгадали мой замысел! Банда не должна сделать из логова ни одного шага!...»

Беспокойство Петра усилилось после встречи Огульского с главарями мелких банд. На этой встрече один из главарей предложил Огульскому подтянуть банду поближе к объекту нападения. Петр, естественно, не знал, что возможность такой переброски обсуждалась и на совещании у Капралова, что наше командование уже приняло на этот случай соответствующие меры. И все же интуиция подсказывала Петру, что решающий удар наши планируют нанести здесь, поэтому главная его задача — задержать банду — оставалась в силе, но осложнилась, поскольку Огульский заколебался. Надо было действовать, заставить его поверить в правильность первоначального плана.

Огульский не представил Петра главарям банд, не считал, видимо, нужным: слишком мелкие сошки для «большого человека». Но Петру в сложившейся ситуации терять

было нечего, больше того, он решил использовать в своих целях свое «высокое положение» и представился сам. А потом высказал твердое мнение:

— Считаю, что ничего менять не надо. План пана Огульского продуман до мелочей и утвержден центром. Район расположения... наших сил (он едва не сказал «банды») — единственный район, который чекисты не смогли до сих пор засечь. Как мне известно, не смогли они засечь и подъездных путей, ведущих отсюда к объекту нашего нападения. Зачем же осложнять операцию, ставить ее под удар? Полагаю, нам нет необходимости шарахаться из стороны в сторону. Есть план, и его надлежит точно в намеченный срок осуществить. И поможет нам бог!..

После совещания Огульский сказал Петру:

— Зря вы им представились. Если ваше пребывание здесь — только эпизод, то конспирация вам вряд ли бы помешала.

— Благодарю за заботу. Но в данном случае она излишня. Вы же сами прекрасно знаете, что все эти мелкие сошки и руководимые ими группки мы приносим в жертву нашему плану. Убежден, что ни с одним из них мне уже не придется встретиться. И вам тоже...

Огульский опять ничего не ответил, но от Петра не ускользнула пробежавшая по его лицу грустная улыбка. Подумал про себя: «Бойтся за свою жизнь, не верит, что уцелее». А вслух сказал:

— Вы опять загрустили, Огульский?

— Да, есть немного. Одолевают иногда предчувствия...

— Навешают они и меня. Но я стараюсь от них побыстрее избавиться. И вам советую. Нам нельзя сейчас раскидывать, дорогой пан! Мы еще не исполнили своего долга!..

— Не знаю, как вам, а мне, честно признаюсь, уже надоело быть должником.

— Вы сами избрали свой путь. Пройдите же его до конца.

— Постараюсь. У меня нет другого выхода...

Они говорили на одном языке. Но как же разнились их мысли! Петр тоже сам выбрал свою трудную дорогу. И жить ему хотелось ничуть не меньше, чем Огульскому. Но он сейчас не думал о своей жизни, не боялся ее потерять. Все его устремления были направлены к одному — выполнить порученное ему дело, в справедливости которого он не сомневался. И не долг перед самим собой руководил сейчас им, а долг перед своими товарищами, перед всеми теми, кто скоро вступит в бой с бандой Огульского. Долг перед ними

был для него превыше всего, потому что они тоже жили и боролись для других. Их так воспитывали, и никакая сила уже не могла их перевоспитать.

Огульский никогда этого не поймет. Он порожден обществом собственников, где понятие «мое» всегда довлело над понятием «наше». И в этом, в сущности, и был смысл его трагедии. Он разнился с Петром так же, как разнилась прожитая ими жизнь. Но ущербная мораль не делала его слабым противником, потому что ущербности этой он не осознавал. Он будет бороться за «свое» с тем же упорством, с каким Петр боролся за «наше». В этом не было никакого сомнения. Отсюда и неизбежность, неотвратимость их столкновения. И Петр к нему готовился...

27

Операция по ликвидации банды Огульского началась за два дня до намеченного им срока нападения на Горскую электростанцию. Выделенные для этого части были подтянуты к району расположения основной базы противника ночью. В ту же ночь были взяты в железные клещи и другие бандитские группы. Удар по ним планировалось нанести одновременно с главным ударом, поскольку ликвидация этих групп хотя бы часом раньше могла спугнуть Огульского, и он, вполне вероятно, успел бы развернуть свою до зубов вооруженную банду в боевые порядки.

...Сторожевые посты банды на дальних и ближних подступах к логову были без единого выстрела сняты пограничниками. Готовились к этому, естественно, заранее и тщательно, но осуществить важнейшую для дальнейшего успешного хода операции задачу оказалось не так-то просто. Тут понадобились в высшей мере и отменная выучка, и смекалка, дерзость и выдержка, — словом, все то, чем и отличаются, сильны пограничники.

Одним из пограничных взводов, прибывших из отряда, командовал лейтенант Тамаров...

— Я должен там быть! — сказал он капитану Орлову. — Мне нельзя иначе! Ищенко спас мою жену, и я обязан ему помочь! Понимаете, обязан!..

— Не имею права тебя отпустить, — отвечал Орлов, — ты нужен здесь, на застаев. Операция важная, желание твое мне понятно, но охрану границы никто не отменял, тем более что мы должны как раз сейчас усилить службу...

Все, о чем говорил капитан Орлов, было правильно, но убедить Тамарова он не смог. Не было таких слов, чтобы

убедить. Можно было только приказать. Но Орлов этого не сделал. И дело тут было не только в том, что вопрос об участии Тамарова в операции был уже согласован с начальством (Орлов сознательно умалчивал пока о принятом решении). Главное было в том, что начальник заставы был человеком, и по-человечески он понимал Тамарова, готов был, окажись он на его месте, сделать то же самое.

Уже изрядно подустав от обрушившихся на него горячих доводов молодого лейтенанта, Орлов сдался и объявил ему решение начальника отряда.

— Что же вы раньше-то?.. — только и смог вымолвить Тамаров, а потом долго тряс руку капитана и благодарно заглядывал в его смеющиеся глаза.

— Ты, как барышня, право, чувствительный, — сказал, освобождая руку, Орлов. — А хватка у тебя наша, мужская. — И уже со строгим видом добавил: — Иди, готовься. Там будет жарко. И опасно...

— Я знаю, — тихо ответил Тамаров. А про себя подумал: «Какой же мерой тогда оценить ту опасность, в которой оказался Петр Ищенко?!» Тревога за судьбу этого человека, страстное желание помочь ему не оставляли Тамарова ни на минуту даже в самые решающие моменты операции. В сущности, ликвидация банды была для него общей задачей. Спасение Петра — стало для него конкретной целью...

* * *

Огульский почувал неладное только под утро, когда на базу не вернулись бандиты с дальних постов. Контролировавшие к этому времени уже и ближние подступы к логову пограничники пропустили посланные на смену бандитские наряды в наш тыл, где их без особого труда и лишнего шума обезвредили. Огульский хотел выяснить ситуацию и намеревался послать для этого своего заместителя, но Петр, поняв, что операция по ликвидации банды началась, сорвал вылазку.

— Не стоит паниковать, — сказал он главарю. — Ваши парни могли просто задержаться в пути. Если же их накрыли, тогда где гарантия, что не накроют и вашего заместителя? Надо подождать с выводами. В конце концов, если и был провал, то он произошел достаточно далеко от базы, и нам ничто не грозит. Или вы не уверены в своих людях?

— Уверен. Они умеют держать язык за зубами.

— Значит, мы вне опасности. Чекисты наведены нами на ложный след, они ищут базу в другом месте, основны-

ваясь на показаниях умело использованной вами жены русского офицера. В противном случае...

— Противного случая не может быть! — оборвал Петра Огульский. — Я абсолютно уверен и в Яремчуке! Вы ведь его имели в виду?

— Да. И я рад, что вы исключаете его предательство.

— Прошло уже много дней...

— Логично. Если Яремчук и другие ваши люди не выдали нас, то кто же мог еще? Таких просто нет. Поэтому чекисты и не смогли пока выйти на базу.

— Надеюсь, и не выйдут. Просто не успеют...

Петр добился своего: заместитель остался на месте. А о том, что пограничники сняли уже посты бандитов и на ближних подступах к базе, Огульский и не думал, и не гадал — он этого и представить себе не мог...

К семи часам утра наши подразделения замкнули кольцо окружения и отрезали банду от внешнего мира, лишив ее главаря всякой возможности знать, что делается вокруг.

Еще не рассвело, а у нас все было готово к атаке. Но атаку не начинали, ждали рассвета. В темноте, конечно, застать противника врасплох легче, если хорошо знаешь его позиции и засечены его огневые точки. А если нет, тогда из доброго помощника темнота грозит стать злой и коварной обманщицей. Сдвинутые сроки операции не позволили провести нашим глубокую разведку, а без нее, вслепую атаковать укрепленный район было рискованно, чревато большими людскими потерями. Не получили наши нужной информации и от Петра Ищенко, да он и не мог ее дать, поскольку дальше основного бункера и пятачка вокруг него подозрительный Огульский своего «высокого гостя» не пускал. Таким уж он был, главарь банды: в чем-то скоро, сразу поддался Петру, а где-то не доверял, гнул свою линию, относился к нему, как к чужому...

Не менее важным было и другое соображение, чисто психологического порядка. Наше командование, учитывая все «за» и «против», падеялось все-таки и на бескровный исход операции, на добровольную сдачу бандитов. Но для этого с нашей стороны требовался впечатляющий тактический ход, который должен был показать, внушить противнику всю бессмысленность сопротивления. Решили так: с рассветом, соблюдая необходимые меры предосторожности, демаскировать свои силы, обнажить сжатые вокруг базы клещи, дав таким образом банде понять, что никаких шансов на прорыв у нее нет...

Петр Ищенко не мог знать точно планов нашего коман-

дования, он мог только о них догадываться. И все же опыт и интуиция в этот решающий момент не подвели его, сработали в нужном направлении. Не сбрасывая со счетов подавляющую волю и разум бандитов силу влияния Огульского, он вместе с тем уже успел заметить среди них брожение, плохо скрытую и потому легко обнаруживаемую нервозность, неуверенность в успехе задуманной их главарем акции. Но, что самое главное, многие из них потеряли веру в справедливость творимых ими дел, потому что видели, с каким осуждением относится к ним местное население, с каким упорством оно защищает и отстаивает тот образ жизни, против которого их заставляют бороться. Против кого борьба и зачем, в чем ее смысл? — этот вопрос рано или поздно вставал перед каждым бандитом во весь рост. А ответа на него люди Огульского не получали, да и не могли получить. Не станет же их главарь убеждать в том, что они сражаются за что-то свое, за какое-то отнятое у них Советами богатство. Своего, тем более богатства, у них никогда не было. Всем владели огульские, которые никогда с ними, бедняками, ничем не делились и не поделятся, а вот работать на себя, батрачить за жалкие гроши наверняка заставят. Так за что же они воюют, за чью долю?..

За свое короткое пребывание в банде Петр не раз слышал подобные разговоры. Говорили бандиты с опаской, с оглядкой на двери, но, видно, не могли уже молчать, наболело. И по земле руки соскучились, и семьи, у кого они есть, ждут. И жить хочется. Не хочется умирать за чужое благополучие... Огульский знал о таких настроениях в банде и самых «опасных смутьянов» ликвидировал. Но с каждым днем, с каждой неудавшейся операцией «смутьянов» становилось все больше, а всех ведь не расстреляешь. Чтобы покрепче привязать к себе бандитов, он запугивал их Советской властью, суровостью ее законов, внушал им чувство страха и обреченности. Конечно, боязнь перед справедливым возмездием, расплатой за совершенные преступления жила в каждом бандите, часть из них осталась верна Огульскому до конца. Но то была малая часть. Большинство надеялось на снисхождение. Бандиты бывали в селах, знали, что делается вокруг, слышали от сельчан о судьбе тех, кто, как и они, запятнал себя кровью невинных людей, но добровольно сложил оружие. Советская власть наказала их, но судила справедливым судом, который принял во внимание явку с повинной...

У Петра уже не было времени на агитацию. В сложившейся ситуации ему оставалось только одно — в нужный

момент изолировать Огульского, не дать ему возможности как-то влиять на банду, то есть любыми средствами лишить его власти. «Значит, — решил Петр, — мне нельзя выпускать главаря из бункера. И я не выпущу его, чего бы это мне ни стоило...»

28

...Ах, как медленно наступал рассвет! И как он был красив в зимнем лесу!..

Глядя на проступившие из ночи деревья с лохматыми, похожими на большие крылья птицы ветвями, на медленно плывшие в посветлевшем небе снежные облака, на мирную поляну впереди, по которой важно прохаживалось несколько ворон, Тамаров на мгновение даже забыл, зачем он здесь; отключился и с жадностью ловил этот удивительный, почти первозданный лик окружавшей его природы. И, зачарованный этой красотой, невольно вздрогнул, когда рядом с ним кто-то щелкнул затвором. А потом раздалась команда, и он, и все, кто был от него справа и слева, перебежками, от дерева к дереву, устремились вперед и только на самой опушке леса, перед поляной, вспугнув осторожных ворон, залегли...

Но наши цепи напугали не только ворон. Неожиданное их появление возле базы, причем со всех сторон, произвело на дежуривших в этот ранний час бандитов ошеломляющее впечатление. Лес, еще недавно мертвый, молчавший, вдруг на их глазах ожил, зашевелился, оцетинился и, казалось, пошел на них! Растерянность и оцепенение сменились паникой. Огневые точки безмолвствовали, потому что у пулеметов и минометов не было людей — за ними надо было еще бежать. Но побежали не за ними, а к Огульскому — он один может решить, что делать, хотя ясно и без него, что отступать некуда...

Огульский и его заместитель находились в заднем отсеке бункера, а Петр, перекрывая им путь к выходу, — в среднем; выйти из бункера он не мог, его без разрешения главаря не выпустила бы внутренняя охрана, да он и не стремился к этому. «В любом случае, как бы ни сложилась ситуация, — а она, Петр чувствовал, близка к развязке, — судьбу Огульского надо было решать здесь». О своей судьбе он старался не думать, давно знал, на что шел. В сущности, вся его сознательная жизнь никогда не принадлежала ему самому. И в годы войны, и когда стал чекистом. Он не жалел об этом. Честно выполнял свой долг. Без громких слов о любви к Родине. Он был сыном ее. С мальчишеских лет

она заменила ему мать, выходила и воспитала. И потому не было для него большего счастья, чем служить ей верой и правдой, а в редкие минуты досуга любоваться ее неувядающей красотой...

Когда в бункер буквально влетел запыхавшийся, с испуганным лицом бандит, Петр пропустил его в задний отсек, потом достал из-под топчана припрятанный автомат и стал ждать. Он не слышал, о чем докладывал бандит, но раздавшийся вскоре крик взбешенного главаря слышали, наверное, все в бункере.

— Измена! — орал Огульский. — Где агент?!

Медлить было нельзя. Надо было опередить внутреннюю охрану, не дать ей опомниться, напасть на него с тыла. Двери отсеков закрывались изнутри, но сейчас та, за которой был Огульский, осталась незапертой. Петр с силой оттолкнул ее от себя ногой, и первое, что он успел разглядеть в густом табачном дыму, было разъяренное лицо главаря, вцепившегося руками в край стола. Прощил его очередь, а потом направил дуло автомата на двух других. Они в страхе пятились к стене, словно позабыв, что вооружены, потеряв от неожиданности, от внезапности происходящего всякую способность к сопротивлению. В иной обстановке Петр бы не колебался, покончил и с ними, но сейчас он принял другое решение. Оно пришло к нему мгновенно и так же мгновенно утвердилось в сознании.

— Оружие на стол!.. Теперь опять к стене!..

Они молча выполнили приказ, и тогда Петр быстро, не сводя с них глаз, держа обоих под прицелом, закрыл дверь на задвижку. Мера была своевременная, потому что всполошившаяся, потревоженная выстрелами охрана уже бежала к отсеку.

— У вас сложное положение, — сказал заместитель.

— У вас тоже, — отпарировал Петр. — Я ведь могу им сказать, что это вы убили Огульского...

— Они вам не поверят.

— Поверят! Они сейчас всему поверят, даже тому, что это именно вы их предали... Но не будем пререкаться. Сейчас они начнут ломиться в дверь. Прикажите им уйти в первый отсек и ждать там вас. Из бункера пусть никто не выходит. Если спросят об Огульском, скажите, что он застрелился...

В дверь уже колотили. Кричали: «Где Огульский?! Пусть пап скажет, что делать?!»

После разговора с заместителем среди бандитов возник короткий спор, а потом все стихло. Ушли ли они в отсек,

остались ли в бункере — этого Петр не знал, он мог только на это надеяться. В охране Огульского состояли отпетые головорезы, которым уже нечего было терять. Покинув бункер, они могли принудить банду к сопротивлению, заставить ее дать нашим последний бой. Поэтому Петр и делал ставку на заместителя.

— База окружена, — сказал он ему. — Сопротивление бесполезно. Чтобы избежать кровопролития и облегчить свою участь, вы отдадите своим людям приказ — сложить оружие. Вы были правы — мне они не поверят и, стало быть, меня не послушают, потому что я для них чужой. Сейчас все зависит от вас...

— Вы так уверены, что я сделаю то, чего никогда не сделал бы Огульский? Почему?

— У вас нет другого выхода. Это во-первых. А во-вторых, хотя я совсем мало вас знаю, но уже успел оценить вас как человека, не лишённого разума, а главное, еще не до конца ослепленного ненавистью к нам, чем, кстати, был просто неизлечимо болен ваш, теперь уже покойный, начальник... — Петр невольно бросил взгляд на распластавшийся возле стола, залитый кровью труп главаря. — Вы ведь не всегда с ним соглашались. Вспомните, как вы пытались убедить его в излишней и совершенно неоправданной жестокости по отношению к местному населению. Уговаривали вы его и увести банду в Польшу, потому что сомневались в успехе задуманной им диверсии с электростанцией...

— У вас неплохая память, — заметил с грустной усмешкой заместитель.

— Сейчас она мне понадобилась только для того, чтобы развязать вам руки. Что же касается ваших взглядов, то будем откровенны: вы не понимаете наших целей, но вы давно уже не верите и в справедливость той, навязанной вам вашими хозяевами борьбы, которую против нас ведете. Вы реально оцениваете обстановку, и я убежден, что только панический страх перед Огульским, перед его мстостью мешал вам выйти из бесперспективной игры, если, конечно, можно назвать «игрой» все то, что вы здесь творили...

— Колебания, признаюсь, были, — тихо сказал заместитель, — но...

— Ваши «но» мне понятны. Вы ждали подходящего случая, искали шанс. Теперь и то и другое у вас есть, так сказать, неожиданно для вас появилось. Постарайтесь сделать правильные выводы...

— Я их уже сделал. Приказывайте.

— Приказ я уже вам отдал, остается только его точно выполнить.

— Я готов.

У Петра, заметившего, как вытянулся заместитель, а следом за ним — и молодой бандит, невольно мелькнула мысль: «Сейчас вы на все готовы, лишь бы спасти свои шкуры. Но что бы вы сделали со мной, попадись я вам в руки?..»

Он, конечно, явно преувеличивал человеческие достоинства заместителя главаря банды, выдавал желаемое за действительное, когда ссылался на его разумность, раскаянность за все содеянное и прочие добродетели, коих у второго по значению бандита вовсе и не было. Но расчет оказался верным и своевременным. Хотя заместитель оценивал себя иначе и с трудом припоминал приписываемые ему Петром сомнения (принял их как должное и даже польстил чекисту по части памяти из корыстных соображений), выхода другого у него сейчас не было, как только выполнить приказ, сделать то, чего никогда не сделал бы первый по значению бандит...

— А что, пан начальник, робить мне? — подал голос молодой бандит. — Як я чоловик маленький...

— Человеком ты еще должен стать! — сказал Петр. — А теперь слушай меня, парень, внимательно. Обежишь всю базу и сообщишь все нашим, что пан Огульский убит. Ты понял меня, парень, у б и т...

— Так-так! А як же? — закивал головой бандит. — Все так и скажу! Чего ж не сказать, колы так и було? То правда! Я ж бачил...

— Вот правду всем и сообщи, никого не забудь!

— Всим, всим, пан начальник, а як же? Я все разумею! Може, висточка та хлопцам нашим дюже по душе придется... — И тут же, словно спохватившись, робко покосился на заместителя и добавил: — Конечно, кому-то, може, и нет...

— Не будем гадать, — не сдержал улыбки Петр. — Иди, открывай дверь. — Потом кивнул заместителю: — Вы тоже идите к двери. И не вздумайте оба бежать! Стрелять буду без предупреждения!

За дверью никого не было. Когда приблизились к первому отсеку, услышали оживленную перебранку — видимо, бандиты обсуждали сложившуюся ситуацию. «Пусть спорят, — подумал Петр. — Главное сейчас, что они остались в бункере».

— Выпустите паренька! — приказал он заместителю. — Понимаю, как вам хотелось бы сейчас быть на его месте, но у нас с вами есть еще дела здесь...

Петр никогда не считал себя большим психологом, но сейчас он довольно тонко определил состояние второго по значению бандита, угадал его тайное желание. Бункер, а точнее все, что в нем произошло и что еще должно было произойти, пугало заместителя, угнетало, держало в постоянном напряжении. Ему казалось, что он уже никогда отсюда, из этого сущего ада не выберется. Тот самый бункер, который он долгое время считал для себя надежным убежищем, теперь напоминал ему кладбищенский склеп. И потому, выпуская молодого бандита, ощутив на лице струю свежего морозного воздуха, почувствовал дрожь в ногах и холодный пот на лице, а потом, шатаясь, спустился по крутым ступенькам и безвольно прижался спиной к стене.

— Возьмите себя в руки, — сказал Петр. — От вас сейчас зависит судьба многих людей. И ваша собственная...

— Да, да, я понимаю, я сейчас...

29

Весть о гибели Огульского разнеслась по базе с молниеносной быстротой. Передаваемая из уст в уста, она, можно сказать, шла по землянкам и окопам не рядом, а впереди своего разносчика. Нет смысла гадать, обрадовала эта весть кого-то из банды или нет, но то, что она произвела на всех без исключения бандитов ошеломляющее, деморализующее впечатление, оказалось фактом, а как раз такого эффекта и добивался Петр, именно на это и рассчитывал, выпуская из бункера молодого парня.

Панику в стане противника заметили и наступающие наши цепи, подошедшие к базе почти вплотную и ожидавшие приказа на решающую атаку.

— Что-то у них случилось, товарищ лейтенант, — сказал Тамарову лежавший рядом с ним старшина. — Они же нас видят, а стрельбы почему-то не открывают. Может, поняли, что окружены?

— Они это давно уже поняли, — ответил Тамаров. — Тут что-то другое. Обратите внимание: прежде они соблюдали осторожность, старались не рисковать, не высовываться из окопа, а сейчас вылезли из него, ходят в рост по базе...

— Может, это только на нашем участке? Для отвода глаз.

— Нет. Видите, справа от нас, на довольно приличном расстоянии — та же картинка.

— Вижу. Собираются в кучи. Прямо чудеса какие-то!

— Чудес, старшина, в нашем деле не бывает. Вот что:

пошлите связного к полковнику, пусть доложит обстановку!..

Связной еще не успел вернуться, когда со стороны базы прямо на взвод Тамарова вышли два бандита. Остановились в метрах в тридцати, бросили на снег автоматы, потом один из них замахал руками и стал кричать:

— Советские, не стреляйте! Позовите начальника! Будем говорить!..

Тамаров видел, что за спиной этих двух, чуть поодаль, остановились еще несколько бандитов, причем оружия они не побросали, поэтому он приказал старшине взять их на прицел.

— Может, вместе, товарищ лейтенант? — попросил старшина. — Кто их знает...

— А взводом кто будет командовать? Выполняйте приказ! — Встал, смахнул с шинели снег и пошел на переговоры.

Они были недолгими. Бандиты никаких условий не ставили, только просили «не убивать сразу».

«Значит, есть за что», — подумал Тамаров, а вслух сказал:

— Крепко же вы напуганы! Или обмануты, а?

— Все было, — ответил пожилой, обросший рыжеватой щетиной бандит. — Мы люди подневольные...

— Ну вот что, «люди подневольные», — приказал Тамаров, — оружие сложить возле окопов! Из блиндажей всем выйти и ждать дальнейших наших распоряжений. Бежать никому не советую, потому что вам некуда бежать...

— Это мы разумеем, пан офицер, — сказал пожилой бандит, а второй, помоложе, обернулся и крикнул тем, что стояли поодаль:

— Все, хлопцы! Бросайте свои «нушки»! Нема билыше банды!

Вскоре прибыл связной. Он сообщил, что бандиты начали сдаваться и на других участках, не оказывая никакого сопротивления, передал приказ полковника — разоружить главный бункер и взять живьем Огульского. Начальник отряда еще не знал, что главарь банды убит, но если бы он даже был жив, не его судьба волновала сейчас Тамарова, а судьба человека, ради спасения которого он, в сущности, и участвовал в этой операции.

— Старшина, возьмите половину взвода и займитесь пленными! Остальные пойдут со мной! А вы, — обратился Тамаров к пожилому бандиту, — покажите нам кратчайшую, поняли меня, кратчайшую дорогу к бункеру Огульского!..

Еще в начале переговоров узнав о гибели Огульского, Тамаров понял, что это сделал Петр, но о нем самом не спросил, не решился, побоялся страшного ответа. И сейчас, пробиваясь через сугробы, прыжками преодолевая канавы, старался не думать о плохом, успокаивал себя надеждой. И все торопил, торопил уже выбившегося из сил пожилого бандита.

То, что он и его солдаты увидели возле бункера, не требовало особых объяснений — слишком еще свежи были следы происшедшего здесь жестокого боя. Вход в бункер был разворочен взрывом гранаты. На снегу лежало несколько трупов, среди которых Тамаров легко обнаружил и главаря банды, и его заместителя — их выдавали мышиного цвета форма гитлеровского вермахта и почти новенькие, бутылочкой, сапоги...

Вокруг трупов толпились бандиты, которые вынесли их из бункера. Чуть в стороне кучкой лежали автоматы, финки, гранаты с длинными ручками.

Надо было спускаться в бункер, но Тамаров не мог, не слушались ноги, налились свинцом. И все в нем сейчас словно остановилось, застыло, только глаза продолжали глядеть в черную развороченную пасть бандитского логова, да в висках стучало молотом: «Не успел!..»

— Пан офицер, — услышал он за спиной робкий голос пожилого бандита, — хлопцы сказали, что ваш чоловік там, в бункере. Сказали, что его нельзя было выносить. Совсем плохой...

— Останьтесь здесь, — приказал Тамаров солдатам. — А вы, ефрейтор, мигом за санитарями! Они шли за нами, во второй цепи. Быстрее!..

Петра он нашел в среднем отсеке, на топчане. Бандиты, как могли, перевязали его, но жизнь едва теплилась в изрешеченном пулями теле. «Как же он терпит?!» — подумал Тамаров, склонившись над Петром и пытаясь уловить в его угасающем взоре хоть какие-то признаки сознания.

— Петя, ты слышишь меня? Это я, Тамаров! Ты помнишь, я был у тебя? Мы все здесь, с тобой, Петя! Банды нет! Мы победили!

Откуда берутся силы у умирающего, на котором живого места не осталось? Какой врач может на это ответить? А Тамаров ведь не был врачом, ему и подавно это было неизвестно. И потому, когда посиневшие губы Петра вдруг дрогнули и на миг ожившие, посветлевшие глаза остановились

на нем, Тамаров едва не закричал от радости, а потом опустился перед умирающим на колени и заплакал. Он плакал, еще не до конца понимая, что произошло, да он и не мог этого понять. А сам Петр не мог уже ему ничего объяснить — не было сил. Для него, уходящего из жизни, важно было сейчас только одно — «Банды нет!» Ради этого, что он успел услышать, он и терпел, не подпуская к себе смерть, сопротивлялся и не сдавался ей, держался на одной воле, потому что не на чем было больше держаться...

Он умер, не сказав Тамарову ни слова. Но и тогда, и потом Тамаров готов был поклясться, убедить любого, что человек этот уходил из жизни спокойно, с сознанием выполненного долга. Никогда прежде и после Тамарову не довелось наблюдать такую смерть и вместе с горестным чувством потери испытать такое неподдельное чувство изумления и преклонения перед стойкостью и гордостью непобежденного воина. Оно, это чувство, было неизмеримо сильнее постигшей его и всех, кому дорог был Петр, утраты, оно осталось с ним навсегда, на всю его оставшуюся жизнь...

31

О том, что произошло в бункере, узнали потом, от раненого бандита, которому удалось вырваться наружу. Он пытался скрыться в лесу, но был задержан и на допросе дал показания.

Бандиты отклонили предложение Петра о сдаче, они убили заместителя и были убеждены, что без особого труда справятся с чекистом.

...Бой был неравный и жестокий.. уже в самом начале его Петр получил ранение в ногу. Но он умело использовал то обстоятельство, что бандиты были лишены оперативного простора. Под огнем его автомата они никак не могли все сразу покинуть свой отсек, а когда им все же, понеся потери, это удалось, Петр, раненный еще раз, собрал последние силы и бросил гранату. И больше он уже ничего не помнил. И не видел, как оставшийся в живых бандит, выползая через развороченный взрывом вход, со страхом смотрел на него, неподвижно застывшего на полу, и, не веря, что с этим отчаянно сражавшимся чекистом покончено, боясь, что он еще сможет помешать ему уйти, прошил его автоматной очередью...

* * *

Хоронили Петра на городском кладбище. С воинскими почестями, с венками и скорбными речами. Родных у него

не было, но из детдома, где он воспитывался, приехали две старенькие учительницы. Их просили выступить, а они только смотрели на своего воспитанника и что-то шептали, глотая слезы. Потом одна из них достала из потертой сумочки пожелтевшие фотографии и стала их раздавать. И все, кому они достались, увидели вдруг Петра Ищенко мальчишкой, озорным и веселым, и таким жадным до жизни, что смерть его показалась им нелепой и несправедливой случайностью и отозвалась в сердцах еще больнее и острее...

Тамаров стоял рядом со старшим лейтенантом Артеменко, земляком и сослуживцем Петра. Когда покидали кладбище, Артеменко с грустью и с какой-то идущей из глубины души обидой сказал:

— Не успел для себя пожить человек. И не умел. А для людей добра сделал столько, сколько нам за всю нашу жизнь, наверное, не сделать... И пусть мне кто-нибудь докажет, что нет незаменимых работников! Они всегда были, есть и будут! Только понимаем мы это, осознаем почему-то всегда с большим опозданием. Заурядность свою, что ли, боимся признать...

Тамаров промолчал, а потом, вспомнив совещание у Канарова накануне операции, спросил:

— Вы, по-моему, предчувствовали его гибель? Извините, конечно...

— Да, предчувствие было. Но не это главное. Когда я говорю, что нам всем его очень будет не хватать, я имею в виду не только его исключительные профессиональные качества, но и человеческие, которые и делали его незаменимым, редким среди нас человеком. Согласитесь, что даже в крайне экстремальной ситуации можно найти для себя спасительную ниточку, и мы ищем ее. А он никогда этого не делал. Считал, что, как только у чекиста появляется такое желание, он обрекает порученную операцию на неудачу. Иными словами, каждый раз, уходя на задание, он просто забывал о себе, готов был в любую минуту принести себя в жертву ради достижения цели. На такое можно решиться раз, два, а он решался десятки, сотни раз!.. Не много ли подвигов для одного человека?! И не мало ли для таких людей одной жизни, если смерть у них только одна...

* * *

Тамаров планировал после похорон навестить жену, но в последний момент раздумал, не был в себе уверен, боялся

проговориться. А она в этот день очень его ждала, потому что именно в этот день врачи пообещали ей, что скоро выпишут.

Галка не знала о смерти Петра, от нее это тщательно скрывали. Правда, она уже успела подметить, что всякий раз, когда она спрашивала о нем, и Тамаров, и те, кто ее навещал, старались либо уйти от ответа, либо отделаться неопределенными фразами, опять же вскоре касающимися больше ее, чем Петра: вы, мол, Галина Тимофеевна, выздоравливайте, а все остальное потом... Но она-то хотела знать о Петре Ищенко, а не про «все остальное»!..

Чем упорнее пытались отвлечь ее от дум об этом человеке, тем сильнее росла в ней тревога о нем, тяжелее и острее становилось предчувствие. Все последние дни она буквально не находила себе места, часто ее заставляли растерянной и заплаканной. О Петре она уже не спрашивала, только смотрела на всех с укоризной, с немим осуждением: «Что же вы меня обманываете? Зачем?..»

Когда ее наконец выписали из больницы, она не стала ждать мужа. Пошла на кладбище и без посторонней помощи, без чьей-либо подсказки разыскала могилу Петра...

* * *

Заставские будни, сразу навалившиеся на ее плечи заботы отвлекли ее на время от печальных воспоминаний. Но суровые испытания, выпавшие на ее долю, не прошли бесследно. Галка часто замыкалась в себе, перестала следить за своей внешностью, стала излишне раздражительной, неуступчивой. И однажды Тамаров ей сказал:

- Так нельзя. Может, тебе лучше уехать домой.
- А как же ты?
- Поживу один. Ты же уедешь не насовсем.
- Нет, мне нельзя уезжать. Это пройдет. Просто мне сейчас очень трудно, пойми...
- Я все понимаю, но мне больно видеть тебя такой...
- Я скоро стану другой. Только прежней, наверное, стать не смогу. Как не сможешь стать им и ты...

Галка подошла к мужу, положила ему на плечи руки и долго-долго смотрела на него. Все в его лице, каждая черточка, каждая морщинка были ей знакомыми и родными, ничего вроде не изменилось. И только потом, когда он ушел, она поняла, почему в ее Тамарове что-то показалось ей чужим, до сих пор для нее неизвестным, непривычным. То была чуть заметная седина на висках, на которую он, на-

верное, просто не обратил внимания. Или не успел обратить. У него хватает других забот...

День выдался отличный: солнечный, с легким морозцем. Тамаров отправил наряды, составил график очередных дежурств по заставе и вышел во двор. Капитана Орлова вызвали в комендатуру, и Тамаров вспомнил, как он, прощаясь, сказал:

— Без сопровождения еду! Даже не верится! Но успокаиваться, почивать на лаврах нам еще рано. Впрочем, вы уже у нас человек опытный, сами все понимаете... — И улыбнулся хитро.

Тамаров подметил, что после операции капитан стал относиться к нему с большим уважением, но часто прикрывал это шуткой, страховал от зазнайства. «Может, он и прав, — думал Тамаров. — Хотя что я, собственно, сделал, какое геройство совершил? Гордиться мне пока нечем. Просто так сложились обстоятельства. И я был в них рядовым участником...»

Подходя к крыльцу, вспомнил Галку. Почему она на него так смотрела, будто не видела делую вечность? Конечно, разлука была, но не такая уж долгая. Нет, странно она все-таки себя ведет. Явно еще не освоилась на заставе. Надо будет ей помочь... И он вдруг почувствовал свое преимущество перед ней. И ответственность человека, который уже освоился. И это было приятно...

Войдя в канцелярию, Тамаров вызвал старшину, отдал ему несколько распоряжений, потом сел за стол и перевернул листок календаря. Шел второй месяц его службы на границе...

**Без истории прошлого —
нет будущего.**

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ —
это наша ИСТОРИЯ!**

Вы хотите иметь собственное мнение о деятельности видных военачальников и политических деятелей?

Вас интересует достоверная истина рассекреченных архивов, протоколов и докладов, расшифрованных записок и стенографических отчетов?

Вы следите за развитием отечественных армии и флота, заняты исследованиями в области военной формы и техники прошлого и современности?

«Бериевщина», «Власов — легенды и документы», «В 41-м под Вязьмой», «Гибель армии Андерса в СССР», «Можно ли было взять Берлин в феврале 45-го года?», «Портреты декабристов — мнимые и настоящие» — вот лишь некоторые условные заголовки сенсационных публикаций ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА в 1990 году.

Совершить увлекательнейшее путешествие в БЫЛОЕ, лучше понять НАСТОЯЩЕЕ и заглянуть в БУДУЩЕЕ

ВАМ ПОМОГУТ:

К. Раш, В. Н. Концев, В. Г. Опшников, О. Э. Сувениров, К. И. Кобец, В. Н. Лобов, Н. И. Попов, С. Н. Рубан, В. И. Прибылов, Б. И. Невзоров, И. Н. Венков, В. А. Рыбин и многие другие исследователи СУДЕБ ОТЕЧЕСТВА.

ПРАВДА об участии прибалтийских национальных формирований в Великой Отечественной войне, письма репрессированных соратников К. Е. Ворошилову, воспоминания Шарля де Голля и материалы о харьковской катастрофе 1942 года — все эти свидетельства прошлого

**ЖДУТ ВСТРЕЧИ С ВАМИ
В 1990 ГОДУ!**

**Спешите оформить подписку на
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ!
ЭТО ВАШ ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС
ПОПАСТЬ В ИСТОРИЮ!**

Талантливый русский писатель, по происхождению — кубанский казак. Автор исторических и приключенческих повестей, опубликованных в «Искателе», «Вокруг света», «Советском воине». По образованию юрист.

Его повесть «Заговор против Ольги» опубликована в Первом сборнике «Военные приключения».

Андрей СЕРБА

УБИЙЦЫ ДЛЯ ИМПЕРАТОРА

Приключенческая повесть

1

Сержант, командир конного патруля, насторожился, приподнялся в седле. Шестеро драгун, следовавших за ним, придерживали скакунов, замерли с мушкетами на изготовку.

Куст, который привлек внимание сержанта, зашевелился, из-за него показалась пригнувшаяся человеческая фигура. Острый глаз опытного разведчика смог различить в темноте треуголку, широкий плащ и торчащую из-под него шпагу. Раздвигая впереди себя рукой траву, неизвестный сделал три-четыре мелких, крадущихся шага и исчез за соседним кустом. А там, откуда он появился, возникла новая фигура, нет, две. В таком же плаще, треуголке, тоже со шпагой на боку. Мгновение — и обе пропали за тем же кустом. У сержанта даже мелькнула мысль, не было ли только что увиденное игрой воображения? Уж больно быстро мелькнули перед глазами все три тени и без единого звука, словно призраки, растаяли в темноте. Ну нет, на то она и ночь, дабы под ее покровом вершить тайные дела. Тем паче в этом овраге, за которым начиналось болото, а за ним редколесье, где вчера вечером полковые разведчики обнаружили передовые пикеты шведской конницы. Неспроста сам дивизионный командир отрядил на ночь несколько патрулей из лучших разведчиков-драгун, чтоб обезопасить расположение

русских войск со стороны этого глухого, глубокого оврага, ставшего границей между русской и шведской армиями. Поэтому интересно, очень интересно, кто эти вооруженные незнакомцы, облюбовавшие для ночных прогулок сей лесной овраг?

Сержант неслышно соскочил с лошади, доставая правой рукой из-за пояса пистолет, левой призывно махнул драгунам. Четверо из них тотчас очутились на земле, застыли за сержантом с мушкетами в руках. Двое оставшихся драгун, приняв от товарищей поводья их скакунов, превратились на время в коноводов, одновременно прикрывая группу сержанта с тыла.

Пригнувшись как можно ниже к земле, сжимая в руке пистолет, сержант короткими перебежками направился к кусту, за которым исчезли неизвестные. Раздвинув перед собой траву, глянул вниз по склону, откуда с невидимого дна оврага доносилось журчание ручья. С трудом просматривались группы кустарника и несколько отдельно растущих деревьев, а дальше все скрывала непроницаемая для глаз сплошная стена тумана и моросящего дождя. Плохо дело! Незнакомцы где-то рядом, и, не видя их, можно легко обнаружить свое присутствие, сразу превратившись из охотника в дичь. Однако медлить также нельзя — они в любой миг могут перебраться через ручей и очутиться на шведской стороне оврага. Значит, вниз по склону и осторожность, осторожность! Сержант двинулся на шум ручья и вскоре услышал чавканье грязи под чьими-то шагами и приглушенные голоса. Осторожно раздвинув перед собой траву, он увидел трех человек, пытавшихся перебраться на противоположный берег широкого, вздувшегося от дождей ручья. Один, повыше ростом и с длинной жердью-сlegой в руках, шел по его течению первым, двое других, подняв полы плащей, двигались за ним. Хотя троица находилась всего в нескольких шагах от суши, вода доходила им до верха ботфорт, и незнакомец, промерявший слегой дно ручья, никак не мог найти подходящего для переправы места.

Увиденная картина успокоила сержанта. Эти трое не топились перебираться на другой берег, выискивая наиболее удобное место. А ведь обнаружь они за собой погоню, наверняка бросились бы через ручей не раздумывая. Сделав этот вывод и наметив план действий, сержант быстро пополз обратно...

Незнакомец со слегой приблизился к наполовину затопленному кусту верболаза, и из-за того неожиданно выступили трое в русской драгунской форме. Посредине — сержант

с пистолетом в руке, по бокам — двое солдат с мушкетами. Одновременно из травы на берегу поднялась еще пара драгун с мушкетами наперевес.

— Стой! Кто такие? — прозвучал голос сержанта.

Человек со слегой остановился как вкопанный, один из следовавших за ним тоже замер на месте, однако третий незнакомец решительно направился к сержанту.

— Свой. Не видишь, что ли? — раздался его ответ тоже по-русски.

Незнакомец встал против сержанта, распахнул на груди плащ, и командир патруля по шитью на воротнике камзола и по металлическому офицерскому нагрудному знаку определил, что перед ним капитан русской армии. А незнакомец, уперев руки в бока, строго смотрел на сержанта.

— Как стоишь перед офицером, подлец? Кто таков? Из чьего полка? — сыпались один за другим вопросы капитана.

Случись подобное в иной обстановке или в мирное время, служаку-сержанта наверняка обьял бы ужас, однако сейчас в его голове крепко сидели слова полкового командира, всегда заканчивавшего инструктаж драгунам одним и тем же наставлением: «В разведке и при патрулировании лишь тот свой, кто знает пароль». Поэтому, не опуская пистолета, направленного на незнакомцев, сержант коротко бросил:

— Пароль?

— Как стоишь? Как разговариваешь с офицером, мерзавец? — повысил голос капитан.

— Пароль? — упрямо повторил сержант, и ствол его пистолета уставился в лоб капитана.

— Пароль? Сейчас услышишь. Только подойду ближе, чтобы не кричать на всю округу.

Капитан сделал шаг к сержанту и, выхватив из-за пояса пистолет, выстрелил ему в грудь. В тот же миг пистолеты оказались и в руках спутников капитана, один из которых молниеносно развернулся в сторону драгун, стоящих на берегу ручья. Последнее, что увидел сержант, нажимая на курок, были вспышки огня из стволов чужих пистолетов и искривленное болью лицо врага...

Какое-то время после пистолетной трескотни в овраге стояла мертвая тишина, первым ее нарушил незнакомец, который до встречи с патрульными промерял дно ручья.

— Никто из драгун не поведется. Мы уложили всех наповал, Саксе.

— А они ухлопали у нас Бредера. Идиот, не мог вовремя отскочить в сторону. Видел же, что сержант не из шутников,

— Поделом этой свинье, Бредеру. Если бы ни его вечная боязнь промочить ноги и схватить ангину, мы давно перешли бы ручей.

— Черт с ним, Бредером, лучше подумаем, что теперь делать нам. Мы наткнулись на драгун, а они вряд ли патрулировали пешими. Значит, недалеко их товарищи, которым они оставили своих лошадей.

— Верно. Клянусь всеми святыми, что они уже спешат на выстрелы. Какого дьявола ты устроил эту канонаду? Не мог сказать сержанту, что мы посланы в разведку? Или у нас на лбу написано, что мы перебегаем к шведам?

— Покойник-сержант был намного умнее тебя, Фок. Какой болван отправляется в разведку за час до рассвета?

— Не будем ссориться, у нас есть дела поважнее. И первым делом нужно перебраться через этот злосчастный ручей. Клянусь всеми святыми, что я сейчас перемахну его в один миг...

Деревянный пол горницы прогибался и жалобно стонал под тяжелыми шагами Меншикова. Заложив руки за спину и сердито попыхивая трубкой, он дважды прошелся из угла в угол, остановился против Голоты.

— Повтори еще раз о Левенгаупте, полковник.

Собственно, Меншиков мог вполне обойтись без сообщения полковника. О выступлении из Прибалтики шведского вспомогательного корпуса под командованием генерала Левенгаупта царь Петр и он узнали еще два месяца назад и с тех пор пристально следили за маршрутом его следования. У Александра Даниловича до сего времени стояли перед глазами несколько строчек письма Кирилла Нарышкина: «Всемилоостивейший государь... в 7-м числе июля приехал к Дерпту на отъезжей караул Швецкой драгун, и караульные Мурзенкова полку того шведа привели к Дерпту, а в роспросе сказал, что де Левенгаупт со всем своим корпусом пошел к королю своему, также де протчей Швецкой коннице, которая обреталась в Лифляндах, всей велено итить к королю ж. А для подлинного известия распросные речи этого шведа послал при сем к вашему величеству, а ево отдал я генерал-порутчику Боуру. Вашего величества нижайший раб Кирилло Нарышкин. Июля в 8 день году, из Дерпта».

То письмо было отправлено в начале июля 1708 года, когда шведский корпус только начинал свой путь. Он двигался на соединение с армией короля Карла, который незадолго до этого вторгся в пределы России, Недовольный хо-

дом военных действий на побережье Балтики, где его войска потерпели ряд неудач, юный король решил поразить своего противника в самое сердце — захватить Москву. Но героическое сопротивление русской армии, а также отпор захватчикам со стороны белорусского населения сильно замедлили наступление шведских войск и сорвали планы Карла. Сейчас королевская армия, понеся значительные людские потери и испытывая недостаток в провизии и боевых припасах, с нетерпением ждала подкреплений. А корпус генерала Левенгаупта, сопровождаемый огромным обозом, был уже рядом...

И если до этого своим главным противником царь Петр считал войска короля Карла, с которыми русская армия вела почти непрерывные бои, то теперь не менее опасным врагом становился и Левенгаупт. Начиная разговор с Голотой, Меншиков хотел узнать, понимают ли другие всю опасность появления по ту сторону Днестра, в непосредственной близости от русских войск, отборного, еще не потрепанного в сражениях шведского корпуса. Отвлекаясь от своих мыслей, Александр Данилович вслушался в глуховатую, неторопливую речь казачьего полковника.

— ...Лифляндию и Литву Левенгаупт минул без помех, а на Белой Руси, край которой шведам неведом, начал рыскать по лесам и болотам словно с завязанными глазами. Но сейчас, когда полковник Тетеря привел к нему изменников-сердюков¹, положение генерала стало иным. Казаки знают те места не хуже нашего, а потому без труда смогут вывести неприятелей из чащоб и указать им верный путь к лагерью короля.

Меншиков зажал трубку в кулаке, пытливно взглянул на Голоту.

— Что за силы у генерала?

— Доподлинно сказать трудно. Однако взятые в плен неприятели рассказывают, что их никак не меньше восьми тысяч. Да обоз в три тысячи возов, доверху набитых провизией и всяческим боевым припасом.

— Немало, — протянул Александр Данилович. — Такой подмогой король Карл весьма доволен будет. Но думаю, что вряд ли нам стоит доставлять ему сию радость. Как мыслить, полковник? — обратился он к Голоте.

— Держусь той же думки. И не столько шведский король будет рад солдатам, сколько обозу. У него сейчас кон-

* Сердюк — отборный казак личной гетманской стражи.

чается провиант, на исходе порох, так что, не дождавшись Левенгауптовой подмоги и обоза, неприятелям придется отменить московский поход и думать о зимовке на Белой Руси или Украине. Мыслию, что никак нельзя позволить шведам соединиться, а тем паче оставлять Левенгаупта у себя в тылу. Бить его потребно, и чем скорее, тем лучше.

Меншиков сунул трубку в рот, довольно прищурился.

— Верно молвишь, полковник, большую угрозу таит для нас Левенгаупт, а потому и меры супротив него следует принимать немедленно. — Александр Данилович нагнулся над столом, ткнул в разложенную карту чубуком трубки. — Сентября четырнадцатого дня король Карл оставил Стариши и двинулся к Кричеву. Там он переправился через Сож и направился к реке Ипуть. Государь Петр Алексеевич полагает, что на ее берегах король разобьет лагерь, соберет воедино свою доселе разбросанную армию и решит, куда двигаться дальше: к Смоленску и затем на Москву или на юг, в Украину.

Меншиков замолчал, сделал глубокую затажку. Выпустил из ноздрей дым и продолжил:

— Дорога на Смоленск шведам уже перекрыта, вслед Карлу пущен Шереметев с армией. Ну, а Левенгауптом государь велел заняться мне. Но первым для разведки навстречу генералу поскачешь со своими казаками ты, полковник.

— Каковы силы, что государь выставляет супротив Левенгаупта?

— Под моим началом корволант — летучий отряд: семь тысяч кавалерии и пять тысяч пехоты, которую я також посажу на коней.

— Мои разъезды отправятся в путь сегодня же. Но прежде нежели покинуть тебя, князь, дозволю спросить: что гетман отписал государю о появлении своих сердюков у Левенгаупта?

— Измена. Полковник Тетеря и есаул Недоля, взбунтовавшие их, были тайными сотоварищами казенного Кочубея. И дабы держать казаков в повиновении и не допустить новых крамол, гетман и находится сейчас не при царевом войске, а на Украине. Государь собственноручно отписал ему, что от него куда больше пользы в удержании своих, нежели в войне со шведами.

Меншиков оперся обеими руками о стол, глянул на Голоту.

— А теперь ступай. И знай, что хотя корвалантом поручено командовать мне, всей кампанией по разгрому хваленного Левенгаупта будет руководить сам государь.

И давая понять, что разговор окончен, он склонился над картой.

Выйдя от Меншикова, Голота не спеша направился к видневшимся на опушке леса кострам. Глядя со стороны на этого высокого, совершенно седого, слегка сутулящегося и заметно припадающего на левую ногу старика, мало кто мог сразу узнать в нем когда-то лихого, бесстрашного, известного всей Украине батьку-полковника.

Все было у Голоты: громкая слава и богатство, верные друзья и богатырская сила, но имел он и злейшего врага-завистника — гетмана Мазепу. Его постоянные жалобы и доносы царю на своевольного полковника сделали свое дело: Голота был схвачен, закован в железо и сослан в Сибирь. Там он находился до тех пор, пока 20 тысяч украинских казаков не были направлены на войну со шведами в Лифляндию, и царю для командования ими не потребовалась старшина, пользующаяся в казачьей среде непререкаемым авторитетом. Одним из таких людей был Голота, с чьей боевой славой и популярностью вряд ли кто мог на Украине соперничать. Поскольку вина опального полковника не была доказана, сыск по делу схваченных вместе с ним его товарищей тоже ничего не дал, он был возвращен из ссылки, обласкан царским любимцем князем Меншиковым, ему были возвращены все ранее отнятые чины и звания.

Вначале Голота командовал казачьим полком в Лифляндии, где отличился во многих сражениях, а с началом Русского похода короля Карла был отозван в непосредственное подчинение Меншикова и стал его правой рукой по делам Украины. Но не прошли бесследно для Голоты долгие годы в Сибири: трескучие морозы и злые вьюги выбелили волосы, подневольный тяжкий труд в острогах согнул спину и отобрал силу, пудовые оковы-кандалы стерли до костей ноги и руки, а постоянно бередающие сердце горечь обиды и жажда мести иссушили душу. Кто знает, смог ли до конца забыть о своих страданиях гордый полковник, неизвестно, простил ли он обидчикам свои унижения, но России он служил честно.

У одного из костров Голота остановился, устало опустил на предложенное казаком-джурой * седло. Некоторое время, раскуривая люльку, задумчиво смотрел на пламя, затем, ни к кому не обращаясь, сказал:

* Джура — слуга, ординарец.

— Полковник и сотник, я к вам от князя Александра Даниловича.

И тотчас несколько человек, сидевших вокруг огня, поднялись и молча растаяли в темноте, оставив у костра лишь тех двоих, которых назвал Голота.

Полковник Диброва был высок и статен, на молодом красивом, по-девичьи румянном лице выделялись большие внимательные глаза и черные усы. Совсем недавно Диброва был простым сотником и сражался в Лифляндии. Вернувшись на Украину раненым, он, не долечившись, покинул родовой хутор и примкнул к русскому войску. Его воинское умение и личная отвага, проявленные в боях, обратили на себя внимание Меншикова, и по ходатайству князя перед царем Диброва получил чин украинского полковника и звание потомственного русского дворянина.

— Полковник, первое слово к тебе.

Красивое лицо Дибровы напряглось.

— Слухаю тебя, батько.

Молодой полковник был не только красив, но и умен: он прекрасно понимал, что мало получить полковничий пернач из царских рук, главное — удержать его в своих. Для этого требовалось многое, но прежде всего уважение в казачьей среде. И широко известный всей Украине полковник Голота являлся как раз тем человеком, близость к которому могла принести славу и его имени, а богатейший боевой опыт старого казака мог многому научить.

— Сколько у нас зараз сабель, полковник?

— Около тысячи, батько.

— Небогато. Но ничего, я отправил гонцов к своим старым побратимам, верю, что они отзовутся на мой клич и снова слетятся ко мне. А покуда, полковник, бери всех, кто уже есть, под свое начало и готовь к походу: не сегодня завтра с царским войском двинемся на Левенгаупта.

— Благодарю, батько, — дрогнувшим голосом произнес Диброва, опуская радостно заблестевшие глаза.

А Голота уже смотрел на второго казака. Невысокий, плотный, со скуластым, потемневшим от ветра и зноя лицом, с добела выгоревшими на солнце усами и бровями, в простой серой свитке и грубых чоботах, он ничем не отличался от рядового казака. Лишь большой алый бант на эфесе длинной турецкой сабли выдавал его принадлежность к казачьей старшине. Это был сотник Злови-Витер, старый соратник Голоты, ускользнувший в свое время из рук Мазепы и сразу же, лишь услышав о возвращении полковника на Украину, явившийся к нему.

— А твоих хлопцев, сотник, знаю сам не первый год: каждый из них десятка других стоит. И потому, друже, ты не станешь ждать выступления царских войск, а сегодня же вечером поскачешь навстречу Левенгаупту и будешь виться вокруг него, не спуская глаз. И еще одно дело будет к тебе. Помнишь ли сотника Ивана Недолю, своего бывшего друга-товарища?

На лбу Злови-Витра появились две глубокие морщины, он отвел взгляд в сторону.

— Помню, батько. Да только разошлись наши с ним пути-дорожки. Пригнулся твой бывший сотник у гетмана, стал есаулом его сердюков. А я до сей поры не простил Мазепе своих прежних обид...

— Знаю это, друже. Молвлю даже то, чего ты еще не ведаешь. Три дня назад прибыл есаул Иван Недоля к Левенгаупту и стал служить шведам. Мазепа отписал царю, что Недоля изменил-де России потому, что втайне был сподвижником покойных Кочубея и Искры. Но не верю я этому. Хитрит гетман... Мыслю, что его волю исполняет мой бывший сотник. И не столько он, сколько полковник Тетеря, ближайший доверенный Мазепы по злому умыслу супротив Украины и России. И потому написал я Недоле грамоту, в которой зову его снова честно, как прежде, служить отчизне. А ты, друже, найдешь человека, который смог бы доставить это послание Недоле.

— Сыскать человека не мудрено, — угрюмо произнес сотник, — да будет ли от грамоты прок?

— Время покажет...

Легко разрезая голубоватую воду острыми носами, по речной глади скользили три стремительные запорожские чайки*. Дюжие гребцы, сбросив кунтуши и оставшись в одних рубахах, гребли быстро и умело, и суденышки неслись вверх по Днепру словно на крыльях. На корме передней чайки на персидском ковре полулежали двое: запорожский сотник Дмитро Недоля и донской атаман Сидоров.

Сотнику было не больше двадцати пяти лет. На его круглом лице озорным блеском сверкали глаза, с губ не сходила веселая улыбка, он то и дело подкручивал кверху кончики длинных рыжеватых усов. Донскому атаману уже исполни-

* Чайка — большая морская лодка, могла поднимать от 50 до 80 человек с необходимыми припасами. Часто была вооружена двумя-тремя легкими пушками.

лось сорок. Всю нижнюю часть его лица скрывала густая светлая борода, а на лбу залегло несколько глубоких, никогда не разглаживающихся морщин, придававших лицу выражение замкнутости и отчужденности.

Сотник всего полмесяца назад вернулся на Сечь из морского набега на побережье турецкой Анатолии. Целую неделю гулял со своими друзьями-побратимами по шинкам и корчам, но затем в казачью душу будто вселился бес, погнавший его в это рискованное путешествие по Днепру. Заодно с ним поплыл с полусотней своих донцов и атаман Сидоров, нашедший приют на Запорожье после гибели вожака восставшей донской голытьбы Кондратия Булавина.

Разные цели свели в чайке сотника и атамана, разные лежали перед ними стежки-дорожки, но куда им было по пути. Устроившись на ковре, запорожец и донец проводили целые дни в неторопливой беседе.

— Эх, атаман, кабы видел ты ее! Краса, а не дивчина! А статью, как ляшская королевна, — зажмуриваясь от удовольствия, говорил сотник. — Так что я задумал твердо: свадьба, и кончено.

— А не сдается, казаче, что одного твоего желания маловато? — усмехнулся в бороду Сидоров. — Сам поведал, что зазноба — полковничья дочка. А такие обычно с норовом и гонором. Им ничего не стоит нашему брату и гарбуза * выставить.

— Мне не выставит, — убежденно ответил сотник. — Когда из-за козней Мазепы поначалу взяли Кочубея и Искру, то вскоре стали хватать и иную казачью старшину, что держала их руку. Явились гетманские сердюки и за ее отцом, побратим Искры. Тот встретил их со своими дворовыми казаками саблей да пулей, а его жинка и дочка спаслись в лесу. Они хотели пробраться к родичам на дальний степной хутор, да напоролись в пути на загон крымчаков. Быть бы полковничьей доньке украшением ханского гарема, кабы тут, на ее счастье, не подвернулся я со своей сотней. И хоть с той норы минуло немало времени, думаю, что не позабыла она нашей встречи, — закончил Дмитрий.

— А как сама дивчина смотрит на свадьбу? — поинтересовался атаман.

— Кто ведает? — беспечно ответил запорожец. — Когда ее отбил, Сечь готовилась к набегу па Синон — не до женитьбы было. А в походе захватил в полон красулю-турчан-

* Вынесенный жениху гарбуз (тыква) свидетельствовал об отказе.

ку и совсем позабыл о полковничьей доньке. Но сейчас получил весточку от старшего брата, есаула гетманских сердюков. Извещает, что сия дивчина рядом с ним и даже спрашивала обо мне. И веришь, атаман, как вспомнил ее, так полыхнуло по всему телу словно огнем, и решил я, покуда время и охота имеются, сыграть свадьбу.

— Хороша Маша, да не наша, — хохотнул атаман. — Думаешь, у нее за это время иных женихов не объявилось? Писаная красавица, да еще полковничья дочь — это не какой-то залежалый товар. Такие всегда себе ровню ищут.

— А я чем хуже других? — гордо выпятил загорелую грудь сотник. — Казачина что надо, а после похода на турок не беднее любого полковника. Эх, и погуляю, атаман! По всей Украине и Запорожью молва о той свадьбе разлетится, — мечтательно произнес Дмитро.

— Дай бог, сотник.

— У меня впереди все ясно, как божий день, — продолжал запорожец. — Сыграю свадьбу, отправлю молодую же. ну к своей матери на хутор, а сам снова подамся на Сечь. Слыхивал я от кошевого, что казаченьки опять собираются на море: Крым или Туретчину щупать. А вот чего ты, атаман, у Мазепы позабыл, никак в толк не возьму.

Донец медленно и задумчиво провел ладонью по широкой бороде, перевел взгляд на зеленеющий вдоль берега лес.

— Дабы понять волка, следует побывать в его шкуре. Посему, сотник, вряд ли уразумеешь ты меня. Пожил я на Сечи и вижу, что уж больно весело и вольготно вы себя чувствуете. Царь русский и король польский далеченько, турки да татары сами вас страшатся, а украинскому гетману и без вас дел хватает. Казакуете, где пожелаете, и мало чего окрест себя замечаете.

— Что надобно, то замечаем, — возразил ему сотник. — Нет нам дела ни до московита с ляхом, не признаем над собой и гетмана с его старшиной. Ну, а нехристей бьем всюду, где только повстречаем. Для того и собрались на Сечь, дабы хранить казачью славу и беречь веру православную от латинян до басурман. И волю свою никому не отдадим и ни на что не променяем.

— Уж больно далече вы за свою волю бьетесь, — усмехнулся атаман. — Все за синими морями и высокими горами, в Крыму да Туретчине. А стоять за нее надобно здесь, на Украине. И не только супротив татар и ляхов, по и главного своего врага — гетмана и его вельможной старшины. А не то приключится, как у нас на Дону-батюшке. Сами вскормили змею за пазухой и дождались, что домовитые ка-

заки вкупе с царскими боярами да воеводами согнули в бараний рог казачью бедноту. От их подлых рук наш атаман Кондратий и смерть принял.

Дмитро с удивлением посмотрел на донца.

— А я слыхивал, что ваш атаман сам на себя руки наложил, дабы в царские руки живым не угодить.

Сидоров с пренебрежением махнул рукой.

— Враки это, сотник. А разносят их царские слуги, дабы атамана и его дело опорочить. Ведают, что на Руси-матушке самогубцам никогда славы и почета не было, вот и хотят добрую память об атамане отнять. Не таков человек был Кондратий, чтобы самому в себя пулю пустить. С саблей в руке встретил он смерть.

— Не понимаю тебя, атаман, — проговорил Дмитро. — То с Булавиным супротив своей старшины воюешь, а сейчас к такой же чужой старшине в гости поспешаешь. Чудно мне сие...

— Без старшины жить нельзя, — убежденно произнес донец. — Да только разная она бывает. Одна милостивая и людям служит, а другая, как дикий зверь, все под себя подмять стремится. И малороссийский гетман прислал к нам, донским беглецам, своего человека с вестью, что хочет втайне от московского царя говорить с нами. Желает обсудить, как вернуть нам все старинные казачьи права и вольности. Вот наши атаманы и послали меня погутарить с ним обо всем этом.

Сотник расхохотался.

— Это Мазепа — защитник казачьих вольностей? Перекрестись, атаман. Да будь его воля, он давно бы всех казаков в холопов обратил. Да только не по зубам ему это! И не о защите Дона от царских бояр да воевод мыслит он, а хочет использовать вашего брата, донца, в своих вечных кознях. Сразу видать, атаман, что совсем не знаешь ты нашего хитреца-гетмана.

Сидоров глубоко вздохнул, почесал затылок.

— Много и разного слышали мы о гетмане, хорошего и плохого, а потому и решили сами говорить с ним. Может, на самом деле вложил в него господь душу незлобивую и заботу о близких своих?

Сотник зло сверкнул глазами.

— Это у гетмана Ивапки душа незлобивая? Да у него и души-то нет, а лишь глаза завидующие да руки загребущие. А самая сладкая и сокровенная мечта его — стать не вельможным гетманом, а украинским королем вроде ляхского. Уж мы, запорожцы, знаем его хорошо! Смотри, ата-

ман, как бы не угодить тебе в мазепину паутину. А плести ее он весьма горазд.

Донец упрямо мотнул чубатой головой.

— Меня послала к гетману громада, и я буду говорить с ним, — твердо произнес он.

— Дело твое, атаман, — пожал плечами сотник. — Только не раз ты еще мои слова о гетмане Мазепе вспомнишь...

Так и плыли они, пока не пришла пора расставаться. Дмитро трижды расцеловался с атаманом, окинул взглядом полусотню его казаков-донцов, остающихся на берегу. Махнул им на прощание рукой, широко перекрестил.

— Доброго пути, други! И дай бог всем нам еще свидеться!

2

Отсветы пламени горевшей недалеко деревни плясали на стенах палатки. Багровые пятна на тонком полотне соперничали порой с яркостью свечей стоявшего рядом с королем шандала. Откинувшись на спинку складного походного стула, устало вытянув ноги, Карл старался не слышать голоса своего первого министра графа Ципера.

В палатке их было двое: сам король и Пипер. На сегодняшний совет Карл не пригласил даже своих самых ближайших советников: фельдмаршала Реншильда и генерал-квартирмейстера Гиллепкрока. Юный король, будучи от рождения замкнутым и неразговорчивым, предпочитал принимать решения самостоятельно и не делиться ни с кем своими мыслями. Больше всего в жизни он боялся двух вещей: болтливости «своих» и всепроникающего шпионажа «чужих». Считая себя королем-солдатом и слепо веря в гениальность, непогрешимость и написанное ему на роду воинское счастье, Карл по-детски завидовал личной славе своих далеких предков-викингов, что уже не раз ставило его жизнь в опаснейшие положения и совсем недавно едва не привело в русский плен. Отличаясь редкой самоуверенностью, Карл не терпел никаких советов, усматривая в них стремление подчеркнуть его молодость, умалить полководческое дарование и даже сграничить власть.

И сейчас, вполуха слушая первого министра, Карл вновь думал о правоте своих суждений. Разве не знал он сам всего того, что уже битый час доказывал ему Пипер? У его солдат кончилась провизия и на исходе порох, и, если в Прибалтике и Литве продукты еще можно было ку-

пить, то в Белоруссии крестьяне все прятали по ямам и лесным оврагам. Когда же шведские провиантские команды пытались взять продовольствие и фураж силой, жители встречали их вилами и топорами, предавая огню все, что не успевали спрятать или унести с собой.

Польский король Станислав Лещинский, занявший престол с помощью шведских штыков, обещал в свое время Карлу создать большую шляхетскую армию, захватить Киев и затем, вторгнувшись на Левобережную Украину, соединиться там со своим другом и союзником гетманом Мазепой. Однако теперь Лещинский, боясь своих соперников, придерживающихся ориентации на Россию, безвыездно сидел в Польше и удерживался на троне лишь с помощью шести шведских полков, оставленных ему Карлом. Недаром о новом польском короле в Европе говорили, что одна половина Польши его не признает, а вторая ему не повинуется. И хотя Карлу позарез нужны были те девять тысяч солдат генерала Крассова, что без всякой пользы стояли сейчас на Висле, он понимал — спокойствие в тылу тоже немаловажно.

Нет пока помощи Карлу и от украинского гетмана, сулившего поднять против России всю Украину и бросить против царя Петра 25—30 тысяч своих казаков. Предпринять какие-либо действия, которые могли бы облегчить положение шведов, Мазепа обещает лишь в том случае, если Карл придет на Украину со своими войсками.

Вот они, союзники, и обещанная ими помощь! И все-таки Карл продолжал непоколебимо верить в свою счастливую звезду!

Король выпрямился на стуле, глянул на первого министра.

— Где Левенгаупт? — отрывисто спросил он, перебивая Пипера на полуслове.

— Последние сообщения от генерала поступили три дня назад. Он извещал, что приближается к Днепру и собирается форсировать его у Шклова.

Карл удивленно вскинул брови.

— Я хочу знать, где он сейчас, а не трое суток назад.

— Ваше величество, к царю Петру примкнул отряд украинских казаков под командованием полковника Голоты. Их разъезды прервали всякое сообщение с корпусом Левенгаупта.

Карл презрительно скривил губы.

— Меня это не интересует. Если казаки мешают — уничтожьте их, но я должен постоянно иметь связь с войсками.

Тем более с Левенгауптом, от прибытия которого зависит ход всей зимней кампании.

Пипер почтительно склонился перед королем, ластиво заглянул ему в глаза.

— Ваше величество, по моей просьбе гетман направил к генералу отряд своей личной гвардии, якобы изменившей ему и царю Петру. Казаки Мазепы помогут Левенгаупту выбраться из болот и примкнуть к нам.

— Хорошо, Пипер. А теперь я хочу знать, что происходит у московитов.

— Царь Петр, видимо, смог вовремя оценить опасность, которую представляет для него соединение Левенгаупта с вашей армией. А потому сегодня утром с частью своих сил он выступил навстречу генералу. В этом русском отряде двенадцать тысяч конницы и пехоты, командует им князь Меншиков.

В глазах Карла мелькнуло неподдельное изумление.

— Двенадцать тысяч? Но ведь у Левенгаупта шестнадцать тысяч первоклассных солдат! Неужели русский царь надеется со сбродом своих мужиков в мундирах удержать эту силу?

Пипер неопределенно пожал плечами.

— Ваше величество, московский царь — варвар. Ему неведомы воинское искусство и законы стратегии.

— Что ж, я учил его воевать под Нарвой, придется продолжить науку здесь, — высокомерно произнес Карл. — Уверен, что вначале Левенгаупт всыплет ему как следует, а затем уже мы навсегда отучим московитов братья за оружие. Кстати, каково ваше впечатление от Мюленфельса? Насколько я наслышан, вы прямо-таки влюблены в него.

— Ваше величество, это умный человек. Недаром он одним из первых понял бесплодность борьбы России со Швецией и перешел от царя Петра к нам. Он хорошо знает русских, их армию и предложил весьма интересный план, как...

Взмахом руки король остановил первого министра.

— Я солдат, Пипер, и побеждаю врага силой оружия. Поэтому интригами занимайтесь сами. Вы свободны...

Очутившись в своей палатке, Пипер швырнул на стул плащ и треуголку и дернул шнур колокольчика.

— Человек, о котором я предупреждал, здесь? — спросил он у появившегося слуги.

— Да, ваше сиятельство.

— Зовите...

Бывший бригадир * русской службы Мюленфельс, изменивший царю Петру и перебежавший к шведам, остановился у входа, отвесив Пиперу низкий поклон.

— Мой друг, я ознакомился с вашим предложением, — без всякого предисловия начал первый министр. — Нахожу его весьма заманчивым, но, к сожалению, царь Петр покинул свою штаб-квартиру и спешит сейчас наперерез Левенгаупту.

Грузный, с выпирающим животом Мюленфельс сделал шаг к графу, большим клетчатым платком смахнул капельки пота с широкого, обрюзгшего лица.

— Ваше сиятельство, но это несколько не мешает осуществлению моего плана. Просто необходимо внести в первоначальный замысел некоторые изменения.

— И вы всерьез считаете, что с пленением царя Петра русские прекратят сопротивление? — поинтересовался Пипер.

— Уверен в этом.

— Но царь не одинок, у него имеется целый ряд единомышленников и последователей.

— Именно поэтому я предлагаю вместе с царем обязательно схватить и Меншикова.

— Помню об этом. Но зачем нам нужен сын Петра, царевич Алексей?

— Наследник — прямая противоположность отца. Это как раз тот человек, который может заключить мир на всех удобных королю Карлу условиях. Но, чтобы царевич смог избежать неблагоприятного для Швеции влияния, его надобно держать рядом с собой. И лучше всего, если во время мирных переговоров он будет являться гостем его величества короля Карла... Не пленником, а именно гостем, — еще раз многозначительно повторил Мюленфельс.

— Разумно, — медленно произнес Пипер. — Но как вы собираетесь осуществить свой план в теперешних условиях?

— Царь Петр горяч и своеволен. Он часто совершает поступки, никак не приличествующие особе столь высокого происхождения: лично осматривает местность и выбирает позиции для боя, с малым числом людей ведет разведку, а иногда даже ввязывается в стычки с врагом. Главное — не прозевать подходящий момент и не спутать царя ни с кем другим, поскольку он любит носить одежду простого офицера или солдата. Посему мой план прост. Я уже докладывал

* Бригадир — воинское звание, промежуточное между полковником и генералом.

вам о двух офицерах, ранее бывших на службе у царя, а сейчас оставивших его и перешедших к королю Карлу. Это капитаны Саксе и Фок, они хорошо знают царя в лицо. С вашего разрешения я сегодня же отправлю их к генералу Левенгаупту, где они отберут сто — сто пятьдесят лучших солдат, переоденут их в русскую форму и постараются быть рядом с отрядом Меншикова, чтобы захватить царя в плен еще на марше. Если это не удастся, они повторяют попытку во время сражения русских с Левенгауптом или в момент бегства царя после разгрома его войск. Я уверен, что благоприятный случай обязательно представится, и злейший враг Швеции окажется в руках его величества короля Карла.

Пипер задумчиво потер переносицу.

— Мой друг, но если царь Петр и его сын окажутся оба в нашем плену, почему мирный договор должен будет заключать царевич, а не законный, здравствующий монарх? Ответьте мне...

Мюленфельс учащенно задышал, скомкал в руках платок.

— Ваше сиятельство, я уже говорил, что русский царь храбр и чересчур горяч. Я уверен, что он не пожелает добровольно сдаться в плен и окажет сопротивление. Но ведь и среди шведских солдат имеются горячие и вспыльчивые. А война есть война, на ней случается всякое... Разве может простой солдат понять, как дорога мне и вам жизнь каждого монарха, будь он даже русским царем?

Некоторое время Пипер неподвижно смотрел куда-то в угол палатки, затем, вздохнув, скорбно опустил голову.

— Да, мой друг, вы правы: лишь один господь знает, как священна для меня каждая капля крови любой венценосной особы. Но разве наша с вами вина, что русский царь так горяч и необуздан? А потому сейчас же заготовьте от моего имени письмо Левенгаупту, в котором я наделяю капитанов всеми необходимыми полномочиями. И позаботьтесь, чтобы они отправились к генералу как можно скорее.

Под парусиновым верхом телеги у складного алтаря сидел плотный пожилой человек в поповской рясе. В его волосах были заметны нити седины, густая борода опускалась на грудь. Этот человек — священник отряда сердюков, что под командованием полковника Тетери и есаула Ивана Недоли прибыл по тайному приказу Мазепы в распоряжение генерала Левенгаупта.

Сейчас батюшка совершал обряд святого таинства — исповедовал паству. Но вовсе не исполнение обязанностей занимало ум священника: уже несколько дней его голова была занята делами куда более важными. А потому он отпускал грехи легко и быстро, даже не дослушивая исповедующихся до конца. Лишь один из них, детина саженого роста с побитым оспой лицом и огромными, закрученными чуть ли не до ушей усами, заставил батюшку внимательно вслушаться в его слова.

— Так что гнетет душу твою, сын мой? — спросил он, отвлекаясь от своих дум.

— Грех несу, отче. С этим и явился к тебе.

— Кайся, сын мой, и господь внемлет твоему раскаянию.

Детина, из-за своего роста согнувшийся почти вдвое, просунул голову под навес телеги, приблизил лицо к священнику.

— В блуде каюсь, отче. Ибо возжелал жену стародавнего друга своего, от коего не видел ничего, кроме добра и верности нашему товариществу.

— Как же случилось сие грехопадение, сын мой? Кто мог совратить такого славного и видного казака, как ты? Неужто какая-то мужичка, ибо иных женщин нет во всей округе?

В глазах священника уже не было равнодушия и скуки. Они смотрели на кающегося с живейшим интересом, тем более что пон прекрасно знал его. Это был один из казачьих старшин отряда полковника Тетери — полусотник Цыбуля, заслуживший свое звание личной отвагой и неустрашимостью в бою, но никак не умом. Среди казаков он был известен также тем, что имел о себе самое высокое мнение и старался во всем подражать правам и привычкам выше его стоящей старшины.

— Она не мужичка, — обидчиво произнес Цыбуля, — а настоящая пани, жена моего побратима сотника Охрима. И живет не в этом убогом местечке, — кивнул он на сиротливо покосившиеся избы единственной улочки маленького белорусского села, посреди которой стояла поновская телега, — а в собственном богатом хуторе на самом берегу Днепра.

— Днепра? — удивился священник. — Но кой нечистый занес тебя в такую даль?

— Не он занес меня, отче, а войсковые дела. А хутор...

— Постои, не спеши, — остановил священник казака. — Лучше скажи, что за дела нашлись у тебя на Днепре?

Полусотник нахмурил кустистые брови, кашлянул.

— Не велено о том говорить, отче. Не моя это тайна, а пана полкового есаула Недоли, что посылал меня.

Не ожидавший подобного ответа священник заерзал на скамейке, постарался придать своему лицу самое строгое выражение, на которое был способен.

— Не богохульствуй, раб божий! Ибо не в шинке стоишь, а в храме божьем! И не человеку отвечаешь в сию минуту, а пред ликом всевышнего каешься в грехах своих тяжких и молишь о прощении небесном. Так говори, почему оказался на Днепре и как попал на хутор? Господу знать надобно, привели тебя туда слабость духа, бесовское наваждение или, обуреваемый соблазном и позабыв о святых заповедях, сам стремился к грехопадению?

Заметно оробевший полусотник перекрестился на икону богоматери, смутно угадывающуюся за спиной священника, тяжело вздохнул.

— Прости, отче, за речи мои дерзкие и непотребные. Поведаю тебе все без утайки. Посылал меня пан есаул по большаку на Шклов...

— Довольно, сын мой, — перебил Цыбулю священник. — Значит, попал ты к Днепру по чужой воле... Теперь поведай господу, как тебя бес попутал.

— Покуда мои казаки со шведами рыскали по берегу, отыскивая броды и подбирая место для переправы, я наведался перекусить на ближайший хутор. Там и повстречал жену своего стародавнего побратима сотника Охрима.

— А где же сотник? — полюбопытствовал поп.

— А на царевой службе в Лифляндии.

— А сотничиха, небось, баба что надо? — спросил священник, стремясь отвлечь внимание Цыбули от только что состоявшегося разговора о Днепре, не имеющего отношения к исповеди.

— Еще какая! — сразу оживился полусотник. — Видна и статна, пригожа на обличье и телом гладка. Поначала я крепился... Даже святую молитву сотворил, страхась соблазна. Но когда сотничиха меня сытно накормила и собственноручно постлала постель, дабы я передохнул после обеда, вот тут я и не устоял.

Священник с важным видом перекрестил Цыбулю.

— Сын мой, прощаю тебе сей грех невольный. Ибо грешно человека убить, а продолжить род его — святое дело. Со всем в ином грех твой тяжкий. В тот час, как твой побратим сотник Охрим и тысячи других казаков-украинцев сражаются супротив шведов за нашу святую православную веру, ты

вкупе с недругами собрался проливать кровь братьев своих, россиян.

Цыбуля оторопело уставился на священника.

— Да разве я по своей охоте, отче? Будь моя воля, я бы этих птахов задетных... — начал полусотник и тут же осекся.

Поп назидательно поднял указательный палец.

— Взгляни на себя и устыдись, сын мой. Неужто ты червь земной или дитя неразумное? Разве не стонет и не вопиет душа твоя, видя пролитие невинной православной крови? Ведай, раб божий, что суровым будет спрос с тебя за грех сей тягчайший. Внемли и размысли над услышанным, ибо сам господь глаголет сейчас устами моими...

Громкий шум заставил священника высунуть голову из-под навеса. Заполнив всю улицу, по селу двигалась конная ватага запорожцев. Впереди на гнедом жеребце восседал сотник Дмитро Недоля. Кунтуш на нем был расстегнут, смушковая шапка с багряным шлыком лихо заломлена на затылок. Забыв о Цыбуле, священник мигом спрыгнул с телеги на землю и, придерживая полы рясы, поспешил наперерез ватаге. Загородив дорогу жеребцу сотника, он широко раскинул руки.

— День добрый, братцы-запорожцы! Здоров будь, пан сотник! Куда путь держите?

— День добрый, святой отец! — весело приветствовал попа Дмитро, соскакивая с жеребца и обнимая священника. — Вижу, что ты никак не расстанешься с братом Иваном. Подскажи, где он сейчас.

— Пан есаул джоже занятый человек. С утра до ночи на генеральной службе, так что днем сам леший не сыщет.

— А панночка Ганнуса? — спросил Дмитро. — Говорят, что она тоже здесь?

— И панночка с нами. Да только в такую рань гарные девчата еще сны досматривают.

Дмитро недовольно скривил лицо, вытянул себя по голыщцу плетью.

— Ну и дела! К брату поздно, к панночке рано.

— А ты не журись, — сразу же откликнулся поп. — Поскольку завсегда есть одно место, где казаку рады днем и ночью. Вижу, что твои хлонцы с дороги изрядно притомились, а потому не грешно им выпить и перекусить. А шинок рядом, — указал он на крепкую вместительную избу при въезде в село.

Дмитро в раздумье почесал затылок, потрогал усы. Но чем еще можно заняться в этом маленьком убогом местечке? Тем более после длительной утомительной дороги под густым

мокрым снегом так рано наступившей в этом году зимы. Он решительно взмахнул плетью.

— Веди в шинок, отче.

В шинке Дмитро сразу ухватил за бороду подбъжавшего к нему хозяина. Заглянул в его маленькие, шыбрющие по сторонам глазки.

— Запорожцы гуляют! Тащи на стол все, что имеешь! Угощай каждую православную душу, которую ноги занесут! Держи...

Выпустив из рук бороду, сотник достал из-за пояса три крупные жемчужины, протянул их шинкару.

— Хватит? И знай, коли не угодишь моим хлопцам — уши обрежу...

Гулянье закончилось далеко за полночь. Оглядевшись по сторонам, шинкарь убедился, что гнать из избы некого. Казаки уже снали где придется: кто сидя за столом, кто на лавке, а большинство примостившись прямо на полу. Лишь священник, сидевший рядом с сотником, с усилием поднялся со скамьи, тронул за плечо посапывавшего подле него сердюка.

— Сын мой, проводи отсюда. Ибо не пристало особе моего сапа проводить ночь в столь непотребном месте.

Держась за плечо сердюка, священник вышел из шинка, нетвердым шагом двинулся в направлении своей телеги. Здесь, оглянувшись по сторонам, он наклонился к уху казака.

— Сегодня у меня на исповеди был полусотник Цыбуля. Поведал, что есаул посылал его на Шклов. Велел осмотреть броды на Днепре и подыскать место для переправы. С казаками были и шведы. Уж не подле Шклова собирается генерал перемахнуть на ту сторону реки?

Речь священника была связной и быстрой, глаза смотрели на казака внимательно и тревожно. С лица сердюка тоже пропало выражение удалого веселья и бесшабашности.

— Не ведаю того, отче. Но знаю, что еще полусотня с подобным заданием посылалась на Копысь, а один курень* до самой Орши. Но не могут шведы переправляться сразу в трех столь далеких одно от другого местах. Значит, хитрят гостишки наши дорогие.

— Хитрят, сын мой. Да только шило завсегда из мешка выглянет. А потому немедля шли гонца к сотнику Злови-Витру. Пускай передаст выведенное нами батьке Голоте.

* Украинская казачья сотня того периода насчитывала 300—400 человек и состояла из нескольких куреней во главе с куренными атаманами.

В отличие от веселого и беззаботного брата-запорожца мазенинский есаул Иван Недоля был постоянно хмур и малоразговорчив. Его губы были все время плотно сжаты и почти незаметны под густыми усами. Тяжелый, неприветливый взгляд гетманца всегда был направлен мимо собеседника, а хрипловатый голос звучал ровно и спокойно, словно во всем мире не существовало вещи или события, которые могли бы хоть чем-то затронуть и взволновать старшего Недолю. Лишь появление единственного брата заставило есаула выдавить на лице слабое подобие улыбки. Они уже второй час сидели в шатре есаула, вспоминая былое и никак не решаясь начать разговор о деле.

— Выходит, задумал жениться, братчику? — спросил есаул.

— А почему бы и нет? Надо же когда-то? А сейчас время для этого имеется и после набега на турок кое-что осталось.

— А что говорит Ганна?

Дмитро тяжело вздохнул, опустил глаза.

— А чего ей быть против? Лучше скажи, как она здесь при тебе да шведах очутилась?

— Сам толком не ведаю. Не стану перед тобой кривить душой: не по своей воле оказался я у генерала. И когда гетман послал со мной своего кума, полковника Тетерю, тот, старый хряк, прихватил с собой для спокойствия души и подальше от соблазна молодую жинку. А твоя панночка ей какой-то родней приходится, вот и увязалась с ней. Бес, а не дивчина, любому казачине в скачке да стрельбе не уступит.

Дмитро насмешливо присвистнул.

— Ну и ну! Что ты очутился здесь по указке Мазепы, я и сам догадывался. Но для чего он послал с тобой Тетерю? Для присмотра? Выходит, не совсем доверяет? Так-то он ценит твою службу...

Лицо есаула осталось спокойным, лишь в глубине зрачков вспыхнули злые огоньки.

— Гетман осторожен, как змея, и хитер, как старый лис. Знает, что не из любви к нему стал я сердюком... Давняя это история, братчику. Два друга-побратима было у меня: батько Голота и фастовский полковник Палий, которые немало славных дел свершили во славу Украины. Да не стало однажды моих верных друзей: по наветам Мазепы и цареву приказу заковали обоих побратимов в железо и отправили в

Сибирь. Хлебнул тогда лиха и я: раненный, едва ушел от царской погони на Сечь, а гетманские сердюки еще долго ходили по моему следу, как за диким зверем. Но вот два года назад доверенный человек Мазепы шепнул мне, что тот желает говорить со мной с глазу на глаз. Мы встретились. Гетман обещал даровать мне прощение, предложил забыть все бывшее, что стояло промеж нас, и сообща готовить погибель царю Петру, моему и его недругу.

— Выходит, что простил все Мазепа? — без тени улыбки спросил Дмитро. — Забыл и свою кровь, и муки побратимов?

— Ничего я не забыл и не простил, братчику, да только не по силам было мне одному мстить сразу царю и гетману. И я замыслил так: коли один мой недруг задумал схватиться с другим, пускай грызут до последнего, а я с радостью помогу им в этом. Вначале вкупе с Мазепою поквитаяюсь с царем, а затем припомню свои обиды и гетману.

— А я слыхивал, будто царь простил полковника Голоту и даже поставил над казаками, что имеются при русской армии, — словно мимоходом заметил Дмитро. — Выходит, поразному ты и твой побратим решили мстить за свои кривды, братку.

Было отчетливо слышно, как скрипнули в наступившей тишине зубы есаула, хотя голос его прозвучал по-прежнему ровно.

— Слыхивал про это и я, братчику. Да только не верю той молве. Вернись батько Голота на Украину — обязательно вспомнил бы и прислал весточку. Ну да ладно, хватит об этом. Лучше ответь, чью сторону решили принять запорожцы: царя или короля?

— А ничью. Сечь не воюет ни с царем, ни со шведами, а до Мазепиных козней ей тем паче нет дела.

— Мыслите отсидеться у себя на порогах? Не выйдет: российские войска уже на Украине, не сегодня завтра там будут и шведы. Так что не минует и вас военное лихолетье.

— Сечь — не Московия и не гетманщина, — ответил Дмитро. — Запорожцы живут и воюют своим умом. Вот когда недруг явится на саму неньку — Украину, вот тогда наша громада возьмется за сабли и молвит свое слово. А пока да сего не случилось, мне и надобно успеть с женитьбой. Надеюсь в этом и на твою помощь, братку...

Оглушительный стук в дверь поднял шинкаря с лавки.

— Кто там? — зябко поеживаясь, сонным голосом спросил он.

— Открывай — увидишь. И поспеши, а не то... — громким голосом ответили с улицы и подкрепили свою угрозу столь крепкими выражениями, что шинкарь тотчас сбросил с двери щеколду.

В лунном свете стоял высокий казак в запорошенном снегом кунтуше и наброшенном на голову башлыке. Одной рукой он держал под уздцы коня, в другой сжимал мушкет, прикладом которого только что колотил в дверь.

— Что пану полковнику надобно? — услужливо спросил шинкарь.

Он сразу отметил прекрасную конскую сбрую, богатую одежду незнакомца и потому решил не скупиться на чины.

— Прими коня, — вместо ответа бросил приезжий.

Протянув хозяину поводья и бесцеремонно оттолкнув его в сторону, казак прошел в избу. Когда, привязав коня и насыпав ему овса, шинкарь вернулся, незнакомец сидел уже на лавке без башлыка и кунтуша. У ног его стоял мушкет, а на столе лежали два пистолета. Проследив за тем, как хозяин запер дверь, казак скользнул взглядом по плотно занавешенному оконцу, спросил:

— Ты один?

— Нет, пан полковник. Со мной жена и двое сыночков.

— Где они?

— Спят на петке.

Встав, казак заглянул на лежанку, схватил шинкаря за шиворот, грозно посмотрел в лицо.

— По ночам к тебе кто-нибудь навещается?

— Зачем? Господа шведы ночуют по палаткам, паны казаки и запорожцы стали на постой к вдовам и молодыцам, а чужой человек наше местечко сейчас стороной обходит. Со всем торговли нет, — пожаловался на всякий случай шинкарь, опасливо косясь на длинную саблю незнакомца.

— Не скули! — оборвал его пришелец, доставая из-за пояса блеснувшую золотом монету и бросая ее хозяину. — Это за то, что я останусь у тебя до утра.

Не обращая внимания на угодливо изогнувшегося шинкаря, казак проверил щеколду, разостлал на лавке кунтуш. Прислонил рядом к стене мушкет, засунул за пояс пистолеты, помянул к себе пальцем хозяина.

— Коль не проснусь сам, буди перед вторыми петухами. Кто бы ночью ни явился — не открывай. Отвечай, что прихворнул... А если без моего спросу сам высунешь нос на улицу — голову спесу. Туши свечку...

Дождавшись, когда от двери донесся громкий раскати-стый храп, шинкарь осторожно сполз со своей лавки. Ста-

раясь шагать бесшумно, подкрался к печке, нащупал ноги старшего сына. Потянул их к себе и тотчас закрыл ладонью рот очутившегося рядом с ним на полу мальчонки.

— Тише, сыночек, тише, — зашептал он. — Ничего не говори, только слушай... — и не спуская глаз с лавки, на которой спал казак, быстро заговорил: — Сейчас залезешь на чердак, а оттуда на крышу. Спустишься на землю и скорее ищи кого-нибудь из военных. Если это будет швед, пускай ведет тебя к господину полковнику Розену, а коли сердюк — к пану есаулу Недоле. А полковнику или есаулу положишь, что в шинке заночевал чужой казак, на хорошем коне и при оружии. Велел в избу никого не пускать, а самого разбудить перед вторыми петухами. Скажешь, что я нюхом чую, не с добром он явился... И напomini господину полковнику или пану есаулу о тех ста злотых, которые они обещали мне за каждого подозрительного чужака.

— Сколько злотых ты мне за это дашь? — спокойно спросил мальчонка, все это время лениво ковырявший в носу.

Возмущенный шинкарь вздернул кверху свою бородавку, больно ухватил сына за курчавые волосы.

— Ах, негодник, на родном папике хочешь деньги делать? Да я тебя... — он замахнулся на ребенка свободной рукой, но на того это нисколько не подействовало.

— Ударись — закричу, — невозмутимо произнес он. — А насчет денег ты сам меня учил: никому и ничего нельзя делать даром или без пользы для себя.

Умиленный шинкарь обнял сына, погладил по голове.

— Молодец, сыночек, порадовал старого папика. Правильно: вначале деньги, а потом все остальное. Так вот, если я получу свои сто злотых, то дам тебе целых пять.

— Десять, — твердо сказал мальчонка.

— Хорошо, твой папик обещает это, — важно произнес шинкарь и легонько подтолкнул сына в спину. — Лезь скорей на чердак... Да потише, чтобы не разбудить этого разбойника с ружьем.

Проследив, как сын исчез в лазе на чердак, шинкарь снова улегся на лавку и стал чутко прислушиваться ко всему, что происходило на улице и вокруг избы. Но везде царили тишина и покой. Он постепенно начал проваливаться в сон, как вдруг страшный грохот в двери заставил его вскочить на ноги. Казак с мушкетом в руках уже стоял возле окна и, отодвинув грязную занавеску, всматривался в темноту. Чертыхнувшись, он отшатнулся в простенок, повернулся к шинкарю.

— Обложили со всех сторон. Слава богу, что дверь хоть крепка.

Шагнув к хозяину, он ухватил его за ворот рубахи и сжал с такой силой, что у того потемнело в глазах.

— Слушай меня и запоминай все хорошенько. Сейчас я приму свой последний бой, а ты вместо меня доделаешь то, что господь не дал свершить мне. Клянись всем для тебя святым, что исполнишь мою волю.

— Клянусь... Сделаю все, что скажешь, — с хрипом выдал шинкарь.

— Держи... — казак сунул руку за пазуху, достал оттуда небольшой пергаментный свиток с несколькими печатями. — Спрячешь и отдашь тому, кто придет за ним. А нарушишь клятву — с того света вернусь, дабы горло тебе перегрызть.

Хозяин испуганно сунул пергамент за пазуху.

— А кому отдать свиток, пан полковник? — поинтересовался он.

— Кому писан — сам придет, — ответил казак, взводя курок мушкета. — А сейчас поспеши на печку. А также вели жинке и хлопцам не высовываться с лежанки.

Едва он договорил, как дверь под напором ломившихся с улицы людей рухнула наземь, и в шинок ворвалась толпа королевских солдат. Тотчас оглушенно бухнул казачий мушкет, слились воедино выстрелы двух его пистолетов, а в следующее мгновение незнакомец с обнаженной саблей смело врезался в гущу шведов, стараясь прорубиться к зияющему проему двери. Но силы были слишком неравны, и после короткой, ожесточенной схватки казак очутился в руках врагов. Командовавший шведами офицер подождал, пока скрученного веревками пленника выведут во двор. Затем окинул взглядом пятерых убитых и двух раненых своих солдат, нахмурился.

— Дороговато обошелся нам твой подарок, трактирщик. Будем надеяться, что он того стоит. Получай... — Швед протянул шинкарю мешочек с деньгами, добавил: — Вспомни, не называл ли казак каких-либо имен? Не проговорился случайно, откуда и зачем сюда явился?

Моментально спрятав деньги, шинкарь согнулся в поклоне.

— Ничего разбойник не говорил, господин офицер. Приехал и сразу завалился спать. Даже за ночлег не уплатил.

— Ничего, у полковника Розена заговорит, — усмехнулся швед.

Не успели солдаты вынести из избы убитых и раненых,

как к шинкарю подскочил сын, вернувшийся вместе со шведами.

— Десять злотых, — потребовал он, протягивая к отцу руку.

Тот, громко рассмеявшись, поднес к носу мальчишки кукиш.

— А этого не хочешь?

— Но ты же обещал?

— Ну и дурак же ты, сыночек, — сквозь смех проговорил шинкарь. — Сколько раз учил тебя, что никому и никогда нельзя верить на слово... Вначале нужно получить деньги, а потом уже решать, делать или нет то, за что их дали. Запомни это навсегда.

Дав хнычущему отпрыску шлепка и отправив его на печку, шинкарь опустился на лавку, закрыл глаза. Верно ли он поступил, утаив казачью грамоту от шведов? Но что бы он имел, отдав ее простому офицеру? Наверное, ничего, все те же сто злотых. А если он принесет свиток через два-три дня самому полковнику Розену, есть возможность получить от него в качестве награды еще что-нибудь. Скажет, что случайно обнаружил пергамент под печкой, куда его, видимо, спрятал казак перед схваткой с явившимися за ним шведами.

Приняв решение, шинкарь на цыпочках подкрался к печке, спрятал под ней грамоту.

Левенгаунт выпрямился над столом, посмотрел на Розена.

— Я решил форсировать Днепр в районе городка Шклов, там уже побывала наша разведка. В настоящее время я приказал всем частям корпуса и обозу двигаться к Шклову, но все мои действия не будут стоить и ломаного гроша, если на противоположном берегу нас станут поджидать русские. Поэтому, полковник, слушайте приказ, за исполнение которого отвечаете головой: противник ни в коем случае не должен узнать места нашей предстоящей переправы.

— Для выполнения этого приказа я вынужден обратиться к вам с несколькими просьбами.

— Слушаю вас.

— Местное население помогает русским лазутчикам. Чтобы пресечь это, необходимо жителей прилегающих к дороге деревень забирать с собой... Забирать всех, до единого. Только в этом случае можно сохранить тайну маршрута, которым движется корпус.

— Я не намерен кормить толпы лишних ртов, — сухо заметил Левенгаупт.

— Генерал, вы прекрасно знаете, как тяжелы здешние дороги, особенно осенью. Наши солдаты трудятся наравне с лошадьми и волами, они уже наполовину превратились во вьючных животных. Так что можно использовать захваченных местных жителей вместо обессиленных лошадей. Этим они отработают еду, которую мы будем вынуждены им давать. А когда очутимся на той стороне Днепра и их языки станут для нас опасными, мы отпустим уцелевших пленников по домам.

— Хорошо. В чем же нужна моя помощь?

— Прошу подчинить мне казаков полковника Тетери. Они хорошо знают здешние места и вместе с моими кирасирами смогли бы успешно бороться с вражескими лазутчиками.

— Я сделаю это. Что еще?

— В последнее время на стороне русских стали активно действовать казаки какого-то батьки Голоты, их разъезды шныряют у нас буквально под носом. Боюсь, что нам будет невозможно скрыть от них движение корпуса на Шклов. У меня, генерал, есть план, как обхитрить их.

— Говорите.

— Я прикажу надежно оценить район предстоящей переправы у Шклова, зато открыто продолжу разведку местности и бродов у Орши и Косыпи. Для убедительности даже брошу в те места часть нашей легкой кавалерии, которая в нужный момент быстро возвратится к нам. Но главное не в этом. У меня есть человек, которого я пошлю как верного России местного жителя к Меншикову, и он сообщит ему, что видел начало нашей переправы у Орши. Я хочу ввести русских в заблуждение, отвлечь их внимание от Шклова и, если удастся, направить в противоположную от нас сторону. Для этого, генерал, я рискну просить вас лишиться на время приятного общества шляхтича Яблонского.

— Яблонского? Но я каждый вечер играю с ним в шахматы!

— Он сообразителен, на редкость нагл и неплохо знает нравы русских, — невозмутимо продолжал Розен. — Мы предложим сыграть ему партию в более крупной игре.

— Вы получите и шляхтича, полковник, — с нотками недовольства в голосе ответил Левенгаупт. — Надеюсь, это все, что от меня требовалось?

— Да, генерал.

— Тогда у меня будет к вам два вопроса. Первый: что удалось узнать от захваченного в трактире лазутчика?

— Ничего: он попросту молчит. Однако я уверен, что он прибыл к кому-то из казаков полковника Тетери.

— Надеюсь, вы показали его сердюкам? Они могли бы опознать лазутчика и указать тех, к кому он мог явиться.

— Я не сделал этого. Показав его казакам, я предупредил бы сообщников задержанного о его поимке. А это заставило бы их действовать более осмотрительно. Пусть лучше будут в неведении о его судьбе. Возможно, это послужит причиной совершения ими какой-либо ошибки. К тому же я не теряю надежды, что мои люди все-таки развяжут лазутчику язык.

— Будем надеяться. А каковы успехи прибывших от графа Пипера капитанов-перебежчиков? Тех, что обещали ему захватить в плен царя и Меншикова?

— Они уже трижды выезжали на охоту, но... Казаки Голоты не только ведут разведку, но и прикрывают русские войска на марше. Отряд Саксе уже имел с ними встречу, и лишь самообладание капитана и знание им языка неприятеля спасли наших людей от разоблачения и гибели. Если вы разрешите, генерал, я создам еще два-три подобных отряда-оборотня из сердюков полковника Тетери. Под видом казаков батьки Голоты им будет гораздо легче и безопасней осуществить задуманный графом план.

— Я подумаю над этим. Но не раньше чем мы очутимся на противоположном берегу Днепра. Сейчас же меня интересует только одно — беспрепятственный бросок через реку.

— Молись, сын мой, — громко проговорил священник, протягивая казаку распятие.

Тот поцеловал крест, стрельнул глазами в обе стороны пустынной деревенской улицы. Просунул голову под навес поповской телеги.

— Отче, шведы готовят переправу у Шклова, — торопливо заговорил он. — Оценили целую версту леса у берега, никого из местных даже близко к нему не подпускают, начали свозить туда бревна и камни. Мыслию, что уже завтра генерал может приступить к переправе. А потому и нам нельзя медлить.

— А что же Копысь и Орша?

— Ничего. Шведы попросту желают отвлечь внимание россиян от истинной переправы.

— Хлопцам Злови-Витра об этом сообщил?

Казак виновато опустил глаза.

— Не смог. Шведы забирают с собой жителей всех местечек и хуторов, мимо которых проходят. По лесам и болотам шныряют кирасирские дозоры, тропы перекрыты секретами. Солдаты открывают стрельбу по всему живому, что появляется у дорог. Я дважды посылал к Злови-Витру своих хлопцев, пытался пробраться к нему сам, однако все без толку. Не будь мы сердюками, валялись бы сейчас мертвыми по болотам або висели на дыбе перед полковником Розеном.

Казак сделал паузу, с надеждой посмотрел на священника.

— Отче, вы не простой человек, на вас лежит сан и небесная благодать. На слугу божьего не поднимется рука ни у одного христианина, даже если он швед. Может...

Сердюк не договорил, но священник все понял. Задумавшись, он некоторое время молчал, затем тихо спросил:

— Куда и к кому идти?

— В Лишняны, к батюшке Лариону. Он тоже знает, где сыскать хлопцев Злови-Витра.

По улице местечка впереди десятка сердюков ехали конь о конь оба Недоли. Поравнявшись с шинком, старший из братьев придержал скакуна:

— Поговорил бы с тобой еще, братчику, да недосуг — генеральская служба к себе кличет. Бувай...

Есаул с сердюками поехали дальше, а Дмитро, соскочив с коня, вошел в шинок. Тотчас подле него очутился хозяин.

— Вечер добрый, пан сотник! Ах, ах, ваша ясновельможность вся в снегу! Не желаете оковитой, дабы не захворать?

Дмитро решительно отстранил хозяйскую руку с чаркой.

— Геть! Казак — не винная бочка!

Однако шинкарь не отставал.

— Пан сотник, не обижайте старика, — плаксиво затянул он, хватая запорожца за полы кунтуша. — Ведь вы для меня, что сын родной. Разве я могу смотреть спокойно, что ваша ясновельможность с головы до ног мокрая и от ветра вся посинела. Так и занедужить немудрено, а такого лица, как пан сотник, впереди ждут геройские дела. Выпейте оковитой для обогрева души и тела.

— Тыфу ты, леший побери! — в сердцах сплюнул под ноги Дмитро. — Пристал как ренях! Давай свою горилку!

Он залпом опрокинул в рот содержимое вместительной чарки, бросил взгляд по сторонам. В шинке было пусто, в углу печка пылала жаром. От выпитой оковитой неожиданно быстро зашумело в голове и стали наливаться усталостью ноги. Дмитро взял одну из лавок, поставил ее под окном.

— Я заночую у тебя, шинкарь, — сказал он, снимая с себя кунтуш и шапку. — Разбудишь, когда рассветет.

Запорожец улегся на лавке, пристроил под голову шапку, сунул под нее пистолеты. Когда под окном раздался храп, шинкарь поманил к себе жену.

— Помнишь три жемчужины, что спрятала недавно? Я получил их от казака, который спит сейчас у нас. Не думаю, что те жемчужины были у него последними.

Шинкарка, хорошо знающая своего мужа, насторожилась. В ее глазах появился и застыл жадный блеск.

— Что ты задумал, Абрамчик?

— Этот запорожский сотник совсем недавно возвратился из удачного морского набега на турок. К нам он явился потому, что задумал жениться. Уверен, что при нем еще имеются драгоценности, и немалые.

— Ну и что? Ему не обязательно носить их в кармане.

— Ты не знаешь казаков, мамочка. Все, что они имеют, обычно на них самих и на коне. Смотри, этот запорожец даже во сне боится расстаться со своей шапкой. Сунул ее под голову и еще обхватил руками. Клянусь, что именно в ней спрятаны драгоценности. А зачем они ему? Пропить и прогулять?

— Но шапка под его головой. А рядом пистолеты...

— Ну и что? Я подмешал в его оковитую сонное зелье, поэтому он сейчас спит как убитый. А когда проснется и придет в себя, вряд ли вспомнит, где был ночью и что делал. Почему его не могли разбудить дружки-сердюки, с которыми он затеял гулянку? После моего зелья человек не помнит ничего.

Шинкарка испуганно воздела к потолку руки.

— Подумай обо мне и своих детях! А если все-таки проснется? Он же убьет тебя.

— Тише! — замахал на нее руками шинкарь. — Я не такой дурень, чтобы идти за шапкой сам. Разве ты не знаешь, что казаки никогда не обижают детей? Поняла? Тот... Сыночек! — приглушенно крикнул он в сторону печи.

Когда с лежанки сполз сынишка, шинкарь ласково погладил его по голове.

— Сыночек, видишь того казака с красным бантом на сабле?

— Да, папочка.

— А шапку со шлыком, что у него под головой?

— Да, папочка.

— Сможешь принести ее мне, не разбудив казака? Получишь за это десять золотых.

Полусонное лицо сынишки вмиг оживилось.

— Двадцать.

— Ладно, двадцать, — согласился шинкарь. — Неси скорей шапку и получай деньги.

— Вначале золотые, потом шапка, — решительно заявил сынишка, протягивая к отцу ладонь.

У шинкаря от негодования перехватило дыхание, он закатил глаза под лоб.

— Мамоchка, посмотри, что делается! Твой сыночек хочет делать гешефт на своем родном папочке.

— Ты сам учи, что вначале деньги, а потом все остальное, — невозмутимо произнес мальчуган. — Хочешь шапку — давай золотые. И быстрее, пока не проснулся казак. Показывая, что разговор на эту тему окончен, сынишка отвернулся в сторону и принялся ковыряться в носу.

— Получай, — прохрипел шинкарь, доставая из-за пояса горсть монет и отдавая их сыну.

Тот пересчитал их, снова протянул к отцу руку.

— Еще два золотых.

— Мамоchка, твой сыночек грабит своего папочку, — взвизгнул шинкарь, вновь запуская пальцы за пояс.

Завязав деньги в лоскут, мальчуган спрятал его за пазуху, повернулся к матери.

— Подай жбан с квасом. Если казак проснется, скажу, что принес ему напиток.

С кувшином в руке мальчонка на цыпочках приблизился к Дмитро, прислушался к его хриплому дыханию. Поставив сосуд на пол, он осторожно просунул руку под казачью голову, слегка приподнял ее. Потихоньку вытащил шапку, медленно опустил голову запорожца снова на лавку. Убедившись, что казак продолжает спать, мальчуган вернулся к родителям, протянул отцу шапку. Едва завладев ею, шинкарь ухватил сына за ухо, больно крутнул его.

— Ах, сыночек, в кого ты такой дурень? Разве папочка не учи тебя, что вначале самому нужно проверить вещь, а потом уже отдавать ее другому? Или забыл, что все окружающие — твои враги, которые только и мечтают, чтобы обмануть тебя? Пусть мечтают, но обмануть их должен ты. Мамоchка, отчего у нас такие глупые дети?

Он шлепнул сына, со строгим лицом пригрозил ему пальцем, указал на место рядом с собой.

— Стой здесь. Сейчас снова сунешь шапку казаку под голову. И молчи, молчи — я заплатил тебе уже за все...

Как ни старался Меншиков думать о чем-нибудь другом, его мысли постоянно возвращались к Днепру. Знать бы, что творится сейчас на его берегах! Однако подобным даром природа не наградила еще ни одного смертного, а потому, хочешь не хочешь, придется поверить словам шляхтича-униата, перебежавшего к русским с берега, занятого шведами.

— Значит, своими глазами видел неприятельскую переправу? — спросил Александр Данилович.

— Да, ваше сиятельство, причем так же хорошо, как сейчас вас, — торопливо заговорил Яблонский, прикладывая пухлые руки к груди. — Мой хутор стоит на взгорке возле Днепра, и у меня остановился на постой сам генерал Левенгаупт со свитой. Неприятный человек, на всех смотрит косо...

Взмахом руки князь остановил шляхтича.

— О генерале потом, вначале поведай о переправе.

— Конницу шведы пустили на тот берег бродом, пехоту перебрасывают на плотках и лодках, а для обоза выстроили два моста. Лес и камень заготовили заранее, выбрали самые узкие места с сухими берегами. Нагнали наших мужиков в помощь своим солдатам — и мосты готовы.

— Как быстро идет переправа? Сколько времени потребуются шведам, дабы перебросить на наш берег весь корпус и обоз?

Яблонский неопределенно пожал плечами.

— Того не знаю, ваше сиятельство. Солдаты переправляются быстро, а вот мосты... Ненадежны они, ох как ненадежны! На скорую руку строили их шведы, торопились. Покуда телеги идут с интервалами — все хорошо, а стоит пустить их сплошным потоком — мосты того гляди развалятся. Сдается мне, что обоз надолго задержит генерала.

Глаза князя повеселели, он довольно потер руки.

— Поспешить — людей насмешить. Но хитер генерал, ничего не скажешь. Мы собрались встречать его между Шкловом и Копысью, а он прыгнул от нас к самой Орше. Как пуглом беду чуял...

— Все шведы от усталости еле на ногах держатся, а на

коней даже смотреть страшно, — снова заговорил Яблонский. — Если по ним сейчас ударить — ни один не уйдет.

— Сколько их? — уже почти весело спросил Меншиков.

— Не считал, ваше сиятельство. Шведы начали переправу после полудня, и той же ночью я, как верный друг России и покорный слуга их величества царя Петра, поспешил к вам.

— Молодец, шляхтич, — хлопнул Яблонского по плечу Александр Данилович. — Обещаю, что государь по достоинству оценит твою службу.

Князь поманил к себе ближе стоявшего у двери драгунского полковника.

— Ты докладывал, что разъезды имели стычки со шведами под Оршей и Копысью. А переправ они не узрели?

— Нет, ваше сиятельство. Шведы пытались на лодках и плотках перебраться на наш берег, но драгуны из мушкетов отогнали их обратно. А вот насчет переправы никто из них мне даже не заикался.

— А что доносят твои казачки? — обратился Меншиков к Голоте.

— Видели неприятельскую кавалерию по всему берегу от Копыси до Орши. По мостов або переправы не приметил никто.

— И немудрено, — заметил князь. — Генерал Левенгаупт бежал от нас к Орше не для того, чтобы позволить любоваться своей переправой. Но ничего, господа шведы, у нас тоже ноги и прыть имеются.

Александр Данилович вытер вспотевший от волнения лоб платком, швырнул его на стол. Глянул попеременно на Голоту и драгунского полковника.

— Сию же минуту выслать разведку в место, что указал нам господин шляхтич. Немедля поднять войска и трубить поход. Я хочу пожаловать к генералу Левенгаупту раньше, чем он успеет перебросить весь корпус на наш берег.

Тревожа предрассветную тишину конским ржанием и стуком копыт, разбрызгивая грязь и стряхивая снег с нависших над дорогой ветвей, по лесу мчался десяток всадников. Почти все в казачьих кунтушах и шапках, с саблями на поясах, с заряженными мушкетами поперек седел. И лишь один был безоружен, одежда и блеск рыбьей чешуи на сапогах и полах селянской свиты выдавали в нем рыбака. От потных лошадиных боков валил пар, с морд падали на землю желтоватые хлопья пены, но всадники,

безжалостно нахлестывая скакунов плетью, не сбавляли скорости.

Вот дорога сделала поворот, полезла на косогор. И тотчас сбоку, из-за припорошенных снегом кустов, раздался резкий, повелительный оклик.

— Стой! Пароль!

— Сердюки! — крикнул бунчужный, скакавший впереди маленького отряда. — Гони коней!

Заглушая его слова, из-за кустов грянул залп, и трое скачущих повалились с седел. Остальные продолжали мчаться вперед. На полном скаку они вынеслись на вершину косогора и натянули поводья: вниз, перекрывая дорогу, стояла группа конных с наведенными на них мушкетами.

— В лес, хлопцы, в лес! — скомандовал бунчужный, первым направляя коня в придорожные кусты.

Но выстрелы затрещали одновременно спереди и сзади, и его лошадь, громко заржав, поднялась на дыбы и стала медленно заваливаться набок. Успев соскочить на землю до ее падения, бунчужный выхватил из-за пояса пистолеты, взвел курки и огляделся по сторонам. Двое его спутников неподвижно лежали на земле, все лошади отряда были ранены или убиты. Оставшиеся в живых казаки, спешившись, стояли за деревьями с мушкетами в руках. Сердюки, оставив лошадей коноводам, растянулись широкой цепью и окружали их с трех сторон, прижимая к глубокому, заросшему орешником оврагу, что начинался в нескольких шагах за спинами попавших в ловушку всадников. Среди сердюков виднелись и шведские солдаты. Пригнувшись, бунчужный метнулся к соседнему дереву, за которым укрылся рыбак.

— До Днепра далече? — спросил казак.

— Версты три.

— Отсюда по бездорожью к своему челну выйти сможешь?

— Хоть с завязанными очами.

— Коли так — катись в овраг и уноси швыдче ноги, а сердюков мы придержим. На том берегу шукай казаков, щоб доставили тебя к сотнику Злови-Витру або самому батьке Голоте. Скажешь, что прислал бунчужный Данило, и передашь все, что знаешь о ворогах. Прощевай, друже, и гладкой тебе дорожки...

Бунчужный проследил, как рыбак исчез в овраге, и огляделся. Сердюки и шведы были рядом. По-видимому, они имели приказ взять казаков живыми, потому что никто из них не стрелял. Еще немного — и среди деревьев разгорится рукопашная схватка. Тщательно прицеливаясь, бунчуж-

ный разрядил во врагов пистолеты, выхватил из ножен саблю, но умело брошенный аркан обвился вокруг шеи и повалил его на землю.

— Крути им руки, хлопцы! — разнесся громкий голос полусотника Цыбули, командовавшего сердюками. — Да не сверните им впопыхах головы! Ставьте их рядом!

Полусотник швырнул в ножны саблю, сбил на затылок шапку, медленно прошелся мимо тройки захваченных в плен казаков. Остановившись против бунчужного, окинул его с головы до ног взглядом и хмуρο усталился на носки своих сапог.

— Ты старшой? — спросил он, теребя темляк сабли.

— Я.

— Из сотни Злови-Витра?

— А ты угадай...

— Нечего мне угадывать, казаче, и без того бачу. Скажи, а вправду ли с царским войском идет сам батько Голота?

— Вправду. Сотни казаков слетелись под его руку, а новые тысячи поспешают со всей Украины. Так що не минует вас, псы-запроданцы, кара божья и гнев народный. Падут они на ваши головы...

Бунчужный говорил громко и отчетливо, смело глядя то в лицо Цыбули, то в толпу молча стоявших за его спиной сердюков. И под этим взглядом те опускали головы, отводили в сторону глаза. Внимая словам пленника, перестали стонать раненые, сложенные в ряд на обочине дороги. Цыбуля оторвал взгляд от сапог, настороженно скосил глаза на дюжину шведских кирасир, высающихся на конях рядом с ним, шагнул вплотную к бунчужному.

— Не знаю тебя, казаче, но душа подсказывает, що молвишь правду. И коли можешь, прости нам невольный грех и кровь друзей своих. Не по своему разумению и воле свершили мы сие черное дело, а по приказу полковника Тетери и под надзором собак — иноземцев, — кивнул он на шведов.

— А свои голова и сердце у тебя есть? — с презрением спросил бунчужный. — Или продал все без остатку недругам Украины?

— Есть, казаче, есть, — с непонятной усмешкой ответил полусотник. — А потому, друже, отправлю я сейчас тебя с хлопцами не к полковнику Розену, а на один хутор, который недалеко от нас. Там, у жинки моего побратима, переждете эти смутные дни, а когда шведы схлынут на тот берег, снова вернетесь к своим.

Изумленный бунчужный провел рукой по шее, на которой горел багровый рубец от аркана, скользнул глазами по внимательно прислушивающимся к их разговору кирасирам. Полусотник перехватил взгляд.

— Не страшись... Они по-нашему разумеют так же, как моя кобыла — по-турецки. Господи, прости...

Резким движением Цыбуля вырвал мушкет из рук ближе всех стоявшего к нему сердюка, повернувшись, выстрелил в шведского офицера. Руки кирасира рванулись к оружию, но загремевшие казацьи выстрелы заставили их разделить участь своего командира.

— Куренной, — обратился полусотник к одному из сердюков, — укладывай раненых и убитых на коней. Всех казаков, наших и Злови-Витра, отвезешь к батюшке Степану и схоронишь по православному обычаю, а шведов оставишь у Розена. Доложишь, что погибли в стычке, а из царского разъезда тоже не уцелел никто. А я тем часом махну на хутор.

Бунчужный тронул Цыбулю за локоть.

— Не гневись, друже, однако не по пути нам с тобой. С важной вестью скакали мы, а потому как можно скорее надобно быть у батьки Голоты. Помоги добраться к нему.

Полусотник расправил роскошные усы, ковырнул носком сапога слой опавших листьев.

— Не дело молвишь, казаче. Весь берег до самого Шклова шведы стерегут как зеницу ока. Даже нас к реке не подпускают. Идти туда — верная гибель. Скачем быстрее на хутор, а по пути, может, что-нибудь и придумаем.

5

— Здесь.

Саксе натянул поводья, остановил жеребца. Тропа, по которой двигался за ним отряд шведов, переодетых в форму русских драгун, выбегала из заболоченной низины на широкую подковообразную поляну и здесь заканчивалась. Точно так, как исчезали на поляне еще несколько троп, что до этого причудливо петляли среди густой травы и низкорослого березняка, подступавших с запада и севера к поляне. С юга и востока к ней не вела ни одна тропа: там, насколько хватало глаз, расстилалось бескрайнее болотное царство, через которое не было пути ни пешему, ни конному. «Мертвая зыбь», «проклятое место» — так именовали эти болота окрестные крестьяне, к которым Саксе, представляясь русским офицером, обращался с расспросами. От

одного из крестьян, прятавшегося с семьей в лесной землянке от шведов, капитан узнал самое для себя важное: болото огибала единственная в округе дорога, которой никак не минуть русским войскам, выдвигающимся навстречу Левенгаупту. Коли так, зачем рыскать в поисках царя Петра по лесам и болотам, надеясь на случайную встречу, если гораздо разумнее попросту поджидать его в месте, где он обязательно должен появиться?..

Разговор в лесной землянке состоялся минувшей ночью, а уже утром Саксе устроил на дороге первую засаду. Присмотрев овраг, по которому после нападения на царя можно было легко ускакать в лесные чащобы, отряд Саксе спешил, развел в сотне шагов от дороги костры и расположился вокруг них якобы на бивак. Поначалу все складывалось хорошо, проходившие мимо мнимых драгун русские колонны не обращали на отдыхающих у костров ни малейшего внимания. Однако ближе к полудню на дороге появился в сопровождении многочисленной свиты какой-то генерал, с яростью обрушившийся на Саксе:

— Кто позволит бездельничать? Почему не делать марш марш? Кто есть командир ваш regiment? Почему у ваш зольдат нет дисциплины? Я научу вас выполнять приказ!

Распознав по речи в генерале иностранца, возможно, даже земляка, Саксе избрал единственно приемлемую в данной ситуации тактику: вытянулся в струнку и, не отвечая ни слова, верноподданически «пожирал» генерала глазами. Тем не менее, когда тот вдоволь накричался и пригрозил, что если капитан со своим эскадроном немедленно не выступит в путь, он покажет ему «Кузькину мать» и «ядрен корень», Саксе счел за лучшее спешно покинуть выбранное для засады место.

Потерпев неудачу утром, Саксе после полудня решил поступить по-другому. Как он убедился, русским строевым офицерам до его отряда, чем он ни занимайся, дела нет — своих хлопот полон рот! — поэтому для успеха требовалось одно — исключить возможность встречи со всевозможнейшим большим начальством, сующим от безделья нос куда надо и не надо. И открывшаяся его взору поляна служила вполне подходящим местом для повторно задуманной им засады...

Саксе дождался, когда через поляну промаршировал батальон grenadiers, пристально всмотрелся вдаль: не приближается ли по дороге очередная пехотная или конная колонна, и скомандовал отряду:

— На поляну! Телеги в болото! Быстро, быстро!

Мимо Саксе вскачь пронеслись две телеги, на которых здешние крестьяне успешно преодолевали заболоченные места и с ходу врезались в болото. Лошади сделали было попытку остановиться, однако на них обрушился град ударов, не прекращавшийся до тех пор, пока обе телеги не оказались в болоте до верха колес. После этого два десятка всадников спешили и остались в Саксе на берегу болота, другие во главе с Фоком скрылись среди кустов и деревьев в низине. И тут же до слуха Саксе донесся тяжелый, мерный топот приближающейся пехотной колонны.

— В болото! За дело! — крикнул Саксе и, подавая пример, первым полез в зловонную жижу.

Проследовавшие через поляну три колонны гренадеров с полковником впереди не проявили никакого интереса к копошащимся в болоте драгунам, старающимся вытолкать на берег две крестьянские телеги с затынутыми рядом бортами. Когда колонны исчезли за ближайшим поворотом дороги, Саксе с мнимыми драгунами выбрался на сушу. Разогреваясь, шведы принялись подпрыгивать, размахивать руками, некоторые затеяли на поляне борьбу. Быстро прохаживаясь по берегу, Саксе довольно усмехнулся. Как удачно придумал он фокус с телегами, подвернувшимися отряду в брошенной жителями деревне! Мало того, что к барахтающимся у них по пояс в болоте солдатам не сунется ни один бездельник-генерал, они сослужат Саксе и другую, не менее важную службу. В каждой телеге, до поры до времени прикрытый рядом, находился полностью снаряженный для боя фальконет. Два снопа картечи, выпущенные по царю Петру и его свите, будут неплохим подспорьем мушкетам и шпагам его солдат!

Шагала по поляне пехота, трусила на рысях конница, от длительного пребывания в ледяной воде у Саксе сводило судорогой ноги и руки, однако он терпеливо ждал своего часа. Капитан знал, что обычно на маршах царь Петр не расстаётся с выпестованной им гвардией, а она — Саксе установил это из кратких разговоров с проходившими мимо офицерами — была еще только на подходе к поляне. Ничего, он дождется и гвардию, и царя Петра! Дождется, несмотря ни на что! И вдруг...

— Эй, голуби сизокрылые! Кой дьявол угораздил вас забраться в самую трясины? — раздалось с берега, когда Саксе со своими людьми в очередной раз очутился в болоте.

Капитан рукавом камзола смахнул с лица пот, поднял голову. На краю болота лицом к телегам стоял саженого роста усатый детина в офицерской форме. Поручик Преображенского полка! Неужто с минуты на минуту свершится задуманное! Наконец-то! Но какого черта нужно этому красноречивому великану-поручику? Нечего делать?

— Не рви пупы, ребятушки! — весело кричал с берега поручик. — Передохните. Сейчас мои соколики вас выручат! Сержант, подсоби землячкам! — скомандовал он кому-то из подчиненных.

Саксе не успел моргнуть, как среди его людей появились здоровяки в преображенских мундирах, облипли телеги и с дружными криками вытолкали их на сушу.

— Что не весел, капитан? — хлопнул Саксе по плечу поручик. — Выше нос и скажи спасибо, что я помог тебе на твердую землю выбраться. Сейчас тут проследует сам государь, а он не жалует нашего брата-офицера, когда тот ему свою дурь или неумение к службе являет. Например, как ты с возами, которые без малого не утопил в болоте. Не могу уразуметь, как ты умудрился божьим днем и при хорошей дороге загнать их в трясины. Спьяну, что ли?

— Было с утра маленько, — соврал Саксе. — Благодарю за выручку.

— Не за что, свои люди — сочтемся, — хохотнул поручик. — Пристраивайся к моей колонне и поспешим вперед. Через четыре версты деревушка, в коей велено на бивак становиться.

— Бивак? Это хорошо. Только мне и драгунам поначалу надобно привести себя в надлежащий вид, — сказал Саксе, надеясь отделаться от поручика.

— Займешься этим на биваке. А сейчас уноси отсюда подальше ноги — не приведи господь тебе со своим болотным воинством государю на глаза попасть. Уж больно строг он к вашему брату-неумехе.

«И с этой засадой неудача, — обреченно подумал Саксе. — Придется завтра начинать все сначала».

Полковник Розен не первый год воевал против русских и неплохо знал их язык, есаул Недоля владел им как родным, а потому шведский офицер и украинский старшина прекрасно понимали друг друга без переводчика.

— Господин есаул, есть ли в вашем отряде казаки, видевшие когда-либо царя Петра и знающие его в лицо?

Недоля мог ожидать от Розена любого вопроса, кроме услышанного, но тем не менее ничем не выдал своего удивления.

— Думаю, что нет, пан полковник. Я и сам не видел царя, равно как и вашего короля.

Розен на мгновение задумался, потер чисто выбритый подбородок.

— Тогда другой вопрос. Трудно ли вашим сердюкам выдать себя за казаков царя Петра?

— Нисколько. Надобно лишь сменить кунтуши сердюков на жупаны полковых казаков.

— Прекрасно. В таком случае отберите мне сотню-полторы своих людей... Смелых, преданных нашему делу, готовых на все. Предупредите их сразу, что действовать придется бок о бок с русскими войсками под видом царских казаков. — Розен взглянул на бесстрастное лицо украинского старшины. — Вы знаете, господин есаул, что сегодня наши войска начали переправу через Днепр. Думаю, через трое суток они закончат ее полностью. К этому времени должен быть готов и ваш отряд.

Недоля слегка наклонил голову, щелкнул каблуками.

— Будет исполнено, пан полковник...

Выйдя из палатки Розена, есаул неторопливо двинулся к группе поджидавших его сердюков. Проходя мимо одной из шведских телег, он услышал лязг цепей и слабый голос, окликнувший его.

— Друзе Недоля...

Телега находилась среди штабного обоза генерала Левенгаупта, недалеко от нее прохаживались шведские часовые с мушкетами на плечах. Но есаул Недоля был слишком хорошо им известен и не вызывал никаких подозрений, а поэтому ни один из солдат даже не насторожился, когда тот подошел к телеге. На ее дне, скованный по рукам и ногам толстой цепью, лежал полуголый человек. Его тело представляло сплошную кровавую рану. На груди и ногах виднелись следы ожогов, плечи были вывернуты и распухли, на бесформенном от побоев, иссиня-черном лице выделялись лишь горящие лихорадочным блеском глаза. Вид лежащего был настолько ужасен, что есаул невольно вздрогнул.

— Ты кликал? — спросил он, усилием воли заставляя себя остаться у телеги.

— Я, сотник.

— Откуда знаешь, кто я?

— А ты меня не узнаешь?

Недоля внимательно посмотрел на лежавшего. Но лицо того было настолько обезображено, что он отрицательно покачал головой.

— Я не знаю тебя. И почему кличешь меня сотником, если я уже давно полковой есаул?

— Знаю это. Но есаулом ты стал у гетмана Мазепы, а я помню тебя сотником у батьки Голоты.

— У батьки Голоты? — как эхо повторил Недоля. — Кто же ты, добрый человек?

— Твой стародавний друг-товарищ куренной атаман Левада. Не позабыл такого?

— Левада? — лицо есаула побледнело, он отшатнулся от борта телеги. — Но как очутился ты здесь?

— Из-за нашей с тобой дружбы, сотник. Батько Голота снова на Украине и послал меня, дабы кликнуть тебя к себе.

Задрожавшей рукой есаул провел по лицу, его глаза не отрывались от лежавшего.

— Батько на Украине? Неужто простил царю свои муки и бесчестье?

— Простил или нет — ведают лишь он да господь бог. А тебя, друже, как и иных верных соколов, кличет он под своей пернач для защиты родной земли от недруга-шведа.

— Я не верю тебе, — глухо произнес Недоля, нахмутив брови. — Не мог батько послать тебя ко мне без своего письма. Никогда не доверял он подобных дел одним чужим языкам.

— Верно молвишь, друже, а потому возьми батькину грамоту в шинке, где меня схватили. Отдал ее в руки хозяина... И коли ты еще не валяешься рядом со мной, значит, она до сего часу у него.

Драгунский полковник с трудом протиснулся сквозь узкий вход палатки, завертел головой, ища Меншикова.

— Здесь я, — проговорил князь, поднимаясь с кучи еловых веток, прикрытых плащом. — Говори, с чем пожаловал.

— Худые вести, ваше сиятельство, — ответил полковник, сбрасывая с головы капюшон плаща и стряхивая с него снег. — Мы что есть мочи скачем к Орше, а, может, совсем напрасно.

— Что городишь? Говори толком и вразумительно.

— Только что к батьке Голоте казаки доставили какого-то рыбака с того берега. И он уверяет, что Лененгаупт замыслил форсировать Днепр у Шклова.

— Откуда знает?

— У Голоты среди изменников-сердюков имеются свои люди. От них рыбак и явился с вестью.

— А не врет? — прищурился Меншиков. — Или, хуже того, не подослан ли шведами?

— Кто ведает? Потому и предложил батюшко Голоте на всякий случай доставить его к вашему сиятельству.

— Правильно сделал. Танци его сюда.

Князь грузно опустился на крепкий деревянный стул, поставил локти на крышку грубо сколоченного стола. Двое казаков с саблями наголо ввели в палатку рыбака, остановились с ним у входа.

— Что скажешь, старче? — спросил Александр Данилович, задерживая взгляд на седой бороде рыбака.

— Неприятели начали переправу у Шклова. Все их войска и обозы стягиваются к Днепру в то место...

— Сам видел? — недоверчиво спросил князь.

— Нет. Берег у Шклова неприятели крепко стерегут и никого к нему не подпускают. Весть сию передал мне лишнянский батюшка Ларион. А мне надлежало...

— Батюшка Ларион? Что это за птица? — перебил его Меншиков.

— Он давний мой друг-товарищ, — вступил в разговор Голота. — Я уже не единожды получал от него важные вести. Знаю, что помогают ему и верные люди из его прихажан. Но никого из них не видел.

— Та-ак, — нараспев произнес Меншиков, переводя взгляд с Голоты опять на рыбака. — Хочется тебе верить, старче, да не могу... А потому, невзирая на лета твои и седину, посажу под стражу до тех пор, покуда не проверю истинность слов твоих...

Когда рыбак в сопровождении конвоиров покинул палатку, князь встал из-за стола, сердито засонел.

— Что скажете теперь? — спросил он, вперивая взгляд в драгунского офицера и Голоту.

— Я уже отправил три разъезда к Шклову, — спокойно ответил Голота. — А двум другим велел переправиться на тот берег Днепра и тоже искать переправу. Может, с вражьей стороны к ней подобраться будет легче.

— А ежели не сыщут. Тогда что? А если шведы все-таки у Орши? Что говорят твои драгуны? — повернулся Александр Данилович к полковнику.

Тот переступил с ноги на ногу, опустил голову.

— Мои разведчики не смогли достичь места, что указал шляхтич. На всех путях к Орше полно шведской кавалерии. Крепко бережет генерал свою переправу.

— А ежели не переправу, а место, где ему выгоднее нас видеть? — прищурился князь. — Может, генерал специально

заманивает нас к Орше, дабы мы не мешали ему под Шкло-
вом или Копысью?

— Но, ваше сиятельство, шляхтич собственными глазами... — обиженно начал полковник, но Меншиков оборвал его:

— В том и беда наша, что мы покуда верим чужим глазам и языкам. Потому и ломаем голову, кто говорит правду: шляхтич-униат или рыбак. А я хочу не гадать, а доподлинно знать, где сейчас корпус Левенгаупта и что неприятели замышляют. Слышите, доподлинно и как можно скорее.

Александр Данилович опустил на стул, зябко повел плечами.

— Посылайте кого и куда хотите, скажите хоть сами, но шведов и их переправу надобно обнаружить. А пока велю остановить все войска и сделать большой привал.

Дверь шинка распахнулась, в ее проеме появился есаул Недоля, за ним четверо сердюков. Сразу позабыв о шведских обозниках, которым до этого прислуживал, хозяин поспешил навстречу новым гостям. Есаул уже стоял посреди избы, его хмурый взгляд был направлен в сторону шинкаря, но смотрел сквозь него. Все сердюки с мушкетами в руках остались у порога.

— Пап есаул, какая честь... Что угодно вашей ясновельможности? — низко кланяясь, заговорил хозяин.

Не удостоив его взглядом, есаул протянул руку.

— Грамоту... Мигом, — тихим, бесцветным голосом произнес он.

У шинкаря от страха отвисла челюсть и перехватило дыхание, на затылке зашевелились последние волосы. Откуда есаул знает о грамоте? Неужто схваченный казак все рассказал? Ответов на эти вопросы хозяин не знал, а изворотливый ум уже нашел выход из положения.

— Сейчас, ваша ясновельможность, сейчас... — плохо повинующимся языком зашептал он, пятясь от Недоли. — Для вашей милости хранил ее, только для вас.

Выбывая зубами дрожь, шинкарь метнулся к печке, достал грамоту. С заискивающей улыбкой отдал Недоле.

— Давно ждал вашу ясновельможность. Знал, что изволите прийти.

Все так же глядя мимо хозяина, есаул взял грамоту, сорвал с нее печати. Развернул. Его глаза быстро заскользили по пергаменту, брови нахмурились, на щеках вспыхнул ру-

мянец. Прочитав, он опустил руку со свитком, прикрыл глаза.

«...А потому, друже, позабудем в сию суровую и смутную годину личные счеты и обиды. Приглушим в душах праведный гнев, станем думать лишь о неньке-Украине и свято служить ей. Вспомним великое дело славного гетмана Хмеля и не дадим повернуть его вспять».

Есаул свернул грамоту, сунул ее за свой широкий пояс. Присел на ближайшую скамью.

— Может, горидки желаете, ваше ясновельможность? — прозвучал голос шинкаря.

— Сгинь с глаз...

Сидя в жарко натопленной избе в окружении запорожцев, священник сдавал карты. Вошедший с улицы сердюк наклонился к его уху.

— Отче, тебя кличет молодая паненка.

— Кто? — спросил поп, едва не поперхнувшись от удивления.

— Родичка полковника Тетери. Без малого лошадь не загнала, куда скакала до вас. Кабы не наказ полковника беречь ее и ни в чем не отказывать, ни за что не пустился бы с такой нетерпеливой в путь.

Священник бросил карты на стол.

— Панове, вынужден оставить вас. Неотложные дела, — проговорил он, вставая из-за стола.

Панночка поджидала священника у его телеги. Рядом храпел ее взмыленный конь.

— Зачем пожаловала, дочь моя? — спросил поп.

— Хочу помолиться о душах убиенных родителей.

Панночка была среднего роста, с небольшой, гордо посаженной головкой. Тяжелая русая коса спадала до пояса. Под длинными черными бровями тревожным блеском сверкали глаза. В облике девушки и во всей ее стройной, легкой фигурке было столько свежести, что священник почти физически ощутил лежащее на его плечах бремя прожитых лет.

— Зачем явилась сама? Разве не могла прислать Остапа? — зашептал он, не выпуская из вида прискакавших с панночкой сердюков, расположившихся невдалеке от поповской телеги.

— Не могла, его курень уже на том берегу. А дело спешное, не ждет ни часу.

— Говори.

— Шведы второй день как переправляются у Шклова. А к россиянам подослали шляхтича Яблонского, дабы направить их в другую сторону.

— Знаю о том. Сам предупредил о месте переправы отца Лариона, при мне он отправил верного человека к казакам Злови-Витра. А на следующее утро привез ко мне полусотник Цыбуля отпевать царских казаков и своих сердюков. Мыслию, что сгинуло с теми покойниками и наше послание.

— Сгинуло одно — надобно слать другое. Переправе мы уже не помешаем, а как можно скорее остановить россиян и вернуть их обратно — в наших силах. Но поспешать им теперь следует уже не к Шклову, а Пропойску*, поскольку именно туда замыслил двинуться от Днепра Левенгаупт.

— К Пропойску? — встрепнулся священник. — А не ошибаешься?

— Сама слышала разговор полковника Розена с Тетерей. Курень Остапа как раз и поскакал на разведку дорог в сторону Пропойска. Теперь понимаешь, отче, что нельзя нам терять ни минуты?

— Понимаю, добре понимаю. И уже прикидываю, как снова повидаться с отцом Ларионом.

— Будь осторожен, отче. Кирасиры Розена недавно схватили в шинке чужого казака, как думают, прибывшего с того берега. Казак на допросах молчит, а Розен оттого лютует. Велел сжигать по дороге все деревни и хутора, а также удвоить посты и секреты, дабы никто не смог пробраться ни к россиянам, ни от них. Даже не знаю, как тебе удастся попасть в липнянскую церковь.

— Господь не оставит без помощи слугу своего...

Приказав вознице поставить телегу на ночь поближе к придорожным кустам и едва дождавшись темноты, священник скользнул в лес. В наброшенном поверх рясы белом полушубке он почти сливался с мутновато-белесыми цветами ночного осеннего леса, а два пистолета и сабля должны были оградить его от неприятностей при возможной встрече с сопровождавшими шведский обоз волчьими стаями. Стараясь держаться как можно ближе к деревьям и кустарникам, обходя стороной встречавшиеся на пути прогалины и освещенные луной поляны, он осторожно шел вдоль узкой лесной тропы, что вела от большака к маленькой деревушке. Вот и высокий пригорок, с которого должно быть видно расположенное в речной низине селение. Священник остановился, перевел дыхание, глянул с возвышенности вниз.

* Пропойск—ныне город Славгород Могилевской области БССР.

Перед ним, как и в прошлый раз, вдоль спокойной лесной речушки расстилалась широкая поляна, за ней вздымалась в небо колокольня. Не было лишь самой деревушки: черными безобразными оспинами виднелись на снегу остатки изб и хозяйственных построек. Над некоторыми из них еще висел дым, ни одна тропа не вела к сожженному селению. Только не тронутая шведами церковь и стоящий рядом с ней добротный дом священника сиротливо выделялись среди этой тоскливой картины.

Перекрестившись, поп собрался было спуститься с пригорка, как вдруг из-за недалеких к нему кустов появилось несколько темных фигур.

— Стой! Ни с места!

«...Шведы!» — обожгла сознание мысль, и руки тотчас потянулись к пистолетам. Выстрел; второй — две ближайшие фигуры, словно споткнувшись о невидимую преграду, вначале остановились, а затем повалились на землю. Отшвырнув в сторону ненужные пистолеты, священник кубарем скатился с пригорка, хотел юркнуть в густой ельник. Но ударили вслед чужие выстрелы, и острая боль обожгла ногу. Священник остановился, сбросил с плеч полушубок. Выхватил из ножен саблю, прислонился спиной к дереву. Подбежавшие к нему солдаты загалдели, увидев перед собой священнослужителя, но командовавший ими офицер быстро покончил с возникшим замешательством:

— Вперед! Брать живым!

Не принимая всерьез возможность сопротивления раненого старика, шведы смело ринулись на него, но жестоко просчитались. Да и откуда им было знать, что еще несколько лет назад на широких плечах их противника была не потертая поповская ряса, а роскошный жупан запорожского сотника, участника многих славных битв и схваток, и что лишь старые раны да шестилетняя каторга на турецких галерах заставили отважного казака сменить острую саблю на кадило и крест. Два молниеносных взмаха клинка — и ближайший к священнику швед молча рухнул в снег, другой, завыв от боли и схватившись за перебитое казачьей саблей плечо, отпрянул назад. Но не переоценил своих сил старый рубака, знал, что не совладать ему с десятком молодых, здоровых врагов. А пуще всего он помнил одно — ни в коем случае нельзя попасть шведам в руки живым. И бывший сотник врезался в самую гущу смешавшихся врагов...

Полковник Розен долго смотрел на доставленный к нему труп священника. Зачем-то дважды обошел вокруг него и

лишь после этого задал свой первый вопрос начальнику охраны штаба и генеральского обоза.

— Майор, что обнаружено при убитом? Грамота с тайнописью, иные уличающие его бумаги?

— Ничего, господин полковник. Возможно, он шел с устным сообщением.

— К кому?

— К священнику деревни, возле которой его пытались задержать. Еще утром она была сожжена, а все жители направлены в распоряжение начальника обоза. Исключение, согласно приказу генерала, было сделано для церкви и ее служителей. К ним и лежал путь убитого.

— А если он просто шел мимо?

— День назад он уже был у этого священника. Когда его задержал наш патруль, он объяснил свое посещение какими-то церковными делами. Тогда ему поверили и отпустили... Но какие дела могут быть ночью? Зачем ему потребовалось брать с собой целый арсенал? А сопротивление нашему секрету?

— Что говорит его сообщник из деревни?

— Я решил не трогать его, а оставить как приманку. Может, к нему пожелает еще кто-либо из русских лазутчиков? Деревня, вернее то, что от нее осталось, обложена двойным кольцом наших тайных постов. Солдатам строго-настрого приказано не трогать никого, кто бы туда ни направлялся.

— Разумно, майор. Жаль только, что мы не знаем причины, потребовавшей встречи этих слуг божьих.

— Что думаешь делать?

— Об этом нетрудно догадаться. В настоящий момент русских больше всего интересует место нашей настоящей переправы и дальнейший маршрут корпуса на левобережье.

— Вот именно. Но откуда об этом могли знать убитый или его местный сообщник? Значит, за их спиной стоит некто, имеющий доступ к нашим тайнам. Может, это к нему и прибыл казак, захваченный в трактире? Вот кто нам нужен в первую очередь, майор.

— На этот счет у меня есть одно соображение. Я прикажу выставить труп священника на всеобщее обозрение. Смысл? Главарию царских лазутчиков станет ясно, что его сообщение не попало по назначению, и он будет вынужден послать нового человека. Кто знает, возможно, и он не минует липнянской церкви.

— Согласен. И пустите слух, что священник погиб не

у деревни, а сразу при входе с большака в лес. Его сообщники не должны даже догадываться, что секрет лишнянской церкви в наших руках.

Подперев рукой голову, сотник Дмитро с непривычной для него тоской смотрел на сидевшего через стол есаула Недолу.

— Эх, братку, никогда не думал, что с женитьбой столько хлопот и мороки. Знал бы это, ни за что в подобное дело не ввязался.

— А какое дело вершится без хлопот, братчику? Лучше скажи, согласна ли на свадьбу избранница?

Дмитро недовольно крикнул.

— В том и дело, что нет. Говорит, что любит меня как брата, а жених у нее давно уже имеется. Какой-то сотник Диброва. Не слыхал о таком?

— При гетмане такого нет. Наверное, из тех полков, что ушли в Лифляндию.

— Уж чего я ей ни сулил! Родовой хутор и полшапки цветного камня, любой дом в Умани и чистокровного арабского жеребца — ничто не берет душу клятой девки!

— Что думаешь делать?

— Поговорю с ней последний раз да и плюну на все. Махну со своими хлопцами опять на Запорожье, покуда сечевики не ушли в новый поход.

— Верно, братчику, — одобрил его решение есаул. — Силком мил не станешь. Да и сколько добрых казаков сгинуло для славных дел, спутавшись с бабскими юбками. Так что не журись, поскольку ни одна дивчина того не стоит.

Сидевший сбоку от сотника черноусый пожилой сердюк прислушался к разговору, хлопнул Дмитро по плечу.

— Нечего тужить о дивчине, хлопче! Встретишь их еще десяток, одна другой краше.

Сердюк сбросил с плеч кунтуш, потянулся к висевшей на крюке кобзе.

— Выкинь из души тоску, хлопче. Жив, здоров, кругом верные други-товарищи... Чего еще надобно казаку для счастья? Разве что добрую песню? — Он тронул слегка струны кобзы, прислушался к их звуку. Тихо запел:

Ой на гори та жнеци жнуть.

А попид горою, яром — дольню

козаки идуть...

Вмиг стихли за столом разговоры, все повернулись к казаку с кобзой.

Попереду Дорошенко, попереду Дорошенко
Веде свое вийско, вийсько запоризьке
хорошенько...

Заглушая слова пожилого казака, в песню и рокот струн вплелись новые голоса. Они звучали все громче и раскатистее, и вскоре песня вырвалась за стены шатра, поглотив все другие звуки.

А позаду Сагайдачный, а позаду Сагайдачный,
Що промявив живку на тютюн та люльку
необачный...

Пели все находившиеся в шатре. Кто-то стучал в невесту откуда появившийся бубен, кто-то свистел залихватски, тряся от избытка чувств головой. Наполовину прикрыв глаза и положив ладонь на плечо казака с кобзой, пел вместе со всеми и Дмитро Недоля, на лице которого не осталось и следов грусти.

Песня! Тебе всегда есть место в славянской душе! Ты постоянно живешь в ней, готовая в любой миг выплеснуться наружу. И для русского человека ты всегда желанная гостья! В час веселья и радости закружишь его в пляске и взлетишь в небо звонкогласой, с переливами птицей. В годину печали и скорби тихим своим напевом успокоишь тоскующую душу и словно на невидимых легких крыльях унесешь с собой часть людской беды.

Песня! С тобой, наверное, и появляется на свет русский человек! А потому и не расстаться вам, покуда будет ходить под солнцем хоть один из сынов могучего славянского племени!

Незаметно появившийся в палатке дежурный офицер бесшумно приблизился к Меншикову, быстро зашептал ему на ухо. Тот, выслушав его, махнул рукой, и офицер так же неслышным исчез за пологом. Князь подошел к царю, склонившемуся над столом с картой, осторожно кашлянул.

— Говори, — разрешил Петр.

— У полковника Голоты сейчас полусотник изменников-сердюков, сбежавших от Мазены к шведам. Сообщает важные вести.

Петр поднял голову.

— Бывший гетманский полусотник? Молодцы казаки, что живьем такую важную птицу изловили.

— Не изловили, мин херц, а сам прискакал. По доброй воле...

— Сам? Уж не того ли поля ягода, что шляхтич да рыбак? От их доброй воли у меня голова кругом идет.

— Полковник говорит, что полусотник прибыл от его верного человека, которому он верит, как самому себе. Спрашивает, не доставить ли сего сердюка к тебе?

— А что доносят твои разведчики?

— Ничего, — отвел глаза в сторону Менников. — Изпод Шклова ни с чем вернулись три партии. Шведы стерегут подступы к нему так же, как к Орше. Половину разведчиков перебили да ранили, остальным едва из засад да болот удалось вырваться.

— Значит, до сей поры пребываем в неведении? — раздул ноздри царь. — Что ж, тогда сам бог велел нам послушать сердюка. — Петр набросил на плечи простой офицерский плащ, скатал в трубку и сунул в карман карту. — Собирайся-ка, Алексашка, в гости к Голоте.

Сидевший в своем шатре полковник при появлении царя и Меншикова встал, указал им на длинную лавку. Но Петр отрицательно качнул головой, остановился сбоку от полусотника Цыбули. Не снимая плаща, окинул колющим недоверчивым взглядом могучую фигуру сердюка, махнул Голоте рукой.

— Продолжай, полковник.

— Что велел передать мне есаул? — возвратился к прерванному появлению царя и Меншикова разговору Голота.

— Два дня назад шведы наладили переправу у Шклова. Без малого все войска и большая часть обоза уже на левом берегу. К завтрашнему полудню генерал собирается отправить на сей берег и последних своих кирасир, что пока дурчат царских солдат у Орши и Копыси.

— Откуда знаешь все? — отрывисто спросил Петр, с неприязнью глядя на парчовый жупан сердюка, его дорогие саблю и кинжал, на торчащие из-за пояса инкрустированные слоновой костью рукоятки пистолетов. — Сам Левенгаупт тебе об этом докладывал, что ли?

Цыбуля медленно повернул голову в сторону царя. С пренебрежением скользнул взглядом по его мокрому плащу, заляпанному грязью грубым ботфортам, видневшейся из-под плаща обычной армейской шпаге. Не удостоив Петра ответом, лениво отвернулся и снова почтительно замер перед Голотой.

— Ответствуй, полустыльник, перед тобой сам государь Петр Алексеевич, — поспешил вмешаться в разговор полковник, видя, что у царя от гнева стали округляться глаза и мелко задрожала в руке снятая с головы треуголка.

В глазах Цыбули мелькнуло смятение, косматые брови полезли вверх. Он поспешно сорвал с головы шапку, ударил себя кулаком в грудь.

— Государь, не признал... Впервой довелось лицеизреть твою царскую особу. А потому не гневись на слугу своего верного.

— Ладно, казак, не кайся, не в чем... Сам говоришь, что первый раз меня видишь, — усмехнулся Петр. Прошел к столу, за которым сидел Голота, развернул принесенную с собой карту. — *Лучше скажи, сможешь ли показать место шведской переправы?*

— Смогу. — Цыбуля подошел к карте, ткнул в нее пальцем. — Переправа ось, туточки, у излучины, где течение послабше. Верховые идут налегке вплавь, а пешие и обоз по наплавным мостам. Старшой на переправе полковник Розен.

— Сколько людей у генерала и велик ли обоз? — поинтересовался Петр.

— Солдат, пеших и конных шестнадцать тысяч при семнадцати гарматах. А обозных возов без малого восемь тысяч. Трубка, которую Петр подносил ко рту, неподвижно замерла в его руке. Он рывком поднял голову, с нескрываемым изумлением посмотрел на Цыбулю.

— Сколько? Повтори еще раз.

— Шестнадцать тысяч солдат при семнадцати гарматах. О том я не раз слышал от полковника Тетери. Это число велел передать батьке Голоте и пан есаул Недоля.

— Хорошо, казак, хорошо. Верю... А куда генерал собирается двинуться от Шклова?

— Не ведаю, государь. Сокрыто сие ото всех в тайне. Может, пан есаул разузнает про это позже.

— Есаул больше ничего не велел передать? — спросил Голота.

— Полковник Розен, правая рука генерала Левенгаупта, разговаривал с ним с глазу на глаз. Имел интерес, есть ли промеж сердюков такие, что видели государя в лицо. Как уразумел пан есаул, полковник замысливает переодеть их в форму простых полковых казаков и со злым умыслом на государя послать на лихое дело. А до этого пан есаул уже не единожды замечал при шведском штабе эскадрон кирасир, переодетых российскими драгунами. Разузнал, что ко-

мандуют ими два переметчика *—офицера из иноземцев, добре знающих царскую особу.

— Спасибо за службу, казак, — весело сказал Петр, хлопая Цыбулю по плечу. — Рад буду иметь такого молодца в своем войске. Думаю, что полковник Голота не поскупится отдать под начало столь brave казака лучшую сотню своих хлопцев. А, полковник?

— Не поскуплюсь, государь, — сдержанно ответил Голота. — Пусть только смоет сначала с себя ту кровь и грязь, которыми запятнал казачью честь службой у неприятелей.

— Смою, батько, — твердо сказал Цыбуля, кладя руку на эфес сабли и глядя в глаза Голоте. — Расквитаюсь с ними за все и сполна. А сейчас дозволю вернуться до пана есаула. Дюже чекает он меня.

— Возвращайся, казаче. А Недоле передай, что не дожусь обнять его, как батько сына...

Когда за полотнищем шатра затих топот коня скакавшего полусотника, Меншиков задумчиво почесал переносицу.

— Мин херц, а не зря мы отпустили этого сердюка? — с сомнением спросил он.

По лицу Голоты пробежала нервная дрожь, в глазах вспыхнул и тотчас погас злой огонек. Он без слов достал из-за пояса и протянул Меншикову небольшую грамоту. Князь развернул ее, с интересом поднес к глазам.

«Батько, прости. Знай, что я с тобой и честно исполню свой долг перед Украиной. Твой Иван Недоля», — медленно прочитал он вслух и непонимающе уставился на Голоту.

Тот взял из рук Меншикова грамоту, свернул ее, снова сунул за пояс.

— Ее доставил полусотник от есаула, что вместе с полковником Тетерей командует мятежными сердюками у Левенгаупта, — пояснил он. — А раньше этот есаул был моим сотником, вернейшим и отчаяннейшим. Потом... — Голота запылся, опустил глаза, — когда меня погнали в Сибирь, он ушел сначала на Сечь, затем — не знаю почему и как — очутился у Мазепы, а теперь у шведов. Несколько дней назад я отправил ему грамоту, в которой кликал к себе. И вот его ответ — полусотник с письмом и нужными нам вещами.

— А если твой бывший сотник за это время превратился во врага России? — не отставал от Голоты Меншиков. — Такого же верного шведам, как раньше тебе. Тогда что?

* Переметчик — перебежчик.

Отвернувшись от князя, полковник обратился к царю, с трубкой в зубах слушавшего каждое их слово.

— Государь, я доверяю Недоле, как самому себе. И потому не он, а я говорю тебе: шведская переправа у Шклова.

— Полковник, кабы я усомнился в честности есаула — не скакал бы его гонец обратно, — ответил Петр. — И дайте раз и навсегда покончим с этим делом. Алексашка, прикажи отпустить на волю рыбака и достойно отблагодарить его. А шляхтича вели вздернуть. А сейчас разговор о главном, — жестко сказал царь, опираясь о стол обеими руками и глядя поочередно на Меншикова и Голоту. — Гонялись мы за восемью тысячами шведов, а напоролись на шестнадцать. Собирались бить Левенгаупта, а теперь впору самим ему спину показывать. Так давайте решим, как поступить в нашем случае. Твое слово, Алексашка, — обратился он к Меншикову.

Тот облизал кончиком языка губы, его глаза насмешливо блеснули.

— Мин херц, нельзя нам уходить ни с чем: обувка не позволяет. Покуда гонялись за шведом по лесам да болотным кочкам, у солдат все сапоги износились. Разве в них теперь от Левенгаупта по морозцу и снегу убежишь? А по-сему потребно добывать новые сапоги из неприятельского обозу. Потому, мин херц, покуда совсем босиком не остались, следует бить гостей незваных.

Петр улыбнулся, одобрительно хмыкнул, взглянул на Голоту.

— А каков твой совет, полковник?

— Государь, разве от того, что недруга оказалось больше предполагаемого, отпала необходимость его разгрома? Напротив, он стал еще опасней, а потому и громить его надобно решительней и смелей. Пускай у Левенгаупта больше солдат, зато обоз висит, как гирия на ногах: отвлекает часть сил для дорожных работ и охраны, замедляет движение и лишает маневра. Мой ответ таков: бить шведа обязательно и как можно скорее, покуда он после переправы не отдохнул и не привел себя в порядок.

Глаза Петра радостно заблестели, он с силой сжал в руке трубку.

— Спасибо, други мои верные, — дрогнувшим от волнения голосом произнес он. — Рад, что не ошибся ни в ком из вас.

Поеживаясь и пряча лицо от резкого, холодного ветра, порывами налетающего со стороны подернутых тонким

льдом болот, Дмитро Недоля с братом свернули с лесной дороги, остановились в редких кустах. Мимо них сплошным потоком двигались телеги шведского обоза, направляющиеся к переправе через Днепр.

— Значит, отплываешь утром на Сечь? — спросил есаул, затыкая потуже узел башлыка.

— Да, братку, нечего мне здесь больше делать. У невесты свой жених, а на твоих дружков, — кивнул Дмитро на колонну шведских солдат, — уже посмотрелся вдоволь. Будь моя воля, валялись бы они сейчас без голов по окрестным болотам.

— А чьей воли ты ждешь для этого? — полюбопытствовал есаул.

— Я запорожец, а Сечь не воюет с королем, — хмуро обронил сотник. — А вот ты служишь шведам и вкупе с ними идешь на россиян, наших братьев по вере и крови.

— Иду, да еще не дошел, — ответил старший Недоля. — Так что рано корить меня королевской службой. А грех, братчику, на нас покуда одинаков. Оба сидим сейчас на конях, сытые и одетые, и смотрим, как собаки-иноземцы измываются над нашими людьми... Такими же, как россияне, братами по вере и языку.

Дмитро перевел взгляд на дорогу. Серое, без единого просвета небо висело над самыми головами. Напоенные влагой тучи низко плыли над лесом, цепляясь за острые вершины деревьев. Влажный ветер с болот съедал выпавший ночью снег, превращая дорогу в непролазное месиво. По ней, увязая в колеях по ступицы колес, медленно двигались телеги шведского обоза. Худые, с торчащими ребрами лошади и волы с трудом тащили доверху нагруженные возы. Десятки оборванных, обессиленных белорусских мужиков, баб и детишек, облепив их со всех сторон, помогали животным. Едущие вдоль обочин королевские драгуны и кирасиры, не жалея, хлестали надрывающихся людей плетью и слегка кололи остриями длинных копий.

Дмитро, застонав от бессильной ярости, наполовину выхватил из ножен саблю и со звоном задвинул ее обратно.

— Что деется, братку! Скотина и православные для шведов одно и то же, — выдохнул он. — Будь на твоем месте, уже давно ускакал бы к батьке Голоте.

— Так скажи. Кто тебя держит, — угрюмо ответил есаул.

— Я сечевик, а запорожцы сейчас воюют с турками и татарами, которые не дают житья нашему люду с моря и Крыма. Мы бороним Украину от басурман, а не Московию от шведов.

— Складно молвишь, братчику, да попусту. Сегодня королевские солдаты измываются над нашими людьми в Белой Руси, а завтра будут на Украине. Вы этого дожидаетесь на своих порогах?

— Когда пожалуют, тогда рада с кошевым и решат, что делать, — пробурчал Дмитро, опуская глаза.

Есаул ощерил зубы, махнул плетью в направлении дороги.

— Ждите... А покуда любуйся, какие гости поспешают на Украину.

Громкое лошадиное ржание и звонкий девичий смех заставили братьев повернуть головы. В нескольких шагах от них, осадив коня, сидела в седле панночка Ганна.

— Дмитро, вот ты где, — сказала она, подъезжая к сотнику. — А я ищу тебя с самого утра. Узнала, что собираешься снова на Сечь, и хотела проститься. Может, проводишь меня к полковнику Тетере? Как раз к обеду поспеем. Догоняй, казаче, а то без галушек и вареников останешься.

Дав коню шенкеля и вытянув его плетью, девушка призывно махнула рукой и быстро поскакала в сторону от дороги.

— Догоняй ее, братчику, — проговорил есаул, провожая панночку восхищенным взглядом. — Скинуть бы с плеч годов двадцать, сам бы кипулся за такой кралей.

Конь девушки мелькал среди деревьев далеко впереди, и сотник погнал своего застоявшегося жеребца с места в полный намет. Он почти догнал панночку на высоком пригорке, под которым на берегу спокойной, заболоченной речушки лежало сожженное село, одиноко и тоскливо возвышалась небольшая деревянная церквушка да вился дымок над крышей поповского дома. Обернувшись и помахав сотнику рукой, девушка пришиорила коня и поскакала через лепелище к церкви.

Священника панночка нашла стоящим на коленях у алтаря, опустилась рядом с ним.

— Что привело ко мне, дочь моя? — спокойно спросил благообразный старик с окладистой седой бородой, несколько не удивившись ее появлению. — Чего ищешь в храме божьем в сей грозный час? Успокоения души, улады мысли, отречения от суеты мирской?

— Отче, прости, но не к господу, а к тебе пришла я, — быстро заговорила панночка, оглядываясь на дверь и прислушиваясь к топоту жеребца сотника. — Я та, чьи вести о шведах приносили к тебе посланцы куренного Остапа и по-

па сердюков Степана. Нет со мной сейчас Остапа, убили вороги батюшку... Вот почему я здесь.

— Говори, дочь моя, что тревожит душу, и господь внемлет словам твоим, — ответил священник, тоже оглядываясь на дверь.

— Шведы заканчивают переправу на левый берег, россиянам не удалось помешать им. От Шклова корпус и обоз двинутся к Пропойску, и если это станет ведомо россиянам, они загодя подготовятся к встрече неприятеля. Отче, сию весть надобно скорее передать хлопцам Злови-Витра...

Когда в церковь вошел сотник, девушка уже вставала с коленей. Вид ее был кроток, а в уголках глаз стояли слезы. Обрато они ехали рядом. Дмитро, чувствуя перемену в настроении девушки, хранил молчание. Они уже поднялись до середины пригорка, с которого открывался вид на сожженное село, как Ганна придержала коня, соскочила на землю. Ковырнув носком сапожка наметенную под сосной кучу снега, извлекла из нее пистолет, тщательно его осмотрела. В ее глазах мелькнула тревога. Она внимательно огляделась вокруг, протянула к сотнику руку.

— Дмитро, будь ласка, дай саблю.

Ничего не понимающий сотник протянул ей клинок. Девушка спустилась на несколько шагов с пригорка, остановилась возле небольшого, с примятой верхушкой сугроба. Расковыряла его саблей и обнаружила на земле красное пятно, подернутое сверху ледяной коркой. Присмотревшись к нему, Ганна осторожно двинулась дальше, в сторону густого молодого ельника. Здесь она снова остановилась, сняла что-то с ветвей, подошла к стволу толстого дуба. Поковыряла вокруг в снегу клинком, опустила голову и, волоча саблю, вернулась к сотнику.

Всю оставшуюся часть дороги они молчали. Лишь перед тем как расстаться, девушка поинтересовалась:

— Когда мыслишь податься к Днепру?

— Вечером, с заходом солнца. К полуночи будем у чак, а с рассветом тронемся в путь.

Ганна с мольбой взглянула на запорожца.

— Дмитро, миленький, не отправляйся отсюда, покуда еще раз не повидаешь меня. Я сама навещу тебя перед заходом солнца. Обещай, что дождешься.

— Клянусь, — произнес удивленный сотник...

Панночка прискакала к Дмитро перед самым закатом, когда сотник и десяток сопровождавших его запорожцев ос-

матривали коней перед дорогой. Казак сразу отметил ее взволнованный вид, нервозность движений, дрожащие губы. Не ускользнули от его внимания также пистолеты в седельных кобурах и легкая татарская сабля на боку.

— Дмитро, отойдем в сторонку, — сказала Ганна, беря сотника под локоть. И когда они отошли, спросила: — Скажи, ты можешь взять меня с собой?

— Куда? На Сечь? — не понял запорожец.

— Да нет, только к Днепру. Там я оставлю вас.

Сотник задумчиво покрутил ус.

— Не знаю. Полковник Розен строго-настрого запретил кому-либо покидать лагерь, особенно ночью. Чтобы уехать, мне довелось брать у него пропуск на себя и всех хлопцев. Но, может, тебя, как родичку полковника Тетери, шведские дозоры выпустят и так?

Панночка невесело рассмеялась.

— Не выпустят, Дмитро. После нашего приезда из леса я уже дважды пыталась покинуть это бисово логово, и оба раза пикеты меня останавливали. А пропуск полковник Розен мне ни за что не даст. — Ганна взглянула на занятых своим делом запорожцев, понизила голос. — Эх, Дмитро, не хотела я посвящать тебя в свои дела, но, видно, не обойтись без этого. Скажи, отчего, по-твоему, очутилась я с Тетерей у шведов?

— Ну... оттого, что его жинка — твоя тетка.

— У меня много других теток в Чернигове и даже в самом Киеве. И каждая из них с радостью приняла бы меня к себе. Прибилась я к этой лишь потому, что ее муж в чести у гетмана. А я после смерти батька дала страшную клятву отомстить Мазепе и выполню ее, чего бы это мне ни стоило. И когда казак от полковника Голоты, который не верит в верность Мазепы России, предложил мне быть к гетману поближе, дабы проникнуть в его тайные замыслы, я согласилась без раздумий. Вот почему я вспомнила свое родство с этой теткой и сейчас вместе с ней нахожусь у Левенгаупта.

Сотник некоторое время молчал, осмысливая услышанное, затем нерешительно предложил:

— А если пойти к полковнику Тетере вдвоем? Скажем, что замыслили пожениться и потому уплываем. Неужто Розен откажет и ему?

— Откажет. Помнишь церковь в той сожженной деревушке, где были утром? Так вот, се пои Ларийон — человек батьки Голоты, через которого я посылала россиянам вести о шведах. А не забыл батюшку Степана, чье тело до сей

поры лежит у генеральского штаба? Это я отправила его с важной вестью к Лариону. Да, видно, не судьба была ему дойти до Лишних.

— Знаю, его убили сразу же, как только он, не ведая шведского пароля, сунулся с большака в лес.

— Нет, Дмитро, он встретил свою гибель не там. Помнишь пистолет, который я нашла в снегу подле пригорка? Этот пистолет отца Степана, я не раз видела его раньше. А кровь под сугробом и у ствола дуба? Шведы убили моего посланца не у большака, а возле деревни.

— Пистолет мог попасть туда и иным путем. А крови ныне по лесам хоть отбавляй.

— В ельнике недалеко от дуба я нашла вот это. — Девушка сунула руку за пазуху, достала оттуда небольшой кусок темной ткани с рваными краями. Протянула его сотнику. — Этот лоскут с ряссы отца Степана, которой он зацепился за еловую лапу. Возле дуба батюшка и принял свою смерть.

Дмитро пожал плечами.

— Какая разница, где его убили? Главное, что его уже нет...

— Разница большая. Поскольку шведы скрывают место, где перехватили отца Степана, значит, они знают, к кому он шел. И коли до сей поры не тронули попа Лариона, то потому, что держат его под своим неусыпным оком. А по сему Розену известно о моем утреннем приезде в Лишних, и он не выпустит меня из шведского лагеря. Равно как не позволит и отцу Лариону передать мою весть хлопцам Злови-Витра. Уверена, что, будь я кем угодно, только не племянницей жинки Тетери, не стояла бы сейчас перед тобой.

Нахмутив брови, сотник какое-то время смотрел вдаль, затем перевел взгляд на девушку.

— Готовься в дорогу. Выступим, как только стемнеет. И захотят или нет выпустить тебя шведы — в полночь будешь на Днепре.

7

Сидя у костра, Злови-Витер грел над огнем озябшие руки. Подъехавший казак соскочил с коня, подбежал к сотнику.

— Бунчужный Осока доносит, что на его пикет напорлся загон царских драгун.

— Ну и что? — удивленно вскинул глаза Злови-Витер. — Впервой их видит?

— Не приглянулись они ему. Все хмурые, никто слова не молвит. Только ихний офицер и разговаривает.

— Так чем не приглянулись? Попусту языками не мелят? Верно делают, поскольку не в шинки едут.

— Не нравится то, что путь держат от Днепра. Нам сказали, что возвращаются из дозора, но ближе Осокинского пикета к реке нет ни царских солдат, ни наших казаков. Да и уж больно много их для дозора. И все сытые, свежие, на гладких незамороженных конях. Такими после разведки не бывают. Может, это переодетые неприятели, про которых предупреждал батько Голота? — выпалил казак.

— А это мы сейчас проверим, — встрепенулся сотник. — По какой дороге двинулись драгуны?

— Той, что влево от развилки. Я знаю тропу, которая незаметно выведет нас им наперерез. Поскольку, если скакать за ними в открытую по дороге, они могут заподозрить неладное.

— Добре, так и поступим. Куренной, — обратился Злови-Витер к одному из сидящих у костра казаков, — поднимай своих хлопцев...

Приказав куреню укрыться по обе стороны лесной дороги, сотник с десятком казаков выехал на проезжую часть. Приближающаяся от Днепра колонна русских драгун ему не понравилась тоже. За последние дни он давно не видел столь упитанных лошадей и откормленных всадников, никто уже не ездил по узким, разбитым дорогам такими ровными, четкими рядами. Настораживало и другое: колонна двигалась в полнейшей тишине. Не было слышно обычных в таких случаях разговоров, шуток, незлобивой словесной перепалки.

Огрев коня плетью, Злови-Витер подскакал к следовавшему впереди колонны офицеру. Казаки с положенными поперек седел заряженными мушкетами остались за его спиной.

— Пароль? — коротко спросил сотник.

Офицер спокойно пожал плечами.

— О чем говоришь, казак? Мы возвращаемся из разведки. Ты первый, кто за последние трое суток повстречался нам из своих.

Трое суток в разведке, но кони словно только что из конюшни. А лица у солдат, как будто они умяли по казану каши. Да и ботфорты уж больно начищены и мундиры чистые... И почему возвращаются из разведки, если полчаса назад этот же офицер сказал пикетчикам, что они едут из дозора? Прав был буйбужный, что прислал к нему казака с предупреждением о появлении этой подозрительной колонны...

— Царь на сегодня — Тула. А правду молвят, что шведы у Шклова уже на наш берег переправились? — спросил Злови-Витер.

— Враки это, сотник. Рыбаки сообщают, что генерал Левенгаупт затеял переправу у Орши.

— У Орши, так у Орши, нам все едино, — миролюбиво сказал казак, доставая из кармана люльку. — А не разживусь я, пан офицер, у твоих молодцов тютюном? Свой уже давно вышел.

Не дожидаясь ответа офицера, Злови-Витер приподнялся на стременах и обратился прямо к драгунам, молча следовавшим мимо него плотно сбитой колонной по четверо в ряд.

— Хлопцы, выручите куревом. Вы мне табачок, я вам огонек...

Колонна так же молча продолжала свое движение, никто из драгун даже не повернул в его сторону головы. Но Злови-Витра сейчас интересовало другое: на спине мундира только что проехавшего всадника виднелась кое-как заштопанная дыра, вокруг которой расплылось плохо застиранное пятно крови. С такой отметиной хозяину мундира не в седле сидеть, а под крестом лежать. И лежит, наверное, где-нибудь, а его мундир сидит на чужих плечах.

Краем глаза Злови-Витер увидел, как рука офицера, перехватившего его взгляд, потянулась к пистолету. Вздвигая коня, сотник оглушительно свистнул. Тотчас с обеих сторон дороги по колонне грянул мушкетный залп, а в следующее мгновение из-за кустов и деревьев с саблями наголо выскочили казаки. Десятка два уцелевших драгун поспешно задрали руки, и лишь офицер, развернув коня, пустился наутек. Злови-Витер схватил за локоть прицелившегося ему в спину куренного.

— Не стрелять! Брать живьем!

Выткнув коня плетью, он помчался вслед за беглецом, за ним устремились и несколько казаков. И тут из-за поворота лесной дороги показалась колонна русской пехоты с офицером во главе. Но беглеца это несколько не испугало. Наоборот, он еще быстрее поскакал ей навстречу и остановился рядом с офицером. Наклонившись с седла и оживленно жестикулируя, что-то быстро ему заговорил, указывая на казаков. И вдруг... Пехотный офицер вырвал из ножен шпагу, повернулся к своей колонне, дал какую-то команду. И тотчас несколько рядов солдат сноровисто перестроились в две шеренги, передняя опустила на колено, пехотинцы слаженно сбросили с плеч мушкеты. Офицер взмахнул над головой шпагой.

— По изменникам-сердюкам!.. — донеслось до Злови-Витра.

Сотник сразу натянул поводья, направил коня в кусты.

— Назад, хлопцы! — крикнул он поравнявшимся с ним казакам. — Клята вражина перехитрила нас!

На обочине дороги пылал яркий костер, вокруг него грелось несколько шведских солдат. Двое из караульных с мушкетами на плечах медленно расхаживали по дороге навстречу друг другу. Запорожцы остановили лошадей рядом с костром, и Дмитро протянул поднявшемуся от огня унтер-офицеру пропуск.

— А это кто? — спросил швед, лениво осмотрев казаков и задерживая взгляд на Ганне.

— Племянница полковника Тетери и моя невеста, — соврал Дмитро. — Маленько проводит меня и вернется обратно.

Унтер-офицер соболезнующе развел руки в стороны.

— Простите, господин офицер, но ваша невеста не указана в пропуске. А я всего лишь солдат и выполняю приказы полковника Розена.

— Неужто не указана? — притворно удивился Дмитро, подъезжая к шведу вплотную.

Делая вид, что хочет заглянуть в пропуск, он нагнулся с лошади и, вырвав из-за пояса кинжал, вонзил его в горло унтер-офицеру. В тот же миг блеснули сабли казаков, и со шведским караулом было покончено. Но один из солдат, спавший по дороге, успел вскинуть мушкет, и его пришлось снять выстрелом.

Дмитро сунул кинжал в ножны, повернулся к спутникам.

— Ну, други, не миновать нам погони. А потому не жалейте плетей...

Узнав о гибели караульного поста на дороге и бегстве Ганны, полковник Розен сразу подошел к карте.

— Куда поскакали запорожцы? — спросил он у доставившего известие дежурного офицера.

— В сторону Днепра. На снегу остались их следы.

Розен взмахом руки пригласил к карте офицера, ткнул в нее пальцем.

— Недалеко от этого селеньица находятся лодки запорожцев, на которых они утром собираются плыть на Сечь. С сотником всего десяток казаков, остальные ждут его возвращения на указанном хуторе. Но там квартирует и эскад-

рон наших кирасир, а поэтому беглецы вряд ли туда поскачут. Скорее всего, они отправятся прямо к лодкам. Берите половину дежурного эскадрона и выступайте за казаками.

— Слушаюсь, господин полковник, — вытянулся офицер.

— Не торопитесь, — поморщился Розен, — в этом деле есть одна щекотливая деталь. Вместе с запорожцами ускакала и племянница полковника Тетери, одного из влиятельнейших сановников украинского гетмана. В силу ряда обстоятельств мне не хотелось бы портить отношения ни с Мазепой, ни с Тетерей... Словом, девушка мне нужна только живой. Постарайтесь сделать так, чтобы как можно меньше людей знало о том, что вам удалось захватить ее. Пусть думают, что она сбежала с казаками и судьба ее неизвестна. Вы меня поняли?

Офицер, не первый раз выполнявший подобные задания Розена, молча склонил голову.

Появившаяся за спиной погоня не удивила Дмитро. Подскакав к Ганне, он наклонился к ней.

— Паничка, на хвосту шведы. А потому гони что есть духу по этой тропе вперед, она выведет тебя к нашим лодкам. Там сейчас всего пяток казаков, и им не по силам сдюжить с тяжелой чайкой. Но при них имеется легкий челнок, с которого они ловят рыбу. Скажешь, что я велел им вместе с тобой уходить на тот берег.

— А как ты? — с тревогой спросила девушка, бросая взгляд на плотную толпу шведских кирасир, несущихся вслед за ними. — Может, бросим коней и уйдем с тропы в лес?

— Кругом болота, сразу завязнем. Да и лес зимой не товарищ. Голо все и открыто, а от луны и снега светло как днем. Так что не теряй понапрасну времени и скачи. Прощай и не поминай лихом.

Дмитро стегнул лошадь Ганны плетью. Натянул одной рукой поводья своего коня, а другой перебросил из-за спины на грудь мушкет. И тотчас рядом загремели выстрелы запорожцев...

Закусив удила, кони вынесли Дмитро и четырех уцелевших казаков на днепровский берег, возле которого мерно покачивались на тяжелой осенней воде чайки. Снег подле лодок был истоптан лошадиными копытами, их следы вели в заросли верболаза, густо покрывшими берег. Челнок, на котором должна была уплыть Ганна, виднелся возле борта одной из чаек. У Дмитро похолодело в груди. Неужто шведы перехитрили его, пустив погоню не только за ними, но и сюда, к лодкам? И откуда он с казаками сдерживал на

тропе кирасир, другой шведский отряд успел выйти к чайкам и захватил Ганну? Но что бы ни случилось, разговор с врагом может быть только один.

Сотник положил на руку ствол пистолета и стал целиться в быстро приближающегося рослого кирасира. И вдруг из кустов верболаза, охватывающего с двух сторон тропу, грянул дружный мушкетный залп, сразу уполовинивший число преследователей. Не успел удивленный Дмитро прийти в себя, как из кустов вырвалась лавина всадников и с пиками наперерез помчалась на кирасир. В переднем из своих неожиданных спасителей сотник узнал донского атамана Сидорова. Разрядив пистолет в шведа, Дмитро выхватил из ножен саблю и с криком бросился в гущу схватки.

Пока казаки собирали после боя трофеи и ловили в лесу разбежавшихся коней уничтоженного шведского полусакадрона, Дмитро с Сидоровым присели на скамье одной из чаек.

— Откуда взялся, друже? — поинтересовался сотник.

— Прямым от Мазепы. Погостевал у его ясновельможности три дня и распрощался с ним. Красиво говорит гетман, многое сулит, да не тот он человек, чтобы связывать с ним свою судьбу. Нет ему дела до простых казаков, одна в его голове думка: как стать украинским королем. И ради этого наплюет он на честь и славу родной земли, распродаст ее по кускам кому угодно, прольет, не задумываясь, реки крови. Лукава и лжива его душа.

— А разве иное говорил я тебе?

— Чужое слово — одно, а свое ухо и глаз — другое. Не один я раскусил Мазепу, многие его казаки не хотят сидеть без дела, когда враг стоит у ворот Украины. Без малого сотня добрых хлопцев увязалась со мной от гетмана. Прикинул я, что и ты сейчас должен возвращаться с невестой на Сечь, и решил снова пристать к тебе. Разыскал твой след без труда, но на хуторе останавливаться не рискнул: шведы могли принять моих донцов за царских казаков. А потому стал поджидать тебя у чаек. И, как видишь, не напрасно...

— За выручку, друже, спасибо, а вот насчет возвращения на Сечь... — Дмитро тронул кончики усов, глянул на атамана. — С рассветом из хутора пожелают мои запорожцы, вот тогда все и обговорим...

Едва над рекой начал исчезать утренний туман, на тропе появилась шумная ватага сечевиков, следующая за двумя доверху нагруженными возами. Очутившись у чаек, запорожцы стали недоуменно осматривать место недавнего

боя, вглядываться в лица незнакомых казаков, приведенных Сидоровым.

Три громких, раскатистых удара в большой медный казан отвлекли их от этого занятия.

— Браты-сечевики! — зычно крикнул запорожский полусотник, стоя возле казана с мушкетом в руках. — Пан сотник кличет все славное товарищество на раду! Просит слово вымолвить...

— В крут!

— На раду!

— Нехай говорит! — сразу раздалось со всех сторон.

Дмитро легко вскочил на воз, снял шапку, низко поклонился на все четыре стороны. На берегу смолкли шум и разговоры, напряженная тишина повисла в воздухе.

— Верные лыцари-запорожцы! Храбрые други-донцы, не раз бившиеся вкупе с нами супротив нехристей-басурман! — выкрикнул Дмитро. — Наши кровные братья-реестровые * казаки, так же отважно, как и мы, боронящие Украину от недруга! Давно не топтала нога супостата землю нашей милой отчизны! С того славного часа, когда гетман Хмель соединил Украину с ее сестрой Россией и наши великие народы-братья сообща встали супротив недругов, явив им общую силу и честно деля промеж себя радость и горе. Но стоит сейчас страшный ворог у наших кордонов, с огнем и мечом собирается вторгнуться на нашу землю. Так неужто будем ждать, когда он вломится в наши хаты, принесет огонь на наши нивы, станет сеять смерть среди наших близких? Не бывать тому! Браты-россияне уже льют кровь на полях брани, вместе с ними и тысячи наших друзей-казаков. Так чего ждем мы? Разве не нашим саблям суждено защитить Украину от недругов-шведов?

Дмитро смолк, и тотчас тишина словно взорвалась криками:

— Смерть врагам!

— Веди, сотник, на шведов!

— И поведу! Но поскольку Сечь не воюет со шведским королем, поведу лишь тех, кто сам выступит супротив врага по зову сердца. Кто остается боронить свой народ и веру — не двигайся с места! Кто хочет ждать неприятелей у родного порога — ступай к чайкам!

Дмитро с радостью увидел, что с места не тронулся ни один. Выждав некоторое время, сотник не спеша надел на

* Реестр — список, официально признающий за внесенным в него принадлежность к казачьему сословию.

голову шапку, поднял руку. Рада кончилась, и он снова стал командиром. Причем уже не той бесшабашно-буйной, веселящейся без всякого удержу ватаге, в которую превращались запорожцы в редкие дни покоя и мира. А грозного, спаянного непобедимым воинским духом и железной дисциплиной казачьего воинства, перед которым дрожали его близкие и дальние враги. Он снова, как издревле было заведено на Сечи во время походов, стал единственным и полноправным вершителем судьбы всей сотпи и каждого ее казака.

— Первая полусотня! Снимать с чаек пушки и вычистить их на коней! Вторая полусотня! Разгружать возы и делить поклажу по саквам*! Кашевары, немедленно казаны на огонь и готовить кулеш! — Взгляд сотника пробежал по возам, остановился на громадной бутылке горилки. Он нахмурил брови: — Первому, кого увижу пьяным в походе, собственноручно всыплю полсотни плетюганов, а второго велю запороть до смерти.

Дмитро соскочил с воза, остановился против Сидорова и куренного атамана казаков-реестровиков.

— Почти все мои запорожцы пешие, а казак без коня — половина казака. Поэтому сразу после завтрака ударим по хутору и отобьем лошадей у квартирующих там шведов. А когда посадим всех хлопцев в седла — сам черт будет нам не брат.

Полковник Тетеря только собрался пообедать, как дверь горницы распахнулась и на пороге вырос взволнованный сотник сердюков.

— Беда, — проговорил он. — Есаул Недоля взбунтовал казаков.

— Как взбунтовал? — взревел Тетеря.

— Собрал всех сердюков на раду и предложил отложиться от Левенгаупта. От имени батьки Голоты пообещал им прощение всех грехов, если они вкупе с россиянами начнут бить шведов. Лишь два неполных куреня остались с нами, а все остальные ушли с Недолей.

Тетеря прикрыл глаза ладонью, тихо застонал.

— Верно говорят, что сколько волка ни корми... Как прав был гетман, который в последнее время не доверял Недоле и для присмотра послал с ним меня. Не доглядел я, не доглядел...

* Саква — походная казачья сума.

Полковник оторвал ладонь от лица, уставился на сотника.

— Куда подались бунтари?

— Мне неизвестно. Но мыслю, что к цареву войску... К есаулову побратиму батьке Голоте.

— Коли так — полбеда. Но если Недоля остался здесь — много шкоды может причинить шведам и нам. И раз так — скорей на коней да поближе к шведам. А то, не приведи господь, появятся здесь хлопцы Недоли.

— Прощевай, ланночка, и передавай привет батьке Голоте, — проговорил старший из запорожцев, наблюдая за приближающимся к ним разъездом русских драгун.

Подпустив его на сотню шагов, он развернул коня и с группой своих сечевицков поскакал назад, где у берега ждала их чайка.

Драгунский офицер подозрительно оглядел девушку, намурлил брови при виде ее пистолетов и сабли.

— Кто такая? — строго спросил он, не торопясь вкладывать в ножны шпагу.

— Кому надобно — узнает, — смело ответила Ганна. — А сейчас вели доставить меня к батьке Голоте... И поживей.

— Кто такая? — повышая голос, опять спросил офицер, не привыкший к подобным ответам.

— Невеста казачьего полковника Дибровы. А прибыла к батьке Голоте с важными вестями о шведах. И коли не хочешь накликать на свою голову беды, спешно доставь меня к нему...

Сотник сердюков ошибся: есаул Недоля не ушел к царскому войску, а затаился в лесах близости от шведов. Сейчас, прижавшись к стволу дерева, он внимательно наблюдал за движущейся мимо него вереницей шведских телег и колоннами конных и пеших солдат. Его казаки, оставив лошадей в глубоком овраге, лежали под кустами в полной готовности к бою. Вот Недоля встрепнулся: он увидел то, чего ждал. Среди однообразных приземистых, затянутых грубым рядом телег появилось несколько добротных повозок на высоких колесах с крытыми верхами. Их окружала большая группа конных кирасир, а спереди и сзади двигалось по роте пеших солдат с мушкетами на плечах.

Когда первая повозка поравнялась с Недолей, он достал

из-за пояса пистолет и выстрелил в ближайшего кирасира. Грянувший вслед за этим казачий залп повалил многих других коней на землю и расстроил аккуратные ряды пехоты, сразу прервав на дороге движение и создав неразбериху. Не давая шведам опомниться, казаки с саблями и пистолетами бросились к повозкам, где уже рубился их есаул.

Разрядив второй пистолет в направившего ему в грудь копьё кирасира, Недоля отбил саблей шпагу прыгнувшего на него пехотинца и, опуская на его треуголку клинок, оглянулся. Схватка возле повозок уже закончилась, фигуры спасающихся бегством шведов мелькали среди деревьев. Взмахом сабли есаул располосовал крытую боковину поджидаемой им повозки, нагнулся над бортом. На дне, скованные цепями, лежали куренной атаман Левада и лишнянский священник Ларион.

Недоля склонился над казаком, приложил ухо к его груди. Левада медленно открыл глаза.

— Друге, я вернулся, — тихо проговорил есаул.

Губы куренного слабо шевельнулись.

— Поздно, сотник. Нет уже на земле казака Левады, осталась только его душа. И та скоро отлетит на небо.

— Прости, что принимаешь смерть из-за меня.

— Я умираю за Украину, сотник. И не у меня проси прощение, а у родной земли, нашей с тобой матери. Коли искупишь свою вину перед ней, простит господь тебе и мою смерть.

На лице Недоли вздулись бугры желваков.

— Что могу сделать для тебя, друже? — спросил он.

— Только одно, сотник. Замордованный шведами поп отпустил мне перед своей смертью все грехи. Так что перед господом я чист. Но негоже умирать казаку в кайданах *. Хочу расстаться с белым светом как истинный казак: на коне и с саблей в руках. Вот моя последняя воля.

— Быть по-твоему, друже...

После долгой скачки по лесным дорогам казаки остановились на большой поляне. Есаул первым соскочил на землю, подошел к оставшемуся на коне Цыбуле, на руках которого, словно дитя, лежал Левада. Приняв его от полусотника, Недоля с помощью джурь осторожно посадил куренного в свое седло. Вложив ему в ладонь саблю и придерживая с обеих сторон, есаул с джурь сделали рядом с конем несколько коротких шагов. Но вот скакун тревожно заржал, раздул ноздри и резко остановился. Голова сидящего в седле

* Кайданы — кандалы, оковы.

Левады дернулась и опустилась на грудь. Его пальцы, стискивавшие эфес сабли, разжались, и она со звоном ударилась о прихваченную морозцем землю. Недоля подхватил безжизненное тело, поцеловал бывшего куренного в лоб.

— Прощай, друже, — тихо прошептал он и тут же вскинул голову. — Шапки долой! Похоронить куренного и батюшку по казачьему обычаю, как принявших смерть за Украину и веру!

Сняв шапку, есаул опустился на колени, поднял выпавшую из рук Левады саблю и принялся долбить ею землю.

Вскоре казаки покидали поляну, оставив на ней насыпанный шапками еще один безвестный могильный курган, коих бесчисленное множество было разбросано с седой старины по бескрайним просторам земли русской...

Левенгаупт оторвался от подзорной трубы, протянул ее Розену.

— Вы правы, полковник, перед нами действительно не казаки. По-видимому, это регулярная русская конница и гвардейская пехота. Что вам известно о противнике?

— По всей вероятности, это передовые колонны отряда Меншикова, а основная масса войск следует за ними. Мы недооценили быстроту передвижения русских.

Левенгаупт недовольно поморщился, поерзал в седле.

— Полковник, если бы вы не упустили племянницу Тетери и его есаула, то русские сейчас были бы у Орши, а не здесь. Но давайте говорить не о них, а о нас. Что за селение у той опушки?

— Деревня Лесная. Самая заурядная...

— Ошибаетесь, полковник. Она была такой, но станет знаменитой тем, что возле нее я разобью войска царя Петра и навсегда избавлю его от желания бегать за мной.

Протянув руку, Левенгаупт снова взял у Розена подзорную трубу, долго осматривал расстилающуюся впереди лесистую местность.

— Русские не умеют правильно воевать, а поэтому сделали ставку на быстроту и внезапность, надеясь вцепиться в нас, как голодный волк в бычка, — сказал он. — Чтобы не сковывать себя, они выступили только с легким оружием и ограниченным запасом пороха и боевых припасов, в то время как мы имеем все это в избытке. А поэтому я навязую им сражение по всем правилам военного искусства.

Генерал поднялся на стременах, вытянул в сторону виднеющейся деревни руку.

— Направьте лучшие полки к высотам северо-западнее деревни и прикажите немедленно занимать оборону. Пришлите туда все пушки и не забудьте прикрыть их с тылу вагенбургом *. Выделите в охрану обоза три тысячи солдат, и пусть он продолжает движение по намеченному маршруту. Преправившие нам путь русские совсем не стоят того, чтобы мы отвлекались от своей главной цели — идти на соединение с королем...

Бледные лучи осеннего солнца легко проходили сквозь обнаженные ветви деревьев, золотили наметенные за ночь сугробы. Неутихшая утром поземка до половины укрывала снегом разбросанные по поляне трупы.

Авангард русских войск атаковал шведов еще ночью, сразу после марша, но их натиск был отражен ураганным огнем пушек и частыми залпами многочисленной королевской пехоты, расположившейся за наскоро возведенными укреплениями. Сейчас, в полдень, дождавшись подхода основных сил и перегруппировав войска, Петр приказал возобновить бой. Восемь батальонов пехоты и четыре драгунских полка он решил бросить на шведов в первой линии, сразу пустив за ней вторую — шесть конных полков, усиленных пехотой. В третьей линии находилось еще два драгунских полка, которым надлежало либо развить успех первых двух линий, либо прикрыть их от контратакующих шведов в случае неудачи.

В наброшенном на плечи плаще, в котором он провел у костра минувшую ночь, сопровождаемый Меншиковым и Голотой, царь медленно ехал мимо изготовившихся к атаке полков. Остановившись у середины строя, Петр выпрямился в седле, взмахнул над головой треуголкой.

— Россияне! Враг топчет родную землю, и наш сыновий долг — защитить ее! Назад дороги нет, отход — смерть, а потому только вперед! И кто бы вам ни приказал отступить, не слушайте его, а заколите на месте! Если даже я, ваш государь, скоманую отступление — стреляйте в меня! С богом, ребята!

Петр сверкнул белками глаз, махнул гвардейскому полковнику, застывшему невдалеке от него рядом со знаменосцем и барабанщиком.

— Вперед! Ура, молодцы!

...Первая атака была отбита. За ней последовала вторая, третья, но сбить шведов с занимаемых ими позиций не удавалось. Не жалея ядер и пуль, они останавливали русских

* Вагенбург — полевое укрепление из сцепленных повозок.

еще на подходе к укреплениям, не доводя дело до рукопашных схваток. А один раз королевская пехота пыталась даже контратаковать и окружить левый фланг русских, но в коротком, яростном штыковом бою была отброшена.

подавшись корпусом вперед, закусив губу, Петр не отрывал глаз от поля сражения. Вот он взглянул на затянутое пороховым дымом солнце, повернулся к Голоте.

— Запаздывают твои казачки, полковник.

— Наверное, государь, слишком далеченько в обход взяли. В таком деле лучше лишний десяток верст отмахать, нежели свой замысел врагу выдать.

— Все хорошо в меру, полковник. Вот сегодня и проверим, не рано ли мы Диброве пернач доверили.

— Мин херц, смотри! — неожиданно прозвучал радостный голос Меншикова. — Швед что-то засуетился.

Приложив к глазам подзорную трубу, Петр увидел, что на неприятельских укреплениях действительно царит неразбериха. Стоявшие до этого фронтом к русским колонны шведской пехоты стали спешно перестраиваться, а прикрывавшие их фланги кирасиры — стягиваться к центру занятой королевскими войсками большой поляны. Суматоха коснулась и артиллерии: две четырехорудийные батареи снялись с места, переместились поближе к своей коннице, установились стволами в сторону подступающего к поляне леса.

— Не иначе казачки подоспели! — воскликнул Меншиков, отрываясь от своей трубы. — Самый раз и нам ударить. Дозволь, мин херц, мне преобращенцев * в штыки двинуть.

Петр мгновение раздумывал, затем махнул рукой.

— Веди!

Меншиков соскочил с коня у первой шеренги рослых, усатых преобращенцев.

— Что, ребята, застоялись? Ничего, сейчас разомнемся...

Он поглубже надвинул на голову треуголку, выхватил из ножен пикау. Встал рядом с барабанщиком.

— Стучи атаку! Вперед, гвардейцы! — крикнул князь, повернувшись к преобращенцам и взмахивая пикагой.

Дважды били оставшиеся в укреплениях шведские орудия по шагающим в атаку преобращенцам. Но те снова смыкали редущие ряды и так же упрямо шли вперед, неся перед собой щетину сверкающих штыков. Убедившись, что на этот раз русских огнем не остановить, шведы поки-

* В сражении при Лесной участвовали оба полка русской гвардии.

нули укрепления и под грохот барабанов ровными, четкими рядами двинулись им навстречу.

Вот противников разделяет сотня шагов, вот всего три десятка. Уже отчетливо видны багровые от холода и перекошенные от злости чужие лица, слышны команды шведских офицеров. Вдруг королевские солдаты замедлили шаг, вскинули мушкеты, припали щеками к прикладам. Меншиков остановился, повернулся к преображенцам, резко опустил шпагу.

— Пли!

Залпы ударили одновременно с обеих сторон. Одна пуля снесла с головы князя треуголку, другая обожгла плечо, от удара третьей шпага в его руках разлетелась на куски. Отбросив ненужный эфес, Меншиков огляделся. Шагавший рядом с ним барабанщик лежал мертвым. Наполовину выкошенные шведским огнем передние шеренги преображенцев быстро смыкали ряды, никто из русских не сделал назад ни шагу. Князь нагнулся над убитым гвардейцем, поднял его мушкет, вскинул на изготовку. Он чувствовал, что взгляды всех окружающих — своих и чужих — обращены сейчас на него, чудом оставшегося живым посреди двух лавин пронесшегося навстречу друг другу свинца. Меншиков обернулся к преображенцам, громко выкрикнул начальные слова припева популярной среди гвардейцев солдатской песни:

— Штык, штык невелик...

— А насадишь трех на штык, — подхватили за его спиной преображенцы, бросаясь в рукопашную...

Конь вынесся на невысокий пригорок и, повинуясь уверенной руке седока, замер как вкопанный. Прикрыв глаза от солнца, Диброва окинул взглядом открывшуюся перед ним картину. Левее, примерно в полумерсте, высились над заснеженной землей окутанные пороховым дымом шведские укрепления. Прямо перед их палисадами кипела ожесточенная рукопашная схватка русской и шведской пехоты. К месту боя из-за укреплений и с опушки леса, занятого русскими, двигались все новые колонны. Напротив полковника, в каких-нибудь трехстах-четырехстах шагах, стояли восемь шведских орудий. За ними, прикрывая укрепления от возможного казачьего удара с фланга, растянулось несколько длинных рядов королевских кирасир.

Диброва усмехнулся: задуманный царем и Голотой маневр казачьей конницы удался на славу. Шведы не могли

даже предположить, что такое количество всадников сможет преодолеть ночью непроходимые болотные хляби и скрытно, минуя перехваченные кирасирскими дозорами и засадами все сколь-нибудь пригодные для передвижения тропы, выйти во фланг их укреплениям.

Порыв ветра швырнул под распахнутый жупан Дибровы пригоршню сухого снега, но полковник даже не ощутил этого. Окруженный сотниками, он внимательно следил, как из-за деревьев выезжали отставшие казаки и, торопя коней, занимали места в рядах своих сотен. И вот три казачьи лавы охватили широким полукругом стоящие против них шведскую артиллерию и кавалерию. Тревожная, гнетущая тишина окружила пригорок и занятую казаками часть поляны.

— Пора, други, — сказал Диброва сотникам, и те, вытянув коней плетми, умчались с пригорка, оставив на нем лишь двух полковничьих джур.

Вот сотни замерли в десятке шагов от передней лавы, по обе стороны от них вынеслись полусотники и куренные атаманы. Лица изготовившихся к атаке казаков повернулись к Диброве, три тысячи пар глаз выжидающе уставились на полковника. Тот приподнялся в седле, подчеркнуто неторопливо снял с плеч дорогой жупан и, не глядя, отшвырнул его. И тотчас тысячи простых домотканых свит, разноцветных жупанов и кунтушей полетели в снег и под копыта лошадей. Зачем они казаку в горячем бою? Стеснять размах плеча при рубке? Ловить чужие пули да разлетаться в клочья под ударами вражеских клинков? А потому пускай лучше ждут своих хозяев на земле. А коли суждено кому уснуть навеки под могильным курганом, отдадут други-побратимы отцовский кунтуш казачьему сыну, дабы помнил своего героя-батьку, сложившего голову за неньку-Украину!

В обыкновенной полотняной сорочке с вышитыми по вороту черными и красными крестиками, с наполовину открытой, подставленной ветру грудью, в лихо заломленной на затылок смушковой шапке, Диброва не спеша спустился с пригорка. Медленно двинулся вдоль настороженно встречающих и провожающих его глазами казачьих рядов, остановил коня против шведских пушек. Бывший сотник не первый раз участвовал в бою и понимал: не страшна казакам тысяча королевских кирасиров, что восседают за пушками на крупных одномастных конях, — быть им поднятыми вскоре на казачьи янки. Не пугали его и те несколько колонн шведской пехоты, которая, изменив первоначальное

направление, спешила теперь на помощь своей кавалерии — валяться и ей, изрубленной, под копытами казачьих коней. Угроза заключалась именно в пушках: картечь, выпущенная в упор, сметет перед орудиями все живое. И дрогши, смеайся в этот миг казаки, шведская пехота остановит атакующих своими залпами и штыками, повернет их назад. А кирасиры, только и ждущие этого момента, бросятся преследовать и рубить отступающих:

Зная, что в сегодняшнем бою происходит его полковничье крещение, что на этой поляне ему суждено покрыть свое имя славой или навсегда расстаться с перначом, Диброва действовал согласно старой казачьей пословице: пан или пропал. Именно поэтому он решил лично возглавить атаку на шведские батареи. Оттого впервые за несколько последних лет оставил он в шатре свою неразлучную тонкую кольчугу, уже не раз спасавшую его от чужого клинка.

Диброва окинул взглядом готовые к бою орудия, замершую возле них прислугу, фейерверкеры с тлеющими фитилями в руках, королевского офицера-артиллериста с поднятой над головой шпагой. Они не спешили — ни шведский капитан, ни казачий полковник, одинаково понимая, что на разделяющем их расстоянии возможно произвести лишь один залп. Поэтому исход боя будет решен не тем, сколько атакующих вырвет из седел огненный шквал картечи, а отвагой и самопожертвованием, храбростью и презрением к смерти, всем тем, что, вместе взятое, именуется воинским духом и не поддается исчислению на штыки и сабли.

Натянув поводья, Диброва заставил коня заплесать на месте, вырвал из ножен саблю, повернул к лавам вмиг побледневшее лицо.

— За ридну Украйну! За казацьку волю! Слава!

— Слава! — загремело вокруг.

И от этого могучего тысячеголосого крика взметнулись с земли и заплесали над ней в хороводе снежинки. Со свистом вылетели из ножен казачьи клинки, легли меж конских ушей направленные вперед пики. Срываясь с места, ударили копытами в гулкую мерзлую землю кони, взвихрили позади себя снежную пыль.

— Слава! — снова раскатисто и протяжно пронеслось над скачущими казачьими лавами.

Диброва не упустил момента, когда шведский офицер взмахнув шпагой и фейерверкеры поднесли к орудиям зажженные фитили. В тот же миг полковник заставил коня присесть на задние ноги, припал к его шее, втянул голову

в плечи. И тотчас впереди словно грянул гром, пронзительно завизжала картечь. Прежде чем скакун вздрогнул всем телом и начал падать, Диброва освободил из стремян ноги и успел соскочить на землю. Присев от резкой боли, он быстро выпрямился и огляделся по сторонам. Картечный залп, хлестнувший в середину казачьего строя с расстояния в сотню шагов, пробил в нем восемь брешей, разорвав сплошную до этого линию конницы на несколько частей. И по этим лишенным управления, полуоглохшим, еще не пришедшим в себя остаткам атакующих почти в упор грянули залпы шведских пехотинцев. Стремясь зайти казакам во фланг, стала брать разбег тяжелая кирасирская конница. Вот он, самый ответственный и решающий миг битвы!

— Коня! — воскликнул Диброва, озираясь вокруг себя.

Оба его джуры лежали на земле рядом с бездыханными конями. Услышав голос полковника, один из них зашевелился, приподнял залитую кровью голову, с трудом встал на ноги. Шатаясь, сделал несколько шагов, схватил за распущенные поводья проносящуюся мимо без седока лошадь, подвел ее к Диброве. Но когда тот попытался сесть в седло, пронзительная боль в левой ноге заставила его заскрипеть зубами.

— Помоги! — прохрипел полковник джуре.

Казак отпустил поводья, встал перед Дибровой на четвереньки. Полковник поставил ему на спину здоровую ногу, с трудом вскарабкался в седло.

— Спасибо, друже, — сказал он.

Но джура не слышал. Вытянувшись во весь рост, он неподвижно лежал у копыт коня. Его рубаха была красной от крови, на спине виднелось выходное отверстие от пробившей казака насквозь картечины. Верный джура даже перед лицом смерти исполнил свой долг.

Осмотревшись с коня, Диброва облегченно вздохнул. Вырубив до единого человека орудийную прислугу и оставив смолкнувшие батареи позади, вал его конницы неудержимо катился на оцетинившиеся птыками каре шведской пехоты. Казаки фланговых сотен, не замедляя лошадиного бега, прямо с седел метали в кирасир длинные пики. И совсем не растерянные и беспомощные остатки расстрелянного в упор полка были перед Дибровой, а прежние три сплошные, хотя заметно поредевшие, но повинующиеся единой воле и замыслу казачьи лавы.

— Слава! — пропел пересохшими от волнения губами полковник, бросая коня с места в карьер...

Сбитый с ног лошадиной грудью, с разрубленным плечом лежал на орудийном лафете шведский капитан. Не в состоянии даже пошевелить головой, он был вынужден смотреть перед собой туда, где, взяв в рукопашном бою шведские укрепления, шли вперед русские гвардейские батальоны... Где, разрядив на скаку в каре мушкеты и пистолеты, казачьи сотни уже врезались в смешавшиеся ряды королевских пехотинцев... Где, не выдержав яростной сабельной рубки с казаками, торопливо поворачивали коней назад кирасиры. Не в силах видеть этой картины, капитан закрыл глаза. Несмолкающий, леденящий кровь страшный крик стоял у него в ушах:

— Слава!..

9

Левенгаупт отыскал взглядом среди стоявших против него офицеров долговязого генерала, сквозь повязку на голове которого проступала кровь.

— Штакелберх, где сейчас русские?

— Они выбили нас с высот у Лесной и удерживают мост на дороге к Пропойску.

— Другими словами, они преградили путь голове нашего обоза и в любой момент могут обрушиться на него сзади. Вы это хотели сказать, генерал? — язвительно спросил Левенгаупт.

Опустив голову, Штакелберх молчал.

— Что с нашей артиллерией?

— Противник отбил у нас шестнадцать орудий, — не поднимая головы, тихо ответил Штакелберх. — Именно из них русские сейчас и обстреливают нас.

— Каковы дисциплина и настроение в войсках?

— Полная неразбериха. Боевые части смешались с обозом, у нас масса раненых. Болота и лес не позволяют занять правильную оборону. А темнота и русский огонь еще больше усиливают панику.

— Что русские?

— Готовятся утром продолжить сражение. Наша разведка доносит, что они ожидают подкрепление.

Левенгаупт установил на огонек свечи, забарабанил пальцами по столу. Каплинув и не глядя на присутствующих, размеренно и отчетливо заговорил:

— Господа, половина корпуса уже уничтожена, завтра это ожидает уцелевших. Мало того, в руки противника может попасть наш обоз, припасов которого хватит всей русской армии на несколько месяцев. Властью, данной мне

богом и королем, я решил не допустить этого. — Голос генерала дрогнул, в уголках губ залегли две глубокие складки. — Приказываю: немедленно собрать все боеспособные части, оторваться от русских и следовать на соединение с королем. А перед отступлением уничтожить весь обоз: топите, жгите, рубите, взрывайте, но противнику не должно оставаться ничего. Выполняйте...

Когда офицеры стали покидать генеральскую палатку, Левенгаупт остановил Розена.

— Полковник, задержитесь.

Оставшись вдвоем, Левенгаупт спросил:

— Что с офицерами-перебежчиками, прибывшими от графа Пипера?

— Целы, здоровы... Готовы выполнить любой ваш приказ.

— Прекрасно, сейчас они его получают. А заодно и вы... Берите обоих капитанов, сколько потребуется людей и исполните волю первого министра — избавьте короля от царя Пегра. Сейчас самое подходящее для этого время: победители всегда беспечнее побежденных. И еще... Выберите лучшего своего офицера, дайте ему надежного проводника и отправьте с эстафетой к королю. У каждого из нас есть личные враги, и я убежден, что они постараются представить его величеству случившееся у Лесной в самых неприглядных для нас красках. Я хочу, чтобы король получил первое известие о постигшей нас судьбе из уст нашего друга и под его влиянием воспринял это не слишком болезненно.

— Я пошлю майора Левена и дам ему двух проводников. Разрешите оставить вас?

— Вам придется подождать, пока я надену плащ и шляпу. Мне всегда была ненавистна паника, и в подобные минуты я предпочитаю находиться среди сохранивших порядок и дисциплину войск. Поэтому я решил лично возглавить отход кирасир и сейчас же отправлюсь к ним. Нам, полковник, по пути, у вас сильная охрана, и я не стану ждать сборов штаба и конвоя, а примкну пока к вам...

Есаул отвел в сторону сосновую лапу, всмотрелся в темноту и убедился, что его разведка не ошиблась: перед ним действительно была палатка Левенгаупта. Кирасиры, расположившиеся вокруг нее на поляне, седлали коней, подтягивали подпруги. Гренадеры тушили костры, собирали штабные и офицерские палатки, грузили на повозки походный

скарб. Есаул опустил ветку, наклонился к сидевшему рядом на лошади Цыбуле.

— Поляну обложили надежно?

— Мышь не проскочит.

— Тогда с богом.

В лесу раздался громкий свист, из темноты по шведам грянул залп, и тотчас из-за деревьев на них хлынула лавина всадников. Уцелевшие от пуль кирасиры вскочили на коней и стали пробиваться к лесу. Пехотинцы сгрудились вокруг генеральской палатки и встретили мчавшихся на них казаков стрельбой.

Пуля ударила есаулова коня в шею, и тот, захрипев, стал падать на передние ноги. Очутившись на земле, Недоля пригнулся и огромными прыжками метнулся к палатке Левенгаупта. Выстрелив из обоих пистолетов на звуки раздающихся в ней голосов, он выхватил саблю, полоснул ею по полотну палатки и через образовавшуюся дыру ворвался внутрь. На земле у входа неподвижно распластался гренадер, другой, зажав рукой окровавленное плечо, стоял рядом. Молоденький офицер, подняв руки и испуганно глядя на казака, старался заслонить своим телом заваленный картами и бумагами стол. Но не документы интересовали сейчас есаула. Приставив острие сабли к горлу офицера, он коротко выдохнул:

— Левангаупт?

— Господин генерал недавно ускакал.

— Куда?

— К кирасирам. Он сам поведет их на прорыв.

— По какой дороге?

— Он не сказал ничего...

Недоля перевел дыхание, опустил саблю.

— Соберешь карты и бумаги — отдашь моему джуре. Нашкодишь — заплатишь головой.

Он вышел из палатки. Бой на поляне был успешно завершен. Казаки подбирали своих убитых и раненых, копались в захваченных повозках и палатках. Полусотник Цыбуля, не обращая внимания на пробитое штыком бедро, наступил сапогом на древко шведского знамени и остервенело отдирает от него тяжелое, расшитое золотом полотнище. Возле длинной, с металлическими ободьями повозки, поклажа которой была тщательно укрыта под несколькими слоями просмоленной мешковины и крепко перетянута толстыми веревками, гарцевало с десятков казаков с саблями наголо. Есаул довольно усмехнулся. Он знал, что в этой повозке находились золото и серебро, полученные шведами в качестве кон-

трибуции в Курляндии и Литве, которые корпус Левенгаупта должен был доставить в армию короля Карла. Недоля вложил саблю в ножны, отыскал глазами трубача.

— Играй сбор...

Едва казаки покинули поляну и углубились в лес, как к есаулу примчался один из высланных вперед дозорных.

— На тропе донцы. С десяток... Не иначе, царский разъезд.

Недоля недоверчиво глянул на казака.

— Донцы? Откуда им взяться в самой гуще шведов?

— Не ведаю, пан есаул. Только это они. Когда их окликнули, все сразу ускакали назад.

— Ничего, сейчас вернутся. И не одни, а со своим старшим.

Есаул не ошибся. Исчезнувшие донцы вернулись обратно с атаманом Сидоровым, и через несколько минут старший Недоля обнимался со своим братом-запорожцем.

— Что, братчику, теперь станем щупать шведа вместе? — спросил есаул, когда братья рассказали друг другу о событиях, случившихся с ними в последнее время.

— Вместе, братку. А поначалу взгляни на одного супостата. Может, признаешь в нем кого из своих бывших дружков?

Посмотрев на приведенного запорожцами шведского офицера, есаул усмехнулся.

— Угадал, братчику, знаю я его. Только не мой он дружок, а полковника Розена. Почему мыслю, что для него не тайна, где находится сейчас и сам Розен. Где и как захватили его? — поинтересовался есаул у Дмитро.

— Скакал с эскадроном и двумя проводниками. Имел при себе грамоту. Да какой от нее прок, коли писана она не нашим письмом. А сам он молчит.

Есаул приблизился к отвернувшемуся от казаков майору Левену. Сильным рывком за подбородок повернул его голову к себе.

— Узнаешь меня, майор? Молчишь? Ничего, сейчас расскажешь обо всем. Полусотник, — обратился старший Недоля к Цыбуле, — кликни казачков покрепче и с нагайками подлиннее.

— Сю минуту, пан есаул, — недобро ухмыльнулся полусотник. — У моих хлопцев он не только заговорит, но и колядки запоет и гопака спляшет.

— Что вам угодно, господин есаул? — на ломаном русском языке спросил Левен.

— Кто, куда и зачем вас послал?

— Полковник Розен. К королю. Сообщить о постигшей нас неудаче.

— Где сам полковник?

— Не знаю. После нашего разговора он с тремя эскадронами кирасир поскакал в направлении русских позиций.

Мозг есаула обожгла неясная догадка.

— С ними были те два капитана-перебежчика, что крутились в штабе корпуса?

— Да.

— И отряд кирасир, переодетых в русскую форму?

— Да.

Замерший на Левене взгляд Недоли был настолько тяжел и суров, что тот невольно съезжился.

— Майор, ты укажешь нам дорогу, по которой ускакал полковник. Догоним его — станешь вместе с ним царским пленником. Откажешься или обманешь — висеть тебе на ближайшей сосне. Выбирай...

Отряд полковника Розена казаки догнали невдалеке от расположения русских войск. Растянувшись по узкой лесной дороге, имея в голове колонны переодетый в форму русских драгун разъезд, кирасиры двигались в сторону костров русского лагеря. Перекрыв шведам путь назад и послав часть казаков в лес по обе стороны дороги, оба Недоли и Сидоров догнали арьергард шведского отряда.

— К полковнику! — властно бросил есаул королевскому офицеру, когда кирасиры, узнав его, защелкали курками мушкетов.

Увидев подъезжающих к нему казаков, Розен, несмотря на все свое самообладание, вздрогнул. Еще не зная, что привело вражеских парламентаров, он уже почувствовал нависшую над ним угрозу.

— Чем обязан, господин есаул? — сухо спросил он.

— Полковник, я хочу помочь вам сохранить жизнь. Прикажете кирасирам сложить оружие.

Розен натянуто улыбнулся.

— А если я предложу сделать это вам?

— Это будет самой неудачной шуткой в вашей жизни. Ваш отряд окружен, дорога назад отрезана, впереди русские. Если вы окажете сопротивление, мы уничтожим вас всех без пощады. Поскольку сейчас, полковник, вы командуете не солдатами, а сборищем убийц, собравшихся охотиться на российского государя.

Розен вскинул голову.

— Со мной три эскадрона лучших королевских солдат.

Я прошел с ними половину Европы. Они готовы отдать жизни за своего короля.

— Это для них не составит никакого труда, полковник. Число моих казаков вам известно, запорожцев брата тоже. О количестве сабель в полку донского атамана можете поинтересоваться у него сами. Итак, что вы предпочитаете: плен или смерть?

— Я должен подумать.

— Вы только теряете время. И лишаете себя компании майора Левена, который ждет вас совсем рядом. Не верите? Тогда взгляните на грамоту, которую сами ему вручали.

Сунув руку за пояс кунтуша, есаул протянул Розену отобранную у Левена грамотку. Его скакун, сделав шаг к полковнику, очутился на залитом лунным светом участке дороги, и Розен с ужасом увидел на конском крупе знамя гренадерского полка, батальон которого нес личную охрану Левенгаупта и штаба корпуса. Это положило конец сомнениям полковника.

— Господин есаул, я принимаю ваше предложение. Кому сдать пиагу: вам или донскому атаману? — глухо произнес Розен.

— Вы отдадите его лично царю...

Когда разоруженный шведский отряд под конвоем казаков продолжил путь к русским позициям, Дмитро тронул есаула за локоть.

— Вот и настал час прощаться, братку. Твоя дорожка лежит к батьке Голоте, а моя — снова в лес. Никогда еще волк и собака не сидели на одной цепи, а поэтому нечего мне делать ни под царским знаменем, ни под гетманской булавой. Ни на что не променяет запорожец своей воли, а потому прощай, братку, и не поминай лихом.

— Прощай, есаул, — проговорил и Сидоров. — Да хранит тебя господь.

— А куда ты, атаман? — удивился старший Недоля. — За полковника Розена и королевскую казну царь закроет очи на любую твою старую провинность.

— Не нужна мне царская милость, есаул. Простит он мои грехи — не забудут их его воеводы и казаки-толстобрюхи. Рано мне еще возвращаться на Дон, не пришел час. Да и разве только под царской рукой можно служить родной земле?..

Ворвавшийся в палатку Меншиков был возбужден. На его губах цвела довольная усмешка, в глазах светилась нескрываемая радость.

— Хваленый Левенгаупт ударился в такие бега, что и след простыл. Ничего, я бросил вдогонку драгун и казаков. Они ему хвост общипят! С победой тебя, мин херц!

Петр, спокойно попыхивая трубкой, указал князю на лавку.

— Садись и рассказывай толком.

— Шведы ушли еще ночью. Побросали и своих убитых, оставили раненых, разгромили и сожгли обоз. Сам Левенгаупт ускакал с кирасирами первым, за ними на обозных лошадях бросилась пехота. Да разве на этих жалких клещах далеко убежишь, тем паче по болотам? Казаки гонят их в полон толпами. Набрали уже без малого три с половиной тысячи, из них семьсот офицеров. А также захватили десять королевских знамен и сорок два флага.

— А что шведы потеряли в бою? — поинтересовался Петр. — Не зря ли мы вчера порох жгли да снег на поляне месили?

— Выбили мы у неприятеля пять с половиной тысяч солдат... Полторы тысячи насмерть, остальных ранили.

— А каковы наши потери? — спросил царь у Голоты, пришедшего вместе с Меншиковым.

— Тысяча сто убиты, две тысячи восемьсот ранены.

Петр улыбнулся, принимая табак в трубке.

— А что с обозом, Алексапка? Оставил ли генерал нам что-нибудь на обратный путь?

— Оставил, мин херц. Две тысячи телег не успел огню и разорению предать... Стоят себе целехоньки да полнехоньки. Одним словом, полная победа!

— А коли так, други мои верные, забудем о генерале, — сказал царь, подвигая к себе карту. — Оставили мы короля без подмоги и припасов, отняли у него надежду сытно переждать зиму в удобном для сего месте. Придется ему теперь крепко призадуматься, стоит ли двигаться на Москву с пустым брюхом и недостатком пороха. Что бы ты предпринял на его месте, полковник? — глянул Петр на Голоту.

— Подался на Украину, государь. К Чернигову или Полтаве. Места те изобилуют зерном и живностью, на зимних квартирах можно разместить всю армию и спокойно ждать подмоги людьми и воинским припасом.

— А что сделал бы на месте короля ты, Алексапка?

— Двинулся на Украину... И залег бы в Полтаве, как медведь в берлоге. А за зиму связался бы с Турцией и Крымом, своими союзниками. Может, султан или хан помогли бы янычарами да нукерами. И Польша под боком, а через нее прямая связь со шведскими войсками в Курляндии и

Померании. Один путь у Карлуши, мин херц, — только на Украину, — уверенно закончил Меншиков.

Царь уперся взглядом в карту, поднялся над столом.

— То же мыслю и я. А потому нет у нас времени почивать на лаврах. Не покой и отдых должен получить король на Украине, а жестокий отпор и свою погибель. И начало сему уже положено здесь, у Лесной. Какие бы великие баталии и славные виктории ни поджидали нас впереди, ни одна из них не будет важней и блистательней этой. Лесная — мать наших грядущих побед, а они — лишь младенцы, рожденные ею...

...Несколько дней назад отгремела славная Полтавская баталия. Тысячи незваных северных пришельцев легли навсегда в украинскую землю, тысячи оказались в плену, однако немало врагов, избежавших смерти или плена, спешили сейчас покинуть пределы негостеприимной для них Украины.

Две казачьи сотни под командованием полкового есаула Ивана Недоли преследовали один из направляющихся к югу шведских конных отрядов. Опасаясь населенных пунктов, занятых крупными русскими силами, противник отходил стороной обжитые человеком места, все дальше углубляясь в дикую степь. Держась от шведов на расстоянии половины дневного перехода, неотступно следовали за ними казаки.

На третьи сутки погони сотник Цыбуля, слышавший за это время от Недоли лишь несколько коротких приказов, не выдержал.

— Пан есаул, не переводим ли мы попусту времечко, любуясь задами вражьих кобыл? Вели — и мои казаченьки немедля перебьют беглецов до единого.

Недоля, скакавший рядом с Цыбулей, даже не повернул в его сторону головы. Он без сотника отлично знал, что одно его слово — и с беглецами будет покончено. Правда, шведов около шестисот, а в двух поредевших после Полтавы сотнях не наберется и четырехсот казаков. И все-таки преимущество было на стороне преследователей. Во-первых, среди шведов находилось изрядное число раненых, во-вторых, уже в сражении под Полтавой противник испытывал крайнюю нехватку в порохе, и сейчас беглецы могли ответить одним выстрелом на десять казачьих. Это не говоря о том, что казаки шли с заводными лошадьми и в бой вступили бы на свежих скакунах. Есаул без труда мог предста-

вить возможную схватку с беглецами: охват шведов с разных сторон, ураганный ружейный огонь и сокрушительная сабельная атака. И Цыбуля прав — ни одному из врагов не посчастливилось бы спастись от пули или клинка... Все так и случилось бы еще в первый день погони, если бы есаулу нужны были шведские трупы. Однако ему из всех беглецов нужен был лишь один, причем обязательно живым: есаул обещал доставить его пленником батьке Голоте, а тот, в свою очередь, самому царю Петру.

— Наскучило смотреть на неприятельских коней? — спросил Иван. — Что ж, неволить не стану. Эти места добре знаешь?

— Сотник Цыбуля по всей Украине из конца в конец проскачет с завязанными очами и ни разу не собьется с дороги.

— Возьмешь курень и пойдешь впереди шведов. Сейчас они направляются к роднику в Волчьей балке — завалишь его навозом и падалью. Завтра точно так же поступишь с ключами в Гнилом урочище. А у колодца при Старом ски-те жди меня...

Сотник в точности выполнил приказ полкового есаула, и в указанное время встретил Недолю у развалин Старого скита.

— Будем брать вражин голыми руками? — поинтересовался Цыбуля. — У них теперь что люди, что кони — все полудохлые.

— Будем, сотник. Только поначалу нацени на саблю белую тряпку и пригласи ко мне шведского командира для разговора.

Командиром отряда оказался пожилой полковник, сносно говоривший по-русски и выучивший за время пребывания под Полтавой несколько десятков украинских слов.

— Не вижу смысла в нашей встрече, господин есаул, — холодно заметил полковник после обмена приветствиями. — Если надеетесь на мою сдачу в плен, то ошибаетесь: я мог сделать это еще на поле под Полтавой, а не на полпути к турецким владениям.

— Вы сегодня от них так далеки, как и будучи под стенами Полтавы. Согласитесь, что жизнь и смерть ваших солдат полностью в моих руках. Причем мне не обязательно вступать с ними в бой, поскольку их победит мой надежный и могучий союзник — жажда.

— Вы хотели сообщить мне только это?

— Нет. Вы, шведы, храбрые солдаты, и я уважаю вас. Согласен не мешать вам возвратиться на родину, однако в

обмен за это вы отдадите мне одного человека. Бывшего бригадира русской службы Мюленфельса, изменившего присяге и царю Петру.

— Господин Мюленфельс находится под защитой короля Карла. Я не выдам его.

— Я сказал все, пан полковник. Выбирайте, кто вам дороже: Мюленфельс или шестьсот ваших солдат. Если через полчаса я не получу Мюленфельса, прикажу засыпать падалью и этот источник воды. И так будет до тех пор, пока не погибнет от жажды последний ваш соотечественник. Их смерть будет на вашей совести, пан полковник.

— Вы получите Мюленфельса. Однако вам придется выполнить два моих условия.

— Принимаю их заранее.

— Первое: вы возьмете с собой на запасных лошадях ваших раненых и пусть они разделят судьбу других пленных. Второе: вы оставляете нам половину вашей провизии и пятьсот мушкетных зарядов, чтобы мы могли охотиться на степную дичь.

— Рад был нашей встрече, пан полковник. Желаю вам благополучно добраться до порубежья и никогда больше не появляться на Украине ее врагом...

В лагерь под Полтавой отряд Недоли возвратился поздно ночью. Узнав, что полковник Голота находится в царской резиденции, Недоля с пленным и десятком казаков поскакал туда. Полковник вышел к нему сразу, едва есаул попросил сообщить ему о своем прибытии.

— Рад видеть тебя, Иван. Вижу, что притомился ты крепко. Кой день не покидаешь седло?

— Все позади, батя. Главное, что мы исполнили царскую волю и не позволили спастись предателю.

— Не мы исполнили царскую волю, Иван, а ты. За верную службу государь Петр Алексеевич жалует тебя золотой табакеркой, изукрашенной бриллиантами, а Мюленфельса велит немедленно повесить. А дабы его казнь послужила наведением для всех слабых духом, кои склонны к измене, выставь у виселицы пару голосистых казаков, чтоб всяк идущий мимо знал о жалкой доле предателя.

Родился в озерном краю, под Валдаем. В школьные годы начал писать стихи. Первое стихотворение «Челюскинцы» опубликовала газета «Вышневолоцкая правда» в 1935 году. Участник Великой Отечественной войны. Стихи опубликованы в коллективных сборниках: «Венок славы», «Свет Победы», «Орбита мужества», «Перекличка», в журналах «Москва», «Огонек», «Смена», «Советский воин» и других изданиях.

Александр АЛЕКСАНДРОВ

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Стою у Вечного огня
С поникшей головой...
Здесь похоронен Он, а я
Целехонький, живой.
Свинцом не меченный, как Он,
Не пасынок судьбы,
Хотя контужен, обожжен,
Признаться, тоже был.
...Мы вместе шли в военкомат,
Оттуда -- на войну;
Нас принимал один комбат
И в роту взял одну.
То было, помню, в январе,
В летучий снегопад;
Мы наступали на Угре
Четвертый день подряд.
Москва глядела, словно мать,
С надеждою на нас,
И легче было наступать
В тот тяжкий, страшный час.
Но тут ударил пулемет —
Завеса из огня...
Не я — Он бросился вперед,
Опередив меня.
Рывком меня опередил

Всего на полплеча.
Рванул и я что было сил,
А пулемет стучал.
Бегу в тяжелых сапогах,
Да где там — не догнать...
А друг всего в пяти шагах
Упал — лежит, не встать.
...Высотку взял наш батальон,
Но друг не знал о том...
Не я тогда упал, а Он,
Простреленный свинцом.
Вот так случилось в том бою...
Даю себе отчет:
Выходит, пулю не свою
Он принял на свой счет.
Выходит, заслонил меня
От пули в том бою...
Теперь у Вечного огня,
Задумавшись, стою.
Коль так назначено судьбой:
Ты жив, а друга нет —
Теперь держи перед собой
И за Него ответ.
И напиши вот здесь слова,
Чтоб каждый мог читать:
«Он умер — Родина жива —
Святая наша мать».
И верность памяти храня,
Годами убелен,
Клянусь у Вечного огня
Жить так, как жил бы
Он...

КОНЬ

У древней стены
Скачет огненный конь —
Высекают огонь копыта...
Конь горячий,
Грива — огонь,
Вместе с ветром летит
Туда, где никто не забыт
И ничто не забыто.
Был седок на горячем
Коне —

С неба звезд не хватал,
Но где надо, стоял, —
И такие есть в нашем
Народе.
Был седок на коне
Да упал на войне,
Под копыта упал
И без вести пропал,
Только слава героя находит.
У древней стены
Скачет огненный конь —
Высекают искры
Копыта.
Конь горячий,
Грива — огонь,
Руками не тронь!
Вместе с ветром летит
Туда, где никто не забыт
И ничто не забыто...

* * *

Есть ордена и есть медали,
И славы полная река...
А этот знак вы все видали
На пиджаке фронтовика.
Ни серебра,
Ни позолоты,
Ни блеска славы нет на нем —
Изображен солдат пехоты,
Он знамя держит под огнем.
В него стреляют, бьют
Картечью,
А тот стоит, не упадет...
Теперь идет он мне навстречу
И внука за руку ведет.
Он постарел и сдал немного,
И в серебре его виски;
А внук идти не хочет в ногу,
Вот-вот рвется из-под руки.
И я иду.
До них полшага,
Гляжу на знак и на лицо...
Ведь это он был у рейхстага,

Ведь это он был тем бойцом,
Который все бои и дали
Прошел под яростью атак!
...Есть ордена и есть медали,
И есть простой и скромный
Знак, —
Все дни войны и все утраты
И все победы в нем сошлись...
Увидишь знак, почти солдата,
Герою низко поклонись!

ДОМОЙ

Ах, как спешили поезда
С войны домой,
Где их так ждали!
Над ними пели провода,
Звенели рельсы, как медали.
В них била залпами сирень,
На всех черемухи хватило...
Конец войне! —
Не каждый день
Такое счастье приходило.
Им даже снится не могло,
Такого чуда не бывало —
Какая тишь и как светло,
Вот только друга не хватало —
В огне на Одере упал,
А, может, плыл он по Дунаю, —
Спешил домой, да не попал,
В чем виноват солдат, — не знаю...
Леса на крыльях их несли,
Луга мелькали заливные,
И нечто чудилось вдали
И звуки слышались родные.
Им в рощах пели соловьи,
Им в пояс кланялись березы,
А поезда в объятья шли
И в радость...
А кому-то в слезы.

* * *

Поднимусь на древности
Крутые,

Оглянусь —
Земля плывет у ног...
У России кольца золотые —
Ленты разбежавшихся
Дорог.
Лес в тумане —
Золота оправа,
И бегут колеса налегке
От Москвы налево
И направо —
Пыль садится в Муроме,
В Торжке...
Ездите, любуйтесь,
Души грейте,
Замирайте в радости
Такой,
Только о России
Лгать не смейте,
Душу не замайте
Клеветой!

ВЗЛЕТ

Александру Ручкому

Взлет, а вернешься ли соколом?
Взлет — не последний ли раз?
Звезды проносятся около
В небо нацеленных глаз.
Взлет, а к земле притяжение,
Только вернешься ли ты?
Небо идет на снижение,
Горы — в набор высоты.
Видишь полоску рассветную,
Словно картинку в окне;
Звездочку видишь заветную —
Светит тебе в вышине...
Где-то за дымками синими
Детство оставило след, —
Край, что зовется Россиею,
В нежную радость одет.
Взлет — увернешься ль от выстрела
Иль упадешь по прямой?
Можно все вынести, выстрадать,
Только б вернуться домой.

Мужество сокола,
Только не в небе, где тишь...
Взлет — не вокруг и не около,
В самое пекло летишь.
Все наполняется гулом,
В небо распахнута дверь...
Звездную ночь над Кабулом
Разве забудешь теперь?

Историк и литератор. Автор документального повествования о фельдмаршале Руминцеве. Большой знаток русской ратной истории. Работает в журнале «Молодая гвардия».

Юрий ЛУБЧЕНКОВ

«ЗА СЛУЖБУ И ХРАБРОСТЬ»

Георгиевские кавалеры... Сколько их было в русском воинстве? Немало. И солдат, и матросов, и офицеров армии и флота. Обо всех не расскажешь. Но повествуя о ратной летописи России, «Отечество» намерено пробудить читательский интерес хотя бы к некоторым из них. А поначалу, в первом сборнике, мы даем историческое исследование о самом военном ордене — ордене Святого Георгия, статусе его, истории создания. Не лишне, видимо, узнать читателям «Военных приключений» и о других русских орденах.

«За службу и храбрость» — таков был девиз военного ордена Святого Георгия. Эти слова были выбиты и на Георгиевской звезде ордена самой почетной его степени — первой. История этого ордена, единственного, даваемого в России лишь за военные заслуги, оказалась тесно связанной с судьбой страны...

Необходимо напомнить читателю о том, что кроме ордена Святого Георгия в России были и другие ордена. Первый орден — Святого Андрея Первозванного — был учрежден Петром I еще в 1698 году. Имел он одну степень и представлял собой крест на голубой ленте, через правое плечо. На концах креста буквы S. A. P. R. — Sanctus Andreas Patronus Russiae — Святой Андрей покровитель России. Звезда носилась на левой стороне груди, равно и цепь при парадной форме одежды. Ордену был присвоен девиз «За веру и верность». Первым кавалером стал Федор Алексеевич Головин в 1699 году. Жалуемый этой наградой почитался вместе с тем и кавалером четырех последующих

младших российских орденов: Святого Александра Невского, Белого Орла, Святой Анны I степени и Святого Станислава I степени.

Вторым в иерархии был орден Святой Великомученицы Екатерины, или Освобождение, учрежденный по мысли будущей императрицы Екатерины I с девизом «За любовь и Отечество». Орден имел две степени: I — дам большого креста и II — дам меньшего креста. Носился на красной ленте с серебряной каймой через правое плечо. Гроссмейстером ордена считалась супруга монарха. Орден давался исключительно женщинам, за единственным исключением, когда он был пожалован сыну Александра Меншикова. Отметим, что у нас подобного ордена для женщин нет, разве что отличия за многодетность, которые не решают основной, материальной, проблемы современных больших семей.

Следующим был орден Святого Александра Невского, учрежден в 1725 году. Одной степени. Крест на красной ленте через левое плечо и звезда, носимая на левой стороне груди. Девиз: «За труды и Отечество». Жаловался орден с бриллиантами.

Орден Святой Анны. Сначала учрежден в 1735 году герцогом Шлезвиг-Гольштинским Карлом-Фридрихом в память супруги Анны, дочери Петра I. По прибытии в Россию Петра III с 1742 года жаловался русским подданным. Имел четыре степени: I — крест на красной ленте с желтыми каймами через левое плечо и звезда на правой стороне груди; II — крест на шее; III — крест на груди; IV — крест с короной, носимый на эфесе оружия с надписью «За храбрость» и темляком из Аппинской ленты. Девиз: «Любящим правду, благочестие, верность».

Еще один орден имел девиз: «Польза, честь, слава». Это был орден Святого Равноапостольного князя Владимира. Имел четыре степени: I — крест на ленте через правое плечо и звезда на левой стороне груди, лента из трех полос: в середине — красная, по краям — черные; II — крест на шее и звезда на груди; III — крест на шее; IV — крест на груди.

И два ордена, которые поначалу давались лишь полякам — подданным России. Орден Белого Орла, основанный как польский орден в 1325 году. 17 ноября 1731 года был причислен к российским орденам. Он представлял собой орденский крест с большим одноглавым орлом, помещенным в середине двуглавого русского орла. Девиз: «За Веру, Царя и Закон». Имел одну степень, носился на темно-синей ленте через правое плечо. И орден Святого Стани-

слава, имевший по статусу 1815 года четыре степени. Действующий статус был издан, упразднив четвертую степень, в 1839 году. Девиз: «Награждая, поощряет». Внешний вид: I степень — крест на ленте красного цвета с белой двойной каймой через правое плечо и звезда на левой стороне груди; II — крест на шее; III — крест на груди.

В те времена все страны, как европейские, так и восточные, имели разветвленные нагрудные иерархии. В Австро-Венгрии наиболее значимыми были ордена Золотого Руна, Марии-Терезии, Святого Стефана, Леопольда и Железной Короны, кроме первого, имевшего каждый по три степени. В Бельгии почитался более всего пятистепенный орден Леопольда; в Великобритании — ордена Подвязки, Бани и орден Репейника или Святого Андрея; в Дании — орден Слона; в Испании — ордена Калатравы, Святого Иакова Меча и Золотого Руна; в Италии — Благовещения, Савойский крест за военные заслуги и тот же крест — за гражданские заслуги; в Китае — орден Дракона; в Персии — орден Льва и Солнца; в Японии — орден Хризантемы; в Турции — орден Славы (Нишан Ифтикар).

24 ноября 1769 года по Петербургу были разосланы повестки, в которых сообщалось, что 26-го числа «торжествован будет при Дворе Ея Императорского Величества первый день установления Императорского Воинского Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия и для того в оный день поутру в одиннадцатом часу собираться ко Двору Ея Императорского Величества знатным обоего пола персонам и господам чужестранным министрам, дамам в робах, кавалерам в цветных платьях, всем военным быть в шарфах и строевом убранстве и ожидать Божественной литургии. По окончании оной и молебного пения и прочей духовной церемонии, по выходе из церкви, оныя персоны имеют учинить Ея Императорскому Величеству поздравления, а пополудни в обыкновенное время имеет быть бал и ужин для четырех первых классов обоего пола персон и чужестранных министров».

Екатерина II вышла в парадные покои в орденской одежде и после посвящения ордена — как учредительница и гротесмейстер — возложила на себя знаки данного ордена I степени, установив на этот день и орденский праздник.

Задумал учредить в России орден, даваемый исключительно за военные заслуги, еще Петр I. И даже был уже учрежден для этого орден Александра Невского. Но сам он при жизни не успел никого наградить этим орденом, его же жена и преемница Екатерина I начала им награждать

и гражданских лиц. Таким образом, орден Александра Невского стал очередным, который могли получить и военные, и штатские. Но идея о чисто военной награде не была забыта. Очередной раз мысль об этом возникла у новой российской самодержицы — Екатерины II. Севшей на престол в результате военного переворота, ей, как никому другому, была ясна роль и мощь армии. Проект военного ордена был разработан президентом военной коллегии графом Захаром Григорьевичем Чернышевым уже в 1763 году — через год после воцарения Екатерины II. Но особого повода вводить его не было, так как Семилетняя война, в которой Россия принимала активное участие, уже закончилась, а иных особых военных действий не велось. И лишь с началом активных баталлий на полях новой русско-турецкой войны, формально начавшейся еще в 1768 году, императрица учреждает сей орден.

Изображение Святого Георгия на воинском ордене не было случайным. К этому времени во множестве европейских стран существовал его орден. Согласно преданию Святой Георгий происходил из знатной капподокийской, греческой, фамилии и, в молодости поступив на военную службу, быстро стал благодаря храбрости военным трибуном. Во время гонения на христиан при римском императоре Диоклетиане он резко выступил против этого, за что после восьмидневных мучений 23 апреля 303 года был обезглавлен. Древнейшее житие Святого Георгия дошло до нас в греческой рукописи. Одно из центральных мест жития Георгия занимает чудо о змее, которое и послужило причиной того, что на иконах он изображается борющимся со змеем. Чудо о змее — это история о том, как в одно языческое царство явился чудовищный дракон, который потребовал себе регулярной дани молодыми девушками. В противном случае дракон угрожал сжечь всю страну.

В конце концов осталась лишь одна девушка — дочь царя, которая также была отдана на съедение змею. Появившийся в последнюю минуту всадник на белом коне умиряет чудовище, а изумленные этим обстоятельством язычники принимают по его слову христианство.

По житию, Святой Георгий смиряет змия словом и крестом, однако в Греции и у славянских народов сложилась традиция, что он делает это прежде всего силой оружия. Вот откуда изображаемый на иконах поединок! Отсюда же идет и традиция считать Святого Георгия покровителем воинов. Издавна на Руси существовал духовный стих о Егории Храбром, в котором Святой Георгий является уст-

роителем Земли Русской. Еще с первых веков христианства на Руси имя Святого Георгия давали членам великокняжеских семей: так, в 968 году князь Ярослав нарекается Георгием. После победы над печенегами в 1036 году Ярослав основывает в Киеве монастырь Святого Георгия и повелевает по всей Руси «творити праздник» Святого Георгия 26 ноября. К этому дню приурочено чудо Святого Георгия со змием. Таким образом, на Руси праздник Святого Георгия праздновался дважды в году — 23 апреля и 26 ноября, причем осенний праздник был более почитаем, так как Екатерина II учредила воинский орден именно в этот день.

Со времен Ярослава изображение Святого Георгия уже встречается на великокняжеских печатях. С Дмитрия Донского Святой Георгий считается покровителем Москвы. Несколько позже его изображение вошло в состав государственного герба и оставалось там вплоть до 1917 года. С 1728 года изображение Святого Георгия выносятся на русские знамена.

Орден был учрежден в 1769 году, как говорилось в статуте, «из особой императорской милости к служащим в войсках, в отмену (отличие) и награждение их», то есть единственно для военного чина «в награждение за ревность и усердие и для поощрения к дальнейшим по военному искусству подвигам». Тогда же ордену были пожалованы особые постановления, преимущества и выгоды, утвержденные законом или статусом.

Гроссмейстерство Екатерина II возложила на себя и преемников, постановив празднование для его учреждения не только при дворе, «но и во всех местах, где случится Кавалер большого креста». Статус ордена был объявлен 27 ноября. Орден Святого Георгия был разделен при установлении на четыре класса, или степени, причем повелено «сей орден никогда не снимать» и «пожалованным сим орденом именоваться кавалерами ордена Святого Георгия».

Четыре степени ордена имели различные знаки. Первая степень большого креста: лента, носимая через правое плечо под мундиром, большой крест и четырехугольная золотая звезда для ношения на левой стороне груди, как раз и имевшая надпись «За службу и храбрость». Орден первой степени был чрезвычайно почитен и редок. Так, например, высшим орденом России — орденом Андрея Первозванного — с момента его учреждения до 1917 года было награждено более тысячи человек, а первая степень почти за сто пятьдесят лет своего существования была дана лишь

25 человекам. В XVIII веке орден Святого Георгия I степени присуждался, если исключить Екатерину II, всего восемь раз: фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому в 1770 году за победу над турецким войском при Ларге, генерал-аншефу графу А. Г. Орлову-Чесменскому в 1770 году за уничтожение турецкого флота в Чесменской бухте, генерал-аншефу графу П. И. Панину в 1770 году за взятие крепости Бендеры, генерал-аншефу князю В. М. Долгорукову-Крымскому в 1771 году за завоевание Крыма, генерал-фельдмаршалу князю Г. А. Потемкину-Таврическому в 1788 году за взятие Очакова, генерал-аншефу графу А. В. Суворову-Рымникскому в 1789 году за победу при Рымнике, генерал-аншефу князю Н. В. Репнину в 1790 году за победу над турками при Мачине, адмиралу В. Я. Чичагову в том же году за победу над шведским флотом.

К эпохе Отечественной войны 1812 года относится награждение орденом Святого Георгия I степени иностранных военачальников. Первым из них получил орден бывший маршал Наполеона, затем наследный шведский принц, а впоследствии и король Швеции Бернадотт в 1813 году. Когда он умрет уже в королевском сане, придворные с ужасом обнаружат у него на груди татуировку времен лихой молодости: «Смерть тиранам!» В том же 1813 году первую степень получили за победу в «битве народов» над Наполеоном при Лейпциге прусский фельдмаршал Г. Л. Блюхер и австрийский К. Шварценберг. В следующем году орден получил и английский фельдмаршал А. Веллингтон за победу при Ватерлоо.

Последние награждения орденом I степени относятся к русско-турецкой войне 1877—1878 годов, когда его получили великие князья — полуноминальные главнокомандующие на Европейском и Кавказском театрах военных действий. К этому времени первая степень больше отражала политические реальности, нежели военные заслуги. Самым высшим и почетным орденом к этому времени уже давно считался орден Святого Георгия II степени, почетным для подлинных военачальников, не играющих в сложные политические игры.

Согласно статусу 1769 года знак II степени большого креста состоял из того же креста на шее и звезды, то есть без ленты через плечо. Орден этот также был чрезвычайно редок и оттого вдвойне почетен. За столетие его существования — 1769—1869 годы — он давался лишь 117 раз. За период первой мировой войны 1914—1917 годов орденом

Святого Георгия II степени были награждены генералы Н. И. Иванов, Юденич, Рузский, великий князь Николай Николаевич. Но когда в 1916 году генерал А. А. Брусилов за известный Брусиловский прорыв был представлен Кавалерской думой к этому ордену, то Николай II решение думы не утвердил, наградив генерала оружием с бриллиантами.

Первыми получили вторую степень генералы Племянников и Баур, отмеченные за геройство в Ларгской битве. Вскоре после Племянникова и Баура вторую степень получил Н. Реннин за взятие крепости Килия.

Третья степень ордена представляла собой крест меньших размеров, чем у первых двух степеней. Отсюда выражение про кавалеров I и II степени — кавалеры большого креста. Носился этот крест на шее. Первым кавалером третьей степени был подполковник Фабрициан, получивший орден за взятие турецкого города Галаца 11 ноября 1769 года. Он вообще был первым георгиевским кавалером — вслед за гроссмейстером Екатериной II.

Турки, сосредоточив силы у Галаца числом около 7000 человек под командованием сераскира Мехмета, напали на отряд подполковника Фабрициана, насчитывавшего 1600 человек. Фабрициан отразил нападение и сам перешел в атаку. Разбив в ходе боя турок наголову, он занял Галац, за что по учреждении ордена 26 ноября 1769 года был пожалован 8 декабря того же года первым Георгиевским крестом сразу III степени.

Поначалу такие пожалования были нередки — минуя низшую степень, давали сразу более высокую. Так, Александр Васильевич Суворов получил сразу также третью степень и поэтому не стал полным георгиевским кавалером, хотя и получил потом и первую, и вторую.

Всего кавалеров третьей степени за столетие существования ордена было около 600 человек. Степень эта с самого начала давалась генералам и штаб-офицерам, то есть старшим офицерам, а с 1838 года получить ее стало возможно лишь тем, кто уже имел низшую, четвертую степень.

Четвертая степень представляла собой, так же как и остальные степени, белый четырехугольный крестик с равными концами с вписанным в его центр изображением Святого Георгия, поражающего змея копьём, но меньших размеров, предназначавшийся для ношения не на груди, а в петлице. Первым кавалером стал премьер-майор Р. Паткуль, пожалованный 3 февраля 1770 года. Всего за первое столетие орде-

ном за боевые отличия были пожалованы 2073 русских офицера и 166 иностранцев.

Кроме непосредственного награждения орденом кавалеры его, согласно статусу, имели ряд преимуществ: помимо приобретения потомственного дворянства каждый награжденный автоматически производился в следующий чин. По выходе в отставку кавалеры ордена имели право ношения мундира, даже не выслужив необходимый для этого десятилетний срок; они могли изображать Георгиевский крест на своих гербах, вензелях и печатях. Им полагалась особая ежегодная пенсия.

Кавалеры ордена имели право на вход при «дворе и всех публичных торжествах» по ордену первых двух степеней с генерал-майорами. В 1833 году они приравнены к самой привилегированной части гвардии — кавалергардам. По ордену III и IV степени — с полковниками, «хотя бы состояли в чинах и ниже полковника».

Награждение орденом первых двух степеней было возложено на монарха, обсуждение же прав на получение III и IV степени — на Сухопутную и Морскую военные коллегии, которым было предписано к руководству: «Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают права быть пожалованным сим орденом, но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили еще себя особливим каким мужественным поступком, или подали мудрые и для воинской службы полезные советы».

В 1796 году император Павел I, взошедши на российский престол, издал Уставление о российских орденах, в котором, в частности, говорилось: «а) Все Кавалерское Общество Всероссийския Империи да будет почитаемо яко единое тело и яко единый Российский Кавалерский чин или Орден, которого различные наименования не иначе разумеемы быть имеют, как разные онаго классы.

б) Российский Кавалерский Орден разделяется на следующие именованья или классы, первый — Святого Апостола Андрея Первозванного; второй — для особ женского пола. Св. Великомученицы Екатерины; третий — Святого Александра Невского и четвертый — Святой Анны». Таким образом, орден Святого Георгия как бы был исключен из числа российских орденов. И хотя в день коронавания в 1797 году Павел I заявил, что «орден остается на прежнем основании своем», в его царствование им никто не награждался.

После убийства Павла I на престол вступил его сын — Александр I, в манифесте от 12 декабря 1801 года подтвер-

дивший и прежние орденские статусы и тем самым восстановивший на деле военный орден.

В период с 1769 до 1833 года, когда был принят новый статус, относится награждение им всеми четырьмя его степенями. Таких награжденных в истории России было всего четверо. Первым из них был фельдмаршал князь Михаил Илларионович Кутузов-Смоленский. Четвертую степень ордена он получил еще в 1774 году за победу над татарами у деревни Шумы, что между Судаком и Ялтой. Третью степень — в 1789 году за участие во взятии крепостей Аккерман и Бендеры. Вторую степень — в 1791 году за активное участие в достижении победы над турецким войском и Мачина. И первую степень — 12 декабря 1812 года в ознаменование изгнания Наполеона из России.

Вторым из награжденных был генерал-фельдмаршал князь Михаил Богданович Барклай де Толли. Первый Георгиевский крест он получил в 1794 году за польскую кампанию — отличился при взятии приступом укреплений города Вильны и истреблении при Гродно отряда полковника Грабовского. Третью степень дали Барклаю де Толли за Бородино. Он был единственным человеком, награжденным таким высоким орденом за это сражение. Первую степень он заслужил в 1813 году, разбив под Кульмом корпус Вандама.

Третьим полным кавалером являлся генерал-фельдмаршал граф Иван Федорович Паскевич, светлейший князь Варшавский. Первые две степени он заслужил за подвиги в русско-турецкой войне 1806—1812 годов, а две остальные — в русско-турецкой войне 1828—1829 годов за взятие крепостей Эривань и Эрзерум.

Четвертым и последним полным кавалером был генерал-фельдмаршал граф Иван Иванович Дибич-Забалканский, получивший Георгия IV степени за войну 1805—1807 годов против Наполеона. Третью степень — в 1812 году, а первую и вторую — в войну 1828—1829 годов, будучи главнокомандующим русской армией на Европейском театре военных действий.

В 1833 году был принят новый статус ордена, имевший целью еще более возвысить значение ордена. Всего в статусе излагается весьма детально 64 пункта, за которые офицер может получить Георгиевский крест. Приведем некоторые, наиболее яркие:

«1) Кто, лично предводительствуя войском, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящим, полную победу, последствием которой будет совершенное его уничтожение или, по крайней мере, уничтожение большей части

его артиллерии; 6) Кто, быв со всех сторон окружен неприятелем, сквозь оного пробьется, не оставя в руках неприятеля никакого трофея; 7) Начальник кавалерии, которая под личным его предводительством, произведя атаку, без помощи артиллерии, истребит неприятельское каре или колонну пехоты; 10) Кто, не взирая на картечные выстрелы значительной батареи, вскакав на оную, опрокинет прикрытие и тем подаст способ последующим войскам овладеть неприятельскими орудиями; 13) Кто в бою лично возьмет в плен Главнокомандующего или Корпусного Командира неприятельского войска; 17) Кто, с половинным числом орудий, искусным своим действием заставит молчать вдвое сильнейшую неприятельскую батарею; 25) Кто, во время приступа, смелым действием орудий, поставленных против пролома, остановит неприятеля и принудит его к отступлению.

По флоту: 41) Кто одержит победу над неприятелем, превосходным в силах, или хотя и равных сил, но бывшим под защитою береговых батарей и укреплений; при чем взято или истреблено будет несколько военных судов неприятельских; 57) Командир всякого военного судна, выдержавшего с честью сражение с несколькими судами, сила коих будет вдвое или более превосходить собственную его оборону. Таковой подвиг сугубой награды достоин: ежели совершен после несчастного сражения; 58) Кто сожжет брандер, пущенный в неприятельский флот, и тем неприятелю значительный вред причинит. Кто, не допустив неприятельский брандер до своего флота или эскадры, истребит оный или отбуксирует в такое место, где вредить уже не может; 60) Кто из офицеров, во время битвы против неприятеля в превосходных силах, примером личной храбрости одушевит ослабевающие усилия и мужество людей; так что дело, казавшееся сомнительным, будет восстановлено в нашу пользу и полным успехом увенчается; 62) Кто, при высадке десанта, под сильным неприятельским огнем, первый взойдет на берег и примером личной храбрости решительно будет способствовать совершению десанта».

Повышение значимости ордена и вызвавшего необходимость нового статуса вошло в противоречие с правом на его выслугу и, как уже говорилось, «для вящего поощрения военных заслуг, оказываемых на поле брани, в 15 день Мая 1855 года повелено: Военным орденом Святого Георгия награждать единственно за особенное мужество и храбрость и отличные воинские подвиги, — и отменить на будущее время удостоверение к сему ордену за выслугу 25 лет и за совершение 18 и 20 морских кампаний». Вместе с тем повелена-

лось к кресту IV степени за 25 лет присовокупить бант за совершение подвигов, которые не подходят под правила о награждениях высшей степенью, но предоставляют право на получение креста IV степени за отличие.

Статусом предполагалось право главнокомандующего армией или командира отдельного корпуса самому награждать орденом IV степени тех офицеров, которые будут признаны достойными этого ордена особой Думой, учреждаемой для этого при главной квартире, и затем только входить с представлениями о утверждении императором выданных на пожалованный орден грамот. О награждении же тех чинов, которые не подходят под статус или которые удостоиваются III степени, командующий обязан входить с представлениями к монарху.

Как констатация особых заслуг награждаемого и особой значимости ордена, звучат общие положения нового статуса: «Орден Святого Георгия никогда не снимается, ибо оный приобретается заслугами», «Воспрещается украшать знаки сего Ордена камнями, а также носить изображение креста в золотых бляшках и вообще носить оное иначе, нежели в статусе установлено».

Прошло восемьдесят лет, и 10 августа 1913 года был утвержден новый георгиевский статус. Его принятие совершенно справедливо объяснялось тем, что «последовавшее за истекшее восьмидесятилетие полное изменение свойств боя на суше и на море и в особенности чрезвычайное развитие техники военного и морского дела с очевидностью указали на явную необходимость изменения положений, касающихся награждения Военным Орденом Святого Георгия и причисленным к оному знаком». Как указывалось далее, сохраняя неизблемыми главнейшие постановления 1769 и 1833 годов, «настоящий статус во всем сообразован с современным состоянием военного искусства и точно устанавливает признаки истинно выдающихся отличий, отвечающих высокому значению сей особо чтимой боевой награды».

Статус начинался почти с буквального повторения положения 1769 года, что ни порода, ни предшествующие заслуги не дают права на орден и «удостаивается оного единственно тот, кто не только обязанность свою исполнял во всем по присяге, чести и славе, но сверх сего ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия особым отличием». На это положение хотелось бы обратить особое внимание, ибо оно под непривычным для нас углом зрения показывает некоторые особенности государственных традиций России.

Далее раскрываются эти отличия: «Кто, презрев очевидную опасность и явив доблестный пример неустранимости, присутствия духа и самоотвержения, совершил отличный воинский подвиг, увенчанный полным успехом и доставивший явную пользу. Подвиг сей может быть совершен или по распоряжению высшего начальства, или по собственному внушению. Воин, одушевленный преданностью к Престолу Императорскому, любовью к Отечеству и к воинской славе, усмотрев во время битвы ту минуту, в которую представляется случай внезапным и сильным нападением нанести неприятелю значительное разстройство и даже само поражение, может, и не ожидая приказа начальства, решиться на такой подвиг, и ежели достигнет совершенного успеха, то вполне достоин будет награды, для отличия храбрых установленной; но и при сем не должен забывать, что дисциплина есть душа воинской службы, и что всякое действие, оную нарушающее, не пользу и славу, а вред и стыд приносит. Посему ежели, совершая означенный подвиг, он расторгнет общую связь действий, главным военачальником предначертанных, притом с губительным исходом, то не только лишается всех прав на получение ордена Святого Георгия, но вместе с тем, как нарушитель дисциплины, предается военному суду».

«Дисциплина есть душа воинской службы...» Эти слова и поныне составляют главную суть отечественной армии. На том стоим и стоять будем. Изложенное выше положение не только не утратило своего значения, но стало в наши дни основополагающим, о чем необходимо постоянно помнить.

Далее, аналогично предшествующему статусу, шли подробные росписи-примеры, включающие признаки истинно выдающихся подвигов по родам оружия в сухопутных войсках и на флоте. Однако впервые, независимо от указанных примеров, новый статус устанавливает, что, как правило, военным орденом награждаются: «а) кто по собственному почину, за своею ответственностью, совершит такой доблестный подвиг, который по решительному его влиянию на ход боя приведет к успеху наших войск или флота; б) кто будучи окружен превосходными силами неприятеля, в ответ на предложение сдаться, ответит отказом и в последующем неравном бою с честью погибнет; в) кто после упорного боя, не имея возможности к дальнейшему сопротивлению и во избежание захвата неприятелем, взорвет укрепление или часть его, уничтожит укрепленное здание или другой опорный пункт или истребит корабль, причем сам погибнет, и вообще тот, г) кто смертию своею запечатлеет содеянный

им героический подвиг, достойный увековечению в летописи отечества».

Что еще можно добавить к этим словам? Как много мы потеряли от того, что пренебрегали порой боевым опытом и укладом ротной жизни наших предков...

Таким образом, впервые подтверждалось право на награждение посмертно. Обычно же ордена давались лишь живым, и в предшествующие периоды бывало не раз, что с груди достойно убитого в бою снимался орден — для награды его боевого товарища, еще не имевшего такого ордена, но также героически проявившего себя в сражении. Теперь же отмечалось, что если офицер, совершивший подвиг, достойный ордена Святого Георгия, погибнет, то это обстоятельство не может препятствовать его награждению, а его семья, по получении награды, получает и все права, соответствующие Георгиевскому кресту.

В статусе подробно описывался внешний вид наград, соответствующий каждой степени. Атрибуты и членение ордена оставались прежними. Более подробными становилось описание внешнего вида различных степеней ордена. Вот, например, первая степень: «Первая степень большого креста; а) Лента о трех черных и двух оранжевых полосах, носимая через правое плечо; б) Крест большой, золотой, с белою с обеих сторон финифтью, по краям с золотой каймой. В середине креста изображен, на финифти же, герб Московского царства, то есть в красном поле Святой Георгий, вооруженный серебряными латами, с золотою, сверх оных висящею епанчею, имеющий на главе золотую диадему, сидящий на серебряном коне, на котором седло и сбруя золотыя, и поражающий золотым копьём черного змия в подошве щита. На обратной стороне, в середине, на белом поле, вензелевое Святаго Георгия имя; в) Звезда четырехугольная, золотая, посреди которой, в черном обруче, желтое или золотое поле, а на оном изображено вензелевое имя Святаго Георгия. В черном обруче золотыми буквами надпись: «За службу и храбрость». Звезда сия носится на левой стороне груди».

Имена и фамилии георгиевских кавалеров увековечивались занесением их на мраморные доски как в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца в Москве, так и в трех учебных заведениях, в которых они воспитывались. В Георгиевском зале списки кавалеров начали вести еще с 1849 года. Сама Дума поначалу располагалась в Чесме при церкви Иоанна Крестителя, где имела дом, архив, печать и особую казну, а с 1811 года местом ее собраний стал Георгиевский зал Зимнего дворца.

Наряду с Георгиевскими крестами офицеры за воинские подвиги награждались и Золотым оружием. Так называемое Золотое оружие — шпаги, сабли, палаши, шашки и кортики существующих образцов, но с эфесами сплошь позолоченными, с лавровыми украшениями на кольцах и наконечниках ножен. На эфесе сделана надпись «За храбрость» и помещен крест ордена Святого Георгия уменьшенного размера из эмали; темляк к оружию — на георгиевской ленте. Генералам и адмиралам, помимо этого оружия, может жаловаться и Золотое оружие с бриллиантами, причем надпись «За храбрость» заменяется указанием на подвиг, за который оружие пожаловано. Офицеры могут заслужить лишь Золотое оружие без бриллиантов.

Это оружие жаловалось за военные подвиги с 1774 года; но только указом 28 сентября 1807 года лица, получившие его, приравнялись к кавалерам российских орденов. Оружием с бриллиантами награждал лично монарх, без алмазов — главнокомандующий, с 1913 года — особая Дума, состоящая из кавалеров этого оружия. С этого же года Золотое оружие именуется георгиевским. Удостоенные награждения георгиевским оружием ни в коем случае не могут заменить его обычным. Разрешается лишь при награждении этим оружием, украшенным бриллиантами, носить его без темляка, сохраняя на эфесе лишь орденский знак, украшенный алмазами. Установление, что орден Святого Георгия носится на георгиевском оружии, причисленном к ордену Святого Георгия, приближает само оружие к ордену. Имеющие это оружие приобретают право на участие в торжествах праздника ордена Святого Георгия 26 ноября.

Отношение к ордену было всегда особо почтительным даже со стороны царствующей фамилии. Так, когда в 1801 году Дума предложила Александру I принять орден, он отказался, заявив, что «имея особенное к сему ордену уважение, он оставляет желание Думы исполнению времени». В 1805 году, воспользовавшись тем, что Александр лично присутствовал в армии, воевавшей на полях Европы, Дума опять просила принять орден I степени. Но император заявил, что степень эта более приличествует военачальникам, он же в армии лишь присутствовал и поэтому вправе принять лишь IV степень. В августе 1838 года Николай I, по случаю истечения 25-летнего срока его действительной службы, выразил желание иметь установленный за это орден IV степени. Орден срочно истребовали из Думы, но император заявил, что примет Георгия не раньше, чем Дума рассмотрит его послужной список в обычном порядке. Николай II также имел

орден Святого Георгия IV степени. Произошло это из-за того, что командующий Юго-Западным фронтом Николай Иванович Иванов решил поправить пошатнувшееся реноме в глазах императора. Воспользовавшись тем, что Николай Александрович осмотрел расположение одной дивизии, находящейся за 25 верст от передовой, он срочно собрал георгиевскую думу, действовавшую при штабе фронта, и та вынесла решение о присуждении императору ордена. Это вызвало резкий протест командующих фронтами. Особенно возмущался дядя Николая II — великий князь Николай Николаевич, бывший в начале войны верховным главнокомандующим, а после — командующим фронтом на Кавказе. Командующие считали, что награждение орденом неправомерно, поскольку деяние императора никак не подходит ни под один пункт георгиевского статуса.

Всеми перечисленными выше наградами, связанными с орденом Святого Георгия, награждались лишь генералы и офицеры. Лишь указом от 13 февраля 1807 года к ордену Святого Георгия был прибавлен знак отличия военного ордена — именно для награждения солдат и унтер-офицеров за храбрость против неприятеля.

Этот знак приобретался только на поле боя. Число их не ограничивалось. По первоначальному статусу кавалерам знака, состоящего из серебряного Георгиевского креста, носимого на орденской ленте, полагалась сверх обыкновенного жалованья прибавка в одну треть. Кроме этого, кавалер знака исключался из податного сословия, и отныне к нему не могли быть без суда применены телесные наказания.

Знак отличия не имел степеней, и поэтому, если солдат, уже награжденный крестом раз, совершал новый подвиг, ему полагалась лишь новая прибавка в треть, а еще за один — и полное жалованье. Это прибавочное жалованье сохранялось за ним до самой смерти. По статусу 1833 года солдаты и унтер-офицеры, уже награжденные крестом, по совершении нового подвига могли носить его на георгиевской ленте с бантом.

Поначалу знак не нумеровался, но в 1809 году Александр I приказал составить список награжденных и проставить на их наградах порядковые номера.

В 1843 году солдатам-кавалерам были учреждены новые льготы. Помимо уже имеющихся на этот раз они освобождались от телесных наказаний не только без суда, но и по суду, приравниваясь к имеющим серебряный темляк за добровольный отказ от офицерского чина.

Знак отличия военного ордена никогда не снимался, даже если получивший его производился в офицеры. Но если,

будучи офицером, он совершал новый подвиг и был награждаем уже офицерским военным орденом Святого Георгия, тогда он был обязан знак отличия этого ордена снять.

До конца Восточной, Крымской, войны знак отличия не имел степеней. Они были введены по новому статусу 1856 года. Учреждалось четыре степени: I — золотой крест с бантом; II — такой же крест без банта; III — серебряный крест с бантом; IV — серебряный крест без банта. Знаки жаловались от низших степеней к высшим. Высшие степени, минуя низшие, вручались при совершении особо выдающегося подвига. Право пожалования знаком имели главнокомандующие армиями и командиры отдельных корпусов с последующим утверждением их решения императором.

С принятием статуса 1856 года старая нумерация знаков закончилась. Новые четырехстепенные начали отдельную нумерацию. Отныне разрешалось и ношение знака офицеру, награжденному офицерским орденом Святого Георгия.

В свое время Николай I заменил для нехристианских подданных знак отличия военного ордена на медаль «За храбрость», даваемую за подвиги, схожие с теми, за которые награждались знаками отличия. По новому статусу иноверцы также награждались знаком отличия, но, уважая их верования, христианский Святой Георгий был заменен на двуглавого орла — символ российской государственности, герб страны.

Новый статус, так же как и статус 1833 года для офицерского ордена, очень подробно останавливался на том, кто же достоин этой награды. Правда, в отличие от военного ордена знак отличия предусматривал награждение двоякое: «1) когда кто-либо из нижних чинов оказал особенную личную храбрость и 2) когда в деле замечены будут особенно отличившиеся который либо полк или другая команда».

В целом же критерии награждения солдат были схожими со статусом военного ордена — «По сухопутным войскам и по флоту вообще: 1) Кто при взятии корабля, батареи, ретраншемента или инаго занятого неприятелем укрепленного места, примером отличной храбрости и неустрашимости ободрит своих товарищей; 4) Кто в бою возьмет в плен неприятельского штаб-офицера или генерала; 6) Кто, будучи ранен, возвратится, по перевязке, к своей команде на место сражения с полным вооружением и амуницией, останется в деле до окончания оного. По сухопутным войскам в особенности: 1) Кто, при штурме крепости, ретраншемента или инаго укрепленного места, первый взойдет на вал или укрепленное место; 2) Кто, за выбытием из строя всех офицеров,

приняв команду и сохранив порядок между нижними чинами, удержится, при нападении неприятеля, на посту, или вытеснит неприятеля из ложемента, засеки, или какого укреплённого места. По артиллерии: 1) Кто цельным выстрелом подобьет неприятельское орудие и тем совершенно прекратит действие оного. По флоту: 2) Кто при abordage первый взойдет на неприятельское судно; 8) Вся команда, находящаяся на брандере, который неприятелю значительный вред причинит».

Если в каком-либо сражении отличались полк или команда, то полагалось от двух до пяти крестов на роту или эскадрон. Они распределялись между ротами советом, состоящим из штаб-офицеров и ротных командиров. Награждения производились на основе представления ротных командиров или по общему удостоверению всех солдат данной роты, бывших свидетелями отличий своих товарищей. Вот как происходило награждение в годы русско-турецкой войны 1877—1878 годов в Кавказской казачьей бригаде по воспоминаниям участника войны В. В. Воейкова: «...было прислано на сотню по четыре креста. Сотенные командиры собрали сотни и объявили им, чтобы они сами выбрали достойных. По голосам выбрали достойных больше, чем крестов. Тогда выбранных поставили в ряд, а сотня пошла справа по одному сзади их, и каждый бросал папаху тому, которого находил достойным. Это была, так сказать, закрытая баллотировка. Потом сочли у каждого папаху, и у кого оказалось больше, тем и выдали кресты. Казаки качали счастливых товарищей и долго не могли утомониться».

Как видим, критерии награждения были жестки, и тем не менее в русской армии было множество солдат, награжденных Георгиевским крестом. Так, в период войны с Наполеоном было награждено 41 722 человека, в русско-персидскую и русско-турецкую войны 1826—1829 годов — 11 993, за Польский поход 1831 года — 5888, за Венгерский поход 1849 года — 3222, за Кавказскую войну до 1856 года — 2700, за Восточную войну (1853—1856 годов) — 24 150, за Кавказскую войну (1856—1864 годов) — 25 372, за русско-турецкую войну 1877—1878 годов — 46 000, за походы в Среднюю Азию — 23 000, за русско-японскую войну — 87 000.

Согласно новому статусу 1913 года знак отличия военного ордена официально преобразовывался в Георгиевский крест, установленный «для нижних воинских чинов в награду за выдающиеся подвиги и самоотвержения, оказанные в бою против неприятеля». Сохраняя критерии статуса 1856 года, новый соотносил их с развитием военной техники, про-

исшедшим за это время. Примеры подвигов и положения о награждении, как и раньше, группировались по родам оружия в сухопутных войсках и на флоте. Новым было то, что отныне Георгиевским крестом награждались и те солдаты и унтер-офицеры, которые погибали, совершив подвиг, то есть награждение, как и орденом Святого Георгия, отныне производилось и посмертно.

Новым статусом было установлено, что отныне Георгиевский крест жалуются исключительно за личные подвиги на поле брани и притом не иначе, как по удостоению ближайшего начальства.

В 1878 году началось награждение новой медалью «За храбрость», носимой на георгиевской ленте. Ею награждались солдаты и унтер-офицеры пограничной службы. Подобно знаку отличия военного ордена, она имела четыре степени: золотая с бантом, золотая без банта, серебряные — с бантом и без. По уставу 1878 года она давалась лишь неофицерскому составу корпуса пограничной стражи и иногда местному населению Кавказа, отдаленных местностей страны. По статусу 1813 года медаль включалась в георгиевский статус, причислялась к ордену Святого Георгия и получала наименование Георгиевской.

Георгиевская медаль была установлена «для пожалования нижних воинских чинов за проявленные или в военное или в мирное время подвиги мужества и храбрости». Она могла жаловаться и невоенным, но за отличия в бою. По статусу шло разграничение на отличия мирного и военного времени.

Имеющие георгиевские награды при выходе в отставку обладали привилегиями. Отставники, награжденные Георгиевским крестом I и II степени, представлялись прямо к золотой шейной медали; имеющие крест III и IV степени — прямо к серебряной; имеющие медаль I и II степени — к шейным медалям на две степени выше против установленного порядка постепенности пожалования этими медалями, а имеющие III и IV степень — на одну такую степень.

Наряду с индивидуальными георгиевскими наградами существовали и коллективные георгиевские отличия, жалуемые целым частям за мужество и героизм, проявленные в боях. Первые Георгиевские знамена были пожалованы гренадерским полком — 6-му Таврическому и 8-му Московскому за кампанию 1799 года. Тогда же были отмечены и два пехотных полка — 25-й Смоленский и 17-й Архангелогородский. Первые Георгиевские трубы были даны за войну с

Турцией в 1810 году также 8-му Московскому гренадерскому полку и 12-му драгунскому Стародубскому полку...

26 ноября каждого года отмечался в России как всеобщий праздник, праздник мужества и отваги.

День храбрых удальцов, испытанных судьбою!..
Под градом вражьих пуль, под лаской огневой,
Они на смертный бой, с поднятой головою
Шли гордо, как на пир — последний пир земной.

Немало их легло под скорбными холмами!
Теснины белых Альп хранят их бранный прах,
Живет еще их дух с кавказскими орлами
И в Севастополя разрушенных стенах.

Еще живет их дух — спасителей могучих
В двенадцатом году родных богатырей —
Среди убогих сел, среди лесов дремучих,
Среди знакомых всем и милых нам полей...

И память их свежа на берегах Дуная —
Героев Плевненских и Шипкинских высот.
Осталось мало их... И землю покидая,
Ушли они от нас, от жизненных забот...

Нам не забыть их там, в Маньчжурии печальной,
Безропотных бойцов за честь родной земли...
И там мы знаем их... И там привет прощальный
Они оставили, все сделав, что могли!

Их крест Георгия — нам цели и желанья!
Их слава — нам пример, их доблесть — нам урок!
Сегодня храбрых день и наше ликование,
А если повелит нам грозный Рок

Опять идти на бой — они, сыны отваги,
Нас поведут вперед, нас увлекут с собой,
И над врагом сверкнут победные их шпаги,
И прогремит «Вперед!» за честь земли родной!

Так было писано в журнале «Русский инвалид» № 258 за 1912 год. Что еще можно добавить к этим патриотическим стихам?!

1. Забытый герой

Генерал-майор и кавалер Александр Сеславин умирал. Хрипло дыша, он смотрел только лишь в потолок — сид не было повернуть головы — и, подводя итоги прожитому, решил для себя в последний раз: был ли он счастлив в этой жизни и с чем предстанет он пред высшим судом? Да, он весь изранен и изнурен хворобами, не продолжил фамилии,

о нем все забыли, никому не нужен... Так, значит, несчастлив? Но тут же вставали перед закрытыми от бессилия глазами шевелящиеся на ветру знамена, клубы порохового дыма и неудержимая кавалерийская лава, идущая вперед и — в лоб — на картечные выстрелы. Нет, решал генерал, не может человек, сделавший все, что в его силах, для собственного Отечества, быть несчастливым. Александр Сеславин же поступал всегда именно так.

Сын мелкопоместного дворянина, дослужившего лишь до чина поручика, Александр родился в 1780 году в сельце Есесоме Ржевского уезда Тверской губернии. Восьмилетнего отец привез его в Петербург и определил в Артиллерийский шляхетский корпус. Судьба была намечена.

В 18 лет — офицер. Однако недолго — в самом начале 1805 года он подает в отставку. Рутинность службы не одного его выводила из себя и — в лишние люди. Но уже через полгода, узнав о скорой войне с Францией, он возвращается в строй. Однако лишь в августе 1807 года Сеславин получает боевое крещение — в бою при Гейльсберге. Тяжело раненный в сражении, он вновь после окончания войны выходит в отставку. Казалось, что Александр решил повторить военную карьеру отца, обогатить род Сеславиных еще одним отставным поручиком.

Но — опять это «но» — натура его так и не может примириться со штатским существованием. Сеславин, возвратившись в гвардейскую конную артиллерию, уезжает волонтером в Молдавскую армию — на очередную русско-турецкую войну. Эта кампания принесла ему ряд тяжелых ран, чин капитана и назначение адъютантом к военному министру, командующему 1-й Западной армией генералу от инфантерии Барклаю де Толли. В этом качестве и встретил Сеславин вскоре начавшуюся Отечественную войну.

Он храбро дрался в сражениях у местечка Островно, при Витебске, оборонял Смоленск, был в деле у деревни Лубино.

Сеславин все время в арьергарде, на долю которого выпала основная тяжесть по сдерживанию навалившейся на русских гигантской армии Наполеона.

23 августа под Грядневым Сеславин в кавалерийской контратаке получает пулевое ранение в ногу. Лечиться, однако, было уже некогда. Приближалось Бородино. Уже на следующий день он принимает участие в прелюдии бородинских баталлий — в боях за Шевардинский редут. Трижды шли в атаку густые колонны французской пехоты, но русский арьергард стоял неискоренимо.

Русская артиллерия была картечью в упор. Артиллеристы временами оставляли орудия и принимали рукопашный бой. Командиры подавали пример подчиненным. Одним из таких начальников был и Сеславин. К вечеру французские генералы, посылаемые вперед непреклонной волей императора, приказали дожечь стога, и в багровых отсветах пожара пехота в четвертый раз пошла на приступ. Командующий оборонной редута генерал-лейтенант Горчаков, племянник Суворова, приказал генерал-майору Неверовскому задержать неприятеля. У того в резерве был лишь один батальон Одесского пехотного полка. Неверовский приказал ссыпать порох с полков и повел батальон в штыковую. Французская колонна обратилась в бегство, а подоспевшая к Неверовскому 2-я кирасирская дивизия довершила разгром. Французы, выделяясь на фоне зарева черными четкими мишенями, падали и падали.

Уже ночью аррьергард по приказу Кутузова отступил на основные позиции к главным силам объединенной армии.

Затяжной бой — не лучший способ лечения от ран, но Сеславин не мог себе и помыслить, что в такое время он может хоть на минуту покинуть армию, боевых товарищей.

Первые часы Бородина он — подобно другим адъютантам — был неотлучно при Барклае де Толли. Но уже в одиннадцатом часу утра Барклай, заметив, что французы начинают сосредоточивать значительные силы против батареи Раевского, приказал Сеслаvinу взять из резерва две роты конной артиллерии и установить их по своему усмотрению на батарее.

Когда Сеславин подвел артиллеристов к русской позиции, то увидел страшную картину — артиллеристы и пехота прикрытия покидали Центральную батарею. Он, приказав конноартиллерийским ротам разворачиваться для боя, поскакал к кургану. Слева от него стояла пехотная колонна. Взяв на себя всю ответственность, Сеславин именем командующего 1-й армией повел колонну в штыки. Одновременно с ним справа ударил батальон пехоты, предводительствуемый еще одним адъютантом Барклая де Толли — Левенштерном. В центре контратаку возглавили генералы Ермолов и Кутайсов. Французы осыпали наступающих картечью и пулями. Сеслаvinу сбило кивер. Гремевшее со всех сторон «Ура!» подстегнуло его. Забыв о раненой ноге, он прибавил шагу и одним из первых сошелся с неприятелем в рукопашную.

Последовавшие за тем несколько минут плохо запомнились участникам. Бой был крайне ожесточенным — никто, даже умирая, не хотел уступать. В ход шло все: рубились

саблями, стреляли друг в друга в упор, дрались штыками, банниками, прикладами, кулаками. Дело доходило и до зубов. Наконец французы были отброшены от батареи, но отброшены в крайне малом количестве. Большинство их полегло здесь же или были взяты в плен.

Возвращаясь к командующему, Сеславин видел лошадь Кутайсова, забрызганную кровью ее хозяина, и смертельно бледного Багратиона, которого несли на перевязку... Бой давался тяжело.

Вскоре адъютант командующего, выполняя приказание начальства, уже вновь ехал к артиллерийскому резерву — за новыми ротами для подкрепления батареи Раевского. Французы, к этому времени захватив Семеновские высоты, установили около них и у Бородина батареи и вели перекрестный огонь более чем из 100 орудий. Именно им и надлежало противостоять привезенным Сеславиным из артрезерва ротам. Французские артиллеристы били уже по пристрелянным позициям. Русские несли тяжелые потери, но, заменяя раненую прислугу и разбитые орудия, продолжали неравную дуэль.

Сеславин вновь вернулся к командующему и вместе с ним и всей его свитой, стоя невдалеке от Центральной батареи, наблюдал за ходом ожесточенного сражения, накал которого, казалось, только еще разгорается. Бой превращался в бойню, когда никто уже не думал ни о своей жизни, ни о жизни окружающих его.

Французские кавалеристы и пехота штурмовали батарею, защищаемую дивизией генерала Лихачева. Русская пехота с трудом сдерживала двойной натиск, и когда Барклай приказал бросить им в помощь цвет русской конницы — кавалергардский и конногвардейские полки. Барклай сам вместе с немногими уцелевшими еще адъютантами, в том числе и Сеславиным, возглавил эту кавалерийскую контратаку.

Отборная русская кавалерия врезалась в массу неприятельской. Разрядив пистолеты в упор, дрались белым оружием. Светлые мундиры русских стали красными — от чужой и собственной крови. Пощады здесь никому не давали, да никто ее и не просил, Упавший больше не поднимался. Было уже около пяти часов вечера, когда конница Наполеона, не выдержав ярости сечи, отступила. У командующего после рубки осталось из двенадцати адъютантов, бывших при его особе утром, лишь трое: Сеславин, Левенштерн, Закревский.

За бои у Шевардина и Бородина Сеславин был удостоен Георгия IV степени. Казалось — это лишь начало ослепи-

тельной череды подвигов и блестящей карьеры. Звезды, наконец, сияли и сулили удачу.

Вскоре он становится одним из самых известных в России командиров армейского партизанского отряда. Именно он первым из всей русской армии обнаружит начало отступления Наполеона из Москвы и доложит о сем в главную квартиру русской армии. Своевременно предупрежденные, русские войска перекроют французам путь у Малоярославца и заставят отступить по разоренной ими же Смоленской дороге.

При штурме партизанами и армейскими частями Вязьмы Сеславин возглавил атаку одной из колонн, солдаты которой, восхищенные его удалью, кричали:

— Вот наш Георгий Храбрый на белом коне!

Потом было множество иных подвигов: бой при Ляхове, освобождение Борисова. И далее, уже в Европе, — сражение у местечка Либерткволквиз, где с обеих сторон рубилось не менее 14 тысяч конницы, «битва народов» у Лейпцига, захват Орлеанского канала и многое другое. К этому времени Александр Сеславин стал уже генерал-майором.

По возвращении в страну его приветствовали везде как национального героя. Его имя, кажется, знают в России все. Но раны дадут о себе знать, и в 1816 году он уезжает на лечение в Европу.

И пока он там, здесь происходит знакомое действо: с глаз долой — из сердца вон. Завистники много чего успели наплетать про молодого генерала Александру I, и благоволение кончилось. Когда в 1820 году Сеславин, возвратясь в Россию, увидит это и попросится в отставку — она будет ему немедленно дана. И потянутся долгие томительные годы в деревне, скрашиваемые лишь чтением да заботой о хозяйстве. Копируя отношение императора, о нем старались забыть. Дни выстраивались в недели, месяцы — в годы. Где-то кипела жизнь, а в сельце, переименованном отставным генералом в Сеславино, царило лишь прошлое.

Александр Сеславин умер 25 апреля 1858 года. Он умер счастливым человеком.

II. Нас ждут в Баязете

Баязетское сидение русско-турецкой войны 1877—1878 годов знают все. Разумеется, интересующиеся историей Отечества...

Сразу после снятия блокады по всей России прошла весть о «новых Сиракузах», коими обессмертили память о себе за-

питники цитадели. Но далеко не все знают героев отряда генерала Тер-Гукасова, которые пришли на помощь осажденному гарнизону. Одним из них по праву считается поручик 3-го Кавказского стрелкового батальона Владимир Алексеевич Крючков.

Двадцать с лишним дней просидел русский отряд в цитадели, отвергая все предложения о сдаче. Двадцать с лишним дней практически без воды и пищи. Были вычерпаны все запасы воды, каждую ночь добровольцы спускались со стен и уходили к реке, где их подстерегали турки. Неприятель накидал в реку падаль, и пить приходилось нечто вроде еще не замерзшего холодца. Гарнизон направил к генералу Тер-Гукасову призыв о помощи. Многие посланцы погибли, но двое казаков-терцев дошли. Оборванные и грязные, хорясь от турок, они три ночи пробирались ползком.

Отряд Тер-Гукасова откликнулся на призыв товарищей. Еще на Чингильском перевале генерал приказал дать сигнал гарнизону о близком освобождении их. Шрапнельный выстрел гулко пронесся по долине среди всеобщей напряженной тишины. И пока горное эхо его подхватывало вдаль, в воздухе взвился дымок от разрыва. Но лишь спустя четверть часа показался орудийный дымок на стене цитадели. День ушел на подготовку к сражению, и с рассветом 28 июня долина перед крепостью начала наполняться войсками, внешне неспешно становившимися на, казалось, заранее размеченные места.

Перед глазами приближающегося русского отряда вырисовывалась незабываемая картина. Цитадель, в которой засел русский гарнизон, возвышалась мрачной громадой над целым городом. Она стояла на выступе одного из отрогов Алладагских гор и напоминала величественный средневековый замок. Остальной город — и новая его часть, и старая — был в развалинах: война не дала ему даром. Вокруг города стояли лагерем курды, башибузуки и горцы, которые неустанно сторожили крепость.

Гарнизон Баязета был обложен двумя регулярными батальонами пехоты с множеством нерегулярной конницы и пеших частей. Командовал ими Муциб-паша. В двух часах пути от Баязета располагался отряд Фаик-паши. Это четыре с половиной батальона пехоты, два эскадрона кавалерии и артиллерия. Где-то в четырех-пяти часах дороги от Баязета находился отряд Измаил-паши численностью до 20 тысяч человек. Всеми этому войнству Тер-Гукасов мог противопоставить не более 8 тысяч пехоты и кавалерии.

При подходе русских к городу их артиллерия открыла

огонь. Ей ответила сначала турецкая горная артиллерия, а потом и дальнобойная. Завязалась артиллерийская дуэль, по-немногу выигрываемая артиллеристами Тер-Гукасова.

С открытием артотни была рассыпана и пехотная цепь. Два батальона Крымского пехотного полка, перебегая от укрытия к укрытию, устремились в левую часть города, в так называемый Новый город. Два других батальона Ставропольского полка пошли влево — к Старому городу.

Как только цепь стрелков приблизилась к Баязету на ружейный выстрел, на них посыпался град пуль — из полуразрушенных домов и прочих построек, с крыш. Все вокруг было усеяно турецкой пехотой, ведшей яростный огонь. Защитники цитадели помогали наступавшим батальонам, обстреливая турок с тыла.

Бой был в разгаре. Крымцы и ставропольцы уже совсем подошли к городу, но далее продвинуться из-за сильного ружейного огня не могли. Атаки их — одна за одной — оказывались безрезультатными. Наступал критический момент, ибо турки, засевшие в городе, увидели реальные силы наступающих. Одновременно с этим к правому флангу Тер-Гукасова обратился начальник штаба его отряда Филиппов:

— Ваше превосходительство, соблаговолите обратить внимание на сию высотку, — и полковник указал рукой на высоту, которая, господствуя над всеми позициями турок, по какому-то случайному недоразумению не была ими занята.

Генерал сразу оценил все преимущества этого и приказал тотчас отправить туда роту 3-го Кавказского стрелкового батальона. Эту роту, шедшую в обход турецких позиций с выходом в тыл и на правый фланг осман, и возглавил ее командир поручик Крючков.

Кавказцы едва успели получить приказ, как горы, казалось, почернели: медленно, но неуклонно — не спускались, а как бы сползали со склонов сплошные массы войск — на помощь Минубу шли два других паши: Феик и Измаил.

Начальник пехотного отряда генерал-майор Бронеvский вызвал из резерва два с половиной батальона крымцев и ставропольцев и приказал им, заняв позицию на правом фланге отряда, сдерживать Феик-пашу. Против наступающего же Измаил-паши начала скоро выдвигаться колонна начальника кавалерии отряда генерал-майора Амилахвари, состоявшая из всей кавалерии — порядка трех тысяч сабель, конной батареи и двух рот стрелков.

Крымцы и ставропольцы уже отогнали турок с большими потерями и тоже примкнули к колонне генерала Амилахвари.

И все это время, под неумолкающий артиллерийский и ружейный салют, который, казалось, раздавался в их честь, рота Крюčkова, находящаяся на острие штурмовой группы, медленно продвигалась вверх. С невероятными трудностями, висая над страшной пропастью, практически с голыми руками, забросив ружья за спину, солдаты упрямо карабкались по почти отвесному склону. Крючков просил их перед началом подъема не подавать голоса ни при каких обстоятельствах, и теперь можно было видеть, как какая-нибудь фигура, не найдя опоры, молча срывалась и летела вниз, в пропасть. Ни один из тех, кто погиб при подъеме, не крикнул, умирая, и тем самым не подставил товарищей под турецкие пули.

Крючков не видел ничего этого. Он лез первым, свято соблюдая рыцарский кодекс офицера, в самые трудные минуты следовавшего девизу «Делай, как я». Он лез, страхуя и вытягивая тех, кто шел по этой стене за ним. Осознание того, что каждую минуту рота может быть обнаружена, отрезана и расстреляна прямо на стене турками, подстегивало его. Крючкову показалось, что прошло совсем немного времени с начала подъема, и вот они уже на зубцах отвесного, скалистого гребня, окружающего город с восточной стороны! На самом деле шел уже четвертый час пополудни.

Турки, наконец увидя совершенно изолированную, пробирающуюся по зубцам горсть русской пехоты и сразу осознав все преимущества доселе не занятой ими высоты, опасность ситуации для себя, если русские займут господствующую над батареями позицию, открыли бешеную стрельбу по малочисленному неприятелю. Огонь был чрезвычайно массированный — для этого османы почти перестали обстреливать крымцев и ставропольцев, сосредоточив всю ружейную мощь против роты Крюčkова. Одновременно часть горцев из числа осаждавших цитадель отрядов Муниб-паши бросилась к той же высоте, надеясь достигнуть ее вершины по примыкавшему к их позициям пологому склону быстрее русских и тогда сбросить их штыками вниз. Но рота Крюčkова дошла до вершины на несколько мгновений раньше. Тут же по приказу командира она открыла непрерывный огонь по также приближающимся к вершине горцам, быстро заглушив их боевой пыл и завернув их обратно, по боевой линии турок и по их резервам. Находясь в чрезвычайно выгодном положении, Крючков после первых нескольких сумбурных залпов приказал людям действовать хладнокровнее и осмотрительнее, и русские начали вести выборочный прицельный огонь по тылам противника.

Турки принялись было горячо отвечать, но вскоре заметили, что их выстрелы, направленные вверх, не причиняют никакого вреда русской пехоте, а сами же они, находясь на открытой площадке для сидящих над ними, несут ежеминутно огромные потери. Несколько минут они еще выдерживали этот хладнокровный расстрел, но в конце концов, побросав орудия и лагерь, обратились в бегство.

Крючков, оставив на занятой высоте один взвод, под его огнем прикрытием с остальными тремя взводами перешел в наступление, захватывая батареи. Одновременно с ним крымцы и 4-я рота стрелкового батальона, воспользовавшись тем, что турки перенесли практически весь огонь на роту Крюčkова, также пошли вперед, поднялись на возвышенность и штыковым ударом выбили артиллерийскую прислугу и пехоту прикрытия, которые, несмотря на всеобщее бегство правого фланга турок, не могли отступить, отрезанные стрелками 2-й роты. Преследование турок продолжалось до самого их лагеря, расположенного за городом.

Оставался, однако, еще Измаил-паша. Тер-Гукасов приказал обстрелять его колонны из всех девятифунтовых орудий отряда, и турецкий военачальник, и до того не особенно рвавшийся в бой, счел сие достаточным для прекращения наступления на гяуров.

Так закончилось Баязетское сражение, по праву считавшееся славнейшим в боевой истории Эриванского отряда, одним из героев которого отныне стал поручик Крючков, награжденный за этот бой орденом Святого Георгия IV степени.

III. Бравые ребятушки мы, саперы

В войну достается всем находящимся на передовой, независимо от рода войск. Вот и в русско-японскую войну множество саперов 6-го батальона заслужили всеобщую известность и уважение храбростью и спокойным выполнением воинского долга под губительным огнем противника.

28 сентября 1904 года, в период первого наступления русских войск на позиции Нензенского полка, занимавшего так называемую Лесистую сопку с расположенной на ней кумирней, было жарко. Разумеется, не о погоде речь — кто на войне обращает внимание на такие мелочи! Жарко было от японской шрапнели. Энергично стреляла и неприятельская пехота. Позиция пензенцев простреливалась, казалось, насквозь — не было ни одного места, где человек мог чувствовать себя хотя бы в относительной безопасности. Стоило

только поднять голову, как десятки и десятки осколков и пуль начинали жужжать у самого уха. И чудилось, что все они летят именно в тебя. Так было в окопах, а уж что говорить о том, когда люди покидали их...

Но военная необходимость диктует собственные законы, расходящиеся с обычными. И инженер-капитану Рукину понадобились посыльные — для четкого взаимодействия всего подразделения. Самих посыльных давно уже всех по-выбило, и теперь Рукин приказал кликнуть добровольцев. Вызвалось трое. Один из них был старший унтер-офицер Иван Бахарев. На протяжении длительного боя Бахарев под убийственным огнем японцев передавал приказания, получаемые от капитана.

После сражения 3-я рота, в которой он служил, единодушно присудила ему знак отличия военного ордена Святого Георгия IV степени.

Через четыре месяца Бахареву довелось отличиться еще раз. Дело уже происходило у деревни Ванзявона, где действовал своднострелковый корпус в ходе операции под Санделу. Бахарев под частым и весьма метким огнем противника распоряжался работами по укреплению деревни, не обращая внимания на опасность. И делал он это так естественно, что ему искренне завидовали и восхищались им не только его товарищи по батальону, но и корпусные стрелки, за долгие месяцы войны неоднократно повидавшие уже смерть, разучившиеся, казалось, бояться чего-либо на свете, как и чему бы то ни было удивляться. Но даже они теперь пасовали перед посмеивающимися под их громкими похвалами Бахаревым.

Однако работы по укреплению деревни оказались напрасными — последовал приказ командира корпуса генерала Кутневича отойти в деревню Чжантаньхенам. После передислокации, произведенной весьма поспешно, генерал Кутневич кликнул добровольца: проверить, не осталось ли в Ванзявоне кого-либо из солдат, в спешке все могло приключиться. Солдаты замялись. Дело было настолько опасным, что шансов вернуться с докладом практически не оставалось. Затянувшееся молчание нарушил Бахарев.

— Я готов, — звонко отозвался он в ответ на очередной призыв.

Вскоре Бахарев уже направлялся в сторону Ванзявоны. Поначалу предполагалось, что для этого дела потребуется несколько человек, но поскольку желающих больше не нашлось, то он пошел один.

Японцы усиленно обстреливали новые позиции русского

корпуса, разведчику почти всю дорогу пришлось пробираться ползком.

Задание он выполнил быстро и точно: собственными глазами убедился, что из русских в деревне никого не осталось. Зато один из стрелковых полков оставил множество инструмента в сарае на окраине. Саперное сердце Бахарева было возмущено, он не забыл изложить сей факт в докладе.

Поначалу сгоряча даже решили послать команду к злополучному сараю, но японцы уже занимали деревню — было уже поздно...

Командир этого полка получил разнос от начальства, а Бахарев — Георгиевский крест III степени. Каждому — свое.

IV. Сухопутный моряк

Морская служба накладывает на людей особый отпечаток. Она требует от тех, кто посвятил ей себя, сметки, выносливости, храбрости. Особенно служба в военном флоте. Победить — или умереть! Моряки знают, что им в бою не укрыться в спасительном окопе, они все на виду. Их единственная защита — храбрость и военный опыт.

Именно учитывая эту морскую закалку, и набирали в 1914 году команды «охотников» из военных моряков для службы в кавалерии и пехоте — на самых сложных участках боевых действий. И прежде всего — из моряков-балтийцев, моряков самого славного из русских флотов. Тогда нашлось множество желающих испытать себя в бою с врагом грудью в грудь. Был среди них и комендор Хрисанф Григорьевич Бондарь.

Бондарь был родом из далекой от всех морей Минской губернии, из деревни Костеши, где уже многими поколениями жили его предки крестьяне. В 1910 году, достигнув призывного возраста, 21 года, он попадает в Кронштадт. Народная школа, оконченная им в Могилеве, помогла ему успешно закончить и школу артиллерийскую, откуда он вышел уже комендором. Служил на разных кораблях, а когда объявили набор «охотников» в отряд Балтийского флота при Кавказской дивизии, записавшись одним из первых. Его взвод был прикомандирован к Дагестанскому конному полку, и началась уже иная, сухопутная боевая служба.

Воевал он — как привык делать все в жизни — основательно и умело. И за пять месяцев боев заслужил полный бант.

Боевое крещение принял в Карпатах в декабре 1914 года. Пехота, подкреплённая пулеметной командой из моря-

ков, наступала на деревню Горный Бережок. Пулеметчики заняли позицию недалеко от деревянной церкви. Впереди шли русские пехотные цепи и спешенные кавалеристы. Им навстречу вылетела австрийская кавалерия, по которой ударили пулеметы балтийцев. Австрийцы свернули атаку, уступив место артиллерии, принявшей густо осыпать наступающих снарядами.

По цепи прозвучал приказ об отходе. Пулеметчики остались прикрывать его, и, когда австрийские кавалеристы вновь предприняли атаку, их опять встретил густой огненный заслон. Вновь зазвучала артиллерия. Под ее огнем начали теперь отходить и балтийцы, сделавшие все необходимое. Им удалось оторваться от противника без потерь. Когда вскоре командование награждало наиболее отличившихся в этом сражении, в их числе был и старшина пулемета Хрисанф Бондарь, получивший Георгия IV степени.

Буквально через две недели — в первых числах января, уже нового, 1915 года, — Дагестанский полк получил приказ задерживать противника на дороге между деревнями Седово и Боберка. Основная тяжесть этого боя легла на плечи пулеметной команды. Один из пулеметов стоял немного в стороне от дороги, обстреливая наступающего неприятеля с фланга, а Бондарь расчетом бил прямо в лоб наступающей колонне. Бой продолжался почти целый день, но австрийцы так и не сломили сопротивления моряков. За этот бой они получили награды, в том числе и Бондарь, отмеченный Георгием III степени.

27 марта балтийцам вновь предоставилась возможность отличиться. Соседний с Дагестанским Каспийский пехотный полк занимал позицию около поселка Залещики. Дагестанцы же стояли в городке Чертково, более чем в двадцати верстах от них, служили резервом. Австрийцы большим числом атаковали каспийцев и сумели их значительно потеснить, овладев частично даже их окопами и захватив два их пулемета. Тогда было решено срочно усилить каспийцев Дагестанским полком, и ночью началась переброска резерва. Несмотря на сильный огонь противника, вновь прибывшие заняли позиции и занялись их устройством. Австрийцы, видя это и не желая отдавать достигнутых преимуществ, усилили нажим, подключив и несколько артиллерийских батарей. Но каспийцы и приданные им балтийцы молчали, не желая до времени обнаруживать огневую мощь.

С рассветом австрийцы, успокоенные их молчанием и уже не ожидая жесткого сопротивления, предприняли очередную атаку. И попали под кинжальный огонь пулеметов.

Наступление захлебнулось, однако вскоре последовала еще одна атака, также отбитая с большими для австрийцев потерями.

После боя особенно хвалили Бондаря, бывшего у «охотников»-балтийцев за старшего. Георгий II степени, полученный им за это дело, стал очередным его орденом.

Через два месяца — почти день в день — дагестанцы стояли под деревней Жижавы на берегу Днестра. Ночные дозоры обнаружили на противоположном берегу скопление австрийцев, которые почему-то лишь к утру начали переправу. Но у русских было время подготовиться, и поэтому неприятеля здесь уже ждали. К сожалению, сил было мало — один пулемет Бондаря, что было явно недостаточно для удержания переправы, хотя расчет балтийцев и показывал чудеса хладнокровия и точности, кося противника почти в упор. Тогда Бондарь, выяснивший, в каком месте идет основной нажим на русские позиции, отдал приказ подтянуть туда еще один «максим», тотчас же включившийся в дело. Одновременно с этим были отправлены посыльные в другие части с просьбой об огневой поддержке. Подоспевшую помощь Бондарь умело расположил на берегу, взяв переправу австрийцев в клещи. И, несмотря на интенсивный огонь вражеской артиллерии, пулеметов и непрерывную ружейную пальбу, еще более часа держал переправу и отступил только после приказа, когда были подготовлены новые позиции для достойной встречи наступающего противника.

Пулеметчики отходили последними, прикрывая полк, беспрерывно огрызаясь, когда кто-либо из австрийских командиров излишне торопился и переходил невидимую черту, приближаясь на расстояние выстрела. Балтийцы не имели потерь. Этот бой сделал Бондаря полным георгиевским кавалером.

Впереди были еще сражения, в которых Хрисанф Бондарь действовал всегда так же решительно и смело.

КВС — НАДЕЖНЫЙ КОМПАС!!!

Журнал «Коммунист Вооруженных Сил», сокращенно именуемый КВС, хорошо известен в военных и патриотических кругах.

С этого года **ВПЕРВЫЕ** на него открыта свободная подписка!

Все, кто интересуется военными проблемами, жизнью и историей армии и флота, не медлите! Подписывайтесь на журнал КВС — издание для подлинных **КОМИССАРОВ** перестройки!

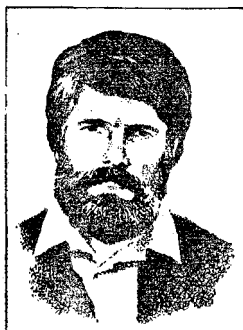
Если вас терзает беспокойство, если вам сложно ориентироваться в нынешнее непростое время, доверьтесь **НАМ!** Журнал станет надежным компасом, заострит политическую и житейскую проницательность, поможет решать трудные вопросы, связанные с новой международной и внутренней обстановкой.

На страницах журнала вас ждут встречи с Министром обороны СССР генералом армии **Д. ЯЗОВЫМ**, начальником Главполитуправления СА и ВМФ **А. ЛИЗИЧЕВЫМ**, известными писателями, военачальниками, социологами...

Отрывки из новых остросюжетных произведений **Валентина ПИКУЛЯ**, **Станислава ГАГАРИНА**, других армейских и флотских авторов ждут публикации в портфеле журнала.

**КВС —
НЕЗАМЕНИМЫЙ СПУТНИК!!!**

Бывший рабочий судостроительного завода в Феодосии. Ныне — начальник Черноморского отделения нашего «Отечества». Незаурядный публицист, талантливый прозаик, оригинальный поэт. Неоднократно выступал в журнале «Молодая гвардия». Его приключенческая повесть «Убить Скорпиона» опубликована в Первом номере нашего сборника.

Владимир ЗАРУБИН

О НАРОДНОЙ МУДРОСТИ И ОДИННАДЦАТОЙ ЗАПОВЕДИ

Уже выводят из себя «размышления» некоторых писателей о патриотизме. Вижу, как нередко идет прямая спекуляция на моих читательских патриотических чувствах. Прикрываясь болью военных потерь, будь то Великая Отечественная война или война в Афганистане, Алесь Адамович, например, увещевает кого-то воспитывать антивоенных патриотов, не объясняя, что же это значит. Но должен же он сознавать, что опасность возникновения войны остается?! Или он призывает сыновей наших отказаться от Присяги Отечеству? Подспудно проводится мысль, будто от рядовых солдат зависит, литься или не литься крови народной.

Всегда было и пока есть такое положение, что солдату отдается Приказ, который ценою крови выполняется. Если бы антивоенные выступления советских писателей достигали ушей гипотетических противников, то тогда уместны были бы их слова об «антивоенном патриотизме», обращенные пока что только к «нашим» воспитателям. Поэтому, как бы ни гуманно были настроены такие писатели-гуманисты, выглядят они, мягко говоря, людьми наивными. Хотя стремления и намерения их могут быть благими, слишком уж рьяно и слишком рано некоторые пытаются агитировать наших парней «воткнуть штыки в землю». А почему бы, например, Адамовичу не заняться параллельно с этим гуманистической пропагандой среди армейского состава западных военных

блоков? Или попытаться уговорить наставников душманов перейти на рельсы воспитания по принципу антивоенного патриотизма?

Гражданин любой страны должен быть патриотом, иначе какой же он гражданин? Патриотизм всегда означал осознанную возможность самопожертвования человека ради блага всего народа. Благодаря этому чувству, всегда имевшемуся у наших соотечественников, мы с Алесем Адамовичем можем сейчас рассуждать о судьбах мира и, может быть, решать их в пользу мира для человечества в будущем. Но это совсем не значит, что я своих сыновей должен воспитывать в пацифистском духе. Всем, наверное, теперь понятно, что война народов, если она будет развязана, будет войной всеуничтожения, в том числе и самих себя. Понятно это и моим сыновьям. Но ясно ли Адамовичу, что если даже сыновья всех матерей Советского Союза откажутся брать в руки оружие, то этим они не обеспечат мир?! Я почему-то уверен, что не от них одних, не от нас, всех граждан СССР, зависит, быть или не быть войне. Поэтому со своими сенсациями писателю лучше обращаться не к рядовым гражданам в первую очередь, а в соответствующие инстанции, в которых, всего скорее, могут снять угрозу войны. Когда ее не станет, то можете быть уверены, Александр Михайлович, что все мы скажем «Прощай, оружие!». Ведь на свете очень мало людей, с радостью надевающих солдатскую амуницию.

Второе. О ребятах, прошедших через «Афган», как они его называют. Без сомнения, все, кто пострадал там, а также семьи погибших имеют право получить и материальную, а главное — моральную компенсацию, ибо компенсировать утрату жизни никакими материальными средствами невозможно. И уж, во всяком случае, мы не должны допускать осквернения памяти павших. Пусть их смерть останется на совести тех, кто отдал парням такой приказ. Все эти ребята, вернувшиеся и не вернувшиеся, долг свой исполнили. Прежде всего перед Родиной. Этих ребят называют «интернационалистами», но так ли это на самом деле? Ведь в Афганистане они выполняли требования Конституции своего государства! Приказы они получали от советских командиров. Разве в Афганистане действуют интернациональные соединения, явившиеся туда со всех частей света? Нет, это — наши сыновья. Наши Саши и Магомеды. Упрекать их не в чем. И правительство, которое возвращает их домой, должно заботиться именно о достоинстве советского солдата. И неуместна здесь бравада: воевал, дескать, и уже поэтому полагаются почести. Едва ли не каждый из ребят мог

оказаться в этой ситуации. В армию призывают не за тем, чтобы веники вязать.

Оплачен кровью трагический шаг государственной политики. Я не знаю, был этот шаг верным или неверным. Но пока существуют в мире государства с разной идеологией, у них будут существовать армии. Поэтому уместнее было бы писателям направить свои усилия на изменение политики государств, а не апеллировать к народу, вернее, не пытаться народ «поссорить» со своим правительством, как получается это у Адамовича за кадром фильма «Большой», и не следует игрой слов вуалировать трагическую ошибку политики, как это делает В. Дашкевич в статье «Осторожно! Заплачено кровью...» («Красная звезда» от 21.10.1988 г.). Один, с моей точки зрения, старается разбудить совесть народа (как будто правительству совесть вообще чужда), у другого почти все наоборот. Но я бы добавил, что лучшие писатели сами были всегда совестью народов и государств, совестью, с которой считались правительства!

Но поневоле подумаешь, своя или чужая кровь в писательских чернильницах, если у них разное с народом понимание патриотизма. Теперь кое-кто так напуган словом патриот, что любое выражение чувств любви к Родине воспринимается чуть ли не как угроза перестройке, хотя каждому ясно, что без патриотизма перестройка невозможна.

Воины, опаленные Афганистаном, встречаются сейчас везде, не так их мало оказалось в «ограниченном контингенте». В основном это прекрасные труженики, скромные и добросовестные. Чуткость к ним необходима, но нельзя же требовать от каждого обывателя, чтобы он стал чуток, насаждать любовь по образцу.

Очень уж «оригинально» рассматривает проблему патриотического долга Вячеслав Басков в газете «Советская культура» за 20 октября 1988 года, рисуя ужасающую картину «гибели одаренных», осуществляемую на призывных пунктах военкоматов. «Скрипач вернется, ты только жди...» — такая вот саркастическая интонация слышится в статье. Конечно, одаренный человек, будь он кем угодно — музыкант ли, художник, — принесет стране пользу как патриот не меньшую, чем «отличник боевой и политической подготовки», если и не будет носить два года кирзовые сапоги. Но мне, например, кажется, что Министерство обороны вряд ли имеет такое уж непреодолимое желание обмундировать юного Паганини и заставлять его непременно вместо скрипки упражняться с автоматом Калашникова.

Дело тут, вероятно, в бюрократизме, но не одностороннем, как читается в статье, только по линии Министерства обороны. Бюрократ из этого министерства думает так: дай только «слабину» — отсрочку для поступления высокоодаренных юношей в высшие заведения, — так бюрократы из других ведомств представят такие списки «высокоодаренных», что служить в армии вообще будет некому! И можно не сомневаться: предоставят! И музыкальные, и художественные школы, а за ними другие творческие спецзаведения — у нас их много, в том числе всевозможные спортивные. Таким образом, в армию будут призываться, мягко говоря, только ничем не одаренные юноши. Ведь в конечном итоге даже те, что идут в «кулинарные техникумы», тоже являются одаренными. Не говоря уж о парикмахерах — эти вообще художники!

Рациональный, разумный подход, если говорить серьезно, требует учитывать профессию допризывника. Но тон статьи Баскова говорит о том, что Чайковских у нас просто-таки замучили сержанты, выколачивая из «студентов-музыкантов», «студентов-артистов», «студентов-певцов» весь дар божий, когда последние попадают в руки первых. Разрешите этому не поверить. И не оттого слышатся факты «печальных повествований о нынешнем унылом состоянии нашей музыкальной культуры», что высокоодаренным отказано в отсрочке призыва на армейскую службу. Унылое состояние музыкальной культуры не зависит от армейской мускулатуры. Так не грешно и весь застой в литературе, и во всех видах искусства «объяснить» одной статьей Конституции, по которой восемнадцатилетних призывают на воинскую службу. Можно ведь объяснить! И доказать можно. Это нетрудно.

Надо менять Конституцию? Но тогда надо сразу менять и весь мир. Чтобы не было армий и чтобы скрипачи не скрипели кирзовыми сапогами по сержантской команде: «Раз! Два!левой!..» Чтобы ребята наши никогда не погибали в каком-нибудь «ограниченном контингенте». Поэтому готов и хочу согласиться с Адамовичем, что в Афганистане была «принципиально последняя» интернациональная война. Однако и соглашаясь с этим, почему-то думаю, что до начала ее в 1979 году так остро не стоял у нас вопрос об отсрочке высокоодаренных юношей. Может, просто я не знаю, сколько гениев задушено в казарменной дисциплине срочной службы? Поэтому кажется, что раньше призывы в армию протекали как-то естественно и менее болезненно. Можно ли объяснить это «рабским сознанием», темнотой, в которую мы были погружены в период «сталинизма» и раннего

«постсталинизма»? Или думать так меня подталкивают «пропабы» музыкальной культуры и перестройки?

Тогда что же делать с патриотами, если я сам себя считаю таковым, хотя и понимаю, что война — гибель для всего человечества? Несомненно, что «военно-патриотическое» воспитание сейчас должно вестись на совершенно ином уровне сознания. Иногда воспитатели используют устаревшие образцы. И терминология отстает. Будучи солдатом, я испытывал неловкость при необходимости отвечать на вопрос: «За что я должен любить свою Родину?» Был такой вопрос в подготовке по курсу «молодого бойца». Надо было говорить какие-то слова, поясняющие «за что», а я ее любил и люблю ни за что! Просто так, потому что это Родина — Советский Союз. И другой у меня нет. Поскольку я был солдатом, призванным после окончания первого курса института, то соображал, что те слова, которые надобно было произносить на занятиях политподготовки, не отражали сущности моей любви. И кажется мне, что истинные патриоты при ответе на этот вопрос всегда испытывали неловкость.

Я совсем не отрицаю того, что иногда и пацифизм может быть настоящим патриотизмом. Но можно ли утверждать, что уже наступило время перемены «полярности чувств»?

Пусть я был обманут, но при трехлетней службе в армии меня всегда не покидала мысль: служу затем, чтобы войны не было. Судя по предпринятым мерам о договоренности государств о начальном разоружении, мне кажется, что та моя солдатская мысль находит подтверждение. Это, конечно, не моя заслуга. Но патриотизм, любовь к Родине рано сдавать в Музей Вооруженных Сил.

И вот еще что. Истинные Герои прошедших войн заслужили почести, которые им надо оказывать. Надо... Но и ветеранам надо не забывать, что и их награды, их право на жизнь оплачены в большой степени кровью погибших. Я уступлю место в транспорте и в очереди человеку с орденами на груди, даже не взглядываясь в них, для определения «ценности» наградных символов. У меня нет неприязни к людям с наградными планками, но почему я своим спасителем должен считать не своего погибшего отца, а дядю Симонова, написавшего «Живые и мертвые»?

Когда я слышал голоса старших в адрес молодых людей, изрекавшие: «Мы за вас жизнь отдавали и кровь проливали!», — мне до сих пор неловко от этого. Право, ответ у меня был. За меня мой отец пролил и отдал.

Противоречая друг другу и самим себе, некоторые писатели заняты странным делом: рекламой собственных убеждений. А убеждения эти тоже довольно странные, как я уже сказал, непонятные, как, например, антивоенно-патриотическое воспитание у одних, а у других: «Если бы наши парни были лучше подготовлены...» Как их если не физически, то морально лучше подготовить, если мало-мальски одаренные чем-то парни не хотят служить в армии? Отсрочкой от призыва?.. До Афганистана еще так-сяк, но когда начали гробы летать, то ведь и подумал кое-кто, и вслух сказал: дурак я, что ли, на тот свет торопиться? Но ведь кроме «дураков» есть парни — и слава богу, что их много! — которые все же предпочтут оказаться дураками, да с чистой совестью, которые, как хорошо их ни готовь, все равно могут вытянуть черный билет.

Кому верить?.. Авторы «Советской культуры» сетуют на то, что Министерство обороны не способствует развитию музыкальной культуры... Адамович упрекает своих собратьев по перу в излишней тяге к теме военно-патриотического воспитания. А Дашкевич, как армейский инспектор, резюмирует, что мало всякого воспитания в армии.

Нет, не верю я всему этому. Музыкальная культура страдает от засилья масскультуры — это ее внутренний нарыв, никакая скрипка не перекричит самый захудалый рок-ансамбль или группешку. Военных писателей, правда, много, только кого они воспитывают, если их скучно читать, когда магнитофон и телевизор под боком: кнопку нажал, и никакого усилия. Мало патриотов? Мало. Скажи: я — патриот, в шовинисты угодить. «Огонек» таким огоньком прижжет, что только держись! Но истинных патриотов, как и высокоодаренных музыкантов, мало. Человек в некоторых органах печати как-то уж очень легко поставлен в точку презрения к самому себе. Можно высказать свое мнение. Но зачем? Чтобы тебя тут же обругали. Умно, тонко, «эзоповским языком», выучились которому за годы застоя. Откровенно уже мало кто и высказывается.

Знаю двух писателей, которые кричат от боли народной. Это Василий Белов и Валентин Распутин. А очень многие размазывают эту боль на страницах своих повестей и романов. Размазывают с непонятным удовольствием показа «мерзостей нашей жизни». Битов, Гранин, Рыбаков, Адамович — наиболее известные и рекламируемые писатели из этой группы. Не сейчас, не сию минуту они стали писателями, а давно, значит, присутствовали при создании «мерзостей жизни»,

критикой которых усиленно теперь занимаются, с удовольствием размывают теперь грязь.

От имени своего погибшего отца я бросаю им слово упрека за их духовную нечистоплотность. Я не научился «эзоповскому языку» в построении фраз, основывающихся на софизмах, поэтому говорю прямо и откровенно, что и в «Последней пасторали», в «Пушкинском доме», в «Детях Арбата», в «Зубре» звучит неприкрытый снобизм, цинизм, с которым писатели прикасаются к «болевым точкам». Не сострадание к бедам народным, а злорадство звучит в них. Нет нужды останавливаться на деталях, изобразительных средствах этих произведений. Их надо читать и слышать гнетущий акцент безысходности, чтобы уловить, в какую сторону они стремятся повернуть ветер свободы и перестройки — в тупик.

Высокое слово народ становится едва ли не целью презрения «писателей-подстройщиков» под перестройку. А отсюда и озлобленные, поистине кликушеские вопли в адрес российских патриотов, кампания с атуканьем Нины Андреевой вместо нормального разговора с ней, а ведь статью ее мало кто и читал, потому что под шумок «силы быстрого реагирования» изъяли газету из подшивок многих библиотек. Отсюда и облыжное обвинение журналов «Наш современник», «Москва» и «Молодая гвардия» в «консерватизме мышления». Хотя, если честно попытаться дать ответ, то Рыбаков, например, мог бы признаться, что его мышление с перестройкой совсем не изменилось: в «Детях Арбата» оно осталось тем же, что было в «Тяжелом песке».

После слащавой догматики социализма в иных произведениях, после прекрасной лжи напудренного социалистического «реализма» в литературе и искусстве мы наконец почти обрели право высказывать свое личное мнение. Почти. Формально право такое есть — но всегда ли оно осуществимо? В лучшем случае «Огонек» может опубликовать на своих страницах письмо какого-нибудь «сталиниста-антиперестройщика» для потехи, сохранив орфографию этого письма, где слово «гласность» дважды написано с двумя «т» после обеих «с». Те, кто в «застое» имел голос, имеют его и теперь, они «перестроились», а кто не имел, тот и не имеет. Кто благословлял и проповедовал застой в культуре, тот нередко теперь управляет перестройкой культуры. И в то же время криком кричат, что сталинские репрессии извели под корень русскую интеллигенцию. Откуда же ей взяться сегодня, когда параллельно с этими криками там и здесь с на-

жимом идет разговор об элитарности каждого общества как законе его культурного развития. Так и создается общественное обеспечение для признания «элиты»: сын слесаря — слесарь, сын кесаря — будущий кесарь, несмотря на то, что сей кесарь в застойные времена выкесарился. Что ожидает в будущем такое общество? Да полнейшая деградация! Поэтому и названные мною романы (их больше, но эти у всех на устах) отвечают «духу перестройки» лишь определенного общества, готового разбить страну на рабов и элиту. Может быть, это и резко, но говорю, что думаю, время такое, что некогда выбирать изысканные выражения. Душа болит. Не хочу, чтобы наше общество, если с ним не случится катастрофы прежде, дошло до такого состояния, когда Ксанф будет повелителем, Эзон — бесправным рабом. Мы уже почти дошли, если вспомнить недавнее титулование Брежнева чином писателя, званием лауреата и прочая, и прочая, и прочая... При сегодняшнем состоянии гласности, когда блиндажи некоторых редакций не пробить словом от сердца, деградация интеллигенции не так уж и невозможна.

Нам предоставлено сегодня читать «замороженные» раньше произведения Пастернака, Платонова, Набокова и других писателей. Но «мороженая» духовная продукция мало чем отличается от мороженных продуктов. Как ни посыпай эту пищу «перцем» и «укропом» рассказиков «Свой круг» Л. Петрушевской и «Равновесие света дневных и ночных звезд» В. Нарбиковой, опубликованных в недавнее время в «Юности» и «Новом мире», духовного здоровья общества этим не повысить. Слово бы и впрямь состояние интеллекта имеет такой низкий уровень, что только о постельной «лирике» каждый человек лишь и помышляет.

Не верю я этому и делаю предположение, что настоящим произведениям — с мыслью народной! — вновь нет хода дальше писательского и редакторского стола. Или литература так вдруг сразу и обмелела? Может, опять виноваты «сталинисты» во главе с Ниной Андреевой?! Только кто же кого теперь «не пускает»? Почему в открытой полемике в печати не разгромить «Память», если она так плоха? Зачем в течение трех лет критиковать только ее «шовинистические выкрики»? Да при этом еще издевательски одергивать всякого, кто только заикнется о том, что пора бы дать слово и противной стороне. Такое положение с гласностью пахнет русофобией. Это становится уже смешно: патриотизм — плохо, мол, а русская русофобия — хорошо. Миф о головорезах из «Памяти», «экстремистах-шовинистах» играет на пользу именно русофобам. Силу русского патрио-

тизма знают фашисты. Для них он был ужасен и остается таким. Значит, миф о «Памяти» идет на пользу фашистам, воспитывая ненависть ко всякому патриоту, а к русскому — в особенности.

Кого же пугает русский патриотизм? Он пугал Чингисхана, Наполеона, Гитлера. И что, изменился этот патриотизм теперь? Стал опасен для свободных, мирных народов? Может быть, Адамович его боится? Так он должен знать, что патриотизм русского народа как две капли воды похож на патриотизм белорусского, украинского и всех советских народов. Это доказано историей. И наши парни, побывавшие в Афганистане, наверное, могут сказать, что шли они туда с мыслью освободить, но не покорить, не поработить. О чем мыслили политики — не могу знать. Но о чем думает русский солдат, имею представление — оно во мне сидит генетически. История России хоть и фальсифицирована, но не настолько, чтобы в корне изменить представление о русском патриотизме, о своем патриотизме, как я его понимаю и как чувствую.

Образ врага, конечно, изменился в свете технических разработок средств ведения войны. Человек поставлен в точку абсурда: он сам себе становится врагом, уничтожив другого — уничтожит и сам себя. Даже рядовой солдат это уже должен понимать и, наверное, понимает. И не без чернойбыльской аварии к нам пришло это понимание.

Защита экологии — природной, духовной, исторической — вот суть патриотизма нашего времени.

Народ — природа, по-моему, у этих слов один корень: родиться и жить, чтобы жили другие, продолжались. Патриотизм неотделим от ландшафта природного. За что я и люблю русскую поэзию Некрасова, Тютчева, Есенина, Рубцова. Можно сколько угодно высмеивать и издеваться над примитивностью попыток создать и воссоздать образ «русской березки», но с исчезновением этой березки исчезнет русский человек на земле. Настоящему русскому патриоту много не надо в личной жизни, поэтому некоторым из нас так импонирует взгляд на Сталина как на аскета — чистое заблуждение, воспитанное долголетними песнями «о Сталине мудром, родном и любимом», сочинявшимися и исполнявшимися высокоодаренными выпускниками музыкальных школ.

Но вот, говоря о боли народной, причиненной стране коллективизацией, Василий Белов накликал на свою голову поток своеобразных сталинских защитников! Тут уже не Нина Андреева выступает, а добровольные адвокаты Троц-

кого, Яковлева (нарком земледелия в эпоху коллективизации).

История, прошлое и настоящее, патриотизм и интернационализм, все это — разговор об одном и том же. Разговор о будущем: быть ему или не быть? И если быть (за что большинство человечества), то — какому?

Писатель Белов вызывает неприязнь у определенного круга лиц не потому, что он в неприглядных характеристиках высвечивает некоего наркомзема Яковлева или Лейбу Давидовича Троцкого (Бронштейна). В конце концов, кто-то может и у Ленина ошибки найти, известно ведь, что сам Владимир Ильич не отрицал своих ошибок, но он умел их исправлять. Дело не в этом, это такие мелочи, что и у Троцкого можно найти ряд положительных качеств — если бы их не было, то его сотрудничество с Лениным необъяснимо. Это — мелочи сегодня, но важные, конечно, вещи для историков, философов, экономистов.

Белов, как и Распутин, сейчас говорит о главном, о том главном, что позволит совершить перестройку. О том, чтобы мужика — крестьянина, русского, белорусского, украинца и так далее — всех не перечислить! — «закрестьянить», посадить его на землю, сделать его хозяином земли. И тогда его оттуда никакой водородной бомбой не выкуришь. Не хлебом единым жив человек. Верно. Но это верно лишь при условии, если хлеб будет, а без хлеба ни о каком духе говорить нельзя, ибо дух этот просто покинет тело. Кому-то страшно становится оттого, что, укрепившись на земле, мужик начнет диктовать законы жизни, им хотелось бы продолжать помыкать мужиком, сохранить командно-административную систему. Поэтому выступающие сегодня против идей «мужицких» писателей Белова и Распутина являются сторонниками бюрократизма и всей командно-административной системы. Они не против того, чтобы ее подновить в смысле свободы слова или собственного сквернословия, называемого порой плюрализмом. Собраться с друзьями, говорить о Шагале, месить в голове гениальное тесто: «Так вы полагаете?» — «Да, полагаю». — «И я полагаю». А что — неизвестно. Свой круг. Элита. И люди эти на словах большие интернационалисты. Такие большие и щедрые, что снова готовы с крестьян содрать последнюю шкуру на саквояж для очередной заграничной поездки.

Русский патриотизм срочен с интернационализмом, наверное, с тех пор, когда Олеговы щиты прибили к «воротам Царьграда», если не раньше. Щиты прибили! — символ защиты. Подумать только. И недавнее прошлое, чему сам был

свидетель, — голод 1947 года. Пухли колхозники. Недавно документальный фильм посмотрел: в этом голодном году пшеницу отгружали, чтобы везти то ли в Турцию, то ли еще куда-то. И что же? После того как я увидел эти документальные кадры, слегка проясняющие причины голода моего детства, мой патриотический дух ослаб? Нет. Его ничем не убить, этот русский дух. Только физическим уничтожением всего народа. Говорят, что мало в этом народе скрипачей, много пьяниц. Есть грех. В великом народе и пьянство бывает великим, если весь народ этот лишит великой любви к земле, к природе. Спиваются люди, оторванные от корней, брошенные в бараки пятилеток. От тоски спиваются. С горя пьют. Горе-то откуда? — скажут. От патриотизма, замененного интернационализмом.

Но почему, спрашивается, русский мужик всегда был опасен ярым сторонникам мировой революции, по многим вопросам опасен? Он мог превратиться в советского хозяина жизни, и зазвучали бы в его дворах и скрипочки, и пианино, и речь иностранная. И от земли, от природы появилась бы корневая советская интеллигенция. Вот и пустили байку: мужик темен, забит, неграмотен. Ни на что путное в культуре, дескать, не способен. И — под корень его. А вот «кулацкий сын» Сергей Есенин — яркий образец забитости русского мужика — играючи затыкает за пояс окончивших университеты Луначарских-драматургов. Играючи, запоями: «Друг мой, друг мой! Я очень и очень болен. Сам не знаю, откуда взялась эта боль...» Знал Есенин, откуда у него боль и отчего не проходит. Слишком много знал этот сын России, чтобы можно ему было позволить играть на тальянке. Он не вписывался в «систему» Троцкого.

Поэты на Руси не переведутся. Скрипачей действительно мало. Может быть, их и в самом деле уже сейчас не стоило бы призывать в армию. Пианистов тоже. А то ведь останется только рок-музыка в записях и переписях с кассеты на кассету. Тут Министерство обороны (кто же сомневается, что оно патриотически настроено) должно бы как-то урегулировать вопрос с высокоодаренными юношами: лучше уж недобрать сотню солдат, чем лишиться сотни хороших музыкантов. Народ, имею в виду в первую очередь русских мужиков, не ходок по филармониям, но это не играет роли — культура проникает в душу не только прямым путем, а, напротив, путями неизведанными. Иначе все завсегдашние симфонических концертов были бы идеальными людьми, и мы бы с ними никакого горя не знали.

Признаться, я не видел евреев, спаивающих русских, как

сообщается об этом в «Огоньке» № 40 за 1988 год, на странице 5, в письме Ю. В. Гурфинкеля и Т. В. Тимофеевой. Ей-богу, не видел и склонен считать, что подобные сообщения — вымысел. Но в условиях отчуждения людей от земли, когда эти люди вынуждены покидать деревни, мигрировать в города и рабочие поселки, где условия жизни тоже не блещут комфортом, что делать деревенскому парню? Музыку изучать? А в городе теперь даже балалайки нет. Только одно и остается: денег накопить, магнитофон купить и... поехали!

К сожалению, никто не хочет разобраться, но многие говорят о мужицком хамстве, о пьянстве как о всеобщем явлении. Неужели все оттого, что мужик «дурак» и «хам» от рождения? Не такими ли убеждениями продиктована статья Е. Евтушенко «Притерпелость»? Поэт увидел «губительную силу» в строгости «антиалкогольного указа». Но я вот дописался, что можно сделать вывод о том, что мужик наш и пьет горькую не иначе как «с патриотизму» своего. А что! Можно и такое допустить: видя, как гибнет его деревня или природа, и не имея возможности спасти, можно и в запой удариться.

А как быть с душой, с совестью, товарищи дорогие? Раньше до отупения назидалась назойливая фраза-заклинание народа: «Сталин — наш вождь и учитель... создатель... организатор... отец... руководитель...» Так сегодня с той же экспрессией повторяются слова проклятия «вождю», «учителю», «создателю», «организатору», «отцу», «руководителю». Что это?! Да то. Одни и те же люди пели хвалы, теперь те же самые люди кричат проклятия. Так они приносят «покаяния».

В истории ничто не проходит даром — и палачи получают заслуженное возмездие. Для всего приходит свое время, просыпается память человеческая и воздает каждому по заслугам.

Барабанные перепонки подрастающего поколения сокрушительными децибелами обрабатывает рок. Группа ученых-психологов на страницах «Литературной газеты» пытается выяснить причины проявления «казанского феномена» в среде молодежи: откуда он? Оттуда. От пономарей, певших хвалу, а теперь с тем же рвением и без зазрения совести посылающих хулу всему и вся.

Некоторые смеются даже над Гоголем. Дескать, «Русь-тройка»! И кто это выдумал! Потешаются. А это тот выдумал, после кого выдумать «наш паровоз, вперед лети» большого ума не требовалось. Пушкин, Гоголь, Тургенев, Тол-

стой, Достоевский такое навывдумывали, такое написали, что вот уже почти сто лет ничего больше не написано подобного, а мы еще живы! Не все же из нас — претенденты в ЛТП. Не все.

Более полувека народы нашей страны прожили в братстве «рабства» — если верить терминологии некоторых органов печати. Неужели теперь мы не сможем прожить в братстве свободы, которая чуть забрезжила? Молодежь всегда бунтовала, на то она и молодежь. Но сегодняшние бунты не похожи на прошлые — это уже не стихия, а организованная толпа. Кем она организована, для чего? Стихия пошумит и стихнет. Организация существует продолжительное время. Но любая организация есть рабство. Неужели людей, тем более молодых людей, тянет в рабство любых организаций?! Этого я не понимаю. Комсомол — скучно. Понимаю. Сам был в комсомольской скуке. Неформалы сейчас появились. Только название бесформенное, но это ведь тоже организация! Но не скучно: ведь бои гладиаторские. Видимость свободы неформалов создается свободой от собственной совести и чести. Совсем недавно сюсюкающие корреспонденты носились с неформальными объединениями — интервьюировали. Теперь хоть прекратят, наверное, поняв, во что вылился этот «неформализм» — в форменные безобразия и просто драки.

Мальчишкам-де надо драться, говорят иные педагоги, чтобы мальчишки-де выросли настоящими мужчинами, способными постоять за себя. Был мальчишкой, и знаю, что иногда только драка может принести удовлетворение при ущемлении чести мальчишки. Но дерущаяся толпа? Простите! В такой драке не честь защищается, а попирается всякая честь. В любом случае: двор на двор, улица на улицу, квартал на квартал. Бесчестие это. Трусливое бесчестье — групповые драки. И организуются такие драки самыми подлыми и трусливыми особями.

Мне, не обремененному социологическими знаниями, думается, что и феномен-то этот, названный в литературе «казанским», никакой не феномен, а мягкая подножка общему курсу перестройки. А также все национальные вспышки. Кому-то нужен Сталин, на худой конец, Брежнев новый. Молодежь этого пока не понимает, не видит. Старики вроде меня ни бастовать, ни драться не станут. Главная карта — молодежь, ей жить не при коммунизме, но хоть при социализме, который желательно перестроить, чтобы он был похож на социализм не только по показателям на душу населения, но чтобы еще и душой воспринимался. А учителя в

приреформенной школе твердят: молодежи нужен рок, нужен досуг, нужны неформальные объединения. Не скажут, что молодежи нужны хорошие учителя, которые способны дать ей нормальные знания. Пожимаешь плечами. Они учителя, им виднее.

Иные думают найти способы повиновения молодежи. А нет таких способов. Не найдешь! Дети не повинуются силе, дети не знают, что на свете есть рабство. Подростков очень легко можно обмануть и увлечь. Но покораются они, как ни банально это звучит, только родителям, и то, если родители не лишены будут любви к своим детям. Да мне в шестнадцать лет все нипочем было. Только мать была той силой, перед которой я был покорен. Другой силы не знаю.

Говорят, упиваясь словами, что нужно-де «выработать механизм перестройки», не задумываясь над словами: механизм! На ум снова приходят винтики, колесики, рычаги. И некоторые люди верят, что такой «механизм» будет создан: кнопку нажал — и завертится все, как в кино. И самое печальное, литераторы говорят о «механизме перестройки». Уже так мозги заостенели у таких «инженеров человеческих душ», что за неимением японского компьютера готовы «фомкой» души перестраивать, этаким кооперативной «фомочкой». Был механизм — бюрократия во всем. Заклинило его. Комсомол разве не механизм? Еще какой! Экскаватор. Надо котлован вырыть — в трубы задули, лозунги повесили, и — пошел рыть. Хоть Магнитку, хоть БАМ. Только щепки летят. Правда ведь, здорово работали! С огоньком, с энтузиазмом. Секретарь ЦК комсомола серебряные костыли в шпалу сам забивал. Хорошо работали, и выполняли и перевыполняли. Какие песни Пахмутова с Добронравовым писали! Какие песни... А на кого работали, непонятно теперь. Может, не надо было работать-то? Но как же не надо? Жить-то надо. Хорошо работали, а живем плохо. А теперь говорят: плохо работали, не так, не тот социализм строили... Да ведь это уже упадническая какая-то философия. Кому она нужна, зачем?

Дело перестройки, укрепления государства начинать надо с укрепления семьи. Так или иначе, экономика семьи связана с экономикой государства. Но в воздухе носятся «идейки» насчет крушения семьи, она, дескать, устарела и не отвечает уровню технического развития. Но это все от лужавого.

Не буду заглядывать в далекое будущее, а позволю себе взглянуть на соседей по лестничной площадке. Где, у кого

из них дела обстоят более или менее благополучно? Первое — в устойчивых семьях. Экономика развалившихся семей в столь же плачевном состоянии, в каком их моральное состояние. Это всем видно. Всем, и доказательств не надо, — выйди и глянь. Я не говорю о высокопоставленных номенклатурных бюрократах, в семействах которых присутствует экономическое благополучие, но очень часто там действуют только материальные интересы. Нельзя сказать, что в этой среде только снобы или преступники рашидовского типа. Многие из них давно поняли, что интересы «лучше», чем идеалы, и за счет «идеалистов» удовлетворяют свои интересы. Но прежде чем их удовлетворить, им надо было отрешиться от идеалов, если таковые у них были.

Если, как проповедует Нуйкин, удовлетворить свои интересы только за счет собственного труда, то... это же будет идеальное общество! Опять двадцать пять! Как его создать? — вот в чем вопрос. С либеральной логикой не ограниченного ничем самоудовлетворения мы никогда не выберемся из этого «заколдованного круга». Интересы человека растут и растут. Предела им нет — завтра у меня возникнет потребность еще в чем-то, о чем я сегодня не помышляю. Я человек разумный и свободный (так о себе думает каждый!), и ничто меня не остановит на пути удовлетворения своих интересов. Ничто! И никто! Кроме... кроме самого себя. Тот случай, когда «милиция останавливает», рассматривать не собираюсь — в целом для общества такое «мероприятие» требует тоже значительного расходования средств. Значит, только я могу сам себя остановить и ограничить разумно мои прогрессирующие потребности. Но это же — идеализм чистой воды. А мы еще хотим прожить на матушке-земле энное количество времени для всеобщего кризиса. Экономический наступит вслед за моральным или кризисом идеалов. И если сейчас никто не говорит, что «будущее светло и прекрасно», то это еще не значит, что мы не знаем, что делать. Надо укреплять в человеке нравственное духовное начало.

Сейчас идет ломка сознания. Писатель Адамович, ссылаясь на слова А. Эйнштейна, вводит «поправку» к Библии. Она касается заповедей. Вполне серьезно, без тени сомнения, Адамович доводит до сведения человечества «одинадцатую заповедь». По словам Эйнштейна (это же какой авторитет в Священном писании!), после всем известных «не убий», «не укради» в Библии была (или должна быть?) еще одна заповедь — «не бойся», которая, как может сообразить любой здравомыслящий человек, перечеркивает все

десять предыдущих! Не бойся убивать, не бойся воровать и так далее.

Неужели носители одиннадцатой заповеди называют себя интеллигентами? Если так, то это большая трагедия. Если так, то опасения за ход перестройки небезосновательны.

Вспомним о «хрущевской оттепели». Это была оттепель для инакомыслия. Однако нельзя забывать, что параллельно с оттепелью на полях аграриев пронесся сухой дождь дополнительного отчуждения народа от земли: «...плюс химизация и интенсификация сельского хозяйства». Можно ли академиков ВАСХНИЛ считать после этого интеллигентами? Или они все глядели в рот Хрущеву, который в принципе и не обязан был предвидеть последствия своего «раскулачивания» колхозников и гигантирования колхозов вообще. Это должны были предвидеть ученые-аграрии, интеллигенты. Это произошло с землей под гром армагеддона, названного поднятием целины? — Поднятая, она улетела. Что происходит с людьми на этих полях армагеддона — духовное опустошение, трагедия. Целина — это поистине битва человека с землей, беспощадная и жестокая. Человек вышел победителем — земля уничтожена. «Не бойся!» — говорит писатель Адамович. Надо бояться людей с таким «вероисповеданием». Они ни перед чем не остановятся, их только СПИД напугал. Три пугала в нашей прессе на данный момент: СПИД, «Память» и Нина Андреева. И названия у них соответствующие — «чума XX века», «черная сотня» и «главный враг перестройки».

Смею утверждать, что народ ни того, ни другого, ни третьего не боится, а побаивается, если пандемия захватит и нашу страну, то прямым виновником этого будет ничего «не боящийся» интеллигент. Но дело в том, что народ и Сталина не боится. Эка невидаль. Кто только не правил страной. Рюрика позвали, Джугашвили сам напросился. Даже были цари-самозванцы. Убивал или не убивал Годунов царевича, неизвестно, но у Сталина и его окружения «мальчики кровавые в глазах» запечатлены. Но «мальчики кровавые» не прощаются никому. Федор Михайлович говорил, что даже «две поганных старушечки» отмщаются, а тут дети невинные... Мрачная история наша, потому ее покрывают то мраком, то лаком. Но эти деяния тоже не прощаются. Ноосфера хранит информацию, в определенные моменты истории она прорывается сквозь мрак и лак. Сталинскую борьбу с «космополитизмом» можно объяснить ведь очень просто: к старости поплыли у него в глазах «мальчики кровавые»,

когда даже своих первых соратников и помощников Молотова с Кагановичем он «отдалил» от себя и от дел.

Если мы хотим вернуться к основам и идеям Великой Революции, то это не значит вернуться к основам хозяйствования — техпрогресс за времена ошибок шагнул далеко. Мы должны вернуться к человеческим основам, которые были порушены. Взглянуть на младенца и думать, что за человек должен вырасти. Надо вернуться к семье. Сегодня о деревенском жилищном комплексе говорят меньше, чем о семейных подрядах. Но если у этого «подряда» не будет добротной семейной усадьбы, то вырастут лишь мозоли и горбы, которые носить людям в конце концов надоест.

Дом, автомобиль, агротехнические средства — три кита, на которых мужик может вытянуть заблудившуюся Россию в открытый океан мирового рынка. До сих пор мы торговали природными ресурсами и приторговывали русской культурой. Это плохо. И интеллигент, если это настоящий интеллигент, и мужик-крестьянин, и рабочий — все, кто болен душой за Отечество, должны понимать это.

«Не бойся!» — повторяет Адамович глупую шутку. Неужели непонятно теперь, что Сталина не боялись? Народ, по крайней мере, не боялся. Народ был обманут. Не без помощи его интеллигенции. Боялись единицы, и особенно те боялись, страдая животным, небожественным страхом, кто вершил палаческие дела. Не было картины всеобщего страха, которую рисуют сегодняшние историки-литераторы. И страшно поэтому само это бесстрашие — оно обман. «Не бойся!» — внушают народу те, кого самих оторопь берет. А я думаю, не дано переписывать Библию теми же методами, которыми сталинские рабы переписывали для народа исторические «законы» и саму историю.

— Бойся, народ наш! — сказал бы я, если бы меня услышали. — Бойся себя и той интеллигенции, которая срослась с мафией. Бойся, народ, за судьбу своих детей. Бойся тех, кто ничего не боится. Бойся всех, кто крикливо зовет к призрачным победам. Садись, народ мой, на землю, строй свой дом, для себя и потомков, рожай детей и выращивай хлеб, иначе ты снова будешь обманут, как были обмануты иные поколения.

И каждому я бы сказал: живите счастливо, люди, и помните, всегда помните — худой мир лучше доброй ссоры! Это пародная мудрость.

г. Феодосия

Окончила Московский энергетический институт. Стихи пишет со студенческих лет. Печаталась в периодических изданиях. Наибольшую известность приобрели песни на стихи Тамары Казьминой.

Тамара КАЗЬМИНА

ПОГОНЫ

Из легенды и были
При горящей свече
Боль и слава России
Рядом с сердцем впервые
Засветились на левом плече.
Золотые погоны,
Вас рубили сплеча
Шаг один до победы,
Шаг другой сгоряча.
Сверху пепел и звезды,
Свет далекий окна,
Полосатые версты
И дорога одна.
За тепло в час привала
Вы платили сполна,
Только, видно, все мало,
Смерть еще не устала,
Позвала вдруг большая война.
Фронтовые погоны,
Пули свист у плеча.
Шаг один до победы,
Шаг другой сгоряча.
А потом — если были —
На атлас ордена.
Молодели погоны

Историк, переводчик, поэт, автор блестящих работ и статей по проблемным вопросам русской истории и современности. Печатается в журнале «Молодая гвардия». Живет и работает в Москве.

Анатолий ИВАНОВ-СКУРАТОВ

УЧИТЕЛЬ НЕНАВИСТИ

Кто сказал, что никакой русофобии не существует? Или я ослышался, или нечто в этом роде действительно изрекла ведущая телепрограммы «Добрый вечер, Москва» Анэля Меркулова, которая все время нагло и бесцеремонно прерывала во время передачи 6 августа 1989 года известного критика М. Лобанова? Или его пригласили в студию не за тем, чтобы выслушать, а за тем, чтобы обхамить? А. Меркулова поучает нас от имени понятно каких кругов, чьим рупором она выступает, что если русофобия и есть, то не следует акцентировать на этом внимание, дабы не разжигать национальную рознь. Получается так, что проявлять русофобию можно, это не разжигание национальной розни, а вот давать ей отпор нельзя. Опять русским поровят связать руки, заткнуть рты и выставить их на всеобщее оплевание.

Нет никакой русофобии? Да зачем далеко ходить за примерами: накануне вышеупомянутой передачи, 5 августа 1989 года, «Советская Россия» опубликовала перевод, выполненный, к сожалению, крайне плохо, статьи народного депутата СССР, эстонского профессора Тийта Маде, помещенный в шведской газете «Свенска дагбладет». Статья эта называется «Великорусский национализм», но как назвать чувство, которым пронизана она сама? Употребить здесь термин «русофобия», чем-то напоминающий клинический диагноз, пожалуй, будет маловато, поскольку эстонский про-

фессор пышет такой зоологической ненавистью к русским, что его рассуждения об «интеллигентности» столь же неуместны в его статье, как пишущая машинка в пещере троглодита.

Вдохновил профессора Маде на ратные подвиги на поприще русофобии роман его соплеменника Арво Валтона, напечатанный в эстонском журнале «Радуга», 1989, № 5, прочитав который Т. Маде тотчас же возжаждал «высказать... несколько точек зрения, которые совпадают с точкой зрения А. Валтона», хотя и знал, что русские возмущены этим романом. Только Маде зря полагает, будто они возмущены тем, что «кто-то смог... глубоко проникнуть в их народную душу». На действительно глубокое проникновение никто никогда не обидится, а вот попытки плюнуть в душу нашему народу всегда будут вызывать такую естественную реакцию, какую я никому не советовал бы вызывать, никаким мазохизмом мы не страдаем, уж будьте уверены. И добро бы еще плевали хоть с высоты своего интеллектуального уровня, но уровень исторических познаний эстонского профессора оказывается настолько ужасающе низким, что диву даешься: что же это за профессор такой?

Вот злобный и карикатурный «образ врага» кисти Тийта Маде:

«Русские столетиями жили под монгольским или татарским игом, и поэтому русские до сих пор в этническом плане смешанная нация. Редко можно найти приятного, дружелюбного и добродушного русского. Их почти нет. Татары и монголы вторглись в свое время в русские деревни, истребляли и захватывали в плен мужское население, насиловали русских женщин. Поэтому сегодня русский народ так смешан с теми людьми, которые когда-то насиловали русских женщин. Отсюда эта агрессивность, необходимость показать силу и выдавание чужих успехов за свои».

Вывод: истинных русских уже нет. Этот вывод до глубины души возмутил народного депутата А. П. Яненко, ректора Новосибирского инженерно-строительного института, но у него, к сожалению, тоже нет «достаточных исторических знаний», чтобы поставить на место зарвавшегося эстонского профессора.

Мнение Т. Маде о русских не блещет ни новизной, ни оригинальностью. В Европе бытует поговорка: «Поскребите русского — и вы обнаружите татарина». Поговорка эта от частого повторения настолько въелась, что в ее истинность стали верить даже некоторые русские, особенно из

интеллектуалов, страдающих комплексом неполноценности перед Европой.

Только не будем слушать сплетни евроейских и европенизированных обывателей, послушаем лучше мнение специалистов.

«Русские в настоящее время оказываются более или менее гомогенным в антропологическом отношении народом, генетически связанным с северо-западным славянским населением и впитавшим в себя черты местного финно-угорского субстрата», — так пишет Т. А. Алексеева в своей работе «Этногенез восточных славян по данным антропологии» (М., изд. МГУ, 1973. С. 273), подчеркивая, как видим, однородность русского народа, а отнюдь не его смешанность. О «гомогенности русского населения» пишет и наш крупнейший антрополог В. П. Алексеев в книге «Происхождение народов Восточной Европы (М., 1969. С. 173), особо выделяя то обстоятельство, что «современные краниологические серии восточнославянских народов... больше сближаются с западно- и южнославянскими группами, чем с восточными славянами. Больше всего это сходство характерно для русских. Они даже... сближаются с германцами» (Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969. С. 207). Отличие современных русских серий по ряду признаков от средневекового населения В. П. Алексеев объясняет «контактом с дославянским, преимущественно, по-видимому, финноязычным населением», но тут же оговаривает: «Финский субстрат... нельзя считать основным компонентом в сложении русской народности — на протяжении II тысячелетия он почти полностью растворился», в результате чего «современные русские сближаются скорее с... гипотетическим прототипом, который был характерен для предков восточнославянских народов до столкновения с финским субстратом» (Алексеев В. П. Цит. соч. С. 199, 202, 203). Если где и отмечается у русских небольшая монголоидная примесь, то в архангельской, олонекской, вологодской, витебской и смоленской сериях (Алексеев В. П. Цит. соч. С. 173), — как видим, перечислен ряд мест, до которых никакие татары не доходили, речь идет о примеси гораздо более древней, в силу которой и на территории Эстонии имеет место «небольшое, но все же ощутимое влияние монголоидного элемента» (Алексеев В. П. Цит. соч. С. 68).

Получается, что если и есть у русских какая примесь, то финская, а не «татарская». Известный историк-русофоб М. Н. Покровский утверждал даже, что в жилах «так назы-

ваемого великорусского народа» течет восемьдесят процентов финской крови. Точные антропологические данные свидетельствуют о том, что этот любимец Ленина хватил через край, но, если мы возьмем на вооружение метод Т. Маде и начнем списывать наши пороки на «примесь», то они окажутся финского, а не монгольского происхождения, и тогда в сколько большей степени они должны быть характерны для чистых финнов, какими являются эстонцы?

Да и откуда ей было взяться у нас, этой пресловутой монгольской примеси? Это ведь только Т. Маде по невежеству воображает, будто во времена «татаро-монгольского ига» вся территория России была оккупирована и что хан Кучум в XVI веке владел всей Сибирью. Монголы в XIII веке прошли по Руси как смерч, но сколько же их было? Этот вопрос рассматривает В. Чивилихин в романе-эссе с напугавшим теперь весь мир названием «Память» (Роман-газета. 1982. № 16. С. 61—63). Он ставит под сомнение цифру 300 000, названную С. М. Соловьевым, противопоставляя ей другую — 25 000, которую указывал известный ориенталист Н. И. Веселовский, исходя из того, что «на курултае в Монголии в 1229 году было решено послать тридцатитысячную армию для завоевания страны к северу от Каспийского и Черного морей». Чивилихин допускает, что эта армия по дороге могла обрести союзниками и достичь 150—200 тысяч, но все равно этой массы было недостаточно для того, чтобы необратимо изменить антропологический тип русского народа.

Заклеймив русских за выдуманные им же самим особенности их психического склада и за расовую нечистоту, Т. Маде переходит к делам сегодняшним. Его почему-то возмущает, что на Съезде народных депутатов Казахстана были представлены 40 казахами и 27 русскими. Должен признаться, мне это тоже кажется несправедливым, но если для Маде 27 русских в этом случае слишком много, то для меня — слишком мало. Вот если бы на 42 русских приходилось 32 казах, то такое соотношение более точно отражало бы нынешний этнический состав Казахской ССР. И уже совсем странными выглядят сетования Т. Маде на то, что в делегациях, которые «представляли такие народности, как карелы, буряты и т. д., преобладали русские». К сожалению, у нас практикуется представительство не от «народностей», а от территорий, а территориально-административные границы давно уже не совпадают с этническими, и если в Бурятской АССР буряты составляют всего 22 процента, а карелы в Карельской АССР — лишь 11,8 процента, то

кто же, спрашивается, должен представлять эти территории?

Т. Маде жалуется, что даже с интеллигентных русских, как только речь заходит о выходе Эстонии из советской империи, «интеллигентность и взаимопонимание как ветром сдуваются». Я не знаю, с какими русскими он разговаривал, может быть, с Яровым или с Коганом, но у меня лично, хотя я и русский, при разговоре об отделении Эстонии почему-то не возникает мысль, что у меня отнимают лакомый кусок и я не буду задавать эстонцам идиотского вопроса, зачем они этого хотят, — ну хотят, и пусть отделяются: это их дело, а не мое, иначе все разговоры о праве наций на самоопределение — пустая болтовня и демагогия. Только я на месте Т. Маде не решал бы с такой легкостью проблему 300—400 тысяч русских, ныне живущих в Эстонии, и не ставил бы нам в пример Гитлера, отозвавшего в 1939 году в Германию эстонских немцев. Гитлер хитрил, он знал, что потом все равно заберет всю Прибалтику, да и не хотел, чтобы свои оказались в зоне военных действий.

Представляет ли себе Т. Маде, каково людям сниматься с насиженных мест? А он уже и место им подобрал: пускай, дескать, едут в деревни. Этаким эстонский Пол Пот выискался! А если люди никогда не работали в сельском хозяйстве и не приспособлены к этому труду или вообще нетрудоспособны — их куда девать? Оставить их на месте, но с «совещательным голосом»? Этот план уже вызвал забастовки в Эстонии, и даже комментатор шведской газеты «Дагенс нюхетер» Харри Шайн и тот вчуже возмутился такой дискриминацией. А не задумывался ли Т. Маде над такой возможностью, что при отделении Эстонии от СССР на компактно заселенном русскими северо-востоке Эстонии образуется нечто вроде местного Ольстера, который в свою очередь отделится от Эстонии?

Тийт Маде подвизается в Таллинне в Институте усовершенствования учителей. Я представляю себе, как он их «совершенствует» и чему они потом будут учить детей.

А. И. Солженицын писал в «Одном дне Ивана Денисовича», что среди эстонцев плохих людей не встречал. Приходится констатировать, что Александру Исаевичу просто повезло: ему не встретились ни Т. Маде, ни А. Валтон, ни Наста Пино.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Необыкновенные приключения

Тригорий Кошечкин. Ночное происшествие	4
Сергей Дышев. А сыновья уходят в бой. <i>Афганские приключения</i>	36
Виктор Колесов. Ждать и надеяться. <i>Приключенческая повесть</i>	120

Ратная летопись России

Андрей Серба. Убийцы для императора. <i>Приключенческая повесть</i>	236
Александр Александров. Стихи	321
Юрий Лубченков. «За службу и храбрость».	327

«Иду на Вы»

Владимир Зарубин. О народной мудрости и одиннадцатой заповеди	360
Тамара Казьмина. Стихи	378
Анатолий Иванов-Скуратов. Учитель ненависти	382

ВОЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

**Второй сборник, подготовленный военно-патриотическим
литературным объединением «Отечество»
(Москва, 123308, ул. Зорге, 1)**

Редактор *Н. Т. Стариков*
Художник *В. Н. Рыжов*
Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*
Технический редактор *Н. Я. Богданова*
Корректор *В. В. Квятковская*

ИБ № 4074

Сдано в набор 26.09.89. Подписано в печать 11.06.90. Г-26128.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарн. обычн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 12. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,27.
Уч.-изд. л. 26,63. Тираж 100 000 экз. (1 завод с 1—50 000). Изд. № 15/5526.
Зак. 780. Цена 3 р.+50 к. (Детский фонд)

Воениздат, 103 160, Москва, К-160.
Набрано в 1-й типографии Воениздата.
103 006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

Отпечатано во 2-й типографии Воениздата.
191 065, Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., дом 10.

